

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
ДОНЕЦКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ

ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ВЫСШЕГО
ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ГОРЛОВСКИЙ ИНСТИТУТ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ»

ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКАЯ ФИЛОЛОГИЯ

East Slavic Philology

Сборник научных трудов
Языкознание
Выпуск 7(33)

Горловка
2018

УДК 81+801+882+82
ББК Ш81.0+82.0
В76

Редакционная коллегия:

д. филол. н., проф. С. А. Кочетова (гл. редактор), д. филол. н., доц. И. В. Александрова, д. филол. н., проф. Л. М. Борисова, к. филол. н., доц. С. В. Бревнова, д. филол. н., проф. А. А. Ворожбитова, д. филол. н., проф. И. А. Герасименко, д. филол. н., проф. Л. В. Дербенёва, д. филол. н., проф. И. И. Дяговец, д. филол. н., доц. Н. П. Иванова, д. филол. н., проф. В. М. Калинин, д. филол. н., проф. А. А. Кораблёв, д. филол. н., доц. С. О. Курьянов, д. филол. н., проф. Л. Н. Синельникова, д. филол. н., проф. В. И. Теркулов, д. филол. н., проф. В. В. Фёдоров, к. филол. н., доц. С. П. Волосевич, к. филол. н., доц. Н. А. Жихарева, к. филол. н., доц. В. В. Фефелова, к. филол. н., доц. Н. В. Волкова, к. филол. н. Ю. Л. Дмитриева (выпускающий редактор)

*Рекомендовано к изданию на заседании Учёного совета
ОО ВПО «Горловский институт иностранных языков»
(протокол № 5 от 26.12.2018)*

Учредитель: Образовательная организация высшего профессионального образования «Горловский институт иностранных языков» Министерства образования и науки Донецкой Народной Республики.

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ДНР ААА № 000059 от 28.10.2016.

Сборник внесён в рекомендованный ВАК Минобрнауки ДНР перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёной степени кандидата наук, на соискание учёной степени доктора наук (Приказ № 1134 Минобрнауки ДНР от 01.11.2016).

Основан в 2002 году.

Периодичность: 4 раза в год.

Включён в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ): лицензионный договор № 231-04/2016 от 19.04.2016.

Восточнославянская филология : сб. науч. тр. / ОО ВПО
В76 «Горловский ин-т иностр. языков» ; Редкол. : С. А. Кочетова и
др. – Вып. 7(33). Языкознание. – Горловка : Изд-во ОО ВПО
«ГИИЯ», 2018. – 344 с.
ISSN 1992-9196

Сборник посвящён исследованию актуальных проблем отечественной и зарубежной филологии.

Для научных работников, специалистов-филологов, докторантов, аспирантов, магистрантов, студентов-филологов, преподавателей языка и литературы образовательных организаций высшего и среднего профессионального образования, учителей филологических дисциплин в школе.

**УДК 81+801+882+82
ББК Ш81.0+82.0**

ISSN 1992-9196

© Оформление. Изд-во ОО ВПО «ГИИЯ», 2018

УДК 81'367

**СЕМАНТИЧЕСКАЯ ТИПОЛОГИЯ ИНФИНИТИВА
КАК ВВОДНОГО КОМПОНЕНТА ПРЕДЛОЖЕНИЯ
(НА МАТЕРИАЛЕ СЛАВЯНСКИХ, ГЕРМАНСКИХ
И РОМАНСКИХ ЯЗЫКОВ)**

Категория инфинитива со специфическим набором признаков, с её «загадочностью» (по замечанию А. М. Пешковского) является точкой приложения усилий лингвистов различных школ и направлений. Семантика инфинитива, в том числе как компонента вводных конструкций, также относится к числу рассматриваемых проблем (см. работы Ю. Д. Апресяна, Л. Теньера, И. М. Кобозевой, Анны А. Зализняк, Н. А. Луценко и др.). Однако типологический аспект, основанный на изучении инфинитива в славянских, германских и романских языках, недостаточно исследован. Цель статьи – рассмотреть типологические черты инфинитива как компонента вводных конструкций (далее – ВК) в художественных текстах русского, украинского, польского, английского и французского языков.

Инфинитивные вводные слова (ВС), вводные словосочетания (ВСС) и предложения (ВП) в качестве составляющих вводного компонента (ВК) предложения семантически многообразны. С помощью инфинитивных ВС и ВСС (ВП) коммуникант указывает на степень достоверности сообщения; даёт эмоциональную оценку излагаемого в предложении факта; может высказывать замечания о стиле высказывания; устанавливает отношение данного сообщения к другим высказываниям. Ввиду семантического многообразия инфинитивные ВС и ВСС (ВП) можно разделить на следующие типы: инфинитивные парантезы, I) содержащие рассудочную, логическую оценку степени достоверности сообщения, т.е. *рассудочный* тип; II) выражающие эмоциональную оценку того, о чем говорится в предложении, т.е. *эмотивный* тип; III) характеризующие отношение к способам выражения мысли, к стилю высказывания, т.е. *оценочный* тип; IV) указывающие на экспрессивный характер высказывания, т.е. *экспрессивный* тип; V) устанавливающие отношение между частями высказываниями, соединения или пояснения части высказывания, т.е. *соединяюще-поясняющий* семантический тип. Рассмотрим эти типы более предметно.

Инфинитивные парантезы первого (I) семантического типа (*рассудочного*) обозначают логическую оценку сообщения. Но

тот или иной факт представляется либо как а) предполагаемый, возможный, либо как б) реальный и вполне достоверный. В этой связи, рассудочный тип имеет два подтипа: I а) *рассудочно-возможный*; I б) *рассудочно-реальный*.

Относительно I а) предложение может быть как с оттенком сомнения, так и с оттенком уверенности. В связи с этим все рассудочно-возможные инфинитивные ВС, ВСС (ВП), т.е. те, которые обозначают факт как предполагаемый, возможный (I а), делятся на две подгруппы. В первом случае инфинитивные парантезы (I а) употребляются при высказывании предположения о возможности, вероятности, допустимости чего-либо, но с оттенком сомнения, неуверенности. К речениям «сомнительной возможности» относятся: русск. *[а] может быть / быть может* (укр. *може бути*, польск. *może być / być może*); *может стать / стать может* (устар.) (укр. *може статися*, польск. *może się zdarzyć*); *[как] можно думать / полагать* (польск. *[jak] można przypuszczać*). Некоторые из них отражены в следующих примерах: русск. *Я, может быть, в город перееду*, – сказал Обломов (И. Гончаров); польск. *Być może, tej blahoście naród niemiecki zawdzięcza swoje ocalenie* (J. Putrament).

Во втором случае инфинитивные парантезы (I а) употребляются при утвердительно высказываемом предложении и передают большую или меньшую степень уверенности в правильности, достоверности того, о чем говорится, что утверждается. К речениям «утвердительной возможности» относятся следующие инфинитивные ВС: русск. *видать* (укр. *видати*, польск. *widać*); *знать* (укр. *знати*, польск. *znać; snadz*); *ведать*; *слыхать*; укр. *чути*; *подумати*; *подивитись*; *надіятися*; польск. *musić* (устар.) и ВСС (ВП): русск. *как [и] следовало ожидать* (укр. *як і слід / треба було сподіватися / чекати*; польск. *[jak] należy przypuszczać*); *[как] [и] надо думать* (укр. *треба гадати*, польск. *należy sądzić*; англ. *it is to be thought*); *[как] можно думать/полагать* (польск. *[jak] może przypuszczać*); *должно быть* (укр. *мусить бути*); польск. *musi być* (устар.); *должно полагать*; *должно стать*; *[как] [и] надо полагать* (польск. *[jak] trzeba przypuszczać*; англ. *it is to be supposed*); *надо быть*; *как знать* (франц. *c'est à savoir*); укр. *по всьому видати*; *як поглянути*; польск. *jak widać* ‘как видно’. Например: русск. *Видит девица, что тут люди добрые живут; знать, не будет ей обидно* (А. Пушкин); *Видать, еще не один начальник избавлялся от Рукатова, «выдвигая» его то на учебу, то еще куда-нибудь* (И. Стаднюк); *Должно быть, моему ямицику стало стыдно* (Л. Толстой); укр. *Ти, парубче, видати, рідкісної породи* (Ю. Збанацкий); *Зустрів він раз на одних зборах дівчину, по всьому видать, не просту* (И. Цюпа); польск. *Absurdalne*

poczucie winy widać ja także naszło (J. Putrament); **Znać**, chciał wyrnania (J. Kraszewski); **Musi być** tym samym sposobem przechodzą z jednej łożdki na drugą (E. Szyrmer).

Ко второму подтипу (I б) относятся рассудочно-реальные ВСС (ВП) с инфинитивом, обозначающие факт, который представляется как реальный и вполне достоверный. К этому подтипу принадлежат такие ВСС (ВП) с инфинитивом, как: польск. *ta się rozumieć* ‘понятное дело’, русск. *[само собою] разумеется* (англ. *needless/strange to say; to be sure; to be quite plain*; франц. *cela va sans dire*). Например: англ. *Needless to say, he did not get the Prize or even any honourable mention* (R. Aldington); *And Mr. Pennyfeather too, to be sure!* (E. Waugh).

В русском и украинском языках инфинитивные парантезы со значением уверенности (I б) не выявлены. Этот семантический тип образуют такие неинфинитивные предложения, как русск. *конечно* (укр. *звичайно*); *[само собою] разумеется* (укр. *розуміється*); *безусловно* (укр. *безумовно*); *действительно* (укр. *дійсно*) и подобные.

Второй (II) семантический тип (*эмотивный*) составляют инфинитивные ВС, ВСС (ВП), обозначающие эмоциональную оценку того, о чем говорится в предложении. К ним относятся: русск. *легко сказать* (укр. *легко сказати*, польск. *łatwo powiedzieć*, англ. *it is easy to say*; франц. *c'est facile à dire*); *трудно поверить*; *нечего [и] думать, нечего сказать* (укр. *нічого [ї] казати / сказати, -ть*, польск. *szkoda gadać, nie ma co gadać, co tu dużo gadać*); *шутка [ли] сказать; нечего говорить* (укр. *нічого мовити, нічого [ї] говорити*, польск. *szkoda mówić*); укр. *нема що / чого й казати* (польск. *nie ma o czym / co mówić*); *нечего делать / делать [было] нечего* (разг.); (укр. *нічого робити*; англ. *there is nothing to be done*); русск. *что [и] говорить* (укр. *що / чого й казати*, польск. *co tu [dużo] mówić*); *грех сказать* (укр. *grіx [слово (слова)] сказати*, англ. *it would be [un] just to say*) *нечего / чего [и] греха таить; что [и] греха таить* (укр. *нічого гріха таїти крити, ніде гріха діти, ніде правди діти / сховати* (разг.), польск. *nie ma co ukrywać*, англ. *to must be confessed / owned*); *недалеко ходить*.

Парантезы этого (II) типа выражают различные чувства говорящего: радость, огорчение, сожаление, удивление, негодование. Так, предложение *легко сказать* (укр. *легко сказати*; польск. *łatwo powiedzieć*) употребляется для выражения по поводу того, что представляется сложным, трудным; *нечего сказать, нечего говорить* (укр. *нічого [ї] казати / сказати, -ть, нічого мовити, нічого й говорити*, польск. *szkoda gadać; nie ma co gadać, co tu dużo gadać, szkoda mówić*) выражают либо

согласие, подтверждение чего-либо, либо возмущение с оттенком иронии. Речение *шутка [ли] сказать* содержит удивление по поводу значительности чего-либо. ВСС *делать нечего / нечего делать* употребляется в значении ‘иного выхода нет, иначе поступить нельзя’; ‘приходится примириться с чем-то’. Это речение выражает согласие из-за невозможности сделать, решить по-другому. Инфинитивное ВП *что [и] говорить* (укр. *що/чого й казати*) используется в значении ‘вне всякого сомнения, совершенно определено, действительно’. Употребление некоторых из них иллюстрируют следующие примеры: русск. **Недалеко ходить**, *взять хоть меня и Тригорина* (А. Чехов); *Теперь, нечего делать*, *надо выпросить прощения* (И. Гончаров); *Я ее при жизни не любила, а, нечего сказать*, *с характером была девка* (И. Тургенев); укр. *А Сибір Іванович, ніде зріха діти, в подяку за допомогу перекидав дівчині то зайву верейку січки, то зайве відро жому* (С. Добровольский); польск. *Ale raz...kiedy tu sprzątałam, szuflada w tym biurku była trochę wysunięta, no i ... co tu gadać – baba babą zostanie, ciekawości nie przemoże, zajrzałem* (J. Szaniawski); *Dobre miał życie, co tu mówić* (Z. Nałkowska).

Третий (III) семантический тип (*оценочный*) составляют инфинитивные парантезы, характеризующие отношение к способам выражения мысли. Данные ВС, ВСС (ВП) содержат отношение говорящего к стилю высказывания, к выбору отдельного слова и выражения. То или иное сообщение нередко сопровождается стилистической отметкой говорящего лица, оценкой выбранной или принятой манеры речи. Говорящий как бы не решает признать свои слова адекватным отражением действительности или единственно возможной формой выражения передаваемой мысли. Поэтому он снабжает свои высказывания оговорками, стилистическими оценками или замечками. К инфинитивным ВС, ВСС (ВП) этого типа относятся следующие речения: русск. *сказать [тебе / вам]* (укр. *казати [б] / сказать [би]*); *доложить [вам]*; *[да] и то сказать* (укр. *[та / а] й / і то / те казати*); словом *сказать*; вообще *сказать* (ст.-русск. *всяко реци*); *короче сказать* (англ. *to cut / to make a long story short*; франц. *pour/c'est tout dire*); *осмелюсь сказать / доложить*; *заметить*; *добавить*; (англ. *I make bold to say*); *боюсь сказать / назвать* (польск. *boję się powiedzieć*, англ. *I cannot say for sure*); *позволю себе думать / сказать*; *с позволения сказать / доложить* (укр. *з дозволу казати*); *изволишь, -те видеть / знать*; *понимать*; *[а] можете представить себе*; *лучше сказать* (укр. *краще казати*, франц. *pour mieux dire*); *по-нашему сказать*; *просто / попросту*; *проще сказать* /ст.-русск. *спроста / просто реци* (укр. *попросту казати / казати*

просто / попросту, англ. *to put it bluntly*, франц. *autant dire [que]*; так сказать (укр. так [би] сказати / мовити, англ. *so to speak / to say*, франц. *pour ainsi dire*); точнее сказать (укр. точніше сказати, англ. *to be more precise*); правильное сказать; вернее сказать; можно сказать (укр. можна сказати; польск. *rzec [by] można* (книжн.), *można powiedzieć*); как [бы] [вам] сказать / выразиться (укр. як / як би [тобі / вам] сказати; польск. *jak [by] to powiedzieć; jak to się zwykło mówić*); как следовало бы [и] сказать / отметить; если можно так сказать / выразиться (укр. якщо можна так висловитися, польск. *jeśli tak można powiedzieć / wyrazić; jeżeli można użyć [tu] tego wyrazu; jeżeli można się tak wyrazić*); если выразиться поучтивее; если сказать помягче; благодарить бога (укр. хвалити бога / долю, богові (богу) дякувати); укр. дякувати випадкові; сказати в добрий час; щоб / коли не сказати більше / гіршого (польск. *by nie rzec niepawieś*); інак сказати (устар.); польск. *może powiedzieć* ‘могу сказать’. Некоторые инфинитивные парантезы, характеризующие отношение к способам выражения мысли, представлены в следующих примерах: русск. *Вы извините меня. Сударыня, если ... в таком, так сказать, дорожном неглиже* (И. Тургенев); *На лице Захара выразилась недоверчивость или, лучше сказать, покойная уверенность, что этого не бывает* (И. Гончаров); укр. *Не красувався б тут і явір цей високий. Сказати в добрий час, Такий рясний, хороший та широкий <...>* (И. Глебов); *Це кривда, що вас, невідячних лісокрадів, коли, даруйте, не сказати гіршого, стільки терпіє!* (М. Стельмах); польск. *Zaopatrzenie w żywność i sprzęt były, rzec można – wzorowe* (Wierchy); *Jedna z niewielu rzeszy, jeżeli można użyć tu tego wyrazu, którymi się y państwa Hipolitostwa nie chwalono, była starsza córeczka Ania* (A. Dąbrowska); франц. *Cette halte, plus prolongée que la cesure traditionnelle de l'hémistiche, détache le mot et le jette pour ainsi dire à la figure de l'auditeur...* (P. Vaillant-Couturier).

Четвертый (IV) семантический тип (экспрессивный) образуют инфинитивные ВС, ВСС (ВП), указывающие на экспрессивный характер высказывания. С помощью данных парантез говорящий в процессе речи подчеркивает экспрессию своего высказывания в целом или отдельных его частей. Такой инфинитивный тип показывает не отношение говорящего к стилю, способу выражения мысли, а характеризует тон, эмоциональную окрашенность речи говорящего. В этот тип входят такие инфинитивные речения: русск. *признаться* (укр. *признатись, -ся; зізнатися*); *должен признаться* (укр. *мушу признатися*, польск. *muszę wyznać / przyznać*, англ. *it must be confessed*); *надо признаться* (укр. *треба признатися*, польск.

trzeba przyznać; франц. *pour tout avouer*); надо к чести [его] сказать / честно сказать; надо / надобно [правду] сказать (укр. треба [правду] сказати, польск. *trzeba powiedzieć*); истинно надобно сказать / ст.-русск. истинно реци; признаться [вам] сказать; признаться [вам] откровенно / честно; по совести; по-чести; по правде (укр. *признатися по правді (по щирості, щиро, чесно)*, польск. *wyznać prawdę*; англ. *to be frank / candid, to say frankly; open [-ly]*; франц. *à parler franc*», «*pour [le] parler / dire franchement, à vous parler franchement*); без лести сказать; по правде сказать / сказать по правде (укр. *по [щирій] правді сказати / сказати по [щирій] правді*, франц. *à dire la vérité*); сказать / доложить по чести / по совести (укр. *сказати по совісті*); правду [истину] сказать / говорить / сказать правду (укр. *правду сказати (мовити; замовити) / сказати (мовити; замовити) [щиро] правду*, польск. *prawdę rzec / powiedzieć prawdę*; англ. *to say (to tell; to speak) [you] the truth / truth to tell (to say)*, франц. *à vrai dire / à [vous] dire vrai*); странно сказать; страшно сказать; стыдно сказать (укр. *сором / соромно сказати*; польск. *wsztyd powiedzieć*); тяжело сказать; смешно сказать (укр. *смішно сказати*, польск. *smiech powiedzieć*; ст.-русск. *смеху быти*); [надо] прямо сказать (укр. *прямо сказати*, польск. *powiedzieć wprost*); сказать между (меж) нами / между нами сказать; если говорить (сказать) правду / если правду сказать; польск. *jeśli mówić prawdę*); если хочешь знать; укр. *якщо говорити правду*; укр. *як / коли правду сказати* (франц. *pour dire la vérité*); англ. *to put it mildly/moderately, to say the least [of it]* ‘мягко говоря’; *to put crudely* ‘грубо говоря’; *to put it no higher* ‘мягко говоря’; *to be in doubt*; франц. *à proprement parler* ‘собственно говоря’; *à tout prendre* ‘в сущности говоря’. Некоторые из перечисленных речений проиллюстрированы в следующих примерах: русск. – *Вон, какая вышла логика! – шептал он. – Признаться, я не ожидал...* (И. Гончаров); **Правду сказать**, я бы сегодня не поехал в театр, если б уж был женат: шестой раз слышу эту пьесу (И. Гончаров); Ольга чутко прислушивалась, пыталась <...> чего ищет душа, а только просит и ищет чего-то, даже будто – **страшно сказать** – тоскует <...> (И. Гончаров); укр. *Пахне море, треба сказати, знаменито* (Ю. Яновский); *Та... їй – богу, сором сказати*, нема чим викупити з дрюкарні [друкарні] (Т. Шевченко); англ. **To tell you the truth**, I'm rather pleased with myself in there clothes (E. Waugh); франц. *Car, pour tout dire, il est parti depuis une semaine chez le cousin Rodalphe, son parrain* (H. Bazin).

И, наконец, пятый (V) семантический тип (соединяюще-подчеркивающий) образуют инфинитивные парантезы, указывающие

на отношение между частями высказывания. Данные ВСС (ВП) выражают отношение содержания какого-нибудь отрезка речи к общей последовательности мыслей в ходе высказывания. Их значения не вполне однородны. Инфинитивные ВСС (ВП) этого семантического типа служат для выделения, ограничения, уточнения, пояснения тех или иных частей предложения, для дополнительного замечания, для соединения отдельных частей предложения или напоминания о сказанном, для указания на порядок сообщений или на степень их значимости. Сюда относятся одно ВС (франц. *à savoir* ‘а именно’) и следующие ВСС (ВП): русск. *стало быть*; *кстати сказать*; *к слову сказать* (укр. *до слова мовити*); *к примеру сказать*; англ. *to be ginwith* ‘прежде всего’, *во-первых*; *to make matters worse* ‘в довершение всего’; *that is to say* ‘иначе говоря’. Некоторые речения пятого семантического типа представлены в таких примерах: русск. *Ведь мы тоже, стало быть, нужны, коли нас требовали* (Л. Толстой); – *Стало быть, свадьба-то после рождества будет? – прибавил Захар* (И. Гончаров); укр. *До слова мовити, як не прикро, але сучасні драматурги <...> ще не створили в своїх п'єсах образів <...>* (А. Бучма). Анализируемые ВСС (ВП) не вызываются самим этим сообщением. Они характеризуют субъективную манеру перехода от одной мысли к другой или присоединения одной мысли к другой.

Данные, полученные из текстов художественной литературы, показывают, что инфинитив как компонент ВСС (ВП) образует пять семантических типов, в четыре из которых входят и ВС-инфинитивы. Но из-за немногочисленности речений (15) значения инфинитивных ВС ограничены. Так, девять из пятнадцати инфинитивных ВС, т.е. 60%, имеют значение предположения и, в этой связи, включены нами в первый семантический тип. Остальные пять речений входят в другие три семантические группы, следовательно, представляют их фрагментарно. Напротив, ВСС (ВП) с инфинитивом отличаются многообразием речений (102) и содержат богатую гамму оттенков значений. В связи с этим инфинитивные ВСС (ВП) наполняют все представленные семантические типы.

Итак, в анализируемых славянских, германских и романских языках инфинитивные ВС представлены, по сравнению с инфинитивными ВСС и ВП, меньшим количеством единиц и ограниченным составом значений. Вместо инфинитивных ВС, часть которых в лексикографических источниках уже квалифицируется как устаревшая лексика, используются их семантические аналоги без инфинитива. Инфинитив как ВК теряет свою частотность. Данный вывод требует дальнейшего

изучения, что и станет предметом нашего последующего рассмотрения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Апресян Ю. Д. Конструкции типа «негде спать»: синтаксис, семантика, лексикография / Ю. Д. Апресян, Л. Л. Иомдин // Семиотика и информатика. – Вып. 29. – М., 1989. – С. 34–92.
2. Зализняк Анна А. Русская семантика в типологической перспективе / Анна А. Зализняк. – М. : Языки славянской культуры, 2013. – 640 с.
3. Кобозева И. М. Лингвистическая семантика : учеб. пособие / И. М. Кобозева. – М. : Эдиториал УРСС, 2000. – 352 с.
4. Луценко Н. А. Языковое развитие, ментальные парадигмы и история инфинитива / Н. А. Луценко // Синтактика. Семантика. Прагматика : межвуз. межд. сб. науч. тр. – Патры – Краснодар, 1996. – С. 15–25.
5. Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении / А. М. Пешковский. – 7-е изд. – М. : Учпедгиз, 1956. – 511 с.
6. Теньер Л. Основы структурного синтаксиса / Л. Теньер : пер. с франц. – М. : Прогресс, 1988. – 654 с.

АННОТАЦИЯ

Герасименко И. А. Семантическая типология инфинитива как вводного компонента предложения (на материале славянских, германских и романских языков)

Статья посвящена рассмотрению семантики инфинитива как вводного компонента предложения. Инфинитивные вводные слова, словосочетания и предложения проанализированы на материале славянских, германских и романских языков. На основе семантики выделены типы таких конструкций: рассудочный, эмотивный, оценочный, экспрессивный, соединяюще-поясняющий.

Ключевые слова: инфинитив, парантеза, семантический тип, рассудочный, эмотивный, оценочный, экспрессивный, соединяюще-поясняющий.

SUMMARY

Gerasymenko I. A. Semantic typology of the Infinitive as a parenthetic component of the sentence (on the material of the Slavonic, Germanic and Romanic languages)

The article presents an attempt to determine the semantics of the infinitive as a parenthetic component of the sentence. Infinitival parenthetic words, word-combinations and sentences are analyzed on the material of the Slavonic, Germanic and Romanic languages.

The following types of constructions are distinguished based on their semantics: sensible, emotive, evaluative, expressive, copulative-explanatory.

Key words: infinitive, parenthesis, semantic type, sensible, emotive, evaluative, expressive, copulative-explanatory.

*В. М. Калинин
(г. Донецк, ДНР)*

УДК 81'373.2(082)

QUO VADIS, ПОЭТОНИМОЛОГИЯ?

Объявленный по предложению ДОШ¹ и поддержанный филологическим факультетом Таврического университета «Год В. Н. Михайлова», календарно соответствующий 90-летию юбилею учёного, защитившего первую в СССР диссертацию, посвящённую исследованию собственных имён в русской художественной литературе XVIII – первой половины XIX века, завершился. Названную работу В. Н. Михайлова мы считаем первой “поэтонимологической”. Для ономастов ДОШ 2018 год был временем осмысления сделанного и критической оценки достижений, что способствовало выявлению “белых пятен” на карте русской и, шире, славянской поэтонимологии. Прделанная с научной щепетильностью, эта работа даёт право, с одной стороны, говорить об итогах, а с другой, возможно, о приблизительных в смысле точности, но всё-таки попытках поэтонимологической футурологии.

Нынешнюю поэтонимологию можно образно, с некоторой долей добродушной самоиронии, представить таким былинным персонажем у камня на развилке, точнее, быть может, на сложном перекрёстке. А на том камне все перспективы прописаны. И... куда ни пойдешь – всё, вроде бы, не то. И, однако же – всё ТО! И вернуться к осмыслению истоков, и осуществить “рекогносцировку ситуации”, сложившейся к сегодняшнему дню, и попытаться заняться прогнозированием – всё важно и нужно.

Тринадцать лет назад в Горловском пединституте иностранных языков был прочитан доклад «От литературной ономастики к поэтике онима», в котором, по сути, объявлялось о рождении

¹ ДОШ – Донецкая ономастическая школа. Сформировалась под руководством Е. С. Отина в конце 60-х годов XX века. Функционировала вначале на филологическом факультете Донецкого университета, а затем стала “распространяться”. В настоящее время некоторые члены школы живут и работают на Украине, в России и других странах ближнего и дальнего зарубежья. Одним из значительных центров школы является Горловский институт иностранных языков.

нового направления исследований ониими литературных произведений. Я призывал учёных, студентов и аспирантов «помнить о *“трёх П”*» (*поэтоним – поэтонимогенез – поэтонимосфера*) и назвал это “новой исследовательской парадигмой в литературной ономастике”. На протяжении трёх лет эта парадигма обретала всё более ясные черты, определялась в целях и задачах, теоретически обосновывалась в нескольких диссертационных исследованиях и занималась демаркацией границ. А десять лет назад, когда отмечалось восьмидесятилетие В. Н. Михайлова, здесь же в Горловке был прочитан очередной доклад, не просто демонстрировавший линию развития поэтики онима, а зафиксировавший её превращение уже в самостоятельное научное направление – поэтонимологию. В докладе, между прочим, отстаивалось право Имени на собственную науку. Один из аргументов звучал так: если до сих пор существует и плодотворно развивается возникшее ещё в античности научное направление, именуемое «Философия имени», то необходимость и неизбежность общефилологического подхода к проблематике собственного имени является достаточным основанием для формирования и развития «Филологии Имени» со всеми вытекающими отсюда последствиями. Через некоторое время я с радостью узнал, что аналогичное понимание существует в российской филологии. В 2007 году вышла в свет книга, посвященная памяти Владимира Николаевича Топорова. Книга называется «Имя собственное. Семантическая аура». Её привезла мне из Москвы в то время моя аспирантка Н. В. Мудрова. Впоследствии она защитила кандидатскую диссертацию, а позже опубликовала монографию «Поэтика онимной игры» [8]. Серия же, в которой с тех пор публикуются исследования, посвященные проприальной лексике, получила название «Имя / Именослов. “Филология имени”».

Десятилетие между первыми Михайловскими чтениями, прошедшими в виде двух конференций (в Горловке и Крыму), и «Годом Михайлова», несмотря на трагические события последних пяти лет, для развития ДОШ и поэтонимологии как одного из направлений исследований было всё-таки продуктивным. И *“три П”* забыты не были: опубликовано множество работ, посвящённых различным аспектам поэтонимологии, защищено несколько кандидатских диссертаций, представлено к защите докторское исследование, – и четвёртое *П* заняло подобающее ему место в исследовательской парадигме поэтонимологии. После не столь уж давнего опубликования (в двух частях) статьи «Знакомьтесь – поэтонимология» [4, 6], где я попытался в самых общих чертах представить созревшее, однако, надеюсь, уже сложившееся

именно как *целостность*, правда, преимущественно в недрах ДОШ, *междисциплинарное научное направление*, изучающее собственные имена в литературно-художественных текстах, возникла необходимость довести дело до конца и представить последнее из четырёх направлений поэтонимологических изысканий – поэтономиографию. О трёх других, для краткости называющихся одним из ключевых для направления терминов, «Поэтоним», «Поэтонимогенез» и «Поэтонимосфера», речь шла в тамбовской публикации. В ней я попытался представить молодую оноματοлогическую научную дисциплину, взвалившую на свои плечи ответственность за исследование поэтики собственных имён в художественном произведении. При этом акцент делался на принципиальной новизне целого ряда теоретических постулатов, позиционирующих поэтономиологию не только как преемницу литературной ономастики и поэтики онима, но и как новый этап в ее развитии.

В этих, и ещё нескольких других публикациях поэтономиология в “инструментальном” отношении трактовалась и представлялась как специфический способ проникновения не только в поэтику, но и в семантическую ауру поэтонимов, формирующуюся в процессе их функционирования в художественном тексте, в свойства и возможности собственных имен в порождении литературно-художественного целого произведения. Фактически в каждой работе подчёркивалась необходимость снова и снова возвращаться к “расшифровке” термина *поэтоним*, под которым следует понимать имя в литературно-художественной речи, которое выполняет, кроме обязательной номинативной, непременно ещё и характеризующую, идеологическую и стилистическую функции, вторичное по отношению к реальной онимии, со свойственной ему подвижной семантикой. Вторичность по отношению к реальной онимии, в первую очередь, предопределена представлением о художественном произведении как о вторичной моделирующей системе. Этот фактор подчёркивает принципиальность одного из ключевых утверждений поэтонимологической теории ДОШ: всякое собственное имя в литературно-художественном произведении есть знак «фиктивного» (в смысле: сотворенного воображением писателя) существования означенного им объекта. Формировавшееся на протяжении фактически двух десятилетий представление о специфике значения поэтонима, к сожалению, остаётся одним из “болевых” моментов всей теории поэтонима, а значит, нуждается в дальнейшем её развитии в этой зоне. Осмысляя соотношение поэтонимов с соответствующими референтами, поэтонимологи ДОШ утверждают, что в «семантическом треугольнике» поэтонима вместо референта

(денотата) в общепринятом смысле присутствует виртуальный референт (денотат). Кроме того, этот виртуальный денотат правильно приложим не к классу предметов, а к единичному предмету, выделенному по уникальному признаку из некоторого класса и поэтому гораздо более правомерно именование его именно референтом. Особого внимания заслуживает “открытие” поэтонимологами ДОШ нового подхода к изучению, описанию и интерпретации совокупности собственных имён художественного произведения, подхода, кардинально отличающегося от привычных способов и приёмов исследования “топонимастического”, “ономастического” или “онимного” пространства литературно-художественного текста. Наиболее полно и последовательно наработки ДОШ в этом направлении представлены в монографии М. В. Бувеской «Поэтонимосфера художественного текста» [1]. В ней доказывается целостность поэтонимосферы, предопределяющая важнейшее свойство каждого отдельного поэтонима: он пронизан “силовыми линиями” поэтонимосферы, испытывает ее влияние и сам воздействует на свойства совокупности поэтонимов.

Значительное место в изучении особенностей функционирования поэтонимов, в том числе в сопоставительном аспекте, занимали в работах поэтонимологов ДОШ специфические свойства имён, проявляющиеся в юмористических, иронических и сатирических контекстах, в языковой игре с использованием собственных имён. Не уходя далеко от “горловского контекста”, назову лишь монографию Н. В. Мудровой [8], в которой были представлены результаты исследования языковой игры как составляющей системы образности собственных имён в художественном произведении. На материале оригинальных произведений Н. С. Лескова и сказки Л. Кэрролла «Приключения Алисы в Стране Чудес» и их переводов Н. В. Мудрова предприняла успешную попытку выявить и описать комплекс лингвистических механизмов онимной игры, а также приёмы сохранения и передачи игровой составляющей семантики поэтонимов средствами иностранного языка.

Части “ознакомления”, относящиеся к поэтонимографии (четвёртое *П*), по техническим обстоятельствам пришлось напечатать в другом издании. Это особое направление лексикографии, формирующее теорию и совершенствующее практику составления словарей собственных имен художественных произведений, уже более 20 лет находится в зоне пристального внимания поэтонимологов ДОШ. Одной из первых в этом направлении была монография автора статьи [3]. Кроме этого о поэтонимографии было написано несколько

статей и на конференциях разного уровня прочитан ряд докладов. Наиболее же серьёзный вклад в развитие поэтонимографии в последние несколько лет внесла моя аспирантка К. С. Федотова. В конце 2016 года она опубликовала монографию «Собственное имя в поэзии Николая Гумилёва: Материалы к словарю онимной составляющей языка Н. Гумилёва собраны, классифицированы и описаны имена собственные разных разрядов, а также их производные. Словарные статьи снабжены энциклопедическими и лингвистическими комментариями. Словарь содержит 760 статей, проиллюстрированных более чем 1400 поэтическими контекстами. А совсем недавно линия разработки проблем поэтонимографии нашей школой завершилась выразительным “конечным знаком”: 4 ноября в специализированном совете Волгоградского социально-педагогического университета К. С. Федотова защитила диссертацию «Онимная лексика в языке писателя: поэтонимографический аспект (на материале творчества Н. С. Гумилёва)»¹.

Осознание специфики задач, как правило, подталкивает к поиску новых подходов к изучаемому материалу. Прорывом в этом направлении в области поэтонимологии было сформулированное как исследовательский принцип положение об обязательном учете свойств контекста, окружающего онимные единицы, воздействующего на них, и, что особенно важно, испытывающего ответные влияния. Это был второй шаг от литературной ономастики в сторону превращения её в поэтику онима и, далее, в поэтонимологию. Благодаря приложению этого принципа ко всем без исключения исследованиям онимии литературных произведений стало ясно, что поэтоним получает полноценную значимость не только в минимальном окружении и последовательно распространяющемся контексте художественного произведения, но в контексте, понимаемом, по А. Ф. Лосеву, как широчайший принцип. А это означает как принципиальную включенность художественного произведения в жизнь, так и наличие связей онимии произведения с реальными ономастическими системами. Именно в контексте поэтоним приобретает и может реализовать возможность передавать бесконечное количество значений, превратиться в имя, обладающее изобразительными возможностями символа и мифа. Это решительно разграничивает собственные имена

¹ Должен отметить, кстати, что, живя теперь далеко за пределами нашей родины, К. С. Федотова, кроме прочего, продолжает плодотворно работать как технический редактор части наших ономастических изданий и администрирует работу сайта ДОШ – azbuka.in.ua.

языка, остающиеся преимущественно идентифицирующими и индивидуализирующими знаками, и поэтонимы, которые в контексте художественного произведения превращаются в сущности принципиально иного рода.

Осмысленное теоретически всегда требует эмпирического. Совсем недавно в Горловке состоялась предзащита диссертации Т. А. Ерохиной «Поэтика собственных имён в творчестве М. А. Волошина». Если говорить о пафосе этой работы, то он может быть сформулирован как попытка принципиального включения поэтики онимов Максимилиана Волошина в Жизнь методом её исследования в последовательно расширяющихся контекстах, начиная с минимальных словосочетаний и заканчивая широчайшим контекстом культуры серебряного века с отчётливо проявившимися признаками постижения “культурных последствий” творческого преобразования онимии поэтом, т.е. с попыткой интертекстуальности как феномена семиосферы культуры.

Одна из последних публикаций, выполненных представителем “горловского отделения” ДОШ, – книга Н. В. Усовой [10], ныне подготавливающей к защите уже докторское исследование. Посвященная системному исследованию собственных имён монография является попыткой соединить лингвистическое рассмотрение языкового материала с культурологическим наблюдениями за функционированием изученных единиц. Особое внимание в ней уделяется вопросам звучания онимов. Материалом исследования послужили онимные единицы, значительную часть которых составляют поэтонимы стихотворных произведений на русском, немецком и английском языках.

Завершая “отчётную” часть сообщения, замечу, что ДОШ все эти годы продолжала исправно функционировать не только как группа исследователей, объединённая общими устремлениями (в том числе в области поэтонимологии), но и как коллектив организаторов. Издавались регулярные сборники научных работ, как целиком посвящённые проблемам ономастики («Логос ономастики»), так и включающие ономастические исследования в качестве основного материала («Восточноукраинский лингвистический сборник» и пришедший ему на смену «Восточноукраинский лингвистический сборник имени Е. С. Отина», «Филологические исследования»). Даже в наиболее “сложные” времена организовывались и проводились международные научные ономастические чтения [12, 13, 14, 15], не прекращала работу группа, связанная с осуществлением совместного с учёными Крыма проекта “Михайловские

чтения” [12]¹. В общем, даже самый беглый и поверхностный обзор показывает, куда и насколько далеко продвинулась поэтонимология в ДОШ за последнее десятилетие. Однако вопрос, сформулированный заголовком статьи, остался, и пришло время попытаться ответить на него, хоть это и не просто.

Надписи на камне, что на перекрёстке, нужно расшифровать и попытаться понять всё-таки. Что там о теории поэтонимологии? Самый первый указатель на нём вообще надо понимать как совет возвратиться.

Как ни парадоксально, но менее всего нам известны и понятны истоки поэтики онимов. Без в принципе необходимой обстоятельной мотивировки, прежде всего, укажу на сложный, но в то же время таящий тьму истин неисследованных путь в глубины веков, во время которого придётся ретроспективно, так сказать, “возвратно-отступательными” движениями изучать по сохранившимся самые что ни на есть отдалённые от нашего времени. И поскольку зарождение идей, составивших со временем основу приёмов использования собственных имён как средства поэтики, придётся тщательно изучить как факты существования высоко развитых теорий поэтики и риторики во времена античности, так и намного более древние факты ещё “эмбрионального” развития языка и мышления в доступных нам областях мифологии, фольклора, истории формирования этносов и культур. Положение о том, что в процессе трансформации древнейших мифов главным приобретением человечества стало оформление в коллективной ментальности представлений о природной связи между именем и предметом, в поэтонимологии является одним из краеугольных камней её теоретического фундамента. В. Н. Топоров отметил, что “мифы без имен практически не существуют <...>; ряд мифологий дошел до нас главным образом в виде отдельных имен или целых списков. <...> Между тем само понятие имени зыбко <...>, отсутствует ясная граница между именем собственным и <...> апеллятивом. В зависимости от мотивированности данного имени его собственной внутренней формой и роли обозначаемого им персонажа или предмета обнаруживается тенденция к апеллятивизации имени собственного <...> или, напротив, апеллятив стремится стать именем собственным, одновременно сакрализуясь и мифологизируясь” [9, с. 508]. В этой зоне, несмотря на определённые достижения культурной антропологии, этнографии и сравнительно-исторического языкознания,

¹ В список литературы включены лишь избранные материалы, кроме изданных типографским способом, доступные в настоящее время и в электронном виде на сайте ДОШ azbuka.in.ua.

огромное количество белых пятен и “целинных” пока областей, нуждающихся в рассмотрении под поэтонимологическим углом зрения.

“Вооружившись зрением узких ос” в бездонных глубинах “колодца времени”¹ поэтонимология, возвращаясь к заветному камню на перекрёстке, по-новому сможет рассмотреть и по-иному увидеть многовековой период становления литературы, формирования традиционных сюжетов и узуализации образов и символов, либо включающих собственные имена, либо состоящих только из них. В этом бесконечно многообразном материале исследователям-русистам важно будет выделить интернациональный слой, “вросший” в русскоязычную культуру и составляющий сегодня мощный пласт коннотативных онимов русского языка, время от времени возвращающихся в художественную литературу в виде отконнотонимных поэтонимов.

Среди направлений безусловно важных, нуждающихся в постоянном совершенствовании и развитии есть, разумеется, теоретическое. В нём несть числа вопросам пока не получившим должного решения. Среди них важнейшей проблемой как ближайшего, так и отдалённого будущего поэтонимологии вырисовывается семантика собственных имен в специфической области языка художественных произведений. Непосредственно к ней примыкает и является её продолжением задача поиска специфических черт поэтонима как функциональной единицы художественной речи. Развитие языка, проникновение во все зоны функционирования речи эстетического отношения к тексту, узуализация множества приёмов и способов фигуративного использования онимии выдвигает на повестку дня, превращает в задачу ближайшего будущего решение проблемы использования онимов в диффузном, занимающем промежуточное положение между мирами художественной и бытовой речи, слое речевых продуктов.

Ну, а в областях, связанных с конкретными исследованиями поэтонимии, пространство неизученного попросту безгранично. Но и в нём хотелось бы навести какой-то порядок, от анархического своеволия перейти к поиску и заполнению лакун в системно обследуемых зонах национальных литератур, литературных направлений, течений и т.д. Это, увы, не задача научного направления, а проблема организаторов науки. Избрав направление, нужно знать, что далее оно разветвляется, дробится и конкретизируется. Во всяком случае, поэтонимологам

¹ Использованы метафоры Осипа Мандельштама из почти одноимённого стихотворения и Томаса Манна из Пролога к тетралогии «Иосиф и его братья».

ГИИЯ хочется посоветовать обратить внимание на изучение литературной онимии преимущественно русскоязычных авторов, не исключая, разумеется, исследований иноязычных литератур, предполагающее развитие ономастического переводоведения и т.д. И во всех случаях в связи с лавинообразным ростом поэтонимологических исследований не следует забывать о необходимости поиска и выявления аналогов. Большую помощь в этом окажет библиографический указатель воронежского поэтонимолога Г. Ф. Ковалёва, электронная версия которого в ближайшее время будет выложена на сайте ДОШ azbuka.in.ua. Так же, как патентоведение не допускает представления заявок на открытия и изобретения без тщательного анализа уже запатентованного, последователи и сторонники ДОШ в области поэтонимологии просто обязаны ещё на этапе планирования научных разработок проводить тщательный научный поиск, выявлять уже существующие аналоги и доказывать новизну предлагаемых решений.

При таком подходе вовсе не исключено, что количество предложений на нашем камне на перекрёстке будет расти, окутываясь аурой привлекательности и неизведанности.

В добрый путь, господа!

ЛИТЕРАТУРА

1. Бувеская М. В. Поэтонимосфера художественного текста / М. В. Бувеская. – К.: Издательский дом Дмитрия Бурого, 2012. – 288 с.
2. Имя собственное в жизни и литературе: Материалы IX Международных Святогорских ономастических и IX Международных Михайловских литературно-ономастических чтений // Редколлегия: В. М. Калинин (отв. ред.) и др. – К.: Издательский дом Дмитрия Бурого, 2015. – 360 с.
3. Калинин В. М. Теория и практика лексикографии поэтонимов (на материале творчества А. С. Пушкина). – Донецк: Юго-Восток, 1999. – 247 с.
4. Калинин В. М. Знакомьтесь – поэтонимология // Вестник Тамбовского университета. Серия филологические науки и культурология. – Т. 2, № 4(8), 2016. – С. 18-27.
5. Калинин В. М. Несколько замечаний о «словарном деле» в связи с задачами писательской ономографии// Восточнославянская филология: сб. науч. тр. / ОО ВПО «Горловский ин-т иностр. языков»; Редкол.: С. А. Кочетова и др. – Вып. 3(29). Языкознание. – Горловка: Изд-во ОО ВПО «ГИИЯ», 2016. – С. 3-13.

6. Калинин В. М. Знакомьтесь – поэтонимология (продолжение) // Неофилология. Тамбовский гос. ун-т имени Г. Р. Державина. – Т. 3, № 1(9), 2017. – С. 10-17.
7. Калинин В. М. “Две большие разницы” или одна актуальная проблема теории и практики писательской ономографии // Русский язык в поликультурном мире. Материалы I Международного симпозиума (Ялта, 08-12 июня 2017 г.). – Симферополь, 2017. – С. 405-410.
8. Мудрова Н. В. Поэтика онимной игры: монография / Н. В. Мудрова. – К.: Издательский дом Дмитрия Бурого, 2012. – 144 с.
9. Топоров В. Н. Имена // Мифы народов мира. Энциклопедия в двух томах. – Второе издание. – М.: Советская энциклопедия, 1991. – Т. 1. – С. 508-510.
10. Усова Н. В. Имя собственное в синхронии и диахронии языка и культуры: монография / Н. В. Усова. – Донецк: ДонНУ, 2018. – 385 с. (Типологические, сопоставительные, диахронические исследования; Т. 16).
11. Федотова К. С. Собственное имя в поэзии Николая Гумилёва: Материалы к словарю языка писателя. – Иваново: ЛИСТОС, 2016. – 216 с.
12. XII Международные Крымские Михайловские литературно-ономастические чтения (19 сентября 2018 г.). Материалы конференции // Гл. ред. А. В. Петров; отв. ред. В. М. Калинин. – Симферополь, 2018. – 96 с.
13. In Nōminum Spatio : Материалы I Международных ономастических чтений им. Е. С. Отина (16–18 октября 2015 г.) [Электронный ресурс] / Редколлегия: В. М. Калинин (отв. ред.) и др. – Донецк: Издание Фонда «Азбука», 2016. – 266 с. – Режим доступа: <http://azbuka.in.ua/category/azbuka/periodika/innominumspatio/>
14. In Nōminum Spatio (В пространстве имен): Материалы II Международных ономастических чтений им. Е. С. Отина (22–23 октября 2016 г.) [Электронный ресурс] / Редколлегия: В. М. Калинин (отв. ред.) и др. – Донецк: Издание Фонда «Азбука», 2017. – 202 с. – Режим доступа: <http://azbuka.in.ua/category/azbuka/periodika/innominumspatio/>
15. In Nōminum Spatio (В пространстве имен): Материалы Международных ономастических чтений им. Е. С. Отина / [Электронный ресурс] Под. ред. В. М. Калинкина. – Вып. 3. – Донецк: Издание Фонда «Азбука», 2018. – 182 с. – Режим доступа: <http://azbuka.in.ua/category/azbuka/periodika/innominumspatio/>

АННОТАЦИЯ

Калинкин В. М. Quo vadis, поэтонимология?

Дана точка зрения на развитие поэтонимологии, отмеченной трудами представителей Донецкой ономастической школы и ученых, изучающих поэтику собственных имён с опорой на сходные или аналогичные методологические установки. Указаны результаты, нашедшие отражение в некоторых публикациях последнего десятилетия. Предпринята попытка определения ближайших перспектив развития научного направления.

Ключевые слова: поэтика онимов, поэтоним, поэтонимогенез, поэтонимография, поэтонимология, поэтонимосфера.

SUMMARY

Kalinkin V. M. Quo vadis, poetonymology?

A point of view is given on the development of poetonymology, marked in the works of representatives of the Donetsk Onomastic School and scholars studying the poetics of proper names based on similar methodological guidelines. The results which are reflected in some publications of the last decade are noted. An attempt to determine the immediate prospects for the development of a scientific field has been made.

Key words: onym poetics, poetonym, poetonymogenesis, poetonymography, poetonymology, poetonymosphere.

*Т. А. Сироткина
(г. Сургут, РФ)*

УДК 81.199

ЭТНОНИМЫ В ЖИЗНИ ТЕКСТОВ РЕГИОНАЛЬНОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПРОЗЫ¹

Жизнь любого текста складывается из двух основных этапов – написания и прочтения. На этапе написания автор закладывает в него тот набор смыслов, который будет необходимо понять будущему читателю. Поэтому для разных типов текстов этот набор будет различным. Писатель, создающий исторический художественный текст, просто обязан отразить в нем этнический компонент национальной картины мира, поскольку на любом этапе истории одной из важных проблем является проблема взаимоотношений народов, населяющих то или иное культурное пространство.

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (проект № 18-412-86002 «Образы Сибири в разных типах дискурса»).

Представляется, что наиболее репрезентативными в плане отражения этнической картины лексическими единицами являются этнонимы (названия народов) и образования от них. Поэтому в настоящей статье будет рассмотрено функционирование этнонимов в художественных текстах уральских и сибирских писателей А. Иванова, Н. Никонова, М. Плотникова, Ф. Решетникова, Е. Туровой, Е. Федорова, А. Чмыхало и сделан вывод о том, какую роль они играют в создании художественной картины мира, жизни текста на этапе его создания.

Одной из функций названий этносов в исторических романах является описание особенностей внешности героев. Именно внешние отличия прежде всего бросаются в глаза представителям других культур: «Заходили они в кибитки, где у чувалов над котлами хлопотали черноглазые *башкирки*: волосы у них иссиня-черные, заплетены в тонкие косы» [11, с. 98]; «У гостинного двора, что на высоком жилом подклете, два жилистых бухаретина в черных тюбетейках и длинных полосатых чапанах продавали парнишку лет десяти – не то монгола, не то калмыка» [13, с. 11].

Другой немаловажный компонент национальной идентичности – общность материальной культуры, представленная в многообразии ее традиционных составляющих. Многие предметы быта, описываемые в текстах исторических романов, имеют этническую маркировку, отражающую их принадлежность к культуре того или иного этноса: «Взор ее упал на кривой *башкирский нож*, который валялся у порога; она подобрала его и спрятала» [11, с. 89]; «Когда Атаях, почтительно склонив голову, вошел в юрту и поприветствовал хозяина, Ишей разглядел на нем стальной панцирь и *калмыцкий боевой шлем* с золотыми письменами, и слабое сердце старика сжалось от предчувствия большой беды» [13, с. 105]; «Всадник был в богатом *киргизском чапане*, в волчьем, крытом бархатом, малахае» [13, с. 264].

Следующий компонент национальной идентичности, отраженный в рассматриваемых текстах, – общность языка. Как известно, именно языковая принадлежность служит основанием для лексикографической дефиниции этнонимов, именно язык и общность исторического прошлого являются одними их основных составляющих этнической идентичности: « – Не гостевать мы сюда приехали, а по приказу воеводы Михайлы Скрыбина, – распаяясь, сквозь зубы произнес Якунко, понимающий *киргизскую речь*» [13, с. 48]; «Подлиповцы *говорят по-пермякски*. Плохо понимая наши слова, или хотя и выговаривают их, но в исковерканном виде. Выговор их походит на выговор крестьян Вятской и Вологодской губерний» [9, с. 96].

Еще один компонент – особенности вероисповедания. Являясь неотъемлемой частью духовной культуры этноса, религия позволяет отличить «своих» и «чужих», оценить поступки представителя определенного этноса через призму духовной идентичности: «А *пермские боги* похожи на половцев, что привязывали пленников к хвостам диких кобылиц» [3, с. 142]; «Подлиповцев не любят жители других деревень еще и за то, что подлиповцы своей *пермякской веры* держатся, слывут за ленивых, самых бедных, и их называют колдунами» [9, с. 32].

Территориальный компонент национальной идентичности репрезентируется в художественных текстах с помощью контекстов, в которых функционируют топонимы: «Для *вогула* широкая, многоводная *Обь* – почти единственная кормилица – саянь (мать); и он с такой же лаской величает ее в своих песнях и сказаниях, какой любит награждать *русский народ* родную *Волгу*» [8, с. 394]; «Дошли до места, где впадает в *Чусовую* крупнейший ее приток – река *Сылва*. *По-вогульски* – талая вода» [7, с. 15]; «А вот скала *Вогулинская гора* так и не доползла до берега, чтобы тоже стать бойцом, и застряла в лесу: торчала там над еловыми острями обиженной кучей» [4, с. 551].

Также данный компонент представлен в названиях территориальных групп того или иного этноса: «В первую военную осень ближайшие к районному центру *тромаганские ханты* привели три отборных оленя» [2, с. 244]; «Земляная смола – тяжелая, жирная, черная, какую добывают где-то у себя и продают *сылвенские остяки*» [3, с. 198]; «Можно бежать к вогулам на Конду или на Пелым, или к сургутским хантам, но там она, беглянка, станет такой же холопкой у какого-нибудь князя, как в Тобольске у Семульчи» [6, с. 265].

Исторический компонент национальной идентичности отражается в текстах художественной прозы чаще всего с помощью сочетаний с отэтнотопонимными прилагательными и топонимов: «Такой провал называют *чудской ямой*, говорят, не то чудь белоглазая ушла в землю, не то ихний бог Кудэ-водэж сам собой закопался» [10, с. 162]; «В октябре 1582 года под *Чувашским мысом* разразилась решающая битва» [5, с. 194].

Достаточно интересен для выявления в текстах обрядовый компонент этнической идентичности: «Лишь два вида *хантыйского шаманства* не видел я в его исполнении: с помощью ютта – заклинаний повторений определенных слов и с помощью резания оленьих сухожилий» [1, с. 186]; «– С удачей-здоровьем! – сказал Демьян обычный *хантыйский тост*» [2, с. 176].

Наконец, еще один компонент национальной идентичности – ономастический. Особенности именования представителей того

или иного этноса также отражены в рассматриваемых текстах: «А имя-то у этой ученой женщины очень похоже на *хантыйское* имя «Эви» – «девушка» [2, с. 38].

Таким образом, этнонимы в художественных текстах являются маркерами национальной идентичности, репрезентируя такие ее компоненты, как особенности внешнего вида, общность языка и культуры, территории, исторического прошлого, а также традиции именования. Данный вид языковых единиц помогает авторам произведений отразить оппозицию «свой – чужой», существующую в языковой картине любого этноса, а также выразить идею толерантного существования представителей разных культур на определенной многонациональной территории.

ЛИТЕРАТУРА

1. Айпин, Е.Д. Собрание сочинений: в 4 т. / Еремей Айпин. – СПб.: ЗАО «Торгово-издательский дом «Амфора», 2014а. Том 1. – 286 с.
2. Айпин, Е.Д. Собрание сочинений: в 4 т. / Еремей Айпин. – СПб.: ЗАО «Торгово-издательский дом «Амфора», 2014б. Том 2. – 284 с.
3. Иванов, А. Чердынь – княгиня гор / А. Иванов. – Пермь, 2003. – 348 с.
4. Иванов, А. Золото бунта. – М., 2005. – 542 с.
5. Иванов, А. Message: Чусовая / А. Иванов. – М., 2007. – 488 с.
6. Иванов, А.В. Тобол. Много званных: [роман-пеплум] / Алексей Иванов. – М.: Изд-во АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2017. – 702 с.
7. Никонов, Н. Ермак / Н. Никонов // Уральский следопыт. – 1973. – № 4. – С. 15 – 25.
8. Плотников, М. Рассказы // Эринтур (Поющее озеро): Альманах писателей Югры. Вып. 11. – Ханты-Мансийск, 2006. – 430 с.
9. Решетников, Ф.М. Подлиповцы / Ф.М. Решетников. – М., 1977. – 192 с.
10. Турова, Е. Кержаки. Проза / Е. Турова. – Пермь: ООО «Маматов», 2007. – 320 с.
11. Федоров, Е. Демидовы / Е. Федоров. – М.: Советский писатель, 1946. – 343 с.
12. Чагин, Г.Н. Этнос и культуры на стыке Европы и Азии / Г.Н. Чагин. – Пермь, 2002. – 384 с.
13. Чмыхало, А.И. Дикая кровь: роман / А.И. Чмыхало. – М.: Вече, 2009. – 448 с.

АННОТАЦИЯ

Сироткина Т. А. Этнонимы в жизни текстов региональной исторической прозы

В статье рассматривается функционирование названий народов в текстах произведений уральских и сибирских писателей и делается вывод о том, что этнонимы в художественных текстах являются маркерами национальной идентичности, репрезентируя такие ее компоненты, как особенности внешнего вида, общность языка и культуры, территории, исторического прошлого, а также традиции именования.

Ключевые слова: этнонимы, художественные тексты, Урал, Сибирь.

SUMMARY

Sirotkina T. A. Ethnonyms in the life of texts of regional historical prose

The article deals with the functioning of the names of peoples in the texts of the works of the Ural and Siberian writers and concludes that ethnonyms in art texts are markers of national identity, representing such components as appearance, community of language and culture, territory, historical past, and also the naming tradition.

Key words: ethnonyms, art texts, Ural, Siberia.

*А. В. Петров,
Е. В. Виноградова
(г. Симферополь, РФ)*

УДК 81'42:82–343.09

ПАРАДИГМЫ ОБРАЗОВ ЖАР-ПТИЦЫ В РУССКОЙ ПОЭЗИИ

Образ *жар-птицы*, известный из русского фольклора, часто встречается в произведениях разных авторов. К этому образу во все времена обращались русские писатели и поэты. Ранее нами были проведены исследования, посвящённые *жар-птице* в классической литературе [1] и анимации [2].

Помимо русских сказок и анимации, *жар-птица* является персонажем и многих стихотворных произведений. Основной материал для исследования был взят из поэтического подкорпуса «Национального корпуса русского языка». Период анализируемых стихотворных произведений – с 1847 по 1965 гг.

Обращаясь к образу *жар-птицы* и опираясь на его традиционно сложившиеся фольклорные особенности, каждый поэт

привносит и свои яркие описательные элементы, передающие и раскрывающие красоту *жар-птицы* во всей её многогранности. Для осмысления особенностей образа *жар-птицы* в русской поэзии были проанализированы парадигмы образов.

В лексикографической практике парадигма образов *жар-птицы* представлена в словаре Н. А. Кожевниковой и З. Ю. Петровой «Материалы к словарю метафор и сравнений русской литературы XIX–XX вв. Выпуск 1: “Птицы”» [3], а само понятие «парадигма образов» впервые введено и описано Н. В. Павлович в книге «Язык образов. Парадигмы образов в русском поэтическом языке» [6].

Словарь Н. А. Кожевниковой и З. Ю. Петровой строится по двум принципам – идеографическому и диахроническому. В нём представлены литературные контексты, в которых различные образы сравниваются с птицами, крыльями и перьями птиц, и контексты, где птицы сопоставляются с другими образами. В словаре отражены все виды птиц, встречающихся в литературных произведениях, нас же интересуют только контексты, в которых описана *жар-птица*. Фрагменты текстов, содержащие упоминание о *жар-птице*, её крыльях и перьях, представлены в I и в III частях анализируемого словаря.

В I части словаря лексема «птица» выступает в качестве образа сравнения, зафиксированы контексты о *жар-птице*, где предметом сравнения являются человек [3, с. 110], детство [3, с. 127], сердце [3, с. 141], сон [3, с. 153], любовь [3, с. 156], счастье [3, с. 159], звуки (языка) [3, с. 181], вечность [3, с. 190], город [3, с. 193], страна [3, с. 195], век [3, с. 200], молния [3, с. 204], заря, зори [3, с. 205], радуга, радуги [3, с. 206], закат, вечерняя заря [3, с. 207], солнце [3, с. 210–211], звезда, звёзды [3, с. 213], осень [3, с. 218], фейерверк [3, с. 219], пожар, пожары [3, с. 221], снег, снега, снежок [3, с. 240], наст [3, с. 241], корабли [3, с. 264], знамя, знамёна [3, с. 286].

В III части словаря «“Крылья”, “Перья” как образ сравнения» встречаются два контекста, связанные с крыльями *жар-птицы*, в которых лексема «крылья» выступает в качестве образа сравнения со сном [3, с. 391], с пожарами [3, с. 415], и два контекста, связанные с перьями *жар-птицы*, где предметом сравнения являются заря [3, с. 437] и звёзды [3, с. 438].

В рассматриваемом словаре Н. А. Кожевниковой и З. Ю. Петровой представлены только метафоры и сравнения, используемые для построения образов *жар-птицы*, но отсутствуют их комментарии.

В книге Н. В. Павлович показана систематизация парадигм различных образов, но нет конкретизации и описания языковых

средств создания образов.

Новизна статьи заключается в систематизации и конкретизации парадигм образов *жар-птицы* и в комментировании языковых средств, с помощью которых были созданы образы сказочной птицы в русской поэзии.

Поскольку образ в поэзии, как правило, входит в группу связанных с ним по смыслу образов, то каждая группа имеет инвариант – общий смысл для всех членов группы. Такой инвариант, по мнению Н. В. Павлович, называется парадигмой образов и состоит из двух смыслов, связанных отношением отождествления: левого элемента (того, что отождествляется с чем-то) и правого элемента (того, с чем происходит отождествление) [6, с. 17].

В произведениях поэтов и в сознании русского народа *жар-птица* стала олицетворением чуда, красоты, того необычного и прекрасного, к чему стремится сказочный герой. А поймать её означает обрести удачу. В сказках после того, как герою удаётся «схватить» *жар-птицу*, в его жизни незамедлительно начинают происходить перемены к лучшему. Поэтому *жар-птица* стала символом удачи, счастья.

В предлагаемой статье для осмысления и систематизации парадигм образов *жар-птицы* было выделено три раздела. В первом разделе лексема «жар-птица» выступает предметом сравнения, во втором – как образ сравнения. Спецификой третьего раздела является анализ контекстов, содержащих описание частей тела *жар-птицы*.

1 Лексема «жар-птица» как предмет сравнения

Парадигма «жар-птица – сказка» (золотая небылица, жилища сказок): *В гнездо судьбы влетит жар-птица, / Как золотая небылица, / И то, что нынче только снится, / На завтра встретится как явь* (И. А. Савин. «Я знаю – страшен хохот молний...» (1923)). Данная парадигма представлена метафорой «золотая небылица», что подчёркивает сказочность *жар-птицы*. *Пёстрых сказок пышная жилища, / Вся в огне, в сияньи изумрудном, / Над водой качается жар-птица* (А. А. Фет. «Фантазия» (1847)). Образ *жар-птицы* создаётся эпитетом «пышный» и неологизмом-субстантивом «жилища», а цвет сияния передаёт эпитет «изумрудный».

Парадигма «жар-птица – любовь» (чудная, песня): *То, что люди называли по наивности любовью, / То, чего они искали, мир не раз окрасив кровью, / Эту чудную Жар-птицу я в руках своих держу, / Как поймать её – я знаю, но другим не расскажу* (К. Д. Бальмонт. «Жар-птица» (1901)). Лексема «Жар-птица» употребляется автором с большой буквы, что свидетельствует

о важности описываемого образа в сюжете стихотворения, а эпитет «чудная» передаёт необычную природу *жар-птицы*. Рассматриваемый эпитет употребляется относительно сказочной птицы в другом контексте: *Почему же не летит / Чудная Жар-птица?* (М. И. Цветаева. «Жар-птица» (1918), что свидетельствует о восприятии русскими поэтами образа *жар-птицы* как чуда. *Скоро Жар-птица / В роуцу примчится / С песнею новой песня сама* (Вяч. Иванов. «Жар-птица» (1915). *Жар-птица* является воплощением вдохновения, которое передано метафорой «песня сама». *Ищу тебя, моя жар-птица, / Как некий новый Дон Жуан* (М. А. Кузьмин. «Возвращение Дэнди» (1913). *Жар-птица* предстаёт здесь прототипом любви, которую ищет лирический герой. Слова-сопроводители «некий новый» свидетельствуют об образности имени собственного и о сдвиге значения, указывающем, что лирический герой стихотворения имеет сходство с Дон Жуаном.

Парадигма образов «жар-птица – пламя» (полыхание, огней каскад, сияние): *За окном Жар-птица пролетит, вся в пламени...* (В. Я. Брюсов. «Сказка» (1912). Определительное местоимение «вся» в сочетании с предлогом «в» указывает на интенсивность сияния. *И жар-птица полыхала / в молодых его руках* (С. А. Обрадович. «Присказка» (1946). В словаре Д. Н. Ушакова глагол «полыхать» означает ‘гореть, выкидывая языки пламени, производя огненные вспышки’ [7]. **Жар-птицы – огней каскад, / гусли – игры раскат** (С. И. Кирсанов. «Золушка» (1934). «Каскад» – ‘перен. Стремительная смена каких-нибудь действий, явлений’ [5]. Словосочетание «огней каскад» показывает яркость и переливание света, исходящего от *жар-птицы*. *По вечерам, когда поёт Жар-птица / Сиянием весь воздух распая, / Когда душа от счастья томится...* (В. И. Дмитриева. «Ответ на сонет Н. Гумилёва» (1909). Деепричастие «распая» передаёт интенсивность сияния *жар-птицы*.

Вызывает интерес сравнение *жар-птицы* в русской поэзии с явлениями природы и с самой природой. Но в данном случае лексема «жар-птица» поменяла свой статус в парадигме: стала образом сравнения.

II Лексема «жар-птица» как образ сравнения

В стихотворениях многих авторов представлена **парадигма образов «осень – жар-птица»**: *То спадает сад, иль снится, / Что в саду живёт жар-птица, / Золотые гнёзда вьёт* (С. А. Клычков. «Жар-птица» (1912). В большинстве случаев поэты сравнивают осень с *жар-птицей* на основании цвета: жёлтые листья как золотое оперение сказочной птицы. В стихотворении С. А. Клычкова золотой цвет передаёт метафора

«золотые гнёзда»: *Она [осень], как зарница, летит перед нами, / Она [осень], как жар-птица поёт, / И хочется петь золотыми словами / Её златопёрый полёт* (Б. Кежун. «Опять наступила пора листопада...») (1962). В стихотворении представлено двойное сравнение. «Осень» сравнивается с «зарницей» и жар-птицей с помощью союзов «как»: «как жар-птица поёт». Глагол «петь» повторяется в этом отрывке стихотворения дважды в разных формах: «поёт» (осень) и «хочется петь» (лирическому герою). Осень сравнивается с жар-птицей на основании золотого цвета с помощью метафоры «золотыми словами» и метонимии «златопёрый полёт», означающей полёт птицы с золотыми перьями и представленной сложным словом «златопёрый», первым компонентом которого является старославянизм «злато». *Нет-нет да и вспомнится вдруг, затревожит, / Что осень, жар-птица, / вот-вот / улетит...* (Н. М. Рубцов. «Жар-птица» (1965). В стихотворении употребляется метонимия по смежности: движение жар-птицы переносится на осень. Жар-птица выступает в стихотворении в качестве эпитета-приложения.

Образ «золотого оперения» в произведениях многих поэтов используется в парадигме «солнце – жар-птица»: *Гляди! У солнца выпала ресница. / Жар-птица сызнова роняет перья* (С. В. Петров. «Фомина неделя» (1942)). Луч солнца сравнивается с выпавшей ресницей и с перьями жар-птицы, а солнце – с самой жар-птицей.

Выделена парадигма образов «восход солнца – жар-птица»: *К восходу повернул я свой челнок, – / Там крылья распахнёт сейчас жар-птица* (Вс. А. Рождественский. «Смотри, как розовеют облака...») (1965). Появление солнца над горизонтом сравнивается с распахивающей крылья жар-птицей и выражено метафорой: «крылья распахнёт».

Представлена также парадигма «закат солнца – жар-птица»: *Вечером майским, синим. / В небе жар-птица хвостом / Запуталась в серой тине* (В. Д. Александровский. «В закате» (1919). Последние лучи солнца, которые ещё видны на небе, автор сравнивает с хвостом жар-птицы, а метафорой «запуталась в серой тине» передаёт, что солнце ещё не до конца скрылось на горизонте и его лучи продолжают светить. Метафора «Бьётся отчаянно в небе / Жар-птица» отображает закат солнца, а заход солнца за горизонт передаётся метафорой «Роняет перья / Жар-птица в ночь...». Солнце сравнивается с жар-птицей, а растворяющиеся в ночи лучи солнца – с её перьями. Появление луны на небе и наступление ночи описывается метафорой «поспешно лижет [луна] жар-птицы след».

III Части тела жар-птицы в парадигме образов

Представлена парадигма «солнце (уголёк) – зрачок жар-птицы»: «И узкий багровеющий зрачок, / Как уголёк на пепле, разгорится» (Вс. А. Рождественский. «Смотри, как розовеют облака...» (1965). Солнечный диск во время восхода сравнивается со зрачком жар-птицы и передаётся метафорой «багровеющий зрачок», который сначала «узкий», а потом «как уголёк, на пепле разгорится».

Примечательна парадигма образов, характеризующих крылья жар-птицы: «крылья жар-птицы (проблестали) – огненный язык»: «Мелькнув, как огненный язык, / Жар-птичьи крылья проблестали...» (А. И. Тиняков. «Слава будням» (1914). В контексте глагол «проблестали» передаёт переливание крыльев жар-птицы.

Имеет свою парадигму образов и перо жар-птицы. «Перо жар-птицы – живое пламя» (перо огневое, перо павлина, подарок, золото, огонь): «...как пламя живое / на пыльном пороге моём / лежало перо огневое / с цветным удлинённым глазком... Ну что ж, и за этот подарок / спасибо, лесные друзья (Набоков. «Перо» (1921). В описании пера автор использует сравнение с союзом «как»: «как пламя живое», эпитет «огневое» и скрытое сравнение с пером павлина: «с цветным удлинённым глазком». Но и одному перу «обрадован» лирический герой как «подарку» судьбы: *На подвешенной нитке и вдаль, и вблизи / Золотые жар-птицыны перья зажглись* (С. И. Кирсанов. «Золушка» (1934). В рассматриваемом контексте перья жар-птицы описаны эпитетом «золотые» и метафорой свечения «перья зажглись». Поэт использует форму притяжательного прилагательного «жар-птицыны», а Г. Н. Петников в стихотворении «Моя весна с Асеевым» (1969) образует форму «жар-птичьи» (перья), с которыми сравниваются рассветы весны.

Необычная парадигма «снег – пух жар-птицы» выявлена в стихотворении Д. Н. Семеновского. «То не жар ли птица...» (1916): *То не жар ли птица / Нароняла пуха / На полях у нас?* Стихотворение начинается с риторического вопроса. Примечателен разрыв сложной лексемы «жар-птица» вопросительной частицей «ли»: «То не жар ли птица». Привычное сравнение образа жар-птицы с золотом, солнцем, огнём, тёплой цветовой гаммой в стихотворении Д. Н. Семеновского разрушается: жар-птица сравнивается со снегом, являющим собой холод и представляющим холодные оттенки цвета. В конце стихотворения автор утверждает: «То краса жар-птица / Нароняла пуха / Под окном у нас», подчёркивая эпитетом «краса» красоту сказочной птицы.

Таким образом, в стихотворениях русских поэтов встречаются парадигмы образов *жар-птицы*, её зрачка, крыльев и перьев. В ходе исследования были отмечены парадигмы, в которых лексема «жар-птица» и слова, называющие её части, являются предметом сравнения, а образами сравнения выступают следующие лексические единицы: *сказка, любовь, песня, пламя, солнце, огненный язык, живое пламя*.

В парадигмах, где лексема «жар-птица» находится в позиции образа сравнения, предметами сравнения являются *осень, солнце, восход солнца, закат солнца*. Как видно из сопоставления логической структуры сравнения, и образом, и предметом сравнения может быть только лексическая единица «солнце».

Лексемы, передающие части тела *жар-птицы*, выступают как предметом сравнения (крылья *жар-птицы* – огненный язык, перо *жар-птицы* – живое пламя), так и образом сравнения (солнце – зрачок *жар-птицы*, снег – пух *жар-птицы*). Поэтическая форма описания *жар-птицы* выражена различными языковыми средствами, передающими как традиционное построение этого сказочного образа, основанное на русском фольклоре и классических произведениях о *жар-птице*, так и новое видение поэтов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Виноградова Е. В. Образ жар-птицы в сказках русских писателей / Е. В. Виноградова // XII Крымские Международные Михайловские литературно-онوماстические чтения : материалы конференции // отв. ред. В. М. Калинин, А. В. Петров. – Симферополь, 2018. – С. 60–63.
2. Виноградова Е. В. Образ *жар-птицы* в анимационной постановке / Е. В. Виноградова // Молодая наука : сборник научных трудов научно-практической конференции для студентов и молодых учёных / научн. ред. Н. Г. Гончарова; редкол.: Г. А. Штофер, О. В. Красникова, Д. В. Шадуро. – Симферополь : ИТ «Ариал», 2018. – С. 272–273.
3. Кожевникова Н. А. Материалы к словарю метафор и сравнений русской литературы XIX–XX вв. Выпуск 1: «Птицы» / Н. А. Кожевникова, З. Ю. Петрова. – М. : Языки русской культуры, 2000. – 480 с.
4. Национальный корпус русского языка. Поэтический подкорпус [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.ruscorpora.ru> (Дата обращения 24.10.2018).
5. Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. – М.: Азъ, 1992. – 660 с.

6. Павлович Н. В. Язык образов. Парадигмы образов в русском поэтическом языке / Н. В. Павлович. – М.: Азбуковник, 2004. – 528 с.
7. Ушаков Д. Н. Толковый словарь русского языка : в 4 т. / Д. Н. Ушаков. – М.: АСТ, 2004. – 1280 с.

АННОТАЦИЯ

Петров А. В., Виноградова Е. В. Парадигмы образов *жар-птицы* в русской поэзии

В статье выстраиваются парадигмы образов *жар-птицы* в русской поэзии, выделены и прокомментированы языковые средства построения парадигм. Характеристика образов даётся через призму восприятия русских поэтов. Для одних авторов *жар-птица* являлась олицетворением красоты и счастья, другие – сравнивали её с солнцем и светом, благодаря способности её оперения создавать дневной свет в ночи. Образ *жар-птицы* всегда привлекал поэтов, что свидетельствует о его загадочности и колоритности.

Ключевые слова: образы *жар-птицы*, русская поэзия, основа образности, элементы парадигмы, парадигмы образов.

SUMMARY

Petrov A. V., Vinogradova E. V. Paradigms of the images of the *firebird* in Russian poetry

The article discusses the paradigms of images of the *firebird* in Russian poetry, highlights and comments language means of building paradigms. The characterization of the images is given through the prism of the perception of Russian poets. For some authors, the *firebird* was the personification of beauty and happiness, others compared it to the sun and light, thanks to the ability of its plumage to create daylight in the night. The image of the *firebird* has always attracted poets, which indicates its mysteriousness and colorfulness.

Key words: images of the *firebird*, Russian poetry, the basis of figurativeness, the elements of the paradigm, the paradigm of images.

УДК 811.161.1'373.21

«КРЫМСКАЯ КОЛЛЕКЦИЯ» ИЛИ СЕЛЬВИНСКОГО: ПОЭТИЧЕСКОЕ ВОСПРИЯТИЕ ОСТЕОНИМОВ

«Крымскую коллекцию» И. Л. Сельвинского составляют 12 стихотворений, написанных в период с 1918 по 1929 годы. Этот цикл стихотворений продолжает обогащать стихотворное крымоведение на русском языке [2, с. 26]. Стихотворения «крымской коллекции» полны сравнений, отсылок к историческим фактам, основаны на глубоком знании культуры, истории, реалий полуострова, поэтому они представляют ценный материал для исследования литературного процесса первой половины XX века.

И. Л. Сельвинский пополнил стихотворное крымоведение в XX веке наряду с И. Буниным, О. Мандельштамом, М. Волошиным, В. Маяковским, М. Цветаевой, А. Ахматовой и другими. В ряду этих имён крымский поэт занимает далеко не последнее место. И. Л. Сельвинский – коренной крымчанин, который смотрел на мир глазами крымчанина. Это и отличает творчество поэта от творчества его современников.

Цель исследования – проанализировать малоизвестные стихи И. Сельвинского, объединённые поэтом в «Крымскую коллекцию». В предлагаемой статье представлены три стихотворения – «Перекоп», «Симферополь» и «Евпатория».

Как отмечают Л. И. Дайнеко и Е. И. Пашеня, «Крымская коллекция» почти не известна читателям в связи с тем, что после 1937 года долгое время не публиковалась [2]. Благодаря усилиям работников Дома-музея И. Сельвинского этот цикл был частично перепечатан из сборника «Рекорды» в 1996 г. и полностью в 2007 г. [7].

Цикл «Крымская коллекция» открывает стихотворение «Перекоп». Перекоп является «воротами» Крыма, так как географически от расположен на стыке полуострова с материком. В разные эпохи этот участок подвергался завоеваниям, так как владеющий Перекопом владеет и Крымом. Сам И. Л. Сельвинский не понаслышке знал об обороне Перекопа. Поэт в возрасте 17-ти лет в составе красновардейского отряда в 1918 году оборонял Крым от немецких войск [1]. Стихотворение представляет собой четверостишие, которое переполнено тревогой, мраком с вкраплениями личного восприятия:

*Ворон, сидящий на цвели древка,
Гнилою кровью закисшее море...
Здесь закончилось введение в века –
Отсюда начинается история [7, с. 34].*

Перед читателем предстаёт образ ворона. Как известно, ворон – ‘большая чёрная хищная птица’ [6, т. 1, ст. 365]. У В. И. Даля представлены следующие поговорки и устойчивые сочетания: «Ворон каркает на избе, к покойнику во дворе; Старый ворон не каркнет даром; Как ворон крови ждет; Зловещий ворон» [4, т. 1, ст. 244]. Поэт обращается к этому образу, поскольку эта птица является символом смерти. Отрицательная коннотация отрывка усиливается последующими лексемами «цвель» ‘плесень’ [6, т. 4, ст. 1203], «гнилой» ‘испорченный, нездоровый, затхлый’ [6, т. 1, ст. 578], «закисший» ‘ставший кислым’. Фраза *Гнилою кровью закисшее море...* отсылает читателя к озеру Сиваш, которое расположено в районе Перекопа. Сиваш ещё называют Гнилым морем вследствие того, что вода здесь стоячая, неприятного запаха, что отмечается в «Энциклопедическом словаре» Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона [12]. Одной строчкой И. Л. Сельвинский воссоздаёт трагическую картину Гражданской войны в Крыму, когда граница между «советской» и «белой» Россией проходила по Перекопскому перешейку. Поэт переосмысливает привычные этимологические связи прилагательного-апеллятива «гнилой»: Гнилое море – гнилая (гниющая) кровь, пролитая в ходе братоубийственной войны.

В строчке *Здесь закончилось введение в века* поэт использует литературный приём аллитерации – повтор звуков *з* и *в*. На Перекопе одна эпоха сменилась другой. При этом всё, что происходило до Перекопа, было лишь введением в историю, настоящая же история только начинается. Поэтому Перекоп является не только географическими «вратами» Крымского полуострова, но и водоразделом между концом и началом, между жизнью и смертью, между добром и злом.

Следующее стихотворение из цикла «Крымская коллекция» называется «Симферополь». И. Л. Сельвинский придерживается логики в расположении поэтического материала по циклу. Читатель-путешественник, миновав Перекоп, направляется к сердцу Крыма – Симферополю. Стихотворение «Симферополь» уже с первых строк контрастирует с начальным стихотворением цикла. Поэт переносит читателя из кромешной тьмы и кровавого хаоса в тёплую, приятную обстановку, чистую, светлую, со своей мирной, тихой жизнью. В стихотворении преобладает оценочная лексика: *аккуратный, чиновничий, старушечий, архивный, дивно,*

хороший, чудак. Большинство слов окрашено положительной коннотацией.

Симферополь поэт охарактеризовал словом «аккуратный». Этот качественный признак И. Сельвинский усилил указательным местоимением «такой». Архитектура города напоминает поэту стиль Ампира (в тексте наименование стиля позднего классицизма пишется с прописной буквы). Как известно, стиль ампира возник во Франции в конце XVIII – начале XIX века в архитектуре и в декоративном искусстве, основан на подражании античным образцам [5, с. 21]. Для этого стиля характерны торжественность, триумфальность, богатый декор, роскошь, монументальность, интеллектуальная атмосфера, строгие линии, геометризм и чёткость форм. К характерным его цветам относятся небесно-голубой, зелёный, розовый, пурпурный с золотым акцентом. Учитывая данные особенности стиля ампира, автор видит архитектуру города подобную античной, с богатой историей.

Поэт называет Симферополь «чиновничьим», что изначально несёт в себе негативную семантику безразличия, бюрократизма, но это только дополняет картину города элементом заурядности. Симферополь, по мнению И. Л. Сельвинского, ещё и «старушечий». Используемое прилагательное отражает реальную демографическую картину того времени. В XIX веке А. С. Пушкин раскрыл всей России красоту Крыма и тем самым вызвал желание и создал заветную мечту для многих жителей России побывать в волшебном крае, а ещё лучше переехать жить в Крым. В послереволюционное время стремление это не только не уменьшилось, но ещё и возросло. И. Л. Сельвинский хорошо изучил демографическое состояние Крыма и его столицы, так как сам жил в Симферополе и знал о нём почти всё. К тому же прилагательное «старушечий» (от старушка) звучит мягче, чем однокорневое «стариковский».

В то же время, отмечает поэт, Симферополь и «архивный» город, который являлся центром делопроизводства Крыма: вся документация по жизнедеятельности полуострова хранилась в главном архиве столицы. Во время революции, в 1918 году, множество архивных материалов было сожжено, выброшено и утрачено. Однако важнейшие документы были сохранены при помощи профессоров Таврического университета – В. И. Вернадского (учёный-естествоиспытатель, мыслитель, общественный деятель, создатель науки биогеохимии) [9] и Б. Д. Грекова (историк и общественный деятель, директор Института истории в Ленинграде с 1936 и в Москве с 1938 года) [10]. Только благодаря деятельности этих профессоров по сохранению крымского архива в 1924 году удалось восстановить

архив Симферополя [11]. Поэтому таким весомым является напоминание И. Л. Сельвинского о том, что Симферополь – это архивный город.

Съездить в Москву – называется «пир». Речь идёт о том, что для жителей Крыма путь к значимым городам, к столице – Москве был неблизкий. Поэтому И. Л. Сельвинский называет поездку в Москву «пиром», то есть недоступной роскошью и радостью. Интересна бытовая зарисовка того времени: «По праздникам плошки. На каждую плошку своя статья...». Плошка – это низкая широкая посуда в форме большой чашки, таза [6, т. 3, ст. 515], использовалась, отмечает поэт, в праздничные дни.

В следующих строках И. Сельвинский использует олицетворение: Симферополь – город-чудак, ср. «чудак» – ‘странный, чудной человек’ [6, т. 4, ст. 1301], «чудной» ‘разг. Странный, необычный, заставляющий дивиться’ [6, т. 4, ст. 1302]: *Да жаль, допустил он, чудак, оплошность И в нём случайно родился – Я!* Автор считает, что сочетание всех вышеперечисленных качеств в одном городе необычно, причудливо, поэтому он называет Симферополь чудаком. И. Л. Сельвинский родился в 1899 году, в преддверии революции. Поэт посчитал нужным назвать и исторические события, которые произошли уже после его рождения и участником которых он был сам. И. Л. Сельвинский заключил это высказывание в скобки с ноткой самоиронии, заменив **ч** на **ц** в слове «случай», что фонетически удачно сымпровизировано с «революцией»: *(А после этого **слущая** Произошла революция...)*.

Дальнейшее литературное путешествие по городам Крыма продолжается стихотворением «Евпатория». Его место в цикле выбрано не случайно, поэт с деликатностью подходит к формированию «Крымской коллекции». Несмотря на то, что в цикле описаны и охарактеризованы другие топонимы, именно к городу Евпатория И. Л. Сельвинский испытывает самые нежные и тёплые чувства.

Стихотворение начинается строкой, которая передаёт специфический запах города: *Запах губки и мокрых простынь...* Поэт использует нетипичные описания, которые с особенной стороны выделяют город. Два этих запаха свидетельствуют о чистоплотности жителей, а также характеризуют город как курортный. Вероятно, что автор под «губкой» понимал предмет постоянной уборки – символ чистоты, а мокрые постиранные простыни не только рисуют зрительную картину развешанных простыней, но и придают городу черты свежести, прохлады и чистоты. Наиболее распространённый цвет простыней – белый. В цикле «Крымская коллекция» ещё не раз будет упоминаться этот

цвет: «белые белогвардейские виллы» Евпатории, белое солнце Балаклавы, «белые гребни» гор Симеиза, «белая башенка мечети» в Гурзуфе. Согласно исследованиям психологов, белый цвет обладает особенностью зрительно увеличивать пространство, с ним связаны положительные ассоциации [8].

Обоняние поэта улавливает и *Жжёный запах пляжных корзин...* Евпатория – курортный город, поэтому типичными фигурами на пляжах являются продавцы с корзинами, наполненными съестным. Евпатория расположена на западе Крыма, в степном районе, поэтому климат здесь засушливый по сравнению с Симферополем, хотя море и смягчает его. Здесь количество часов солнечного света максимальное по Крыму, поэтому такая характеристика запаха вполне уместна. В этой строке наблюдается аллитерация – повтор звуков **ж** и **з**, которые помогают воссоздать картину чего-то засушливого, жареного, прожжённого.

Наконец появляется море: *Волна ложится корректно и просто С электрическим звоном – дзинь! У И. Л. Сельвинского* города не только пахнут, но и имеют свои звуки [2]. Евпатория – город, в котором основным средством передвижения являлся трамвай. Трамвайные пути расположены вдоль моря. В сознании читателя звуковой образ накладывается на визуальный: он видит волну, трамвайные пути и слышит электрический звон трамвая. Действие волны охарактеризовано как *корректно и просто*. В толковом словаре Д. Н. Ушакова слово «корректный» имеет помету «книжное» и представлено в двух значениях: 1. Тактичный в обращении с людьми, вежливый. 2. В шахматах – правильный, правильно рассчитанный ход [6, т. 1, ст. 1476]. Ни одно из этих значений в тексте не актуализируется. Поэт нестандартно, тропеически, употребляет слово «корректно» по отношению к «волне», подчёркивая этим гармоничное сосуществование моря (волны) и трамвая, что подкрепляется интонационно-экспрессивной тональностью, передающейся при помощи восклицательного знака.

*Белые белогвардейские виллы
Ещё коварно мечтают о том,
Что сплющено мощным молотом,
Что поднято было на виллы* [7, с. 36].

В этих строках речь идёт о судьбоносных событиях в истории города – о Революции и Гражданской войне. Илья Сельвинский был в революции «с самого начала», ещё до установления советской власти в Евпатории. Он принимал живейшее участие в дальнейших революционных событиях. Мощно звучало его

поэтическое слово. Стихи-агитки И. Сельвинского имели успех среди революционно настроенных рабочих [3].

Важна также цветовая гамма, переданная метонимией *Белые белогвардейские виллы*: каждый из компонентов этой строки содержит семантический признак 'белый', который только в слове «виллы» формально не выражен. «Виллой» до революции называли 'барский загородный дом, дачу красивой постройки' [6, т. 1, ст. 293], в том числе и белого цвета. В данном контексте белый цвет имеет отрицательную коннотацию, поскольку является символом Белого движения в России, которое в послереволюционные годы объединило враждебные большевикам политические силы.

И. Л. Сельвинский не уточняет, что же именно «сплющено мощным молотом» советской власти и что «поднято на виллы». Такая форма описания выбрана поэтом для обобщения и придания масштабности событиям.

Но жизнь у нас под знаменем роста –

И даже волна у пляжных корзин

Сама по себе сообщает просто

По телефону: дзнь!.. [7, с. 36].

Продолжая революционную тематику, И. Л. Сельвинский пишет: *Но жизнь у нас под знаменем роста...* Знамена были особенно актуальны в тот революционный период. В следующих строках поэт снова вводит в текст образ волны, основанный на олицетворении: *волна ... сообщает просто по телефону...* Волна, важно, «сама по себе», то есть от своего имени, озвучивает «дзнь!..» (наблюдается слияние восклицательного знака и многоточия). Однако это «дзнь!» в конце стихотворения уже не тот звуковой сигнал, который издаёт электрический трамвай в начале поэтической зарисовки. На эту мысль наводит пунктуационный знак «многоточие», который сигнализирует о некоторой недоговоренности, многозначности, многоплановости вербально не выраженной информации.

Таким образом, цикл «Крымская коллекция» свидетельствует о том, что И. Л. Сельвинский прекрасно ориентируется в истории и географии края, архитектуре зданий, в описываемых ландшафтах. «Крымская коллекция» является образцом автопсихологической поэзии, так как её лирическим героем является сам автор, склонный к лёгкой иронии и самоиронии, со своим мироощущением крымчанина и духовно-биографическим опытом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бабенко В. С. Крымские страницы из дневников и писем И. Л. Сельвинского / В. С. Бабенко // Война глазами поэта. – Симферополь, 1994. – С. 3–68.
2. Дайнеко Л. И. Портрет Крыма «кисти» И. Сельвинского / Л. И. Дайнеко, Е. И. Пашеня // Культура народов Причерноморья. – Симферополь, 2011. – № 210. – С. 26–31.
3. Резник О. Жизнь в поэзии. Творчество И. Сельвинского / О. Резник. – М. : Советский писатель, 1981. – 528 с.

СЛОВАРИ

4. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4-х томах. – М.: ТЕРРА, 1995.
5. Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка. – 3-е изд., стереотип. / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. – М. : АЗЪ, 1995. – 928 с.
6. Толковый словарь русского языка : в 4-х т. / под редакцией Д. Н. Ушакова. – М., 1935–1940.

ИСТОЧНИК

7. Сельвинский И. Избранное / И. Сельвинский. – Симферополь : Симферопольская городская типография, 2007. – 72 с.

ИНТЕРНЕТ-ИСТОЧНИКИ

8. Белый цвет. – https://ru.wikipedia.org/wiki/Белый_цвет (Дата визита: 30.10.2018)
9. Вернадский Владимир Иванович. – https://ru.wikipedia.org/wiki/Вернадский_Владимир_Иванович (Дата визита: 22.10.2018)
10. Греков Борис Дмитриевич. – https://ru.wikipedia.org/wiki/Греков_Борис_Дмитриевич (Дата визита: 22.10.2018)
11. Историческая справка. Городской архив. – <http://krymgosarchiv.ru/gosudarstvennyj-arkhiv-respubliki-krym/ob-arkhive/264-istoricheskaya-spravka> (Дата визита: 16.10.2018)
12. Сиваш, или Гнилое море. – <http://www.vehi.net/brokgauz/all/093/93362.shtml> (Дата визита: 22.10.2018)

АННОТАЦИЯ

Петров А. В., Тихолаз И. Д. «Крымская коллекция» Ильи Сельвинского: поэтическое восприятие остономов

В статье представлен анализ выразительных и изобразительных средств, используемых И. Сельвинским в стихотворениях «Перекоп», «Симферополь» и «Евпатория», которые поэт наряду с другими включил в цикл «Крымская коллекция». Прокомментирован выбор тех или иных языковых средств, которые в совокупности создают целостный образ крымского города. История Крыма и частично биография автора положены в основу формирования всего поэтического цикла.

Отмечен вклад Ильи Сельвинского в стихотворное кримведение и создание образов остеонимов Крыма.

Ключевые слова: лирика Ильи Сельвинского, цикл «Крымская коллекция», остеонимы Крыма, изобразительные и выразительные средства поэтического цикла.

SUMMARY

Petrov A. V., Tiholaz I. D. «Crimean collection» of Ilya Selvinsky: poetic perception of osteonyms

The article presents the analysis of expressive and visual means used by I. Selvinsky in the poems «Perekop», «Simferopol» and «Yevpatoria», and some others that the poet included in the «Crimean collection». It comments the choice of the linguistic means, which together create a holistic image of the Crimean city. The history of Crimea and partly the biography of the author are the basis for the formation of the entire poetic cycle. The study acknowledges the contribution of Ilya Selvinsky in the poetic Crimean studies and creation of the osteonic images of Crimea.

Key words: lyrics of Ilya Selvinsky, cycle «Crimean collection», osteonyms of Crimea, visual and expressive means of the poetic collection.

*А. В. Петров,
Д. А. Ярмоленко
(г. Симферополь, РФ)*

УДК 811.161.1'373.611

СООТНОШЕНИЕ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ И НАУЧНОЙ КАРТИНЫ МИРА (НА МАТЕРИАЛЕ ЗООНИМОВ РУССКОГО ЯЗЫКА)

Слово является идентификатором нации, культуры и менталитета носителей определённого языка. Возникает вопрос, насколько точно авторское слово выражает социально-историческую, интеллектуальную информацию и какова доля экспрессивно-эмоционального, оценочного мнения писателя. Цель исследования – соотнести данные научной картины мира с индивидуально-авторским описанием зоонимов в произведении К. Г. Паустовского «Чёрное море».

При анализе художественного произведения необходимо учитывать *художественную картину мира* – «элементы действительности, возникающие в сознании читателя при восприятии им художественного произведения» [6, с. 123].

Учёные З. Д. Попова и И. А. Стернин считают, что «картина мира в художественном тексте создаётся языковыми средствами, отражая при этом индивидуальную картину мира писателя» [6, с. 113]. Исследуя картину мира в художественном произведении, необходимо учитывать ещё один аспект. Организует произведение автор, являющийся языковой личностью. Определение языковой личности дают Е. М. Верещагин и В. Г. Костомаров: «Языковая личность – это конкретный носитель языка, способный понимать, воспроизводить и создавать тексты, это личность, выраженная в языке и охарактеризованная на основе анализа произведенных ею текстов с точки зрения использования в них системных средств языка для отражения видения ею окружающей действительности» [2, с. 113]. Таким образом, вычленяется *индивидуально-авторская картина мира*, «отражающая, каким видится мир носителю языка – творцу текстов; это арсенал тех языковых средств, которыми автор пользуется для описания мира» [5, с. 89]. Индивидуально-авторской картине мира противопоставляется *научная картина мира*. По мнению Л. А. Петровой, это «целостная система представлений об общих свойствах и закономерностях природы, возникающая в результате обобщения и синтеза основных естественнонаучных понятий и принципов» [4, с. 24].

При взаимодействии этих разновидностей картины мира формируется *культурный компонент*, который, по мнению Ю. А. Бельчикова, «...создаётся, во-первых, через энциклопедические знания о свойствах личности, физическом облике человека; во-вторых, через национально-культурную коннотацию, через образное содержание; в-третьих, через символы, стереотипы, эталоны, хранящиеся в языке и сознании каждой национальной языковой личности» [1, с. 32]. Автор отмечает, что культурный компонент определённого языка выражается непосредственно в тексте. Культурный компонент не является однородным. Ю. А. Бельчиков дифференцирует в составе него интеллектуальную и экспрессивно-эмоциональную составляющую, рационалистическую и эмоциональную оценку.

Соотнесём *лексическое значение и научное понятие*. О. А. Корнилов отмечает, что «если лексическое значение – это минимально необходимая и достаточная дефиниция для идентификации слова и обозначаемого объекта всеми носителями языка, то научное понятие – максимально возможная дефиниция, содержащая все характеристики называемого объекта, которые признаются релевантными в данной области научного познания» [3, с. 54].

Материалом для рассмотрения научной картины мира послужили зоологические энциклопедии и электронные ресурсы, художественная картина мира прослеживается на основе произведения К. Г. Паустовского «Чёрное море». Для подачи информации нами были использованы специальные знаки. Звездочкой (*) и жирным курсивом отмечен фрагмент художественного текста, звездочкой (*) и курсивом – энциклопедические сведения.

****Реки тусклой свинцовой камсы лились мимо берегов Севастополя*** [8, с. 297].

**Черноморская хамса (камса) – стайная (морская) рыба, окрас от серебристо-черного до сине-зеленого цвета, большой рот. Обитает в Чёрном, Азовском и Средиземном морях* [9].

При описании черноморской хамсы автор выбирает фонетический вариант зоонима – *камса*. Энциклопедические данные свидетельствуют, что «хамса» является стайной рыбой. К. Г. Паустовский образует генетивную метафору «реки камсы», отмечая этим большое количество рыбы, усиливает это значение глагол «лились». Цветовая палитра представлена эпитетами «свинцовый» и «тусклый», что подтверждается и энциклопедическими сведениями: «хамса имеет серебристо-чёрный цвет». Таким образом, автор подтверждает отсутствие у объекта ярких красок.

****Даже мрачные бычки ловились сотнями в самом городе и у скал Херсонеса*** [8, с. 299].

**Небольшая рыба отряда окунеобразных, является одной из самых распространённых в Чёрном море. Имеет пятнистый серый окрас и тёмное пятно на заднем плавнике* [9].

К. Г. Паустовский отмечает, что «бычки ловились сотнями», следовательно, их в море большое количество, что согласуется с научными данными. Автор использует эпитет «мрачные», тем самым подчёркивая их серый цвет.

****Тёмной ночью нагнало, на наше счастье, кефаль. Забила она бухту так густо, что весло вставишь. Но нет возможности ту кефаль ловить. Нету в Балаклаве морского червя, а она на него одного и берёт. Кефаль толпами слоняется по бухтам*** [8, с. 297].

**Черноморская кефаль – ценная и распространённая промысловая рыба побережья Чёрного моря. Кефаль обладает большой подвижностью, преимущественно ведёт стайный образ жизни. Насадкой для ловли кефали являются морские черви. Так как она не любит сильные понижения температуры воды, ловить её лучше всего с середины лета до конца октября* [9].

Писатель приводит тот факт, что кефаль «ловится на морского червя», это подтверждает и энциклопедия. Кефаль – распространённая рыба в Чёрном море; автор отмечает, что кефали было очень много, гиперболизируя это выражением «весело негде вставить», а также глаголом «забила (бухту)». Словосочетание «слонялась толпами» подтверждает, что кефаль – стайная рыба. Глагол «слонялась» используется в качестве олицетворения, так как значение данного глагола – ‘ходить взад и вперёд, без цели’ (о человеке).

****Зоя вытащила громадную камбалу-палтуса, диковинную рыбу с глазами на спине. Она шла тяжело, покачиваясь и перебирая плавниками. Зоя хохотала [8, с. 298].***

**Черноморская рыба – камбала внешне разительно отличается от других видов рыб. У камбалы высокое вытянутое тело, несколько приплюснутое. Глаза у черноморской камбалы расположены на верхней (левой) стороне. Плавники на этой стороне асимметричны. Палтусы – это самые большие камбалы, которые обитают в Тихом и Атлантическом океанах [9].*

К. Г. Паустовский пишет, что «глаза у камбалы находятся на спине», словарная статья энциклопедии свидетельствует о том, что глаза расположены на приплюснутом теле рыбы. Автор использует приложение «камбала-палтус». На первый взгляд может показаться, что это названия двух видов рыб. Научные данные свидетельствуют о том, что «палтусом» называют огромные особи камбал. Следовательно, в приложении прослеживаются родо-видовые отношения.

****Начался азарт. Я подсёк большую султанку. Эта серебряная рыба с огромными глазами, когда её вытаскиваешь из воды, покрывается пурпурными пятнами [8, с. 298].***

**Рыба, которую принято называть барабулей, относится к семейству барабулевых. Она имеет и другое название – обыкновенная султанка. Глаза у барабульки крупные, усы – длинные. Выделяет барабульку окрас: спина и бока окрашены в розово-красные оттенки, а живот – в светло-жёлтые. Морской житель обладает удивительной особенностью: после того, как султанка погибает, она меняет окрас. Сразу после вылова морская рыба барабулька становится ярко-красной, через 4-8 часов её цвет бледнеет [9].*

При описании рыбы автор использует её второе название – «султанка», в энциклопедических источниках приводится и другое название этой рыбы – «барабуля». Наблюдается компрессия терминологического словосочетания «обыкновенная султанка». Существует предположение, откуда появилось название «султанка». Связывают это с тем, что данная рыба

очень вкусная и в древние времена лакомиться ей могли только султаны и люди из высшего общества [9]. У данной рыбы глаза большого размера. Писатель привёл интересный факт, который подтверждён научно – при вылове из воды барабуля «меняет свой окрас». Автор использует особенно яркий оттенок красного – «пурпурный», цвет, получающийся при смешивании красного и фиолетового. Отметим, что в энциклопедии приводится описание цвета рыбы с помощью прилагательного «ярко-красный».

****Только в конце ловли Гарту повезло больше всех. Он вытащил морского петуха – чёрную рыбу с двумя громадными плавниками лазоревого цвета. Плавники по величине напоминали крылья [8, с. 299].***

**Морской петух – одна из самых красивых и оригинальных рыб, обитающих в водах Чёрного моря. Тело его окрашено в кирпично-красный оттенок. Огромные жаберные плавники велики и напоминают крылья. Их расцветка с трудом поддаётся описанию. Они переливаются синевато-свинцовым оттенком, а по краю имеют голубую каёмочку, на которой, в свою очередь, расположены красные точки или нити [9].*

Автор называет данную рыбу «черной», а зоологи отмечают «кирпично-красный оттенок». Сходна и зарисовка плавников морского петуха, писатель использует эпитет «громадные», что подтверждается научными данными, совпадает также сравнение плавников с «крыльями». К. Г. Паустовский по отношению к плавникам использует «лазоревого» цвет – ярко-голубой. В энциклопедии приводится другое определение цвета морского петуха – «синевато-свинцовый». Следовательно, описание формы и размера, в отличие от цвета, совпадают. Писатель, используя выражение «повезло больше всех», подчёркивает то, что данная рыба достаточно редкая.

****Гарту не везло. Он таскал только крабов. Они бежали боком по шлюпке, прятались под решетчатый пол и смотрели оттуда на Гарта яростными глазами, то выдвигая их, то пряча, как театральные бинокли [8, с. 299].***

**Черноморские крабы преимущественно небольшие по размеру. Передвигается членистоногое боком, при помощи восьми из десяти своих лап. Будущий краб живёт в планктоне, подрастает и превращается в личинку с огромными глазами, а лишь затем в маленького краба [7, с. 227].*

К. Г. Паустовский описывает способ передвижения крабов; тот факт, что они передвигаются боком, отмечается в научных источниках. Подтверждается, что у краба действительно большие глаза. Автор использует эпитет-олицетворение «яростные» и

сравнивает глаза краба с «театральными биноклями», вероятно, по признаку формы.

****Гарт схватил одного за спину и, морщась от папиросы, показал мне и Зое его мощные клешни. Одна клешня была приспособлена для раздавливания, другая для того, чтобы хватать*** [8, с. 299].

**У некоторых видов крабов клешни разных размеров. Более крупная с мощными зубцами предназначена для дробления раковин моллюсков и панцирей морских ежей – добычи крабов. У второй клешни есть режущий край для разделки мягких тканей или щетинки, работающие как фильтрационный аппарат. У самцов полусухопутных манящих крабов одна огромная клешня превратилась в «турнирное оружие»: она используется для брачных демонстраций и в схватках между самцами* [9].

Писатель отметил несколько научных фактов, описывающих функции клешней краба. Научные данные свидетельствуют и ещё об одной её функции – для борьбы с другими особями.

****Гарт рассказал, что краб может держать в клешне тяжесть, в тридцать раз превышающие вес его собственного тела*** [8, с. 299].

Пальмовый кокосовый краб – самый крупный представитель десятиногих раков, он имеет огромную силу и способен поднимать груз весом около 30 кг [9].

Научные факты подтверждают, что краб действительно может поднимать грузы в разы больше своего веса, но отмечается, что именно особый вид крабов – «*кокосовый*» – способен поднимать груз весом около 30 килограммов.

****Дельфины подошли к берегам*** [8, с. 335].

**Иногда дельфины подплывают к берегу и даже позволяют поиграть с собой* [9].

Сведения автора и энциклопедические данные совпадают. Действительно, неоднократно зарегистрированы факты, когда дельфины, не боясь людей, подплывали к берегам Чёрного моря. Автор использует глагол «подошли», который имеет значение приближения и используется по отношению к людям или животным.

Таким образом, мы рассмотрели некоторые зоонимы, представленные К. Г. Паустовским в произведении «Чёрное море», и соотнесли их с информацией зоологических энциклопедий. Автор приводит сведения о различных обитателях Чёрного моря, подробно описывает внешний вид, особенности данных зоонимов. При передаче цветовой гаммы художник слова использует сложные прилагательные, яркие оттенки цветов, которые не всегда обозначены в энциклопедиях.

Происходит взаимодействие картин мира – индивидуально-авторской и научной (естественнонаучной). Автор опирается на научные знания и использует их, употребляя термины, детализируя описания зоонимов. Каждый носитель языка, в том числе и К. Г. Паустовский, владеет элементами научной картины мира и использует её в своём изображении окружающего мира. Научные сведения включаются в индивидуально-авторскую картину мира, и это выражается в подборе изобразительных языковых средств, например, использовании глаголов со значением интенсивности, колоративов, олицетворений, гипербола и приложений. Таким образом, научная информация преобразуется в художественную, при этом автор не дублирует энциклопедические данные, а, скорее, накладывает свои мазки, создавая индивидуально-авторское представление зоонимов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бельчиков, Ю. А. О культурном коннотативном компоненте лексики / Ю. А. Бельчиков // Язык: система и функционирование. – М. : Наука, 1988. – С. 30–35.
2. Верещагин, Е. М. Язык и культура: Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного / Е. М. Верещагин, В. Г. Костомаров. – 4-е изд., перераб. и доп. – М. : Русский язык, 1983. – 269 с.
3. Корнилов, О. А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов : монография / О. А. Корнилов. – М. : Изд-во ЧеРо, 2003. – 349 с.
4. Петрова Л. А. Лингвокогнитивные основы художественной картины мира / Л. А. Петрова. – Симферополь : Изд-во СГТ, 2006. – 283 с.
5. Пименова, М. В. Языковая картина мира : учеб. пособие / М. В. Пименова. – 4-е изд., доп. – М. : Флинта, 2014. – 108 с.
6. Попова З. Д. Язык и национальная картина мира / З. Д. Попова, И. А. Стернин. – Воронеж : Истоки, 2002. – 59 с.

ИСТОЧНИКИ

7. Большая советская энциклопедия // Зоология : в 30 т. / гл. ред. А. М. Прохоров. – 3-е изд. – М. : Советская энциклопедия, 1969–1978.
8. Паустовский, К. Г. Повести и рассказы / К. Г. Паустовский. – Л. : Лениздат, 1979. – 672 с.
9. Универсальная научно-популярная энциклопедия «Кругосвет» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.krugosvet.ru> Проверено 19.12.18.

АННОТАЦИЯ

Петров А. В., Ярмоленко Д. А. Соотношение художественной и научной картины мира (на материале описания зоонимов)

Данная статья посвящена рассмотрению взаимодействия научной и индивидуально-авторской картины мира. Материалом исследования послужили зоологические энциклопедии и произведение К. Г. Паустовского «Чёрное море». Авторы проанализировали художественное описание некоторых зоонимов-рыб, зоонимов-ракообразных, зоонимов-млекопитающих (хамса, морской петух, султанка, кефаль, камбала, краб, дельфин) в романе и соотнесли их с научными сведениями.

Ключевые слова: научная картина мира, индивидуально-авторская картина мира, К. Г. Паустовский «Чёрное море», зоонимы, рыбы.

SUMMARY

Petrov A. V., Yarmolenko D. A. The ratio of artistic and scientific picture of the world (by the material of the description of zoonyms)

This article is devoted to the interaction of scientific and individual-author's picture of the world. The research is based on a Zoological encyclopedia and the work of K. G. Paustovsky «The Black Sea». The authors analyze art description of some of the zoonyms of fish, and zoonyms-crustaceans, zoonyms-mammals (anchovy, gurnard, red mullet, grey mullet, flounder, crab, dolphin) in the novel and relate them to scientific information.

Key words: scientific picture of the world, individual author's picture of the world, K. G. Paustovsky «The Black Sea», zoonyms, fish.

*О. В. Блюмина
(г. Горловка, ДНР)*

УДК 811.161.1.

ПОЭТОКОНЦЕПТ *ИСТОК* В ТВОРЧЕСТВЕ НИКОЛАЯ ТРЯПКИНА

Определению художественного концепта, предложенную М.В. Пименовой, как заместителю образа [3, с. 22], мы предлагаем понятие **поэтоконцепта** по терминологии В.И. Теркулова, когнитивным механизмом создания которого является метафора, дающая возможность отождествления «двух несовместимых сущностей», которая «определяется

возможностью актуализации в языке двух миров – онтологического, существующего как объект номинации, и лингвального, являющегося созданным человеком при помощи языка в процессе номинации артефактом, сферой языкового бытия субъекта-номинанта» [4].

Высокой степенью частотности в творчестве Николая Тряпкина отличается **поэтоконцепт *исток***, на наш взгляд, являющийся одним из сквозных образов (художественных) его поэзии. Ядерное значение его «место, где начинается водный источник (река, ручей) [2, с. 255]. В художественном пространстве Николая Тряпкина концепт ***исток*** формируется как духовносущностное в своей основе понятие **лингвальной поэтической реальности**. Ассоциативные его связи реализуют те или иные признаки взаимопроникновения **земного и небесного** в смысловом поле концепта-натурфакта.

1. В стихотворении «Среди лихой всемирной склоки» в ассоциативное поле концепта входит значение понятия **«живучесть»**: *И я молю твою живучесть // И вновь кричу: не иссякай!* Амбивалентность, напоминающая о единстве двусоставного мира (духовного и материального) проявляется в отношениях взаимодействия, взаимопроникновения концептуальных полей в поэтическом мире Николая Тряпкина. Словарное значение прилагательного **живучий** – «прочно сохраняющийся, жизнестойкий», «выносливый» соединяется со значениями наименования **исток** и опосредованно, через него, входит в структуру концепта **Русь**. Поскольку **Русь** – в нашем культурном восприятии, всё вынесет, не пропадёт; она вынослива и терпелива, как всякая **Мать – источник** жизни земной и почти так же вынослива и терпелива, как **Богородица** – источник жизни небесной, духовной, Матерь Бога. *Она не только хлеб и стадо, // Она ещё – сестра и мать* («Я не был славой затуманен»). Императивный оборот **«не иссякай»** имеет, по всей вероятности, риторическое звучание, метонимичен и вызывает, скорее всего, к внутреннему духовному теплу человечества.

Кроме того, употреблённое в исконном значении, существительное **прозябанье** – «прозябнуть», «прорасти»: *И каждый цвет, и прозябанье, // И солнца вешнего набат* в одном контексте с прилагательным **вешний** – происходит от сущ. весна, из праслав. *vesna, от кот. в числе прочего произошли: др.-русск., ст.-слав. весна (др.-греч. ἔαρ), русск., укр. весна, сербохорв. вѣсна, словенск. vèсна, чешск. vesna, польск. wiosna. Древняя и.-е. основа на г/п, ср. лит. vasarà «лето», латышск. vasara, греч. ἔαρ, лат. vēŕ, др.-исл. vár «весна», др.-инд. vasantás «весна», vasar «рано», авест. varǵi- «весной», арм. gaṙun «весна» [6], имеющие

к тому же стилистическую соотнесённость (православную), получают следующее смысловое взаимодействие: **прозябание** (прорастание (росток) – **солнце** – **источник света, источник жизни** – **вешнее** – **весеннее, первое** – **весна** – **начало жизни, обновление жизни**).

Сергей Куняев, анализируя стихотворения Николая Тряпкина, сформулировал один из аксиологических мотивов его поэтического мира таким образом: «... поэт выстраивает вертикаль от подземных глубин в Божественные выси, ощущая себя единосущным с Русью, удерживающей мировую вертикаль...». Одним из стержневых компонентов, формирующих эту концепцию, по нашему мнению, является **поэтический концепт исток**, который очевидно связан с ключевыми ценностями русской культуры. Стихотворение «Никогда я бродить не устану...» как раз воссоздаёт один из вариантов чувственно-образного авторского представления об этой вертикали. Автор выстраивает сложное иерархическое пространство, где линейно расположена, повидимому, только вертикаль, о которой говорил Сергей Куняев. Мы считаем, что периферия информационного потенциала концепта **исток** становится одним из основных компонентов, организующих такую иерархичность. *Никогда я бродить не устану // Возле рек, возле рек. // И топтать-приминать на полянах // Первый снег, первый снег.* Стихотворение начинает и заканчивает образ **первого снега** (ассоциативно-символически проявляются элементы значения концепта: **первый** – **чистый** – **топтать/приминать** (т.е. производить что-либо впервые в этом контексте) + дополнительный компонент – водный источник – *возле рек*, отсылающее, безусловно, к традиционному символу – **река** – **жизнь** (ср. у Пушкина «и дней моих поток так долго мутный, теперь утих дремотою минутной и отразил небесную лазурь»). Только в начале стихотворения **первый снег** встроен в горизонтальное (земное) представление о жизни, что подчёркивается использованием глаголов, обозначающих перемещение в пространстве, без направления движения. Процессуальность без направления: *бродить, топтать*. *Через дуг, кузнечик повсюду тики-тук* – это, безусловно, признаки, репрезентирующие образ жизни, полноты жизни, какая бывает только в летнюю пору. Направленное движение начинается в последнем катрене: *Умереть – и подняться осиною*. И это движение вертикальное, начинающееся после смерти, тоже жизнь, но это уже – движение в вечность. Вечная вертикальность усилена предшествующими строками *Вижу – небо горит надо мною // Высотой, высотой. // Хорошо погулять под такую // Красотой, красотой! Осина – поэтоконцепт, широко*

распространённый в русской лингвокультуре, в основе его номинаций – сопоставление этого дерева и человека. Концовка стихотворения выводит вариантную часть значения концепта **исток: возрождение**. **Возрождение – исток – новой – иной жизни**. Сравни, 1-й псалом (здесь налицо импликационные связи концептов): *И будет яко древо насажденное при исходящих вод, еже плод свой даст во время свое, и лист его не отпадет, и вся елика аще творит, успеет. Не тако нечествии, не тако, но яко прах, его же возмает ветр от лица земли. Осина* – символ грешного человека, получающего возможность **возродиться, воскреснуть у источника** возрождения – Бога. И в поэтическом лингвальном мире Николая Тряпкина – значение возрождения – **источник бессмертия поэта – начало бессмертной жизни** – его творчество. *И уж если теперь // Мои песни хоть что-нибудь значат, // И уж если теперь я и сам // Хоть на что-то гождусь, – // Ах, всему тому корень // Тогда ещё, бабушка, начат – // Там, у нас на печи, // По которой и нынче томлюсь.* («Бабка»). И заканчивается стихотворение строками, где первый снег опускается с неба, с *перелётов гусиных*, что усиливает связь концепта **снег с Россией**, родиной – **источником** вдохновения, корнем духовной жизни **поэта**. Снег как символ России – частое явление в образной системе русских поэтов, например, у В. Иванова, И. Анненского и проч.

На наш взгляд, текстовые интерпретации концепта **исток** в стихотворениях Николая Тряпкина косвенно возрождают внутреннюю форму слова: *истокъ* – производное с перегласовкой *о/е* от *истеку*, *истеци* (ср. *искон. вытеку, вытечь*): то, что рождает жизнь и являет себя в дальнейшем её течении, продолжении: *А жизнь бежит, меняет нрав. // И вот, свалив шальные воды, // Река идёт с настоем трав // И с мудрым светом небосвода* («Стансы»). Поэтическая реальность Николая Тряпкина оформлена словесными оборотами, представляющими более ранние коренные пласты русского слова. И, как нам кажется, первое этимологическое значение слова **исток** взаимодействует с этимологическим значением паронимичного ему слова **истый, истовый**, восходящего к корню *истъ* – «настоящий, истинный, подлинный». «Как *истая* полночица Россия. // Какая был! / Какая старина!..» («КорЯжема») Соединение этих значений вскрывается в индивидуально-авторских признаках концепта **исток** у Николая Тряпкина: *И там, над дедовским ручьём, // Шумит знакомая осока. // И я, как лебедь, бью крылом // У заповедного истока* («Стансы»), *Пуškai придут – и вспомнить, и почтить, // И зачерпнуть из древлего колодца... // Мы так*

его стараемся забыть – // И всё-таки забыть не удастся. («Предание»), **исток** здесь – и заповедь природы (то, к чему природа повелевает прислушаться), и источник мудрости, как нам кажется, перекликающийся с представлением писателей-деревенщиков о том, что человек должен жить в согласии с одухотворённым мирозданием. То есть, все то, что исконно, первоначально – то подлинно, сущностно для русского языкового сознания. И потому – необходимо. В этом контексте **исток** – ещё и первоначало творчества. Чистый, незамутнённый исток в заповедных местах русской природы, и такой же исток имеется в душе русского человека. *Мы услышим, как бьётся в снегах, и полусне, // Изначальный родник* («Столько выюг прошумело»).

Периферийным актуализированным признаком поэтоконцепта **исток** в поэтоконцептосфере Николая Тряпкина является мотив **пути**; путь от истока – начало дороги; дороги творчества, дороги жизни, дороги судьбы. *Ты сегодня пророком иль Богом // выходи на морскую косу // Через реки, озёра, дубровы // Ты пройди по волшебным путям, // Ты найди всемогущее слово, // Чтобы грозы задвигались к нам* («Зря мы, что ли, земля-молодица»), *И не смолкает шум проточный, // Великий шум поры такой, // когда о жизни сей непрочной / Лопочет сухой зверобой* («Песнь песней»).

В стихотворении концепты **река** – **путь** – **исток** связаны глубинными неявными смыслами и составляют в этой его части единое динамическое смысловое целое концепта. Такие **трехчленные / многочленные** модели обладают регулярной воспроизводимостью в поэтическом **лингвальном** мире Николая Тряпкина, становясь его структурным фрагментом.

И, конечно же, концепт **исток** вербализуется в лексическом языковом пространстве лирики Николая Тряпкина путём актуализации Евангельских образов, расширяясь за счёт добавления в его смысловой объём сакральных компонентов: *А в сторонке белеет церквушка, // Где в подвале источник святой. // И зовёт монастырская служка // Детвору за целебной водой. // И запомнились гулкие своды, // Неустанная бабка моя, // И в подвале звучащие воды, // И во рту ледяная струя* («Запестрели цветные палатки»).

Здесь концептуальные смыслы меняются местами, периферийный, фоновый аспект значения становится ядерным, а значение предметное – приядерным, дополняющим. Смысловое поле в таком поэтическом контексте имеет следующий вид: **водный источник** – **целебный источник** – **святой источник** – **исток жизни (начало жизни, детство)**. Концепт **детство** не

является национальной константой культуры, он принадлежит к числу универсальных концептов. Однако в **поэтоконцепте** Николая Тряпкина он явлен через русское национальное осмысление, когда понимание **православное** равно пониманию **онтологическому**. Православное понимание сформировано прямыми характеристиками: *святой, целебный* (делающий цельным, целым, восстанавливающим); ассоциативными национальными смыслами: **источник** жизни (Господь), **источник** Спасения (Господь), икона «**Живоносный Источник**», объединяющая в своём названии семы «спасение физическое», «исцеление физическое»; «спасение духовное» и «исцеление духовное»; все эти признаки метафорически интерпретируются, являясь развёрнутым непрямым именованием концепта **детство**, вмещающим в себя перечисленные черты.

ЛИТЕРАТУРА

1. Куняев С.С. Мой неизбывный вертоград... // Тряпкин Н.И. Горящий водолей / Н.И. Тряпкин. – М.: Мол. гвардия, 2003. – 493 с.
2. Ожегов. С.И. и Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / Российская академия наук. Институт русского языка им. В.В. Виноградова. – 4-е изд., доп. – М.: Азбуковник, 1997. – 944 с.
3. Пименова М.В. Образы неба и способы вербализации его признаков в произведениях С.А. Есенина // Герменевтический круг: текст – смысл – интерпретация: сборник научных статей. – Вып. 2. – Армавир: РИО АГПА, 2013. – 240 с.
4. Теркулов В.И. Поэтические концепты (на примере концепта Разин у В. Хлебникова) // Герменевтический круг: текст – смысл – интерпретация: сборник научных статей. – Вып. 2. – Армавир: РИО АГПА, 2013. – 240 с. – С.32–37.
5. Тряпкин Н.И. Горящий водолей / Н.И. Тряпкин. – М.: Мол. гвардия, 2003. – 493 с.
6. Этимологический онлайн-словарь русского языка Макса Фасмера. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://vasmer.lexicography.online/%D0%B2/%D0%B2%D0%B5%D1%81%D0%BD%D0%B0>

АННОТАЦИЯ

Блюмина О. В. Поэтоконцепт *исток* в творчестве Николая Тряпкина

Высокой степенью частотности отличается **поэтоконцепт *исток*** в творчестве Николая Тряпкина, на наш взгляд, являющийся

одним из сквозных образов его поэзии. Поэтоконцепт *исток* формируется как духовносущностное в своей основе понятие лингвальной поэтической реальности. Ассоциативные его связи реализуют те или иные признаки взаимопроникновения земного и небесного в смысловом поле концепта-натурфакта.

Ключевые слова: поэтоконцепт, лингвальная реальность, Николай Тряпкин.

SUMMARY

Blyumina O. V. Poetconcept *source* in the works of Nikolai Tryapkin

A high degree of frequency distinguishes the poetic concept *source* in the works of Nikolay Tryapkin, which, in our opinion, is one of the cross-cutting images of his poetry. The poetically conceived *source* is formed as a spiritually based concept of lingual poetic reality. Its associative connections realize one or another signs of interpenetration of the earthly and the heavenly in the semantic field of the concept-natural fact.

Key words: poetic concept, lingual reality, Nikolay Tryapkin.

*Л. М. Бражник
(г. Горловка, ДНР)*

УДК 81'373.2

СТАТУС ИМЕНИ СОБСТВЕННОГО В ПОВЕСТИ «НЕВСКИЙ ПРОСПЕКТ» Н. ГОГОЛЯ

Изложенные в статье результаты исследования можно назвать одним из этапов изучения языковых особенностей литературного наследия Н. Гоголя, а именно: статуса имени собственного в повести «Невский проспект» цикла «Петербургские повести». «Одним из этапов» – так как положение проприальной лексики в произведениях писателя относится к числу удивительных явлений, по мере изучения которых автор предстает перед читателем как пристрастный летописец своего времени. Несмотря на то, что имена собственные в произведениях Гоголя находятся в кругу научных интересов лингвистов и литературоведов, их изучение не является достаточно широким. Среди работ, посвященных анализу онимов в сочинениях прозаика, можно отметить научные изыскания А. С. Донченко «Семантико-стилистические особенности антропонимикона пьес Н. В. Гоголя и А. П. Чехова» [2], Н. И. Ишук-Фадеевой «“Все” и “всё” в “Вечерах на хуторе близ Диканьки”» [3] и

Д. Ф. Мымриной «Антропонимы Н. В. Гоголя: структурно-семантический и переводческий аспекты» [5].

Цель предлагаемой публикации – ономастическое прочтение повести «Невский проспект» посредством исследования особенностей функционирования проприальной единицы Невский проспект в тексте произведения.

Для достижения поставленной цели ставятся и решаются следующие задачи:

- охарактеризовать роль топопонима в формировании сюжета и композиции повести;
- установить содержательный объем (семы) онима.

Анализ цикла «Петербургские повести» Николая Васильевича Гоголя показал, что в его семантической структуре в ряду значимых деталей особое место занимает онимная лексика. Её специфика заключается в том, что писатель использует собственные имена – единицы языка – для передачи внеязыковой информации. Такая специфика гоголевских имен особенно ярко проявляется в повести «Невский проспект». Автор произведения а priori заинтересован в эмоциональном влиянии на читателя и осознанно выбирает для реализации своего замысла имя, которое в повествовании выполняет функцию опорной точки и служит для построения целостной картины текста. Выбирая определенный ономастический материал, в частности урбаноним Невский проспект, для построения текста повествования, художник пытается воплотить свое видение окружающего его мира.

В связи с вышесказанным следует обратиться к истории именования реально существующего внутригородского топографического объекта Невский проспект. Детальная информация об этом представлена писателем-историком Наумом Синдаловским в книге «Городские имена вчера и сегодня. Судьбы петербургской топонимики в городском фольклоре»: «Проспект начали прокладывать в 1711 году. На планах 1753 года появилось название этого участка: *Старая Невская перспективная улица*. К 1717–1718 годам относятся первые попытки дать официальное имя будущему проспекту. Чаще всего его называют *Перспективной*, *Большой перспективной дорогой*, *Большим Невским проспектом* или *Дорогой к Невскому монастырю*. Среди народа имело хождение название «*Дорога Святого Александра Невского*». Это название до сих пор обыгрывается в школьном фольклоре: «*Почему Невский проспект так называется?*» – «*Потому что на нем жил Александр Невский*». В 1781 году главная магистраль города получила свое официальное наименование: Невский проспект. Не от реки Невы, с которой проспект ни в своем начале, ни в конце не соприкасается, а от Александро-Невского

монастыря, который в XVIII веке чаще всего называли Невским» [7, с. 50].

Гоголевское онимное пространство на первый взгляд кажется простым, так как писатель не создает новое имя, а использует уже существующий в языке оним. Однако на страницах повести название линейного объекта г. Петербурга превращается в единицу художественной речи – поэтический урбаноним. Но феномен поэтонима Невский проспект заключается в том, что мастер слова использует его в качестве заглавия, т.е. самостоятельного вида имени собственного – библионима. Таким образом, можно утверждать, что развертывание содержания произведения осуществляется под воздействием процесса трансонимизации, который, по мнению Е.С. Отина и В.М. Калинкина, является одним из путей развития собственных имён [6, с. 46; 4, с. 87]. Ономастические наблюдения высветили интересный лингвистический вопрос, как-то: какими языковыми резервами обладает имя, что в нем есть скрытого, ещё не увиденного, что позволяет самостоятельно домысливать заложенные в нем содержания. Обозначается проблема вовлечения онима в поле стилистических ресурсов, иначе: каковы механизмы реализации семантического потенциала, содержательной емкости имени собственного.

Так, Н. Гоголь создает для топонимизма Невский проспект особые условия – условия контекста. Благодаря этому имя всё дальше отходит от референта и начинает приобретать субъективно-индивидуальные единичные созначения. Уникальность языка (стиля) Гоголя заключается в том, что процесс появления дополнительных семантических признаков у онима реализуется за счет минимальных языковых средств. Данное положение подтверждают условия функционирования поэтического топонима в тексте. Следует обратить внимание на такую деталь в повести, как эвфония, например: *«Нет ничего лучшие Невского проспекта, по крайней мере в Петербурге.... Чем не блестит эта улица – красавица нашей столицы! ... ни один из бледных и чиновных ее жителей не променяет на все блага Невского проспекта. Не только кто имеет двадцать пять лет от роду... и тот в восторге от Невского проспекта. А дамы! О, дамам еще больше приятен Невский проспект. Да и кому же он не приятен? ... Невский проспект... Здесь... показываются люди не по необходимости, куда не загнала их надобность и меркантильный интерес, объемлющий весь Петербург. ... человек, встреченный на Невском проспекте, менее эгоист, нежели в Морской, Гороховой, Литейной, Мещанской и других улицах, где жадность и корысть, и надобность выражаются на идущих и летящих в каретах и на дрожках. Невский проспект есть*

всеобщая коммуникация Петербурга. **Никакой** адрес-календарь и справочное место **не** доставят такого верного известия, как **Невский проспект**. **Всемогущий Невский проспект!** ... Как чисто подметены его тротуары...» [1, с. 1-3]. Писатель использует такое средство речевой выразительности, как благозвучие, характерное, как правило, для поэтической речи, неслучайно. Это обусловлено тем, что сочетание **не** созвучно с начальной частью словообразовательной структуры топонима, а также **не** и **ни**: 1) служат для выражения и усиления отрицания при разных членах предложения; 2) являются частью (приставкой) отрицательных местоимений. Функция эвфонии, в этом случае, – воздействовать на читателя и на его восприятие текста за счет подбора комбинации звуков, а функция частиц – передать ту информацию, которая декодируется в конце повести: «**О, не верьте этому Невскому проспекту!... Он лжет во всякое время, этот Невский проспект... сам демон зажигает лампы для того только, чтобы показать все не в настоящем виде**» [1, с. 39]. В основе семантической обогащённости поэтического топонима лежит авторское «я». Как мастер слова, Николай Васильевич находит эффективный способ реализовать подтему повести – «обман, клевета, фальшь». Нет необходимости додумывать, анализировать, сопоставлять. Из разряда формальной номинативной единицы топопоним переходит в разряд слова-носителя содержания.

Исследование художественной онимии без учета жанра произведения неизбежно обедняет результаты, поэтому отдельного рассмотрения требуют хронотопоформирующая и сюжетообразующая функции поэтического урбанонима Невский проспект, который, относясь к ядру ономастикона повести, является не только важным средством словесной образности в творческом инструментарии писателя. Так, «Невский проспект» можно разделить на три части. Первая и третья части, посвящены описанию самого проспекта, который под пером литератора преобразуется в живой организм. Автор наделяет поэтическую проприальную единицу человеческими свойствами, используя такой стилистический прием, как олицетворение: «**Но как только сумерки упадут на дома и улицы и будочник... Невский проспект опять оживает и начинает шевелиться... В это время чувствуется какая-то цель, или, лучше, что-то похожее на цель, что-то чрезвычайно безотчетное...**» [1, с. 7]. Можно сказать, что это такой же главный герой, как одушевленные персонажи. Поэтоним становится на страницах произведения не только номинативной единицей, но и одновременно персонажем произведения, причем одним из главных действующих лиц.

«Невский проспект» начинается с описания, которое занимает шесть с половиной страниц, и заканчивается описанием поэтического урбанонима. Это перечисление предметов, людей, явлений, которые можно встретить на Невском проспекте. Всё даётся во временной последовательности: *«Какая быстрая совершается на нем фантасмагория в течение одного только дня... «Начнем с самого раннего утра... в это время, то есть до двенадцати часов, Невский проспект не составляет ни для кого цели, он служит только средством...»; «В двенадцать часов на Невский проспект делают набегу гувернеры всех наций с своими питомцами... в это время Невский проспект – педагогический Невский проспект»; «... к двум часам, ... уменьшается число гувернеров, педагогов и детей: они наконец вытесняются нежными ихродителями, идущими под руку с своими пестрыми, разноцветными, слабонервными подругами... поговорившие с своим доктором о погоде и ... прочитавшие афишу и важную статью в газетах о приезжающих и отъезжающих, наконец выпивших чашку кофею и чаю... Все, что вы ни встретите на Невском проспекте, все исполнено приличия ... В это благословенное время от двух до трех часов пополудни, которое может назваться движущеюся столицей Невского проспекта, происходит главная выставка всех лучших произведений человека»; «В три часа – новая перемена. На Невском проспекте вдруг настает весна: он покрывается весь чиновниками в зеленых вицмундирах»; «С четырех часов Невский проспект пуст, и вряд ли вы встретите на нем хотя одного чиновника» [1, с. 3-6]. Так с помощью поэтонима устанавливаются хронотопные границы произведения. Художественное время и пространство символичны. Основным пространственным символом становится открытое пространство – проспект. Структура времени: утро-день-ночь. Следовательно, имя внутригородского топографического объекта Невский проспект в повести становится не только единицей художественной речи, но литературоведческой категорией: 1) определяет художественное единство литературного произведения в его отношении к реальной действительности; 2) организует пространство произведения и вводит в него читателей; 3) выстраивает цепочку ассоциаций в сознании читателя и на этой основе связывает произведение с представлением об эпохе, а также расширяет эти представления.*

Практическая значимость исследования состоит в том, что его материалы могут быть использованы в вузовских лекционных курсах по литературной ономастике, а также могут войти в словарь языка произведений Н. Гоголя.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гоголь Н. В. Собрание сочинений. В 7 т. / Н. В. Гоголь. – Т. 3: Невский проспект – М., 1977. – С. 1-39.
2. Донченко А. С. Семантико-стилистические особенности антропонимикона пьес Н. В. Гоголя и А. П. Чехова: дис. ... к. филол. н.: 10.02.01. – М., 2011. – 197 с.
3. Ищук-Фадеева Н. И. «Все» и «всё» в «Вечерах на хуторе близ Диканьки» / Н. И. Ищук-Фадеева // Гротеск в литературе. Материалы конференции к 75-летию профессора Юрия Владимировича Манна. – Москва – Тверь, 2004. – С. 37–41.
4. Калинин В. М. От литературной ономастики к поэтонимологии / В. М. Калинин // Λογος ὀνομαστική (Науч. журнал). – 2006. – № 1. – С. 81–89.
5. Мымрина Д. Ф. Антропонимы Н. В. Гоголя: структурно-семантический и переводческий аспекты / Д. Ф. Мымрина // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2014. – № 4 (34). Ч. 1. – С. 147–150.
6. Отин Е. С. Из заметок к лекциям по топонимике / Е. С. Отин // Восточноукраинский лингвистический сборник. – Вып. 6. – Донецк: Донецчина, 2000. – С. 37–54.
7. Синдаловский Н. А. Городские имена вчера и сегодня. Судьбы петербургской топонимики в городском фольклоре / Н. А. Синдаловский. – Рт-СПб: Изд. Литагент «Центрполиграф», 2014. – 105 с.

АННОТАЦИЯ

Бразжник Л. М. Статус имени собственного в повести «Невский проспект» Н. Гоголя

В статье рассматривается феномен имени собственного как единицы языковой личности Н. Гоголя. Оним *Невский проспект* под пером автора приобретает целый набор семантических признаков. Топопозетоним выступает в качестве текстообразующего элемента повести.

Ключевые слова: топовозетоним, оним, поэтоним, онимное пространство.

SUMMARY

Brazhnik L. M. The status of a proper name in the story «Nevsky Prospekt» by N. Gogol

The article deals with the phenomenon of proper name as a unit of linguistic personality of N. Gogol. The onym *Nevsky Prospekt* under the pen of the author acquires a whole set of semantic features. The toponym acts as a text-forming element of the story.

Key words: toponym, onym, poetonym, onym space.

УДК 81'373.611–613.811.111

АССИМИЛЯЦИЯ ЗАИМСТВОВАНИЙ СО ЗНАЧЕНИЕМ
‘ВЕСЕЛЬЕ’ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Развитие изучения вопросов ассимиляции заимствованных слов в английском языке предполагает не только фрагментарное изучение отдельных лексем, но и системный анализ семантических групп. Адаптации заимствований на фонетическом, графическом, семантическом, грамматическом и др. уровнях посвящены научные труды Антрушиной Г. Б., Арбековой Т. И., Арнольд И. В., Багинской И. Н., Беляевой С. А., Галуцких И. А., Зацного Ю. А., Ефремова Л. П., Павленко Г. В., Секирина В. П., Смирницкого А. И., Тамерьян Т. Ю. и др.

Цель предлагаемой публикации заключается в анализе ассимиляции заимствованных существительных со значением ‘веселье’ в английском языке.

Для достижения цели обозначены следующие задачи: создание базы английских синонимических субстантивов со значением ‘веселье’, изучение этимологических характеристик исследуемых единиц, рассмотрение графической, семантической, грамматической, словообразовательной, фразеологической адаптации заимствований этой группы.

В английском языке в синонимическую группу существительных со значением ‘веселье’ входит 20 единиц: исконные (*gladness, glee, liveliness*) и заимствованные, которые представляют собой как собственно заимствованные единицы (*cheer, fun, hilarity, joy, mirth, vivacity*), так и те, которые были образованы на базе адаптированных в английском языке слов при помощи исконных и заимствованных аффиксов (*animation, cheerfulness, exhilaration, festivity, frolic, gaiety, jollity, joviality, joyfulness, merriment, sprightliness*). Все синонимы являются идеографическими, так как отличаются дополнительными характеристиками понятия, которое они передают, и некоторые из синонимов также представляют класс стилистических, так как относятся к определенному стилю общения (употребление слов *cheer, jollity* и *joviality* является формальным, *merriment* и *mirth* – литературным, *gaiety* – устаревшим, а *frolic* употребляется в письменной речи).

Синонимической доминантой, по нашему мнению, является слово *fun*, поскольку оно является субстантивом с общим значением, а именно, ‘веселье, удовольствие, радость,

развлечение' ('an experience or activity that is very enjoyable and exciting', 'behaviour that is not serious and shows happiness and enjoyment').

Значения других единиц в словарях [1-5] представлены следующим образом:

animation – 'liveliness and excitement', 'the process of making animated films, television programmes, computer games', 'a film, television programme, computer game etc that has pictures, clay models etc that seem to be really moving' ('оживленность, волнение, радость', 'процесс производства анимационных фильмов, телевизионных программ, компьютерных игр', 'анимационные фильмы, телевизионные программы, компьютерные игры');

cheer – 'a feeling of happiness and confidence', 'a shout of happiness, praise, approval or encouragement', 'a special chant that the crowds of a US sports game shout in order to encourage their team to win' (форм. 'ощущение счастья и доверия, уверенности', 'крик счастья, похвалы, одобрения или поощрения'; 'специальное скандирование, которое болельщики спортивных игр в США кричат, чтобы подбодрить свою команду');

cheerfulness – 'a feeling of being happy and full of energy' ('жизнерадостность, веселость');

exhilaration – 'a feeling of being happy, excited, and full of energy' ('чувство счастья, воодушевления, полноты сил');

festivity – 'a happy feeling that exists when people celebrate something' ('чувство счастья и веселья, которые люди испытывают, когда празднуют что-либо'), а также употребление формы множественного числа *festivities* – 'things such as drinking, eating, or dancing that are done to celebrate a special occasion' ('такие действия, как питье, еда, танцы, которые происходят во время празднования');

frolic – 'a fun enjoyable game or activity' (письм. 'веселье, шалость');

gaiety – 'happiness and excitement' (устар. 'счастье, оживленность'), а также употребление формы множественного числа *gaieties* – 'enjoyable events or activities' ('приятные события или мероприятия');

gladness – 'the state of being glad, joy, happy and excited' ('радость, счастье, ликование');

glee – 'a feeling of satisfaction and excitement, often because something bad has happened to someone else' ('ликование, веселье, радость, злорадство');

hilarity – 'laughter, or a feeling of fun' ('шумное веселье');

jollity – 'when people are happy and enjoying themselves' (форм. 'состояние, когда люди счастливы, веселятся');

joviality – ‘the quality in a person of being friendly and in a good mood, or of a situation being enjoyable, friendly and pleasant’ (форм. ‘общительность, веселость, жизнерадостность’);

joy – ‘great happiness or pleasure’, ‘something or someone that gives you happiness and pleasure’ (‘огромное счастье и удовольствие’, ‘что-то или кто-то, что или кто приносит тебе счастье и удовольствие’);

joyfulness – ‘the quality of being very happy’ (‘огромное счастье, радость’);

liveliness – ‘vivacity and excitement’ (‘веселость, живость, оживление’);

merriment – ‘laughter, fun, and enjoyment’ (литер. ‘веселье, развлечение, радость’);

mirth – ‘happiness and laughter’ (литер. ‘веселье, радость’);

sprightliness – ‘the quality of being energetic and in good health, especially when you are old’ (‘бодрость’);

vivacity – ‘the quality of being attractively energetic and enthusiastic’ (‘живость, бодрость, оживленность’).

Представляется возможным определить степень графической адаптации собственно заимствованных анализируемых субстантивов при сопоставлении их с написанием единиц в языке, из которого они были заимствованы, а именно, *cheer* (англ.) – *chere* (фр.), *fun* (англ.) – *fonn* (кельт.), *hilarity* (англ.) – *hilarité* (фр.), *joy* (англ.) – *ioye* (фр.), *mirth* (англ.) – *mear* (кельт.), *vivacity* (англ.) – *fvivacité* (фр.), графическая форма которых отличается в языке-реципиенте и в языке, из которого слова были заимствованы.

Другие заимствования образованы на базе иностранных слов, которые уже были ассимилированы в английском языке: *animation* – *animate* (англ.) – *animatus* (лат.), *cheerfulness* – *cheerful* – *cheer* (англ.) – *chere* (фр.), *exhilaration* – *exhilarate* (англ.) – *ex-hilarare* (лат.), *festivity* – *festive* (англ.) – *festivus* (лат.), *frolic* сущ. – *frolic* прил. (англ.) – *vrolijk* (датск.), *gaiety* – *gay* (англ.) – *gai* (фр.), *jollity* – *jolly* (англ.) – *joli* (фр.), *joviality* – *jovial* (англ.) – *jovial* (фр.), *joyfulness* – *joyful* – *joy* (англ.) – *ioye* (фр.), *merriment* – *merry* (англ.) – *mear* (кельт.), *sprightliness* – *sprightly*, которое считается неправильным написанием слова *spritely* – *sprite* + *ly* (англ.) – *spirit* – *esprit* – *spirit* (фр.).

Способность существительных образовывать множественное число при помощи типичной для английского языка флексии *-(e)s* является показателем грамматической адаптации данных единиц. Обратим внимание на тот факт, что исследуемые субстантивы передают абстрактное понятие и считаются неисчисляемыми в английском языке,

за исключением тех случаев, когда многозначная единица в одном из своих значений становится исчисляемой. Так, существительное *cheer* является исчисляемым (множественное число *cheers*) в двух значениях ‘крик счастья, похвалы, одобрения или поощрения’ и ‘специальное скандирование, которое болельщики спортивных игр в США кричат, чтобы подбодрить свою команду’, субстантив *joy* исчисляемое (множественное число *joys*) в значении ‘что-то или кто-то, что или кто приносит тебе счастье и удовольствие’, *animation* (множественное число *animations*) – ‘анимационные фильмы, телевизионные программы, компьютерные игры’. Как уже отмечалось выше, только множественная форма слов *festivity* и *gaiety* употребляются в определенных значениях (*festivities* – ‘такие действия, как питье, еда, танцы, которые происходят во время празднования’, *gaieties* – ‘приятные события или мероприятия’). Отдельные примеры представляют существительные *frolic*, которое является исчисляемым (множественное число *frolics*) и неисчисляемым в одном значении, и *jollity*, форма единственного и множественного числа употребляется в одном значении (множественное число *jollities*). Что касается, существительных *mirth*, *vivacity*, *cheerfulness*, *exhilaration*, *joyfulness*, *merriment*, *sprightliness*, то их формы множественного числа *mirths*, *vivacities*, *cheerfulnesses*, *exhilarations*, *joyfulnesses*, *merriments*, *sprightlinesses*, соответственно, не являются кодифицированными, однако уже предлагаются Интернет-источниками [6].

С целью определения семантического развития единиц сопоставим значения исследуемых субстантивов в английском языке и в языке, из которого они были заимствованы. Собственно заимствованные: *cheer* (англ.) – *chere* (фр.) ‘face’ – *cara* (лат.) ‘face’ – *kara* (гр.) ‘the head’, *fun* (англ.) – *fonn* (кельт.) ‘delight, pleasure, a tune, song’, *hilarity* (англ.) – *hilarité* (фр.) – *hilaritatem* (лат.) – *hilaris* / *hilarus* (лат.) ‘cheerful’ – *hilaros* (гр.) ‘cheerful’, *joy* (англ.) – *ioye* (фр.) – *gaudia* (лат.) – *gaudere* (лат.) ‘to rejoice’, *mirth* (англ.) – *meor* (кельт.) ‘merry, sportive’, *vivacity* (англ.) – *fvivacité* (фр.) ‘liveliness’ – *uiuacitatem* (лат.) ‘liveliness’. Образованные от адаптированных заимствованных единиц: *animation* – *animate* (англ.) – *animatus* (лат.) – *animare* (лат.) ‘to endue with life’ – *anima* (лат.) ‘life’, *cheerfulness* – *cheerful* – *cheer* (англ.) – *chere* (фр.) ‘face’ – *cara* (лат.) ‘face’ – *kara* (гр.) ‘the head’, *exhilaration* – *exhilarate* (англ.) – *ex-hilarare* (лат.) ‘to gladden greatly’, *festivity* – *festive* (англ.) – *festiuus* (лат.) ‘belonging to a feast’ – *festum* (лат.) ‘a feast’, *frolic* сущ. – *frolic* прил. (англ.) – *vrolijk* (датск.) ‘sportive,

merry, *gaiety* – *gay* (англ.) – *gai* (фр.) ‘quick, lively’, *jollity* – *jolly* (англ.) – *joli* (фр.) – *jolif* (фр.) ‘jolly, gay, trim, fine’, *joviality* – *jovial* (англ.) – *jovial* (фр.) ‘sanguine, lit. born under the lucky planet Jupiter’, *joyfulness* – *joyful* – *joy* (англ.) – *ioye* (фр.) – *gaudia* (лат.) – *gaudere* (лат.) ‘to rejoice’, *merriment* – *merry* (англ.) – *mear* (кельт.) ‘merry, sportive’, *sprightliness* – *sprightly* (англ.) – *sprite* + *ly* (англ.) – *spirit* (фр.) – *esprit* (фр.) – *spirit* (фр.) – *spiritum* (лат.) – *spiritus* (лат.) ‘breath’ – *spirare* (лат.) ‘to breathe’.

Показателем ассимиляции заимствования на лексическом уровне является его полисемантичность. В результате проведенного анализа было установлено, что в исследуемой группе субстантивов моносемичные единицы (*cheerfulness*, *exhilaration*, *frolic*, *hilarity*, *jollity*, *joviality*, *joyfulness*, *merriment*, *mirth*, *sprightliness*, *vivacity*) доминируют над полисемичными (*animation* и *cheer* – по 3 значения, *festivity*, *fun*, *gaiety* и *joy* – по 2 значения).

Одним из важных признаков адаптации заимствований в языке-реципиенте является его словообразовательный потенциал, показателем реализации которого являются производные от данной единицы, т.е. его словообразовательная продуктивность. Наибольшей продуктивностью на данный момент развития языка характеризуется субстантив *cheer*, у которого 10 дериватов (*to cheer*, *cheerful*, *cheerfully*, *cheerfulness*, *cheerleader*, *cheerleading*, *cheerless*, *cheerlessness*, *cheers*, *cheery*). Меньшей реализацией словообразовательного потенциала характеризуются следующие субстантивы: *fun* (5 производных слова: *fun* прил., *funnys*, *funnily*, *funnyman*, *funnywoman*), *mirth* (3 деривата: *mirthful*, *mirthless*, *mirthlessly*), также 2 производные единицы у слова *hilarity* (*hilarious*, *hilariously*) и одна – у слова *vivacity* (*vivacious*). От остальных заимствованных субстантивов производные слова на данный период развития языка не зафиксированы словарями.

Нереализованные словообразовательные способности могут быть объяснены несколькими факторами. Во-первых, тем, что большая часть данных заимствований была произведена от других единиц: *animation* – *animate*, *cheerfulness* – *cheerful*, *exhilaration* – *exhilarate*, *festivity* – *festive*, *frolic* сущ. – *frolic* прил., *gaiety* – *gay*, *jollity* – *jolly*, *joviality* – *jovial*, *joyfulness* – *joyful*, *merriment* – *merry*, *sprightliness* – *sprightly*. Во-вторых, исследуемые единицы характеризуются незначительной частотностью употребления. Из всей группы только 2 заимствованные единицы входят в группу трех тысяч наиболее частотных слов: *fun* – во вторую тысячу в устной речи и в третью тысячу в письменной речи и *joy* – в третью тысячу в письменной речи. Более того, дериват

субстантива *fun* – *funny* входит в третью тысячу частотных слов в письменной речи.

Среди исконных существительных синонимической группы только у субстантива *glee* зафиксировано 2 деривата (*gleeful* и *gleefully*). От существительных *gladness* и *liveliness* производные не образованы, что также может быть объяснено двумя выше перечисленными факторами, а именно, низкой частотностью употребления и производной структурой.

Только одна ассимилированная лексема характеризуется фразеологической активностью, а именно, нами зафиксированы 2 фразеологизма с существительным *fun*: *to have fun and games*, обозначающее ‘испытывать трудности при выполнении какой-либо работы’ (*‘to have difficulty doing something’*), и *not to be all fun and games* со значением ‘быть трудным или неприятным’ (*‘If an activity is not all fun and games, parts of it are difficult or unpleasant’*) [5].

Следовательно, результаты проведенного анализа свидетельствуют о том, что субстантивы со значением ‘веселье’, которые были заимствованы английским языком, в разной степени являются полностью или частично адаптированными на графическом, семантическом, грамматическом, словообразовательном или фразеологическом уровнях английского языка.

Перспективным направлением считаем сопоставительное изучение адаптации заимствований со значением ‘веселье’ и их антонимов, таких как *sorrow*, *sadness*, *melancholy*, *grief*, *mourning*, *affliction*, *melancholy* и др.

ЛИТЕРАТУРА

1. Девлин Дж. Словарь синонимов и антонимов английского языка / Девлин Дж. – М. : Центрполиграф, 2005. – 559 с.
2. Новый англо-русский словарь / В. К. Мюллер, В. Л. Дашевская, В. А. Каплан и др. – 5-е изд. – М. : Рус. яз., 1998. – 881 с.
3. Longman Dictionary of Contemporary English / dir. D. Summers. – Oxford : Pearson Education Limited, 2006. – 1951 p.
4. Skeat W. W. The Concise Dictionary of English Etymology / W. W. Skeat. – London : Wordsworth Editions Limited, 2007. – 643 p.
5. Cambridge dictionary [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english>
6. Glosbe [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://ru.glosbe.com>

АННОТАЦИЯ

Волкова Н. В. Ассимиляция заимствований со значением ‘веселье’ в английском языке

В статье рассматривается вопрос ассимиляции заимствованных единиц со значением ‘веселье’ в английском языке. Автор анализирует адаптацию данных субстантивов на графическом, семантическом, грамматическом, словообразовательном и фразеологическом уровнях.

Ключевые слова: ассимиляция, субстантив, заимствованная единица, исконная единица, значение, веселье.

SUMMARY

Volkova N. V. The assimilation of borrowings meaning ‘fun’ in English

The article deals with the problem of the assimilation of borrowings meaning ‘fun’ in English. The author studies the adaptation of these substantives on the graphic, semantic, grammatical, word-forming and phraseological levels.

Key words: assimilation, substantive, borrowed unit, native unit, meaning, fun.

*В. А. Вострецова,
Б. А. Гайдаржиев
(г. Горловка, ДНР)*

УДК 811’25:81.373:791.43

СИСТЕМА ИМЕН СОБСТВЕННЫХ МУЛЬТФИЛЬМА «ZOOTOPIA» В ОРИГИНАЛЕ И ПЕРЕВОДЕ

Имена собственные являются неотъемлемой частью современной жизни, без которой невозможно представить полноценно функционирующее общество. Необходимо отметить, что именно эти лексические единицы используются собеседниками для того, чтобы индивидуализировать и персонифицировать определенных людей, существ и явления. Итак, имя собственное – это «слово, словосочетание или предложение, которое служит для выделения именуемого им объекта из ряда подобных, индивидуализируя и идентифицируя данный объект» [1, с. 473].

Среди лингвистов нет никаких разногласий по поводу того, что имена собственные являют собой особенный и отдельный лексический слой, требующий индивидуального подхода в

изучении. Именно поэтому возникла ономастика (от др.-греч. – искусство давать имена) – наука по изучению характера имен собственных, их истории и закономерностей возникновения, а также применения их на практике. Такие знаменитые представители отечественной лингвистики, как, А.П. Дульзон, В.Н. Михайлов, Э. М. Мурзаев, Е.С. Отин, А.А. Реформаторский и др., внесли неоспоримый вклад в становление и развитие ономастики как отдельной и полноценно функционирующей науки.

В то же самое время существует еще и другое мнение, что имена собственные по происхождению и образованию своему, завися более всех слов в языке от произвола человеческого, менее всех слов подчиняются общим законам мысли и словообразования, и оттого более всех прочих слов носят и отражают на себе следы каприза и фантазии человеческой, более всех слов не повинуются правилам языка и становятся неудобопонятными и невразумительными [2, с. 2]. В именах собственных нередко отражается характер и дух народа <...> имена служат сокращенной историей внутреннего быта и духа народного <...> там, где безмолвствуют саги, начинают повесть собственные имена» [2, с. 6]. В данном случае мы можем наблюдать более философский подход к изучению имен собственных.

В любом случае невозможно отрицать тот факт, что имена собственные являются серьезным вызовом для каждого переводчика, сталкивающегося с ними в ходе профессиональной деятельности. Здесь перед специалистами стоит задача не просто перекодировать слова и словосочетания с одного буквенного кода на другой, как привыкли думать начинающие переводчики, а добиться такого результата в целевом языке, который бы адекватно передавал прагматику оригинальных имен собственных и не противоречил общепринятым правилам правописания и произношения. Данный процесс усложняется тем, что на сегодняшний день существуют различные способы перевода имен собственных, каждый из которых может применяться в определенных условиях для достижения наиболее адекватного варианта перевода. Общепризнанными способами перевода выступают калькирование, переводческая транскрипция, транслитерация и просто транскрипция.

На сегодняшний день одним из самых сложных и трудоемких текстов в плане анализа и передачи имен собственных с английского языка на русский можно смело назвать мультипликационный фильм “Zootopia”. Важно отметить, что данная картина является настоящим шедевром современной киноиндустрии, который показывает проблемы современного

общества на примере жизни животных. Мультфильм рассказывает историю о том, что провинциальный житель может найти свое место под солнцем в условиях мегаполиса. Интересным для нашего исследования является тот факт, что создатели мультфильма максимально правдоподобно показали самые типичные характеры людей, выражая их через особенные повадки зверей. Немаловажную роль в этом сыграли имена этих зверей. Имена собственные изобилуют в рассматриваемом нами мультипликационном фильме.

Часть имен животных сформированы с помощью элементов, указывающих на то, что это именно фамилии, а не клички животных. Например, использованы такие элементы: -ton -er, -ov, -aby, -o, -i, -s, -ey (*Otterton, Weaselton, Clawhauser, Fangmeyer, Woolter, Snarlov, Trunkaby, Grizolli, Hopps, Manchas*), а также Mac/Mc и -son (*McHorn, Oryx-Antlerson*). Также в некоторых случаях были использованы реально существующие фамилии людей (*Wilde, Higgins*), названия животных без каких-либо изменений (*Badger, Bellwether, Gazelle, Armadillo*), измененные названия животных, в которых четко угадывается по написанию или произношению название животного (*Yax – yak, Finnick – fennec*). Мы также выявили случаи использования сложных фамилий, состоящих из двух существительных, что указывает на довольно распространенную практику при формировании фамилий в английском языке (*Cottontail, Moosebridge, Lionheart, Slothmore*).

Интересным является тот факт, что, несмотря на то, какой способ формирования фамилии использован, внутри нее почти во всех примерах присутствует лексема, указывающая на принадлежность носителя фамилии к миру животных по какому-то признаку: название животного, часть тела животного, издаваемый животным звук (*moose – лось, otter – выдра, weasel – ласка, fang – клык, tail – хвост, claw – коготь, antler – олений рог, hop – прыгать, snarl – рычать, growl – рычать*).

В качестве имен главных и второстепенных персонажей мультфильма используются реальные имена людей (*Kevin, Doug, Nick, Judy, Dawn, Benjamin, Bonnie, Leodore, Emmitt, Jerry, Madge, Peter, Travis, Priscilla, Larry*).

Представленные примеры позволяют сделать вывод, что авторы мультфильма пытались создать для него отдельную систему имен собственных. В целом можно отметить, что им это удалось, так как фамилии персонажей отображают человеческие черты характера через особенности, присущие животным, которых они именуют. Однако, из единой системы выбиваются персонажи в качестве фамилий которых использованы имена животных без каких-либо изменений, указывающих на то, что

это именно фамилии. Отличным ходом считаем то, что в качестве имен персонажей были выбраны имена людей, что также позволяет провести параллель с миром человека.

При переводе рассматриваемого мультфильма на русский язык перед переводчиками возникло сложное задание – передать имена собственные, использованные в данном мультфильме. Наиболее простой для передачи группой считаем имена животных. Как уже было сказано выше, в качестве имен животных были использованы имена людей. Распространенные имена обычно не вызывают трудностей при переводе, так как для них в других языках, в нашем случае в русском, уже давно существуют устойчивые варианты и применяются определенные способы передачи.

Изучив все имена собственные в данном мультипликационном фильме, мы распределили их по группам в зависимости от способа перевода: 1) калькирование, 2) переводческая транскрипция, 3) транскрипция, 4) транслитерация, 5) комбинированный подход.

Результаты анализа имен собственных в указанном мультфильме показали, что больше половины имен собственных были переведены с применением калькирования. Этот факт легко объясняется природой имен собственных, которые были использованы в самом кинопродукте. Дело в том, что создатели мультфильма невероятно тщательно подошли к выбору имени для каждого конкретного персонажа, пытаясь как можно больше «очеловечить» их, чтобы сделать мультфильм максимально понятным и интересным даже для взрослых зрителей. Именно поэтому данные имена собственные и должны быть переведены с использованием калькирования, ведь это «воспроизведение не звукового, а комбинаторного состава слова или словосочетания, когда составные части слова (морфемы) или фразы (лексемы) переводятся соответствующими элементами переводящего языка» [3, с. 605]. Более того, только в случае перевода имени собственного с помощью калькирования реципиент получает возможность познакомиться с первоначальной задумкой автора, которая была вложена в конкретного персонажа и в конкретное имя собственное (*Rhinowitz – Носорожец, Zootopia – Зверополис, Flash – Блиц, Clawhauser – Когтяузер, Trunkaby – Хоботовски, Snarlov – Рыксон, Weaselton – Хорькович, Wolfard – Волкас*).

Гораздо реже в анализируемом тексте для передачи имен собственных используются приемы транскрипции (*Reymond – Реймонд, Grizzoli – Гризели*) и транслитерации (*Big – Биг, Gary – Гари*). Эти способы перевода имен собственных применяются в тех случаях, когда сами лексические единицы не содержат в себе какое-либо скрытое значение, которое обязательно нужно

передать реципиенту. Более того, для использования этих способов перевода английские имена собственные должны иметь определенную форму, которая бы не была слишком чуждой для отечественных зрителей. В противном же случае нужно использовать переводческую транскрипцию.

Именно по причине указанного выше переводческая транскрипция применялась гораздо чаще по сравнению с просто транскрипцией и транслитерацией. Объяснением здесь может служить то, что довольно распространенными бывают случаи, когда переводчик из-за определенных различий в морфологии английского и русского языков не может выбрать, передать имя собственное с помощью только транслитерации или только транскрипции. Именно в таких случаях ему на помощь и приходит переводческая транскрипция – способ перевода, одновременно сочетающий в себе характерные признаки двух предыдущих способов перевода. Поэтому переводческая транскрипция применяется в тех случаях, когда оригинальное имя собственное при переводе только с транскрипцией или транслитерацией будет иметь неблагозвучную форму, что сделало бы текст не совсем адекватным с переводческой точки зрения (*Doug – Дуглас, Francine – Франциско, Higgins – Гиннис, Finnick – Фенёк*).

Помимо ранее названных способов перевода, нами были обнаружены также лексические единицы, которые были переведены с помощью комбинирования двух или более способов. Чаще всего встречается сочетание транскрипции и калькирования, при котором одна часть имени собственного буквально переводится, а другая часть сохраняет свою форму с применением буквенного кода целевого языка (*McHorn – Мак Рог, Otterton – Выдрингтон, Thundratown – Тундра-таун*). Мы считаем, что данный феномен появился в рассматриваемом мультфильме из-за того, что невозможно добиться адекватного варианта перевода определенных лексических единиц только с помощью одного из перечисленных способов. Такой подход сделал бы текст перевода сухим, невыразительным и не совсем понятным для целевой аудитории. К счастью, переводческая транскрипция позволяет переводчикам избежать подобных проблем.

Необходимо указать, что в русскоязычной версии была создана новая система имен героев, для которой стало характерным использование окончаний, указывающих на происхождение фамилий и национальную принадлежность.

Исходя из нашего исследования, твердо можно заявить, что имена собственные представляют определенный и особенный

пласт лексики. Также мы можем утверждать, что переводчики должны очень внимательно подходить к переводу каждого отдельно взятого имени собственного для того, чтобы добиться наиболее адекватного результата в целевом языке, так как выбор варианта перевода зависит только от природы и характера оригинальных имен собственных. Поэтому адекватность перевода и его качества зависят от самого переводчика и от его квалификации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Лингвистический энциклопедический словарь / Под ред. В. Н. Ярцевой; Ин-т языкознания АН СССР. – М. : Сов. энцикл., 1990. – 682 с.
2. Морошкин М. Я. Славянский именослов / М. Я. Морошкин. – СПб., 1867. – 592 с.
3. Чернов А. А. Классификация переводческих трансформаций при переводе имен собственных на материале серии книг Т. Гудкайнда «Меч истины» / А. А. Чернов // V Всероссийский смотр научных и творческих работ иностранных студентов и аспирантов. – 2011. – С. 604–606.

АННОТАЦИЯ

Вострецова В. А., Гайдаржиев Б. А. Система имен собственных мультфильма «Zootopia» в оригинале и переводе

В данной статье рассматривается природа имен собственных как особенных лексических единиц; анализируется мультфильм «Zootopia» с точки зрения создания и употребления имен собственных; объясняются закономерности при выборе варианта перевода для отдельно взятых имен собственных.

Ключевые слова: имя собственное, калькирование, транслитерация, транскрипция, переводческая транскрипция.

SUMMARY

Vostretsova V. A., Gaidarzhiev B. A. The system of proper names in «Zootopia»: original and translation

The article considers the nature of proper names as peculiar lexical units; «Zootopia» cartoon in terms of creating and using proper names is analyzed; regularities in choosing a translation variant for separate proper names are justified.

Key words: proper name, loan translation, transliteration, transcribing, practical transcribing.

УДК 81'22

СРЕДСТВА ОБЪЕКТИВАЦИИ ЧЕРТЫ «СВОЙ – ЧУЖОЙ» В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ С. ГОРОДЕЦКОГО

Изучение русского культурного пространства тесно связано с понятием кода культуры, который используется исследователями для обозначения транслируемых из поколения в поколение культурных смыслов. Учёные (см. [Красных 2003; Пименова 2009; Багаутдинова 2007; Дормидонтова 2009] и др.) отмечают, что коды культуры соотносятся с древнейшими архетипическими представлениями и образуют своеобразную систему координат, зафиксированную в знаках языка и формирующую картину мира человека и/или этноса. Как любое явление, они имеют ряд характерных черт: «самодостаточность культуры; открытость к изменениям; универсальность» [4, с. 202]. Однако их вербализация в каждой конкретной культуре национально детерминирована.

Современные исследователи предлагают различные типологии кодов культуры, выделяя, согласно О.А. Дормидонтовой и В.В. Красных [4, с. 202; 5, с. 298], анатомический / телесный, природный / растительный / вегетативный / фитоморфный, зооморфный / анимальный / териоморфный, перцептивный / чувственный, соматический / антропоморфный, предметный / вещный / артефактный, гастрономический / пищевой, акциональный / поведенческий, метеорологический, химический, цветовой, пространственный, временной, духовный, теоморфный / божественный, галантерейный, игровой, математический, медицинский, музыкальный, этнографический, экологический, экономический и др. Чтобы сократить данный ряд, учёные описывают только базовые, или в терминах В.В. Красных, «крупные» коды культуры, к которым относят соматический, пространственный, временной, предметный, биоморфный и духовный [5, с. 298].

Отметим, что основу перечисленных кодов культуры образуют основные оппозиции культуры, в числе которых и противопоставление «свой – чужой», репрезентирующее пространственный код культуры. Последний мы, вслед за В.В. Красных, трактуем как представления о членении мира и его устройстве [5, с. 299].

Целью статьи является описание средств объективации черты пространственного кода «свой – чужой» в произведениях носителя русской лингвокультуры С. Городецкого.

Анализируемая оппозиция признаётся одной из основных для русского культурного пространства (термин В.В. Красных – Ю.Д.). В языковом опыте этноса лексема *свой* указывает на «родное или связанное близкими отношениями, совместной работой, общими убеждениями и т. п.» [7], а вербальный знак *чужой*, напротив, эксплицирует представление о «не связанном близкими отношениями; постороннем» [7]. В русской культуре данная черта проявляется на разных уровнях: это категоризация и пространства, и социума.

Отметим, что человек может переходить из категории «свой» в категорию «чужой» и возвращаться обратно. Кроме того, «чужим» может считаться не только индивидуум, но и этнос. «Появление ‘чужих’ этносов объясняется нарушением этических норм в далеком прошлом (согласно болгарским легендам, турки произошли в результате инцеста матери и сына или от связи человека и животного – женщины и собаки, овчара и змеи) или контактами людей и нечистой силы (по легенде из Галиции, цыгане – потомки женщины и черта)» [6, с. 582]. «Своим» считается только родной этнос, который обладает привычным укладом жизни, оцениваемым как правильный, понятным языком, а также праведной верой.

Переход человека из «своего» к «чужому» показан в произведении «Смеретушка» С. Городецкого. Лирический герой переходит из мира живых в мир мёртвых. Причём сам переход осуществляется не в родном, близком пространстве, а именно в чужом, культурно не освоенном. Об этом просит сам герой, предчувствуя скорую смерть: *«Поеду в лес за хворостом, / Как будто запоздал, / А ты вот тут и выгляни, Пока закатец ал»* [3, с. 186].

Зона «чужого» в анализируемом стихотворении связана с образами смерти, или Смеретушки, и леса. Эти образы в русской лингвокультуре традиционно связаны с максимально удалённым от человеческого миром. Так, в лес отсылали все болезни, непогоду и нечистую силу. Как природная среда он противопоставлен культурному пространству. Именно лес в художественной картине мира С. Городецкого является местом встречи человека и смерти [3, с. 186–187].

Однако образ Смеретушки преломляется сквозь индивидуально-авторское видение мира. Лексемы *череп*, *зубы*, *коса* эксплицируют традиционную маску смерти. Отметим, что в русской лингвокультуре нет единого описания

смерти. Считается, что это фольклорный персонаж, позднее перешедший в библейские тексты. Атрибутами и символами смерти, согласно О. В. Вовку, являются человеческие останки (скелет, череп с костями) и артефакты (коса, гроб, венки) [2, с. 49]. Автор анализируемого текста изменяет облик смерти, чтобы его лирическому герою легче было принять переход в чужой мир. Смерть описывается как красивая девушка с помощью композитов *лицо-заря*, *душа-девица*, *полногрудая* и синтаксических конструкций *чтоб волосы раскинулись от леса до небес*; *чтоб жар вот так и жёг*.

В цикле стихотворений, объединённых названием «Смерть», данный образ претерпевает некоторые изменения. Традиционно для русской культуры смерть описывается как гость, который априори относился к зоне «чужого». Ср.: «Принадлежностью к сфере ‘чужого’ определяется в народной традиции особый статус **гостя**, **нищего** (странника), **священника**, **колдуна**, что проявляется в ‘ритуализованном’ отношении к ним» [6, с. 582]. В произведении «Пришла и постучалась...» С. Городецкого на статус гостя указывают слова *пришла*, *постучалась*, *дверь*, а также синтаксическая конструкция *руку дал я руке её немой*, которая эксплицирует ритуал приветствия. Отметим, что в рассматриваемом произведении зоны «своего» и «чужого» соприкасаются, поэтому образ смерти скрыт от других покрывалом. Свой лик она показывает только тому, кто уже принадлежит «чужому» миру: *«Поднявши покрывало, / Лицо мне показала. / Ужасен был изгиб / Одной брови над глазом. / Зрачок горел алмазом, / И пук волос прилип / К сырому лбу»* [3, с. 55]. Однако образ представителя «чужого» описывается с помощью лексем *лицо*, *бровь*, *глаз*, *зрачок*, *волосы*, *лоб*, которые эксплицируют представление о частях тела человека, следовательно, репрезентируют зону «своего». Кроме того, в стихотворении используется лексема *гроб*, которая также квалифицируется как символ смерти – «скорбный предмет» [2, с. 49].

Таким образом, в произведениях С. Городецкого черта «свой – чужой» эксплицируется как лексическими, так и синтаксическими средствами. Автор не только транслирует представления народа о переходе из зоны «своего» в зону «чужого», но и преломляет эти представления через своё мировидение.

Черта «свой – чужой» связана также с категоризацией пространства, которое организуется по полевому принципу. Ядром, или центром, выступает «человек и его ближайшее окружение (например: человек – дом – двор – село – поле). Степень ‘чужести’ возрастает по мере удаления от центра, ‘свое’

(культурное) пространство через ряд границ (забор, околица, река и т. п.) переходит в 'чужое' (природное), которое в свою очередь граничит или отождествляется с потусторонним миром» [6, с. 581]. В языковой картине мира этноса «чужой» мир часто эксплицируется сочетанием *тот свет*, т.е. «потустороннее, загробное существование человека в противоположность земному» [7].

Именно «тот свет» описывает С. Городецкий в другом стихотворении цикла «Смерть». Само состояние смерти эксплицировано лексемами *онемел, заворожен, сон, мёртвый, цепененье*, а образ смерти репрезентирован упоминанием её атрибута – *череп белый*. Ещё одним указанием на «чужой» мир является использованием автором колоратива *синий*. Данный цвет выражает представления о том свете, а также связывается с «местами обитания нечистой силы, выступает как атрибут 'чужого' пространства» [6, с. 640]. Ср.: «*Всё тот же синий и безглазый*» [3, с. 54]; «*Всё тот же синий и смешиливый*» [3, с. 54]; «*И ниже сонные покои, / И вот он синий небосвод*» [3, с. 54]. Лексемы *безглазый* и *смешиливый* квалифицируются нами как указание на облик смерти. Представление о «чужом» мире объективировано в произведении и словосочетанием *лесной сосной*, которое называет место действия – далеко за пределами окультуренного человеком пространства.

Итак, в произведениях С. Городецкого оппозиция «свой – чужой» эксплицирована различными языковыми средствами: это и имена мифических существ (например, *Смерть, Смеретушка*), и лексемы, и синтаксические конструкции. Отметим, что сами произведения, их композиция, также репрезентируют анализируемую черту русской лингвокультуры. С. Городецкий строит стихотворения на противопоставлении «своего» и «чужого» миров, каждый из которых может оказаться по-своему близок человеку. Индивидуально-авторское видение процесса перехода в другой мир, отображённое в текстах, основано на традиционных для русской лингвокультуры представлениях и требует дальнейшего детального изучения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бидерманн Г. Энциклопедия символов / Г. Бидерманн ; Пер. с нем. ; Общ. ред и предисл. И. С. Свенцицкой. – М. : Республика, 1996. – 335 с.
2. Вовк О. В. Энциклопедия знаков и символов / О. В. Вовк. – М. : Вече, 2006. – 528 с.
3. Городецкий С. Избранные сочинения / С. Городецкий. – Т. 1. – М. : Художественная литература, 1987. – С. 185–187.

4. Дормидонтова О. А. Коды культуры и их участие в создании языковой картины мира (на примере гастрономического кода в русской и французской лингвокультурах) / О. А. Дормидонтова // Вестник ТГУ. – 2009. – № 9. – С. 201–205.
5. Красных В. В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? / В. В. Красных. – М. : ИТДГК «Гнозис», 2003. – 375 с.
6. Славянские древности : Этнолингвистический словарь [в 5-ти т.] ; Под общ. ред. Н. И. Толстого. – Т. 4. – М. : Международные отношения, 2009. – 656 с.
7. Словарь русского языка : в 4-х т. [Электронный ресурс] ; Под ред. А. П. Евгеньевой. – 3-е изд. стереотип. – Режим доступа к ресурсу: <http://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/default.asp> (дата обращения: 13.12.2018 г.)

АННОТАЦИЯ

Дмитриева Ю. Л. Средства объективации черты «свой – чужой» в произведениях С. Городецкого

В статье рассматриваются средства экспликации одной из основных черт лингвокультуры – «свой – чужой» в поэтических текстах С. Городецкого. Данная черта репрезентирует пространственный код русской культуры.

Ключевые слова: лингвокультура, образ, картина мира, средства вербализации.

SUMMARY

Dmitrieva J. L. Means of objectivization of the feature «one's own – another's» in the works of S. Gorodetsky

The article discusses the means of explication of one of the main features of the linguoculture – «one's own – another's» in poetic texts by S. Gorodetsky. This feature represents the spatial code of Russian culture.

Key words: linguoculture, image, picture of the world, means of verbalization.

*Н. А. Жихарева,
А. А. Карпенко
(г. Горловка, ДНР)*

УДК 81'42

О НЕКОТОРЫХ АСПЕКТАХ ДИСКУРСИВНОГО АНАЛИЗА АНГЛОЯЗЫЧНЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ТЕКСТОВ

Повышенный интерес к дискурсивному анализу политических текстов в целом обусловлен тем, что долгое время в рамках доминирующей концепции классического структурализма коммуникация рассматривалась вне антропоцентричности данного социального действия. В результате анализ коммуникативного действия в данном контексте был представлен в своей упрощённой форме, «словно никто ничего не утверждает, ничего не отрицает, ни о чем не вопрошает, ни к чему не приглашает и не восклицает; получается, что некому воспринимать речь, а значит, и отвечать, исполнять, реагировать» [1, с. 222]. Из недостатков такого подхода следует выделить игнорирование факта, когда языковая система «уподобляется» отношениям коммуникантов в определённых случаях, а не функционирует в соответствии своим внутренним законам.

В наше время существует много научных публикаций и статей, которые посвящены изучению прагматической составляющей речи, однако на данном этапе исследования языковых единиц следует использовать и прагмасемантический подход. Необходимость использования такого подхода обусловлена существованием проблемы соотношения значения и смысла. Значение языкового знака «определяет то, какие свойства будут приписаны реалии, если она будет обозначена языковым знаком. Однако то, каким объектам будут приписаны эти свойства, зависит не от языка, а распределение объектов реального мира по денотативным классам различных языковых единиц не предопределяется однозначно значением этих единиц» [4, с. 47]. Большинство современных учёных согласны с таким утверждением, но, несмотря на это, в своих языковых исследованиях лингвисты чаще прибегают к лексико-семантическому разбору, где вычисляют дифференциальные признаки в семантике лексических единиц, поскольку это является основанием для определения значения слова. Смысл языкового знака обычно исследуется недифференцированно. Такие анализы проводят для подтверждения объёма значений лексических единиц. Учёные находят смысл в изолированных

предложениях, что на самом деле является «псевдосмыслом, теоретическим конструктом, абстрагированным от тех аспектов содержания, которые появлялись в актуальном предложении, т. е. при употреблении в общении» [3, с. 27].

Прагматический анализ текста – это комбинированное исследование семантики и прагматики языковых единиц, которое состоит из одновременного или поэтапного исследования значений слов, а также контекста, в котором они реализуются. Пристальное внимание уделяется именно прагматической составляющей, поскольку она позволяет конкретнее интерпретировать значения адресата и адресанта. При этом подходе стоит уделять внимание различным аспектам когнитивного пространства говорящего и слушающего, а именно социальным, гендерным, психологическим, возрастным и т.д., поскольку именно они влияют на проектирование смысла в высказывании.

Основными видами анализа политического дискурса являются собственно политический дискурсивный анализ (далее ПДА) и критический дискурсивный анализ (далее КДА).

Работы многих учёных сфокусированы на политическом дискурс-анализе, а именно исследования Р. Водака, Н. Форкла, Т. ван Дейка, В. И. Герасимова, М. В. Ильина, Е. И. Шейгал, А. А. Казанцева. Не только научные издания уделяют внимание проблемам методологии политического дискурс-анализа, но также и филологические периодические издания, такие как «Политические исследования», «Политическая наука», «Языковая личность», «Вопросы филологии», альманах «Дискурс-Пи».

Имея локализованный анализ политического дискурса в более широком критически важном подходе к дискурсу, мы считаем, что такой анализ должен быть не только вкладом в исследования дискурса, но и в политическую и социальную науки в более общем плане. Это означает, что ПДА должен иметь возможность отвечать на реальные и актуальные политические вопросы и решать проблемы, которые обсуждаются в политической науке. Такие учёные, как П. Чилтон, М. Гейс, Д. Уилсон, анализирующие политический дискурс, являются лингвистами и аналитиками дискурса.

Однако при изучении использования или применения дискурсивных подходов в политической науке, мы приходим к выводам, что это одна из немногих социальных наук, на которую едва ли повлияли модные вирусы изучения текста. В политической науке изучаются политические коммуникации и риторика. Только некоторые из этих подходов недавно взяли более аналитическую ориентацию дискурса.

Для аналитика дискурса может быть очевидным действием представить аргумент, что большинство явлений в политике являются формами текста, но это не является убедительной причиной для политологов изменить свой нынешний подход к дискурсивному анализу: небольшой процент учёных готовы «сводить» свои методы к другим областям. Следовательно, мы должны показать, что проблемы в политической науке могут изучаться более широко и их должны воспринимать адекватно, т.к. эти проблемы имеют важное дискурсивное значение.

Анализ политического дискурса еще не совпадает с анализом политики. Признание актуальности дискурсивного анализа предполагает возможную реализацию тривиального факта, и многие способы осуществления политических действий часто включают в себя участие в дискурсивных практиках. Даже политологи в своих размышлениях, которые не работают над политическим сообществом или политической риторикой, согласятся с тем, что большинство политических актов и событий состоят из текста. Примеры варьируются от заседаний кабинета министров и парламентских дебатов, до бюрократической «волокиты» (документы различных типов) и форм вербального сопротивления, как в революционных трактатах и лозунгах во время демонстраций.

Вопрос заключается в том, что предлагает дискурсивный анализ таких коммуникативных политических событий, который расширяет наше понимание событий таким образом, чтобы у нас появилось более подробное понимание политического процесса. Для оценки политической значимости дискурсивного анализа нам необходимо более подробно рассмотреть контекстные функции различных структур и стратегий текста.

КДА является одним из самых распространённых методов анализа текста, особенно при анализе текстов политического дискурса. Чаще всего КДА встречается именно в политических исследованиях, что обусловлено тем, что данный тип анализа развивался под влиянием политических движений в шестидесятых годах прошлого века. Отношения между различными социальными классами, конкретно между мужчинами и женщинами, культурными и субкультурными группами – всё это представляет интерес для КДА. Области применения КДА являются абсолютно все темы, имеющие отношения к анализу социальной власти. Это могут быть и антисемитизм, и ксенофобия, и фашизм, и отношение общества к женщинам. Исходной точкой для КДА является неравенство и несправедливость, которые многократно используются и признаются в языке [5, с. 226].

КДА имеет с политологией концептуальную близость, исходя из этого можно выявить его достоинства и недостатки, а также методы для политических исследований. КДА является одним из перспективных методов для анализа политических текстов, поскольку несёт в себе прагматический характер и способность анализировать объект, который является динамичным и во времени, и в пространстве. Следует отметить, что КДА включает в анализ и коммуникативный аспект, который важен при анализе политических текстов современности. Одной из важных задач современной политической науки является операционализация, т. е. преобразование теоретического суждения с целью его эмпирической проверки, метода дискурсивного анализа [2, с. 67].

Приведем пример применения КДА при критическом анализе политического дискурса США, в котором особое место занимает обсуждение вопросов иммиграции и расизма. Предположим, что правый член парламента (и то же самое может быть справедливо для других депутатов или для элиты вне парламента, например, в СМИ), говорит речь о меньшинствах или иммиграции. Очевидное содержание этой речи не может выявить вопиющей анти-иммигрантской предвзятости, но мы все же (и депутаты) ощущаем, что есть что-то подозрительное в данной речи. Интуитивно, мы знаем, что скрытые свойства речи имеют функцию выражения ксенофобской или расистской точки зрения. Исследуя данный аспект, мы видим, что анализ дискурса может выявить формы скрытого расизма, и как именно они функционируют в конкретном контексте (и как они могут влиять на общественное мнение).

Исследования показали, что такая негативная «другая презентация» широко распространена в Западной Европе, а в последнее время также и в США, также среди элиты, что в особенности стало проявляться в связи с принятием Положения 187 в Калифорнии. Данное положение запрещает нелегальным иммигрантам пользоваться государственными институтами, такими как больницы и школы. Очевидно, что такой тонко расистский элитарный дискурс может повлиять на общественное мнение, главным образом через СМИ, если интересы крупных сегментов «белого» населения в целом согласуются с последствиями таких сообщений. Их цель – не позволить иммигрантам находиться на их территории. То есть дискурсивный вклад в репродукцию расизма в обществе (и то же самое относится к сексизму) – это очевидная, хотя и обычно отрицаемая, политическая функция политического дискурса. Таким образом, они являются не просто дискурсивным явлением политики: политики решают быть «жесткими» по отношению к

иммигрантам и ужесточить иммиграционные законы. Они в то же время вносят свой вклад в общественную повестку дня и в общественное мнение, которое таким образом регулируется, чтобы обеспечить необходимую легитимацию политических решений, которые могут быть юридически и морально сомнительными при нарушении международного права и прав человека.

То есть, сложность политических «фактов», которую мы берём во внимание, выходит за рамки простого дискурсивного анализа. Помимо адекватного описания, они также нуждаются в политическом объяснении. Для этого необходимо дополнительно проанализировать политический контекст таких дискурсивных практик и изучить преобладающие официальные нормы, идеологии и отношения относительно говорящих меньшинств. Необходимо быть уверенным в том, что открытые и публичные выражения негативных мнений могут быть услышаны как расистские, и, следовательно, их следует избегать, а также должны представить известные отказы от ответственности, такие как: *Мы ничего не имеем против чернокожих (беженцев и т.д.), но ...*

В то же время в таком контекстуальном анализе политической ситуации также необходимо указать, что политики предполагают, что крупные слои населения согласятся с неявным сообщением и будут выступать против дальнейшей иммиграции, если только это не будет экономически выгодно для нечестной конкуренции на рынке труда или жилья. Политическая экономия решений об иммиграции должна быть прописана. В результате кто-то получит выгоду, а кто-то проиграет на такой иммиграции (действительно, присутствие многих незаконных и плохо оплачиваемых беженцев может быть полезным для бизнеса).

В целом, подробный и сложный анализ политического дискурса в первую очередь обеспечивает прямое понимание дискурсивных политических практик, таких как заседания кабинета министров, парламентские дебаты, законы, бюрократические документы, партийная пропаганда, интервью в СМИ или протесты оппозиционных партий и организаций.

Эти политические акты, события и процессы требуют описания и анализа сами по себе. Необходимо проанализировать их организацию, структуру и влияния на политическое познание широкой общественности. Более интересна контекстуальная функциональность текста, которая также позволяет сделать надежные выводы о возможностях политического контекста (такие как отношения власти, расизм, групповые интересы), которые могут считаться скрытыми, отрицаемыми, или

неизвестными, или плохо сформулированными. Иногда очень агрессивные реакции на такие критические анализы (например, в средствах массовой информации) показывают, что «мы поступаем правильно», когда подвергаем сомнению лежащие в основе и часто едва сознательные ксенофобские или европоцентричные политические установки, политику и принципы.

В данный момент это важный вклад в анализ дискурса, если другие подходы (такие как данные переписи, полис, интервью или наблюдение участников) не могут предоставить такие тонкие формы доказательств. Очевидно, мы не утверждаем, что вся политика – это дискурс, и что весь политический анализ должен быть сведен к анализу дискурса. Особенно на более высоких уровнях описания, например, когда задействованы политические системы, организации, учреждения, сложные события и процессы, такой политический анализ имеет решающее значение и сам является условием для адекватного анализа дискурса. Но если мы приблизимся к той самой политике, которая происходит на самом деле, в повседневной жизни, то мы должны будем закончить анализ определённых высказываний политиков. Подробный дискурсивный анализ таких повседневных политических практик в этом случае не только способствует нашему пониманию этих дискурсивных практик как таковых, но также их отношений с социально-политическим контекстом и их подробных свойств, включая ограничения на дискурс, а также их возможное воздействие на умы широкой общественности. Именно этот интегрированный анализ предлагает более адекватное понимание сложности политических процессов, институтов и систем, то есть мы наблюдаем, как политики, журналисты и общественность думают, говорят и пишут о ключевых проблемах, и приходим к заключению, как такой дискурс и познание влияют на политические действия и, следовательно, на политическую структуру.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ажеж К. Человек говорящий. Вклад лингвистики в гуманитарные науки / Клод Ажеж. – М., Эдиториал УРСС, 2003. – 304 с.
2. Жеребцов М. В. Качественные методы в политической науке: теоретические основания и научный статус: дис. ... канд. полит. наук / М. В. Жеребцов. – М. : 2005. – 183 с.
3. Матвеев Р. Ф. Теоретическая и практическая политология / Р. Ф. Матвеев. – М. : Изд-во Ассоц. Рос. полит. энцикл. (РОССПЭН), 1993. – 239 с.

4. Селиверстова О. Н. Труды по семантике / О. Н. Селиверстова. – М. : Языки славянской культуры, 2004. – 960 с.
5. Тичер С. Методы анализа текста и дискурса / С. Тичер, М. Мейер, Р. Водак, Е. Веттер / Пер. с англ. – Х. : Изд-во «Гуманитарный Центр», 2009. – 356 с.
6. Chilton P. A. Analysing political discourse : theory and practice / Paul Anthony Chilton. – Psychology Press, 2004. – 226 p.

АННОТАЦИЯ

Жихарева Н. А., Карпенко А. А. О некоторых аспектах дискурсивного анализа англоязычных политических текстов

Данная статья посвящена особенностям дискурсивного анализа англоязычных политических текстов. Рассмотрены собственно политический и критический дискурсивный анализы политического дискурса. Выявлены и охарактеризованы аспекты когнитивного пространства говорящего и слушающего, которые необходимо учитывать при анализе англоязычных политических текстов: социальный, коммуникативный, гендерный, психологический, возрастной и т.д.

Ключевые слова: политический дискурсивный анализ, критический дискурсивный анализ, англоязычный политический текст, когнитивное пространство.

SUMMARY

Zhikhareva N. A., Karpenko A. A. On some aspects of discursive analysis of English-language political texts

This article is devoted to the discursive analysis of English-language political texts. Political proper and critical discursive analyses of political discourse are considered. The aspects of the cognitive space of the speaker and the listener (social, communicative, gender, psychological, age, etc.), which should be taken into account in the analysis of English-language political texts are identified and characterized.

Key words: political discursive analysis proper, critical discursive analysis, English-language political text, cognitive space.

УДК 81'367.32

К ВОПРОСУ О РАЗГРАНИЧЕНИИ ПОНЯТИЙ «РЕЧЕВОЙ АКТ», «КОММУНИКАТИВНЫЙ АКТ» И «ДИСКУРСИВНЫЙ АКТ»

В современной лингвистике мнения ученых, изучающих такие элементы речевой деятельности, как речевой акт, коммуникативный акт и дискурсивный акт, разнятся относительно четкого разграничения их как отличных друг от друга лингвистических терминов.

К примеру, речевой акт и коммуникативный акт часто используются как взаимозаменяемые понятия. А. Н. Приходько пишет: «Несмотря на то, что представление о речевом акте как об основной конститутивной единице речевой деятельности стало аксиоматическим, иногда в лингвистической литературе имеет место его синонимическая подмена термином “коммуникативный акт”» [9, с. 102]. При детальном рассмотрении этих двух терминов станет возможным установление некоторого соотношения между ними. Для этого необходимо определить их понятия и структуру.

Согласно Лингвистическому энциклопедическому словарю **«речевой акт** – это целенаправленное речевое действие, совершаемое в соответствии с принципами и правилами речевого поведения, рассматриваемое в рамках прагматической ситуации» [7, с. 223]. Однако, на наш взгляд, это определение довольно узкое, так как исключает речевые действия, совершенные не в соответствии с принципами и правилами речевого поведения, тогда как И. М. Кобозева утверждает, что речевой акт является просто «провозглашением предложения в определенной ситуации с определенной целью» [4, с. 258].

Теория речевых актов как один из главных разделов лингвистической прагматики связана с именами Дж. Остина и Дж. Серля, английских логиков и философов, которые в 60е-70е гг. XX века сформулировали основные понятия данной теории. Именно Дж. Остин привлек внимание к тому, что провозглашение высказывания может быть не только сообщением информации, но и действием (например, просьба, совет, предостережение). В рамках этой теории было предложено разграничение понятий локуция (акт говорения), иллокуции (осуществление какого-то акта во время говорения) и перлокуции (влияние на чувства, мысли и действия других лиц и получения результата – умышленного или

неумышленного). При осуществлении речевого акта реализуются одновременно два действия: собственно провозглашения высказывания (локутивный акт) и иллюкутивный акт. Иначе говоря, кроме передачи сообщения, происходит реализация коммуникативного намерения говорящего. А рекламное высказывание, исследованию которого посвящена наша работа, прежде всего предназначено для осуществления того или иного воздействия на слушателя, то есть имеет перлокутивный, или прагматический эффект, а также реализует определенный иллюкутивный акт [10, с. 222].

Исследования Дж. Остина и Дж. Серля показали, что внутренняя структура речевого акта имеет три уровня: локуцию, иллюкуцию, перлокуцию. Каждый из этих уровней принято также характеризовать как акт, что связано с результатом каждого из них.

И. А. Кивенко применительно к вопросу речевого акта предполагает подход к речевой коммуникации с позиции общей теории деятельности. А так об этом говорит в своей работе А. Н. Приходько: «Теория речевой деятельности опирается в своем понимании языка на антропоцентризм, постулирующий идею того, что при наличии соответствующих условий высказывания приравнивается к осуществлению определенных действий» [9, с. 102]. В данной теории любое действие индивида рассматривается как явление, состоящее из трех частей. Во-первых, каждое действие имеет цель или мотив. Во-вторых, для реализации поставленной цели, действие предполагает наличие способов и средств. И, наконец, для действия характерен этап получения результата и сравнения его с поставленной ранее целью. Этим трем аспектам действия соответствуют три уровня: целевой, операционный и результативный [3, с. 3].

Данная точка зрения находит свое подтверждение также в работе И. М. Кобозевой: «Единый речевой акт представляется в Теории речевых актов как трехуровневое образование. Речевой акт в отношении к используемым в его ходе языковым средствам выступает как локутивный акт. Речевой акт в его отношении к манифестируемой цели и ряду условий его осуществления выступает как иллюкутивный акт. Наконец, в отношении к своим результатам, речевой акт выступает как перлокутивный акт» [Кобзева, с. 13].

Анализ трудов разных исследователей позволяет нам привести следующие выводы касательно функций локутивного, иллюкутивного и перлокутивного актов:

1) локутивный акт обозначает собственно акт произнесения высказывания, то есть говорение;

2) иллокутивный акт занимает центральное место в теории речевых актов и обозначает коммуникативное намерение говорящего, другими словами, его стремление выразить некое содержание и направить его слушателю. В речевом акте сущность иллокутивного акта выражается его иллокутивной силой или функцией, а также рядом других компонентов: иллокутивной целью и способом ее достижения, интенсивностью иллокутивной силы, условиями эффективности и успешности и т.д. Иллокутивный акт совершается одновременно с локутивным, так как акт говорения совпадает с актом осуществления намерения;

3) перлокутивный акт, в свою очередь, выражает результат речевого воздействия говорящего, осуществляющего локутивный и иллокутивный акты. Перлокутивный акт обычно шире иллокутивного эффекта, то есть в целом как бы выходит за пределы речевого акта, в силу чего его именуют **перлокутивным эффектом** [6, с. 18]. В соотношении с иллокутивным актом становится очевидным, какой именно эффект был произведен речевым актом, позитивный или негативный.

Что касается коммуникативного акта, то в современных публикациях этот термин часто используется как синоним термину «речевой акт». Однако эти понятия не тождественны друг другу, так как **коммуникативный акт (КА)** часто представляется как совокупность двух или нескольких речевых актов адресанта (PA_{A1}) и адресата (PA_{A2}), совпадающих по своей структуре. Из этого следует формула: $KA = PA_{A1} + PA_{A2}$. С формальной точки зрения так оно и есть: оба коммуникантасовершают речевые действия, осуществляют речевые акты, но если посмотреть на качественную сторону проблемы, становится ясно, что простая суммарная формула бессмысленна там, где речь идет о таком сложном в эмоционально-психологическом плане действии, как коммуникация [2, с. 103].

Речевые акты часто называют иллокутивными, что связано с понятием иллокутивной функции, или иллокутивной силы, высказывания, которое соотносится с действием, совершаемым говорящим с помощью высказывания, а также с выражением его коммуникативной цели в ходе произнесения высказывания (иллокутивная цель) [6, с. 20].

Иллокутивную цель, в свою очередь, можно охарактеризовать как «ментальный акт, совершения которого добивается от слушателя говорящий, или ментальное состояние, в которое говорящий намерен привести слушающего» [1, с. 243]. Иллокутивную цель можно обнаружить благодаря контексту и ситуации.

Л. С. Гуревич в своем исследовании, посвященном проблеме соотношения понятий речевой акт и коммуникативный акт, называет диалогическое единство основным звеном в определении иллокутивной цели высказывания. В том же исследовании Л. С. Гуревич утверждает, что «дробный анализ деятельности адресанта и адресата в теории речевой деятельности выпускает из виду взаимозависимость реплик коммуникантов и нестабильность (а иногда и изменение) иллокутивных целей, здесь же не учитывается смена речевых стратегий коммуникантов. Допустим, если изначальной иллокутивной целью первой реплики-стимула адресанта является убедить адресата что-либо сделать, то ответная реплика (реплика-реакция) адресата может убедить адресанта в том, что делать это нецелесообразно, и, таким образом, настоящая иллокутивная цель потеряет всякий смысл. Вторая реплика-стимул будет содержать уже другую иллокутивную цель, и хотя, по определению, процесс коммуникации еще не завершен, происходит смена иллокутивной цели адресанта» [2, с. 103].

На основе выполненного анализа Л. С. Гуревич приходит к выводу, что «в коммуникативном акте как составной части процесса коммуникации мы имеем дело не столько с иллокуцией, сколько с интерлокуцией, и правильнее было бы рассматривать коммуникацию именно с этой позиции» [2, с. 104].

По Л. С. Гуревич **интерлокуция** – это иллокуция с включенным прогнозом перлокутивного эффекта (воздействия на адресата). Другими словами, в процессе общения «адресант вольно или невольно прогнозирует перлокутивный эффект, оценивая адресата и его возможную реакцию на ту или иную фразу, и выбирает из множества возможных вариантов высказываний именно те, которые смогут произвести на адресата желаемый эффект» [2, с. 104].

Л. С. Гуревич заключает, что именно интерлокуция является принципиальным отличием между речевым и коммуникативным актом, которая предполагает совместную деятельность партнеров в построении смысла.

Проблему соотношения понятий коммуникативный и речевой акт в своих исследованиях также рассматривал А. Н. Приходько, который придерживается мнения отличного от выше изложенных касательно данного вопроса. Применительно к коммуникативному акту ученый дает следующее определение: «**Коммуникативный акт** – гиперонимическая единица речемыслительного (взаимо) действия, включающая когнитивный контекст и коммуникативное событие. По существу это когнитивно-коммуникативный акт, способный в своем воплощении опираться и на вербалику, и

на паравербалику и охватывать при этом как малоформатные (простые речевые акты, жесты, мимика, молчание), так и широкоформатные речевые события (медиаобщения, текстовые массивы, пантомимику и пр.). Двумя его гипонимическими разновидностями являются речевой и дискурсивный акты» [9, с. 102]. Таким образом, говоря о соотносительности терминов коммуникативный акт и речевой акт, А. Н. Приходько заключает, что коммуникативный акт – это более общее понятие, в то время как речевой акт – более частное.

Кроме того, исследования ученого позволили сформулировать определение термина дискурсивный акт: «**Дискурсивный акт** – единица речевого действия, включенная в интеракцию и представляющая собой цепочку речевых актов, объединенных общей телеологической установкой в единый речевой блок, в котором сходятся, пересекаются и взаимодействуют разные иллокутивные силы с разными (первичными и вторичными) прагматическими значениями. Поскольку прагматический потенциал дискурсивных актов произведен как от интра-, так и от экстралингвистических факторов, в актуализации их прагмасемантических свойств важную роль играют факторы, включающие в себя такие компоненты ситуации, как коммуниканты, время, место, цели, задачи общения и пр.» [9, с. 103].

Теория дискурсивных актов в отличие от теории речевых актов является мене разработанной сферой. По словам А. Н. Приходько, в лингвистической литературе эти понятия часто отождествляются, так как они имеют много общих черт, например, «они наделены одинаковой когнитивно-коммуникативной природой, которая позволяет им быть речевыми единицами, специализирующимися на трансфере информации и на регулировании речевого взаимодействия между коммуникантами» [9, с. 103] и др.

Тем не менее, исследования А. Н. Приходько позволяют сформулировать некоторые отличия между речевыми и дискурсивными актами:

1) функциональное предназначение (мера): речевые акты, будучи минимальной единицей речевой деятельности, неделимы по своей структуре, в то время как дискурсивные могут как совпадать с речевыми актами, так и включать в себя несколько речевых актов;

2) целеполагание: речевой акт имеет однозначную цель, а дискурсивный акт может иметь несколько целей. Кроме того, цели, которые ставит перед собой дискурсивный акт, могут быть скрытыми, диффузными или пересекаться между собой;

3) семиотическая реализация: в речевом акте преимущественно используются вербальные средства коммуникации, в то время как в дискурсивном акте наравне с вербальными средствами используются также невербальные, то есть жесты, мимика, звуки и др. [9, с. 104].

В дополнение к этому А. Н. Приходько выделяет пять типов дискурсивных актов, которые в свою очередь включают в себя определенные подвиды:

1) Офферативы (просьба, требование, предложение, уговаривание) используются адресантом для того, чтобы мобилизовать адресата на какие-либо активные действия с пользой для него или для самого себя.

В частности, рассмотрим подвид «предложение». А. Н. Приходько различает прямые и косвенные предложения в зависимости от способа вербальной упаковки. Следующий пример иллюстрирует речевую ситуацию косвенного предложения, которую мы подобрали методом сплошной выборки из контекста рекламного дискурса. В этой ситуации мы можем наблюдать, как составитель рекламного текста предлагает потребителю купить чехол для телефона: *«This dazzling case, made of hard, plastic materials, is easy to put on, and it guarantees strong hold protection. An upgrade from the average case, this decorative shield, clad in bling-enhanced fluid, protects screens from scratches and fingerprints, without getting in the way of accessing buttons. You can even choose from a variety of glitter colors and styles»* [11]. Вначале адресант перечисляет положительные качества товара, а в конце доводит до сведения адресата, что данный товар предлагается в разнообразных оттенках и стилях, другими словами, предлагает ему незамедлительно совершить покупку. Доказательством того, что данный дискурсивный акт является предложением и относится к типу офферативов, является то, что он направлен на взаимовыгодное сотрудничество: во-первых, выгода составителя рекламного текста и производителя в случае, если товар будет пользоваться успехом у потребителей, очевидна, а во-вторых, адресант перечисляет все те положительные стороны товара, которые будут полезны непосредственно самому адресату, то есть потребителю, в пользовании;

2) Конформативы и неконформативы (согласие, одобрение, похвала, несогласие, отказ, неодобрение) являются речевыми действиями, которые используются как в кооперативном, так и в конфликтном режимах общения, а также которые являются ответной реакцией на оффератив. Согласно А. Н. Приходько «похвала» является разновидностью одобрения. В контексте рекламного дискурса похвалу демонстрирует следующий пример

рекламы часов от компании Apple: *«There's not much more to say about Apple's signature smart watch that hasn't already been said – but we'll rave about it a little more. The top wearable on the market got better in its fourth edition, with a redesigned shape, next-level heart health features, and newly-improved run tracking with watchOS 4»* [13];

3) Аккузативы (обвинение, осуждение, претензия, возмущение, укор) представляют собой высказывания конфликтного характера, направленные на порицание собеседника, обвинение его в каком-либо нарушении, предъявление каких-либо претензий и т.д. В данном примере составитель рекламного текста, описывающего крем для лица, использует дискурсивный акт осуждения или укора по отношению к другим кремам для усиления положительного эффекта от рекламируемого товара: *«This vegan formula combines vitamin C (Dr. Idriss's go-to antioxidant for fighting under-eye swelling) with ultra-soothing aloe vera and a blend of hydrating components (like hyaluronic acid and sunflower oil) to coddle the delicate skin under your eyes. Plus, unlike thick creams that feel heavy or oily, this lightweight formula absorbs into your skin with ease»* [12];

4) Апологетивы (оправдание, извинение, покаяние, прощение) являются ответной реакцией на аккузативы и нацелены на устранение адресатом ущерба нанесенного ему заявлением адресанта. Состоят из двух пластов: признания и непризнания адресатом объективности аккузативного высказывания. *«Dr. Idriss looks towards this caffeine-loaded cream to plump and tighten even the tireddest of eyes. The formula is also loaded with hydrators, like hyaluronic acid and squalene, to ensure your skin stays soft and supple. While the price tag is definitely steep, your complexion is left noticeably smoother with regular use – so it's worth it»* [12]. Данный дискурсивный акт относится к подвиду «оправданий». Составитель рекламного текста оправдывается перед потенциальным потребителем за то, что цена рекламируемого товара, в данном случае крема, достаточно высока;

5) Дидактивы (совет, поучение, нравоучение, намек) являются высказываниями, содержащими суггестивный компонент и представляющими собой попытки улучшения положения дел [9, с. 105]. Приведем пример подвида «совет» из контекста рекламного дискурса, где составитель рекламного текста советует потребителю способ использования рекламируемого товара: *«This fan-favorite cream calls on skin-smoothing peptides and niacinamide to brighten the darkshadows that in habit your eyes on*

sleepy days. Translation: Reach for this formula on the mornings you hit the snooze button one too many times. Plus, its subtle, universally flattering tint makes it an ideal formula for daytime wear» [12].

А. Н. Приходько разграничивает виды дискурсивных актов на прямые и косвенные по способу выражения. Так, к исключительно косвенным он относит уговаривание, поучение, нравоучение и намеки. Однако основной отличительной чертой дискурсивных актов любого типа, по А. Н. Приходько, является то, что они представляют собой речевые блоки, которые могут включать в себя несколько иллокутивных целей и иллокутивных сил, что свойственно также рекламным текстам.

Результаты проведенных исследований позволяют получить ответы на поставленные вопросы. Речевой акт – это провозглашение высказывания в определенной ситуации с определенной целью, которое может быть не только сообщением информации, но и действием. Некоторые ученые утверждают, что понятия «речевой акт» и «коммуникативный акт» синонимичны. Другие говорят, что коммуникативный акт представляет собой совокупность из нескольких речевых актов. Однако мы склонны принимать точку зрения А. Н. Приходько на проблему о разграничении понятий «коммуникативный акт» и «речевой акт». Ученый считает, что коммуникативный акт имеет две гипонимические разновидности, одной из которых является речевой акт, а второй – дискурсивный акт. Дискурсивный акт, в свою очередь, представляет собой цепочку из речевых актов, объединенных общей установкой в единый речевой блок, в котором сходятся, пересекаются и взаимодействуют разные иллокутивные силы с разными прагматическими значениями.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вендлер З. Иллокутивное самоубийство / З. Вендлер // Новое в зарубежной лингвистике. – Вып. 16 : Лингвистическая прагматика. – М. : Прогресс, 1985. – С. 238–250.
2. Гуревич Л. С. Коммуникативный акт vs речевой акт: проблемы соотношения понятий / Л. С. Гуревич // Вестник НГУ. – Серия : Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2007. – Т. 5, вып. 1. – С. 103–108.
3. Кивенко И. А. Иллокутивные цели речевого акта благодарности (на материале англоязычного художественного дискурса) [Электронный ресурс] / И. А. Кивенко. – Одесса : ОНМУ, 2012. – 17 с. – Режим доступа : <http://www.sworld.com.ua/konfer29/847.pdf>

4. Кобозева И. М. Лингвистическая семантика / И. М. Кобозева. – М. : Эдиториал УРСС, 2000. – 352 с.
5. Кобозева И. М. «Теория речевых актов» как один из вариантов теории речевой деятельности / И. М. Кобозева // Новое в зарубежной лингвистике. – Вып. 17 : Теория речевых актов. – М. : Прогресс, 1986. – С. 7–21.
6. Красина Е. А. Коммуникативный акт, речевой акт, иллокутивный акт и схема четырех полей Карла Бюлера / Е. А. Красина // Вестник РУДН. Серия : Лингвистика. – 2006. – № 8. – С. 17–22.
7. Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. – М. : Сов. энциклопедия, 1990. – 685 с.
8. Макаров М. Л. Основы теории дискурса: монография / М. Л. Макаров. – М. : ИТДГК «Гнозис», 2003. – 280 с.
9. Приходько А. Н. Дискурсивные акты: прагмасемантика и прагматипология / А. Н. Приходько // Когниция, коммуникация, дискурс. – 2010. – № 1. – С. 101–122.
10. Хоменко Г. Є. Прагматика сучасного рекламного тексту / Г. Є. Хоменко // Філологічні студії. Науковий вісник Криворізького державного педагогічного університету. – 2010. – Вип. 5. – С. 221–225.
11. Cosmopolitan [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://www.cosmopolitan.com/style-beauty/g24488185/sparkle-glitter-iphone-cases/>
12. Cosmopolitan [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://www.cosmopolitan.com/style-beauty/beauty/g21707935/under-eye-bags-treatment-creams/>
13. Men's Health [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://www.menshealth.com/fitness/a19543741/best-fitness-watches-track-workouts/>

АННОТАЦИЯ

Жихарева Н. А., Овчаренко Н. В. К вопросу о разграничении понятий «речевой акт», «коммуникативный акт» и «дискурсивный акт»

Цель статьи – рассмотреть разные точки зрения на проблему дифференциации понятий «речевой акт», «коммуникативный акт» и «дискурсивный акт». Авторы анализируют мнения ученых, которые считают, что термины «речевой акт» и «коммуникативный акт» синонимичны, а также разбирают взгляды других лингвистов, которые приводят свои доводы касательно их разграничения. В статье подробно говорится о понятии «дискурсивный акт». Рассматривается его соотношение с речевым актом и с коммуникативным актом. Каждый тип

дискурсивного акта сопровождается примером из области рекламного дискурса.

Ключевые слова: речевой акт, коммуникативный акт, дискурсивный акт, теория речевых актов, иллокутивная цель.

SUMMARY

Zhikhareva N. A., Ovcharenko N. V. On the question of the discrimination between the concepts of speech act, communicative act and discursive act

The article focuses on the consideration of the different points of view on the problem of the discrimination of the concepts «speech act», «communicative act» and «discursive act». The authors analyze the opinions of scientists who believe that the terms «speech act» and «communicative act» are synonyms, and also examine the views of other linguists who give their reasons for their distinction. In the article the concept of «discursive act» is extensively investigated. Its relations with the speech act and the communicative act are considered. Each type of discursive act is accompanied by an example from the field of advertising discourse.

Key words: speech act, communicative act, discursive act, theory of speech acts, illocutionary aim.

*Н. А. Жихарева,
О. Р. Петренко
(г. Горловка, ДНР)*

УДК 81'42

КЛАССИФИКАЦИЯ РЕЧЕВЫХ АКТОВ И ЕЕ РАЗНОВИДНОСТИ

Основная идея теории речевых актов сводится к следующему тезису: при произношении высказывания в определенной коммуникативной ситуации, произносящий совершает ряд действий, а именно – сообщает собеседнику информацию, вызывает у собеседника определенные эмоции, приносит извинения, порицает или хвалит и т. д. Данные действия являются обусловленными интенцией говорящего.

Речевой акт – это целенаправленное речевое действие, совершаемое в соответствии с принципами и правилами речевого поведения, принятыми в данном обществе; единица нормативного социоречевого поведения, рассматриваемая в рамках прагматической ситуации [10, с. 412].

Говоря о структуре речевого акта, в соответствии с целью, способом осуществления и результатом, традиционно выделяют: локутивный, иллокутивный и перлокутивный акты.

1. Локутивный акт (англ. locution «оборот речи, предложение») – произнесение высказывания, которое обладает фонетической, лексико-грамматической и семантической структурами.

2. Иллокутивный акт (лат. il-in «в, внутри») – рассмотрение коммуникативной цели и значения выражаемой пропозиции в ходе речевого акта.

3. Перлокутивный акт (лат. per- «посредством») – намеренное влияние речевого акта на сознание людей для достижения определенного результата [2, 9].

Все три части речевого акта реализуются одновременно, а не последовательно. В связи с этим возникает сложность разделения этих частей при анализе.

Рассмотрим пример разбора структуры речевого акта на следующей ситуации. Говорящий произносит фразу *Mary has a smart dress* (*У Мэри красивое платье*), совершая, таким образом, акт высказывания и одновременно осуществляя акты референции (соотнесение имени Мария с человеком, которому оно принадлежит) и предикации (приписывание владения платьем конкретному человеку); говорящий также совершает иллокутивный акт (сообщение определенного факта адресату) и перлокутивный акт (оценка платья как красивого / комплимент / упрек / сарказм).

Речевые акты имеют ряд отличительных характеристик. Основными из них принято считать следующие [12, с. 29]:

- 1) наличие модуса – перформативной части предложения;
- 2) логическая последовательность языковых выражений, понимание сказанного адресатом;
- 3) заключительный акт в серии других действий;
- 4) универсальные перлокуции и иллокуции;
- 5) размер речевого акта различается (составная часть предложения – больше собственно предложения или фразы);
- 6) объединение вербального и невербального поведения;
- 7) поверхностная структура предложения;
- 8) разграничение текста и подтекста;
- 9) связь с термином «фрейм» (последовательность речевого акта, которая интерпретируется на основе знаний о мире и метаусловий, опирается на предшествующие, настоящие или будущие действия коммуникантов).

Трактовки локутивного акта имеют ряд различий [5, с. 86–89; 9; 1, с. 38–41; 7, с. 13–15]. В основе локутивного акта лежит речепроизводство. Так, Дж. Серль разделяет понятия собственно акта произнесения и акта референции и предикации, называя их

«акт высказывания» и «пропозициональный акт» соответственно [16, с. 23–24]. Схожее разделение отмечено К. Бахом и Р. Харнишем как «акт высказывания» и «ллокутивный акт» [11].

Центральным понятием в теории речевых актов является иллокутивный акт, который отражает коммуникативную интенцию говорящего, соединяя в себе целеполагание и выражение пропозиционального содержания высказывания [5, 8]. В структуру иллокутивного акта, сущность которого отражена в речевом акте как его иллокутивная сила, входит ряд компонентов, таких как иллокутивная цель и способ ее достижения, интенсивность иллокутивной силы, условия (предварительные, пропозиционального содержания, эффективности и успешности, нормального входа и выхода, искренности говорящего и слушающего) [8].

Иллокутивный акт относится к типу функции, которую говорящий намеревается выполнить в процессе произнесения высказывания. Таким образом, если Джон говорит Мэри *Pass me the glasses, please* (*Передай мне, пожалуйста, очки*), он выполняет иллокутивный акт запроса или приказаania Мэри передать ему очки. Упомянутые действия также обозначаются как иллокутивная сила или иллокутивная точка речевого акта.

Условия успешности коммуникации определяются правилами социального поведения говорящего и слушающего. Индикаторы иллокутивной силы указывают на количество иллокутивной силы, приложенной для восприятия и понимания пропозиции высказывания [16, с. 30]. Дж. Серль относит к таким индикаторам ударение, интонацию, порядок слов и др.

Иллокутивная сила речевого акта – это эффект, который речевой акт призван произвести на говорящего [13]. Существуют разные средства, используемые для указания того, как иллокутивная сила должна интерпретироваться. Например, *Open the door* (*Откройте дверь*) и *Could you open the door?* (*Не могли бы Вы открыть дверь?*) имеют одинаковое пропозициональное содержание (откройте дверь), но они представляют разные иллокутивные действия – приказ и запрос соответственно. Эти средства, которые помогают слушающему в определении иллокутивной силы высказывания, называются «средствами, обозначающими иллокутивную силу», или «IFID» (Illocutionary Force Indicating Devices – маркеры иллокутивной силы). Перформативные глаголы, наклонение, порядок слов, интонация, ударение – все это примеры IFID [14].

В зависимости от обстоятельств или от условий, в которых совершается речевой акт, он может либо достичь поставленной цели и таким образом оказаться успешным, либо не достичь ее. Принципы и правила, на которых строится нормальная

человеческая коммуникация, были сформулированы Г. П. Грайсом, который постулировал положение о том, что в основе речевого общения лежит принцип Кооперации (Сотрудничества), реализующийся в виде четырех максим [3, с. 113]:

1. Максима количества (информативности) – коммуникант должен представлять необходимое количество информации, то есть сообщение, которое:

- а) должно быть достаточно информативным;
- б) не должно быть избыточно информативным.

2. Максима качества (искренности) – коммуникант должен предъявлять истинную информацию, то есть не должен говорить того:

- а) что считает ложным;
- б) для чего не располагает достаточными основаниями.

3. Максима релевантности – предъявляемая информация должна иметь непосредственное отношение к целям общения.

4. Максима ясности выражения – коммуникант должен стремиться к:

- а) краткости;
- б) упорядоченности и должен избегать неясности, неоднозначности.

Дж. Лич, уточняя и корректируя максимы Г. П. Грайса, предлагает принцип вежливости, который должен соблюдаться обоими собеседниками. Он выделяет следующие максимы вежливости [3, с. 115]:

- 1. Максима такта.
- 2. Максима щедрости.
- 3. Максима одобрения.
- 4. Максима скромности.
- 5. Максима согласия.
- 6. Максима симпатии.

Таким образом, в исследованиях Г. П. Грайса и Дж. Лича речевое поведение говорящего и слушающего описывается как подчиненное одним и тем же правилам.

Иллокутивный акт может начинаться со слов *Я извиняюсь, Я предупреждаю, Я заявляю* и т. д. Однако в реальной ситуации общения чаще всего именно контекст помогает прояснить, в чем состоит иллокутивная сила высказывания, что исключает необходимость употребления ее явного индикатора [16].

Достижение прагматической компетентности включает в себя способность понимания иллокутивной силы высказывания. Это особенно важно при кросс-культурных встречах, например: высказывание *When are you leaving?* (*Когда Вы уезжаете?*) может варьироваться по своей иллокутивной силе в зависимости

от контекста, от *May I have a ride with you?* (Могу ли я поехать с Вами?) до *Don't you think it is time for you to go?* (Не думаете ли Вы, что Вам пора идти?) [13].

В процессе исполнения локутивного и иллокутивного актов говорящий достигает определенного уровня речевого воздействия, результатом которого является перлокутивный акт [11, с. 17–18]. Так говорящий может убеждать, обещать, выносить приговор или заключать пари. И если иллокутивным эффектом называют понимание адресатом высказывания в том смысле, который вложил в него говорящий, то перлокутивный акт понимается шире, поскольку он обусловлен прагматическим контекстом и не так тесно связан с самим высказыванием.

В связи с тем, что одно и то же речевое высказывание может иметь различную иллокутивную силу в различных коммуникативных условиях, различают два основных типа речевых актов:

- 1) прямые;
- 2) косвенные.

Если рассмотреть речевой акт с точки зрения количества иллокуций, то прямой речевой акт содержит единственную прямую иллокуцию, а косвенный речевой акт представляет собой объединение прямой и косвенной иллокуций.

Первым создателем классификации речевых актов считается Дж. Остин [5]. В своей классификации он выделил пять типов речевых актов, а именно:

1. Вердикативы (реализация оценочного суждения).
2. Экзерситивы (демонстрация власти и влияния в виде пропаганды, голосования, приказа, совета).
3. Комиссивы (принятие обязательств со стороны говорящего в виде клятвы, обещания).
4. Бехабитивы (реакция на поведение других людей, события в виде извинения, оскорбления, поздравления, приветствия, соболезнования).
5. Экспозитивы (разъяснение аргументов, оснований, сообщений в виде доклада, ведения дискуссии).

Дж. Серль выдвинул свою классификацию в противовес представленной Дж. Остином, классифицировав речевые акты в соответствии с их иллокутивными целями, направлениями приспособления и условиями искренности [8, с. 180]. В сотрудничестве с Д. Вандервекеном Дж. Серль создал классификацию, в которой использовал подход, на котором основывалась его начальная классификация. В качестве иллокутивных целей были отмечены следующие [15, с. 344–369]:

1. Ассертивная (привлекающая говорящего к ответственности: предложение, наставление, клятва, хвастовство): *No one takes a better cake than me* (Никто не готовит торты лучше меня).

2. Комиссивная (обязывающая говорящего сделать что-то в будущем: обещание, планирование, пари, противодействие): *I'm going to Paris tomorrow* (Завтра я собираюсь поехать в Париж).

3. Директивная (заставляющая слушающего выполнить действие: спросить, заказать, пригласить, посоветовать, попросить): *Could you close the window?* (Не могли бы Вы закрыть окно?).

4. Декларативная (побуждающая к действию путем применения иллокутивной силы – приказа, объявления, назначения, способствующая соответствию пропозиционального содержания действительности): *You are fired* (Ты уволен) – при условии произнесения уполномоченным лицом.

5. Экспрессивная (выражающая чувства говорящего в ситуации общения, отражающая психологическое состояние говорящего: благодарность, извинение, приветствие, сожаление): *I am sorry that I lied to you* (Извини, что солгал тебе).

Разграничение институциональных и неинституциональных типов высказываний представлено в работе К. Баха и Р. Харниша [11]. Ими выделяются четыре основных коммуникативных типа иллокутивных актов:

1. Констативы.
2. Директивы.
3. Комиссивы.
4. Межличностные социальные формулы.

Первый совпадает с ассертивами в концепции Серля-Вандервекена, второй и третий не отличаются даже названиями, а четвертый близок экспрессивам Серля.

Вместо декларативных актов Остина-Серля выделяются два наиболее общих конвенциональных типа иллокутивных актов: Эффективы и Вердиктивы. Конвенциональные речевые акты существенно отличаются от коммуникативных, главная их особенность заключается в том, что и эффективы, и вердиктивы действуют в рамках определенного социального института. К конвенциональным актам относятся разнообразные ритуализованные речевые действия: крещение, голосование, арест, бракосочетание. Эффективы, принося изменения в какое-то институциональное положение дел, конвенциональны, поскольку они имеют эффект в силу взаимного принятия этого говорящим и слушающим (например, наложение вето на законопроект). Вердиктивы являются суждениями, официальная значимость которых конвенционально заложена в том или ином институте (вынесение приговора).

Существует множество классификаций речевых актов. Г. Г. Почепцов предлагает, в свою очередь, разделить речевые акты на [6]:

- 1) успешные и неуспешные;
- 2) универсальные и этноспецифические;
- 3) устно-речевые, письменно-речевые и универсальные;
- 4) прямые и косвенные (интенциональные и неинтенциональные).

В. И. Карасик предлагает классификацию речевых актов на основе учета личностной сферы коммуникантов [4]:

- 1) статусно-маркированные:
 - инъюнктивы: приказы, требования;
 - реквестивы: просьбы, мольбы;
 - инструктивы: предписания, запреты;
- 2) статусно-нейтральные:
 - констативы: утверждения;
 - нарративы: повествования, дескриптивы.

Особый статус в теории речевых актов получила проблема «косвенных речевых актов». Далеко не всегда говорящий, произнося высказывание, имеет в виду то, что он говорит. Такая смысловая простота и однозначность не присущи намекам, иронии, метафоре и т. д. Буквальное значение предложения и смысл, подразумеваемый данным говорящим в данной ситуации, расходятся. Важный класс подобных расхождений составляют случаи, когда говорящий подразумевает одновременно и прямое значение высказывания, и нечто большее, а само высказывание имеет две иллокутивные функции [8, с. 195]. Классическим стал пример *Can you pass the salt?* Можно, не нарушая никаких языковых норм, интерпретировать это высказывание и как вопрос, и как просьбу. Для каждого типа иллокутивного акта имеется свой набор условий, необходимых для его успешного выполнения [8, с. 201–213].

Таким образом, можно сделать вывод о том, что в теории речевых актов существуют различные классификации, имеющие основные, базовые критерии дифференциации речевых актов – наличие определенной иллокутивной силы, цели высказывания, его способа осуществления и результата.

ЛИТЕРАТУРА

1. Богданов В. В. Речевое общение: прагматические и семантические аспекты / В. В. Богданов. – Л. : Ленинградский гос. ун-т, 1990. – 87 с.
2. Григорьян Е. Л. Пособие по курсу Общее языкознание для студентов 4 курса отделения романо-германской филологии /

- Е. Л. Григорьян. – Ростов-на-Дону : Ростовский гос. ун-т, 2003. – 24 с.
3. Карасик В. И. Язык социального статуса: монография / В. И. Карасик – М. : ИЯ РАН, 1992. – 330 с.
 4. Карасик В. И. Языковый круг: личность, концепты, дискурс : монография / В. И. Карасик. – Волгоград : Перемена, 2002. – 477 с.
 5. Остин Дж. Л. Слово как действие / Дж. Л. Остин // Новое в зарубежной лингвистике [под ред. Городецкого Б. Ю.]. – Вып. XVII. – М. : Прогресс, 1986. – 423 с.
 6. Почепцов Г. Г. О коммуникативной типологии адресата / Г. Г. Почепцов // Речевые акты в лингвистике и методике : сб. науч. тр. – Пятигорск : Изд-во ПГПИИЯ, 1986. – С. 10–17.
 7. Романов А. А. Семантическая интерпретация высказывания / А. А. Романов. – Калинин : КГУ, 1985. – 145 с.
 8. Серль Дж. Р. Основные понятия исчисления речевых актов / Дж. Р. Серль, Д. Вандервекен // Новое в зарубежной лингвистике. – Вып. XVIII. – М., 1986. – 392 с.
 9. Сусов И. П. Семантика и прагматика предложения : учеб. пособие / И. П. Сусов. – Калинин : КГУ, 1980. – 51 с.
 10. Языкознание. Большой энциклопедический словарь / Гл. ред. В. Н. Ярцева. – 2-е изд. – М. : Большая Российская энциклопедия, 1998. – 685 с.
 11. Bach K. Linguistic communication and speech acts / K. Bach, R. M. Harnish. – Cambridge : M. I. T. Press, 1979. – 327 p.
 12. Halliday M. A. K. Linguistic Studies of Text and Discourse / M. A. K. Halliday. – Sydney : A&C Black, 2006. – 301 p.
 13. Huang Y. The Oxford Dictionary of Pragmatics / Y. Huang. – Oxford : Oxford University Press, 2012. – 464 p.
 14. Salgado E. F. The Pragmatics of Requests and Apologies / E. F. Salgado. – Amsterdam : John Benjamins, 2011. – 263 p.
 15. Searle J. R. A taxonomy of illocutionary acts / J. R. Searle. – Minnesota : Minnesota Studies in the Philosophy of Science, 1975. – 344-369 p.
 16. Searle J. R. Speech Acts: An Essay in the Philosophy of Language / J. R. Searle. – Cambridge : Cambridge University Press, 1969. – 203 p.
 17. Searle J. R., Vanderveken D. Foundations of Illocutionary Logic / J. R. Searle, D. Vanderveken. – Oxford : CUP Archive, 1985. – 227 p.

АННОТАЦИЯ

Жихарева Н. А., Петренко О. Р. Классификация речевых актов и ее разновидности

В данной статье рассмотрены классификации речевых актов, предложенные такими лингвистами, как Дж. Остин, Д. Вандервекен, Дж. Серль, К. Бах, Р. Харниш, Г. Г. Почепцов и В. И. Карасик. Проанализированы критерии, взятые за основу в данных классификациях, а также приведены характеристики речевых актов и максимы, обеспечивающие ситуацию успеха в процессе коммуникации. Определены условия успешной и неуспешной коммуникации. Выявлены сходные и различные черты в классификациях речевых актов, рассмотрена классификация, чаще всего используемая в работах лингвистов, и определена целесообразность ее использования. На основе проведенного исследования авторами предлагается выделить в качестве основных критериев дифференциации речевых актов следующие: наличие определенной иллокутивной силы, цель высказывания, способ его осуществления и результат.

Ключевые слова: речевой акт, прямой речевой акт, косвенный речевой акт, локутивный акт, иллокутивный акт, перлокутивный акт, фрейм, иллокутивная сила, маркеры иллокутивной силы, максимы кооперации Г. Грайса, принцип вежливости Дж. Лича.

SUMMARY

Zhikhareva N. A., Petrenko O. R. The classification of speech acts and its varieties

This article considers the classifications of speech acts suggested by such linguists as J. Austin, D. Vanderveken, J. Searle, K. Bach, R. Harnish, G. Pocheptsov, and V. Karasik. The criteria taken as a basis for these classifications are analyzed, and the characteristics of speech acts and maximum indicators that ensure a situation of success in the process of communication are given. Certain conditions for successful and unsuccessful communication are defined. The similarities and various features in the classifications of speech acts are considered, the most frequently used classification is determined, and the expediency of its use is defined. In accordance with the research, the authors introduce the main criteria for the differentiation of speech acts, namely: the availability of a certain illocutionary force, the purpose of an utterance, its way of implementation and the result.

Key words: speech act, direct speech act, indirect speech act, locutionary act, illocutionary act, perlocutionary act, frame, illocutionary force, illocutionary force indicating devices, G. Grice's Cooperative Maxims, G. Leech's Politeness Principle.

УДК 81:39+81'33

ГЕНДЕРНЫЙ АСПЕКТ В ИЗУЧЕНИИ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ

Целью исследования, представленного в данной статье, является анализ гендерной специфики стратегии контроля коммуникативной интеракции. В ходе исследования на материале телевизионного интервью программы «60 минут» периода 2016–2019 годов была изучена кооперативная и конфронтативная тактика как базовая для реализации стратегии контроля коммуникативной интеракции. Хотя коммуникативные стратегии широко изучаются в лингвистике, однако гендерная специфика данных стратегий не была достаточно освещена, что делает данную статью актуальной в сфере гендерной лингвистики. Во время работы применена комплексная методика, в частности прагматический анализ, который привлечен для выявления стратегий и тактик, реализуемых говорящими, контекстуально-интерпретационный и конверсационный анализы для выявления минимальных диалоговых единиц, что делает возможным различение тактик, а также сравнительный метод, который позволяет охарактеризовать специфику гендерного варьирования стратегий и тактик в телевизионном интервью.

Стратегия контроля коммуникативной интеракции непосредственно связана с другими стратегиями, реализуемыми говорящими во время интервью, а именно со стратегией контролирования темы и имидже составляющей стратегией. Так, кооперативная тактика стратегии моделирования коммуникативной интеракции базируется на таких тактиках стратегии контролирования темы, как поддержание темы, развитие темы, тематическая детализация. Основой для конфронтативной тактики является тактика интродукции новой темы и отказа от нее. Заметим, что гендерные стереотипы относительно соответствующих «правильных» образов мужчины / женщины в обществе наиболее ярко репрезентируются через имиджесоставляющую и стратегию контроля коммуникативной интеракции.

Гендер рассматриваем как социально построенную модель, которая не имеет определенных форм, однако которая идентифицируется во время ее коммуникативной реализации говорящими. Х. Котхофф [5] указывает на значительный отрыв

между полученными на гендерном материале эмпирическими данными и их теоретическим истолкованием. Методологическим недостатком считается преувеличение «гипотезы гендерных субкультур», то есть гиперболизация категории «гендер», недооценка роли контекста. Гендер настолько тесно связан с другими социальными параметрами [4, с. 41–43], что довольно сложно дать ему полное определение или раскрыть его сущность только через концепции «мужчина / женщина».

Дискурс интервью предоставляет возможность проанализировать коммуникативную репрезентацию гендера респондентами. В интервью объективизируется результат взаимодействия участников коммуникативной интеракции, которые находятся в непосредственной зависимости от основных макроинтенций, которые выражают их потребность вступать в интеракцию. И.Ю. Капичникова [1, с. 19–21] представляет интервью как речевое взаимодействие, в котором отражаются взаимодействия актуальности темы интервью и социальные условия интерпретации интервью через интерпретацию содержания интервью читателем или слушателем. Так, лингвистическим анализом интервью является анализ лексико-грамматической аранжировки, с помощью которой достигаются эти или иные коммуникативные стратегии; анализ порождения и интерпретации диалогических единств как основы интервью; анализ социальных условий, создающих актуальность интервью.

Успешное планирование общения респондентом во время интервью зависит не только от умения четкого реагирования на реплики интервьюера, но и от удачного построения респондентом коммуникативного поведения с учетом коммуникативных норм, приемлемых для телевизионного шоу. Под коммуникативными нормами понимаем коммуникативные правила, обязательные для выполнения в лингвокультурном обществе [3, с. 43]. Коммуникативные нормы отражают представления о границах варьирования коммуникативного поведения, сложившихся в обществе и нарушение которых приводит к коммуникативному конфликту. Оба участника интервью придерживаются коммуникативных норм, поскольку телевизионное интервью регулируется еще и нормами публичного мероприятия.

Данное исследование телевизионного интервью демонстрирует, что стратегия контроля коммуникативной интеракции представлена следующими тактиками: кооперативная, конфронтативная, провоцирующая и защитная.

Тактика кооперативной коммуникативной интеракции употребляется как респондентами-мужчинами, так и

респондентами-женщинами во время интервью, что является ожидаемым, поскольку соглашаясь на участие в программе известного телеведущего звезды настроены на укрепление своей славы и поддержания или изменения определенного имиджа, а значит должны быть настроены на сотрудничество с интервьюером. У гостей программы появляется возможность прорекламировать себя на широкую аудиторию. В нашем исследовании мы рассматриваем гендерную специфику речевого поведения двух популярных ведущих – Евгения Попова и Ольги Скабеевой. Публичные выступления этих знаковых фигур российского телевидения высвечивают индивидуальные грани их личности, тем не менее самопрезентация ведущих готовится целенаправленно и, соответственно, имеет имиджевый характер. Но при этом необходимо учитывать, что Ольга Скабеева и Евгений Попов пытаются провокационно осветить определенные детали в политическом мире, на что респонденты телевизионного интервью не всегда соглашаются.

В процессе интервью Евгений Попов уверенно презентует себя как личность, знающую материал, способную на противостояние любому мнению, если оно противоречит его принципиальным жизненным установкам: *Можете меня не убеждать...; Мы и так все знаем...; Можно подумать, перед передачей мы не ознакомились с Вашей биографией.*

Ольга Скабеева зарекомендовала себя как уверенный и достаточно жесткий оппонент: она не позволяет перебивать себя, свободно вступает в дискуссию и прерывает ее; стремится к поиску истины и правды: *Давайте Вы не будете меня перебивать...; Вы очень много разговариваете...; Хватит, дайте возможность высказаться собравшимся в студии.* Но, заметим, она всегда уступает слово Е.Попову, никогда его не перебивает и занимает выжидающую позицию, предоставляя ему право выбора: *Евгений, а что Вы думаете по этому поводу? Почему Вы перебиваете Евгения (к оппоненту), он находится в Лондоне и не может достойно Вам ответить...*

Выбранный материал для передач всегда демонстрирует реализацию говорящими тактики кооперативной коммуникативной интеракции при достижении согласия на разглашение определенной информации, тогда и интервьюер, и респондент придерживаются Правил Кооперации и согласно приемлемым правилам ведения интервью чередуются в блоках вопрос-ответ.

Ольга Скабеева: Вот у меня складывается впечатление, я не знаю, поддержите ли Вы меня, Борис Борисович, вот и Зигмунт тоже может согласится, такое чувство, что об Украине словно

бы подзабыли. И поэтому Украина все выдумала, сочинила просто для того ...

Зигмунт Дзенчаловски: Ну, еще про Трампа Вы скажите, про Трампа.

Ольга Скабеева: Я скажу то, что должна сказать всенепременно. (См. фрагмент № 3, 30.11.16);

В речи О. Скабеевой часто используются всякого рода уловки, что выглядит как желание избежать ответственности за категоричность своих оценок:

Ольга Скабеева: Мы неслучайно в начале сказали, что это в известной степени, ну на самом деле, Вы поправьте меня, если я не права <...>

Гость: Кто Вам сценарий писал?

Ольга Скабеева: Нам – сценарий?

Гость: Вот это, да.

Ольга Скабеева: Вы на вопрос ответьте. <...> Вы обиделись, что ли? (эфир от 30.01.17).

Для ведущей важно выразить основной тезис предстоящей дискуссии сжато и точно и при этом актуализировать полемическую составляющую, чтобы заинтересовать и зрителей, и гостей. Для организации коммуникативного взаимодействия Ольга Скабеева использует некоторые штампы, например: давайте посмотрим; давайте процитируем; давайте обратим внимание; принципиально важный момент и др. Обращаясь к гостям студии, она использует Вы-общение, формулу имя-отчество, при этом позволяя себе в редких случаях обращаться к своему соведущему Евгению Попову или коллегам только по имени, опираясь на близкие отношения с последними, например: *Жень, спасибо большое; Вот Вы что скажете, Жень?* (см. 9 фрагмент эфир 29.11.16).

Тактика конфронтативной коммуникативной интеракции реализуется через перераспределение инициативы, которая проявляется в наложении реплик респондента на реплики интервьюера, и перераспределение инициативы, что проявляется в прерывании респондентом интервьюера.

Разногласия по гендерным коммуникативным стратегиям ярко проявляются в процессе гетерогендерной коммуникации. Так, в мужском гомогендерному и женском гомогендерному общении наложения реплик и прерывание речи собеседника – явления одинаково распространены. В гетерогендерной интеракции человек демонстрирует стремление к лидерству, доминирование в собеседовании, а женщина демонстрирует склонность к речевому сотрудничеству и паритету [2, с. 24].

В гетерогендерной коммуникации мужская речь является доминирующей и подчиняет женскую речь путем довольно

частого неоправданного прерывания собеседника. Женщина же в данной ситуации, как правило, не пытается восстанавливать свое вещание, придерживаясь тактики молчаливого протеста. Мужчина в отличие от женщины продолжает говорить одновременно с собеседником, что влечет наложение реплик, которые направлены на сохранение коммуникативной инициативы. Отметим, что женщина использует речевое прерывание с целью демонстрации внимательного слежения за речью собеседника, реализуемого в форме коротких одобрительных или сочувственных замечаний или возгласов. Однако, случаи наложения реплик в мужских гомогендерных группах не являются тенденцией, особенно, если цель разговора – установление дружеских отношений.

Евгений Попов: Россия может быть только сильной, или не быть вообще, у нас другого выбора нет. После короткой рекламы продолжим обсуждение развитие кризиса на Украине, поговорим о гуманитарной катастрофе на Донбассе и усилиях России по деэскалации конфликта на Украине.

Ольга Скабеева: Давайте, когда у Якоба будут доказательства, тогда он и продолжит высказываться, да, на этот счет (См. фрагмент 10 выпуск 14.09.16).

Тактика конфронтативной коммуникативной интеракции употребляется респондентами с целью отклонения темы, неприемлемой для них, уточнения информации, прерывания неточной или неправильной информации, непреднамеренного ухода от темы за счет ассоциативных тем, развивающихся на базе предложенной темы интервьюером.

Наше исследование показывает, что тактика кооперативной коммуникативной интеракции стратегии моделирования коммуникативной интеракции является гетерогендерной, то есть реализуется как респондентами-мужчинами, так и респондентами-женщинами во время телевизионного интервью, в то время как тактика конфронтативной коммуникативной интеракции той же стратегии является гомогендерной мужской, что отражает определенные гендерные коммуникативные стереотипы.

Дальнейшее изучение гендерной специфики варьирования стратегий и тактик в телевизионном интервью возможно с учетом влияния фактора гендера интервьюера на коммуникацию, поскольку наше исследование было осуществлена с учетом лишь гендера респондентов, поскольку материал исследования строился на программе с одними и теми же ведущими.

ЛИТЕРАТУРА

1. Капичникова И. Ю. Модально-оценочная структура интервью в массово-информационном дискурсе : дис. ... кандидата филол. наук: 10.02.04 / Капичникова Инна Валерьевна. – Иркутск, 2003. – 146 с.
2. Мартинюк А. П. Регулятивная функция гендерно обозначенных единиц языка : автореф. дисс. на получ. науч. степени д-ра филол. наук: спец. 10.02.04 «Германские языки» / А. П. Мартинюк. – К., 2006. – 42 с.
3. Прохоров Ю. В., Стернин И. А. Русские: коммуникативное поведение / Ю. В. Прохоров, И. А. Стернин. – М.: Флинта Наука, 2006. – 328 с.
4. Трофимова Е. В. Терминологические вопросы в гендерных исследованиях / Е. В. Трофимова // Гендер: Язык, культура, коммуникация: сб. науч. статей. – М.: Моск. гос. лингв. ун-т, 2002. – С. 41–54.
5. Kotthoff H. New Perspectives on Gender: Studies in Discourse Analysis / H. Kotthoff // Гендер: Язык, культура, коммуникация: сб. науч. статей. – М.: Моск. гос. лингв. ун-т, 2001. – С. 11–32.

АННОТАЦИЯ

Лешкова Н. В. Гендерный аспект в изучении языковой личности

Статья посвящена гендерному изучению стратегии контроля коммуникативной интеракции, а именно кооперативной и конфронтативной тактикам, реализованным респондентами во время телевизионного интервью. Материалом анализа является программа «60 минут». Кооперативная тактика коммуникативной интеракции определена как гетерогендерная, а конфронтативная – как гомогендерная мужская.

Ключевые слова: гендер, телевизионное интервью, стратегия контроля коммуникативной интеракции, кооперативная тактика, конфронтативная тактика.

SUMMARY

Leshkova N. V. Gender aspect in the study of language personality

The article highlights gender specifics of the communicative interaction checking strategy. The addressees' tactics of cooperation and confrontation are considered within the frame work of the television interview of «60 minutes» broadcasting. The data obtained reveal the cooperation heterogender technique while the confrontation acquires the male monogender characteristics.

Key words: gender, television interview, checking strategy, communicative interaction, cooperation tactics, confrontation tactics.

Ю. О. Матвеева
(г. Донецк, ДНР)

УДК 811.111'276.6'367.625.4

ИНФИНИТИВ И ИНФИНИТИВНЫЕ КОНСТРУКЦИИ В СОВРЕМЕННОМ ДЕЛОВОМ АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ (НА ПРИМЕРЕ БРИТАНСКОЙ ПРЕССЫ)

Инфинитив как языковая категория является одним из спорных объектов грамматики современного английского языка. Особенности инфинитива в английском языке и несоответствие некоторых его форм и функций с формами и функциями инфинитива в русском языке побудило автора этой работы провести статистический анализ выборки.

В данной работе даются результаты исследования функционирования инфинитива и инфинитивных конструкций в англоязычных текстах деловой направленности. Данный материал не был исследован в плане функционирования английских инфинитивных форм. С этой целью была обработана выборка из статей британских журналов «The Economist», «Financial Times», «The Guardian» за 2016, 2017 и 2018 годы, которые представляют собой обзор последних достижений в области экономики и бизнеса.

Практическая значимость исследования связана с возможностями использования его материалов в практике преподавания делового английского языка как иностранного.

Проведенный анализ показал, что наиболее употребительной в англоязычных статьях деловой направленности является простая форма инфинитива в активном залоге, например: *China has unveiled plans to impose retaliatory tariffs on US imports worth \$60 bn (£46 bn), firing the latest volley in the mounting trade dispute between the world's two largest economies.* Количество таких форм составляет 92 % от всего количества случаев использования инфинитива в текстах выборки.

В то же время простая форма в пассивном залоге составляет 9 %, например: *The reality is there are stronger arguments to be made for a cut in rates;* завершенная в активном залоге – 0,8 %, например: *The deadly blast seems to have marked a turning point;* длительная в активном залоге – 0.2 %, например: *In the UK, uncertainty about exit from the EU seems to be limiting the development*

of policies to promote more inclusive growth. Pentagon says we could soon be fighting climate wars. Случаи использования завершенной-длительной (активный залог) и завершенной (пассивный залог) форм в выборке не встречались.

Таким образом, в статьях деловой направленности преимущественно используются простые формы инфинитива в активном и пассивном залоге.

Что касается результатов статистического анализа функций инфинитива в текстах выборки, то их целесообразнее представить в последовательности членов предложения в английском языке, то есть: подлежащее – сказуемое – дополнение – определение и обстоятельство.

В целом, инфинитив в функции подлежащего встречается в 1.25 % от общего количества использования инфинитива в данной выборке. Однако классическое подлежащее в препозиции составляет всего 0.3 %, например: *To uncover the true drivers of loyalty, we undertook a worldwide, cross-sector research program.* В то время как остальные 0.85 % – это подлежащее в постпозиции, представленной в начале предложения формальным подлежащим “it”, например: *It is now in a position to resume dividend payments and plan additional capital distributions to share holders.*

Кстати, существуют разные трактовки функционирования инфинитива в предложениях, которые начинаются с безличного местоимения “it”. Например, Е.М. Гордон считает, что инфинитив в таких предложениях осуществляет функцию дополнения [2, с. 132]. Однако в других справочниках по грамматике английского языка, например авторов Джеффри Лича [4, с. 211] и Рендолфа Кирка [3, с. 179], утверждается, что инфинитив в таких предложениях является подлежащим в постпозиции, а формальное подлежащее называется соответственно “introductory” it или “anticipatory” it. Можно согласиться с трактовкой этой функции инфинитива.

Следующая функция инфинитива – сложное подлежащее или субъектный инфинитивный оборот, например: *In particular, demand for fish products is expected to continue to rise in the coming decades.* Ранее сложное подлежащее считалось характерным исключительно для языка научных публикаций, но со временем его все чаще использовали в разговорном языке и его часто можно услышать в передачах британских телекомпаний. Статистический анализ выборки также подтвердил, что сложное подлежащее в текстах деловой направленности употребляется почти вдвое чаще, чем обычное подлежащее, выраженное инфинитивом. Количество инфинитивов, которые относятся к сложному подлежащему, составляют 2.23 % от общего

количества инфинитивов в выборке. Это означает, что изучению этой конструкции следует уделять больше внимания, поскольку она не имеет аналогов в русском языке, и зачастую сложно понять взаимоотношения между членами субъектного инфинитивного оборота.

Статистический анализ выборки показал, что чаще всего инфинитив употребляется как часть сложного сказуемого, а именно в 45,89 % от всех случаев употребления инфинитива. В роли предикатива, то есть именной части сложного подлежащего, инфинитив встречается в 3 %, например: *The Fed's plans are to hike interest rates again next month.* В составе аспектного подлежащего – 1 %, например: *Speaking just hours after China unveiled the countermeasures on Friday, Larry Kudlow, Trump's chief economic adviser, said the US president was willing to follow through with his threats, in a stark warning to Beijing.*

Остальные 40,5 % приходится на модальные подлежащие. Причем лидером среди них является сочетание инфинитива с модальным глаголом “can” и его эквивалентом “to be able” – 28,91 %, например: *A worthy ambition, so long as they can avoid the fate of Sisyphus. Shareholders reckon that their companies will not suffer – or that they will be able to get out in time.*

На втором месте находится сложное подлежащее с модальным глаголом “may” – 5.94 %, например: *Central banks may then wait to see whether low inflation reflects a genuine economic trend or is merely a statistical blip. The greater difficulty may be the trouble that central bankers have in imagining that dizzying technological change is possible, let alone imminent. Zimbabwe's new president may not be able to fix the economy. As the unemployment rate dropped to levels that might normally trigger a phalanx of interest-rate rises, Mr Greenspan's Fed moved cautiously, betting that efficiencies from new IT would keep price pressures in check.*

Сложное подлежащее с модальным глаголом “must” и его эквивалентами “to have” и “to be” составляет 3,6 %, например: *On July 17th, when Tianjin officials reported a grim batch of economic data, they added a rallying cry: “we must summon the courage that it takes to roll a rock up a mountain”; The MPC has just made a major error it will have to reverse fairly quickly as bad data flows in; China's belt-and-road plans are to be welcomed – and worried about.*

Инфинитив в сочетании с модальным глаголом “should” составляет 1,4 %, например: *That stimulus should spur more investment in growing parts of the economy, helping them to absorb quickly the resources freed up by the new, doctor-displacing technology and thus averting a slump; а глаголом “ought” – 0.37 %, например:*

An alert central bank with an inflation target ought to swing into action to provide more monetary stimulus and keep price and wage growth on track.

Глагол “need” с инфинитивом составляет 0.53 % от общего количества инфинитивов выборки, например: *Governments need to rethink their attitudes to debt.*

Кроме того, в текстах встречались неодинокные случаи употребления двойного модального и модально-аспектного подлежащих, например: *If wages are to rise, workers need more bargaining power.*

Отдельно необходимо упомянуть устойчивый оборот “to be going to do something”, который встречается в выборке в 0.85 % случаев употребления инфинитива, например: *In its last 18 forecasts in a row, the MPC wrongly forecast that wage growth was going to return to pre-recession levels of around 4 % or so.* Таким образом, достаточное внимание, которое уделяется материалу о сложных подлежащих в грамматиках современного английского языка, полностью обосновано.

Что касается инфинитива в функции дополнения, то здесь также наблюдаются определенные расхождения. Например, в теоретической грамматике современного английского языка Н.А. Кобриной [1, с. 118] утверждается, что инфинитив может быть дополнением только к глаголу, а после таких прилагательных, как “glad”, “sorry” и других, инфинитив функционирует как определение. В то время как ряд других грамматик, включая теоретическую грамматику И.П. Крыловой и Е.М. Гордона [2, с. 243], указывают, что инфинитив может быть дополнением и к глаголам, и к прилагательным. В данной статье инфинитив трактуется дополнением к прилагательному лишь в том случае, если прилагательное входит в состав именного сказуемого, например: *Yet problems are hard to solve.* И результат статистического анализа выборки показал, что инфинитив в функции дополнения к глаголу встречался в 11,3 % от общего количества употребления инфинитива в выборке, например: *Commodity-producing regions have struggled to adapt to a modernising economy, as has the rust-belt north-east;* а инфинитив в функции дополнения к предикативу – в 3,48 % случаях, например: *Many scientists put their attention on more difficult issues which had more clearly definable goals that they hoped would be easier to achieve.*

Сложное дополнение (объектный инфинитивный оборот) тоже оказался достаточно распространенным и составил 6 % от общего количества употребления инфинитива в выборке, например: *The relative consistency in jobs growth allows economist*

to turn their attention to wage growth, a key reading for policymakers looking to keep inflation to the Federal Reserve's 2 % target. Так же как и сложное подлежащее, эта конструкция требует более тщательного изучения.

Следующая функция, которую выполняет инфинитив в предложении, – функция определения – в выборке представлена таким образом: определение к существительному составляет 7,4 % от общего количества употребления в выборке инфинитивов, например: *The Xbox 360, to be launched in Europe and Asia this month with an enormous marketing campaign, is the most visible example for its consumers*; определение к местоимению – 0.18 %, например: *This device is anything to go by, machine you can interact with, that understand what you are saying and react appropriately, are still somewhat off*; определение к числительному – 0.17 %, например: *This is because the most brand loyal clients were the first to buy mobile phones. He was not the first to wonder*.

Из всех типов обстоятельств в выборке встречались только инфинитивы в функции обстоятельства цели – 18,04 %, например: *To prevent a rapid drop in living standards, governments must construct infrastructure rapidly*; инфинитивы в функции обстоятельства следствия после прилагательных, которые модифицируются наречием “enough”, – 0.34 %, например: *Few firms were brave enough to refuse to pay up*. В абсолютном большинстве случаев перед инфинитивом в роли обстоятельства цели не было слов “in order”, которые иногда усложняют понимание этой конструкции в контексте.

Отдельное внимание необходимо уделять инфинитивным группам (так называемым “wh”-конструкциям) и предложному инфинитивному комплексу (“for”-комплексу), поскольку в статьях выборки они встречаются достаточно часто: “wh”-конструкция – 1.2 %, “for”-комплекс – 1.9 %. Они могут выполнять в предложении любую функцию, например:

подлежащего – *How to provide a protein-rich diet to a growing population is an open question*;

предикатива, то есть именной части сказуемого – *The most important task for today's managers is to create an internal environment, such that the company's personnel is motivated to act in order to achieve the companies goals on the market*;

дополнения – *The participating agency must decide whether to change the information in accordance with your request. Your partners will ask your company's specialist how to improve international coordination for sustainable development. These problems are too complex for the average person to deal with. As a result people frequently find themselves in a difficult position where*

they are too old to find steady employment, but too young to be eligible for a pension;

определения – *The new project to be tested has been brought to the office;*

обстоятельства – *In the next few years, new economic policy will be declared to the world to interact with.*

Таким образом, проведенный статистический анализ функционирования инфинитива и инфинитивных конструкций в англоязычных текстах деловой направленности на примере выборки из статей современных британских журналов показал, что чаще всего употребляются простые формы инфинитива в активном и пассивном залоге в функции составного глагольного сказуемого, подлежащего, дополнения.

Согласно проведенному исследованию функциональных особенностей инфинитива в позиции различных членов предложения, необходимо отметить, что составное глагольное модальное сказуемое по своей частности является преобладающей функцией инфинитива, тогда как в функции составного глагольного видового сказуемого примеров употребления инфинитива встречается значительно реже.

Можно сделать вывод, что хотя инфинитив в составе предложения может занимать синтаксические позиции почти всех членов предложения, однако специфика грамматических особенностей каждой из категориальных форм инфинитива ограничивает возможности употребления инфинитива в предложении.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кобрина, Н. А. Теоретическая грамматика современного английского языка : учеб. пособие / Н. А. Кобрина и др. – М. : Высшая школа, 2009. – 368 с.
2. Крылова, И. П. Грамматика современного английского языка / И. П. Крылова, Е. М. Гордон. – М. : КДУ, 2011. – 448 с.
3. Quirk Randolph, Greenbaum Sidney. A University Grammar of English. Longman. – Moscow: Vysshaya Shkola, 1982. – 247 p.
4. Leech Geoffrey, Svartvik Jan A Communicative Grammar of English. – 1st edition. – Longman, 1975. – 304 p.

ЦИТИРУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

1. «The Economist». – Режим доступа : <https://www.economist.com/>
2. «Financial Times». – Режим доступа : <https://www.ft.com/>

3. «The Guardians». – Режим доступа : <https://www.theguardian.com/>

АННОТАЦИЯ

Матвейчева Ю. О. Инфинитив и инфинитивные конструкции в современном деловом английском языке (на примере британской прессы)

Данная статья посвящена статистическому анализу употребления инфинитива и инфинитивных конструкций, их функций в современном деловом английском языке на основе выборки из статей британских журналов.

В статье рассматриваются наиболее употребительные формы в активном и пассивном залоге, представленные в последовательности членов предложения в английском языке.

Ключевые слова: инфинитив, инфинитивные конструкции, части речи, части предложения, современный деловой английский язык.

SUMMARY

Matveicheva Yu. O. Infinitive and infinitive constructions in modern business English (on the example of the British press)

The present article contains the results of statistical analysis of the usage of infinitive forms and functioning of infinitive constructions in modern business English based on a sample of articles from British journals.

The article deals with the most common forms in the active and passive voice presented in the sequence of parts of the sentence in English.

Key words: infinitive, infinitive constructions, parts of speech, parts of sentences, modern business English.

*Ю. Ю. Наливайко
(г. Донецк, ДНР)*

УДК 81'367.333

ПРИЧИНЫ ВОЗНИКНОВЕНИЯ ЯВЛЕНИЯ СИНКРЕТИЗМА В СИСТЕМЕ ВТОРОСТЕПЕННЫХ ЧЛЕНОВ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

Синкретизм в системе членов предложения – это объединение (синтез) в одном члене предложения дифференцирующих признаков и функций нескольких членов предложения; объединение значений нескольких общих

синтаксических отношений: атрибутивного и объектного, атрибутивного и обстоятельственного (циркумстативного), объектного и обстоятельственного, предикативного и объектного, предикативного и обстоятельственного. Процесс синтетизирования может реализовываться как на уровне плана содержания (в лексическом значении членов предложения), так и в плане выражения (на уровне способа выражения, вида связи, способов связи, характера зависимости), а также в плане содержания и выражения одновременно. Уместным становится вопрос о причинах появления синкретизма в сфере членов предложения.

В статье осуществляется попытка иерархизации и структурирования причин возникновения синкретизма членов предложения. Для явления синкретизма именно синтаксический уровень выступает тем полем, на котором происходят трансформации стандартных конструкций и которое характеризуется тенденцией к возникновению переходных структур, определение статуса которых даст возможность проанализировать природу промежуточных явлений в сфере синтаксического уровня языка.

Смысловая и структурная сложность членов предложения синкретического типа зачастую приводит к неоднозначности их толкования в научной литературе. С появлением современных исследований в области структурно-семантического синтаксиса исчезло негативное отношение исследователей к феномену синкретизма языковых единиц как к конденсатору сложной семантики, что в большей степени обосновывается способностью таких конструкций экономить языковые ресурсы [4; 6; 9]. Необходимо также учитывать, что понимание исследуемого объекта не бывает полностью независимым от системы используемых терминов, поскольку некорректное манипулирование дефинициями может привести к ошибочным представлениям об объекте.

Актуальность статьи определяется заинтересованностью современных лингвистов теоретическими вопросами, связанными с функционированием членов предложения синкретического типа и их влиянием на точность восприятия информации реципиентами, а также определяется дискуссионностью вопроса о причинах появления синкретизма, омонимии и полисемии на синтаксическом уровне языковой системы.

Цель статьи – обосновать широкий подход в понимании причин возникновения синкретизма как явления, выступающего родовым понятием по отношению к таким видовым проявлениям, как омонимия и полисемия.

Обратимся к актуальной проблеме соотношения формы и содержания на уровне членов предложения. Во взаимосвязи формы и содержания лексическое наполнение согласно структурно-семантическому подходу основополагающе, а форма реализует ту сторону модифицируемого объекта, который трансформируется зависимо от изменений в содержании и конкретных условий функционирования. В свою очередь, форма, имея относительную самостоятельность, влияет на содержание: форма, коррелируемая смыслом, ускоряет процесс трансформации последнего, а форма, не успевающая модифицироваться под влиянием полисемантической содержания, тормозит процесс дальнейшей трансформации семантики. Содержание более мобильно, чем форма, которая фиксирует пиковый момент стабильности. Разрешение противоречий между содержанием и формой возможно двумя способами: 1) полностью отказаться от старых форм (что недопустимо, поскольку язык – живой полифункциональный организм, искусственное вмешательство в который разрушает нормированность и кодифицированность); 2) использовать новые формы (этому должно предшествовать признание таких форм), которые адаптируются к видоизменённому содержанию. Такими полисемантическими компонентами являются синкретические члены предложения, в которых семантика не вкладывается в жёсткую форму одного члена предложения.

Ответ на проблемный вопрос о причинах возникновения синкретических членов предложения необходимо искать в плоскости вторичных синтаксических функций. В словоформе как члене предложения сосуществуют два типа грамматических значений: категориальное (значение слова как части речи) и синтаксическое (типичное значение члена предложения). Традиционные члены предложения характеризуются комплексом дифференцирующих признаков одного члена предложения, члены предложения синкретического типа объединяют дифференцирующие признаки нескольких членов предложения. Одной из причин возникновения синкретических членов предложения является специфическое выражение многослойной семантики, объединяющей несколько смысловых оттенков (случай, когда форма не способна вместить несколько смысловых оттенков). При этом такая контаминация невозможна в типичных членах предложения: синкретическая семантика многослойна, в отличие от значения типичных членов предложения. Так, в предложении *Не в этом ли одна из причин известной деформации личности в застойные годы?* (Режим доступа: http://www.esperanto.mv.ru/Marksismo/Kosing/kosing_

stalinism-1.html – Дата обращения: 09.11.2018) синкретическое категориальное значение главного слова словосочетания *деформация в застойные годы* обуславливает сложную семантику словосочетания и распространение как левостороннее, так и правостороннее: *известная (какая?) деформация (когда? какая?) ® в застойные годы*. При информативной достаточности сказуемого-предиката второстепенный член предложения в зависимой позиции может быть детерминантом, называя как признак субъекта, так и признак предикативного признака. При сохранении предикативного знака в исходном предложении второстепенный член предложения может объединять определительное значение с обстоятельственным. В словосочетании *деформация в застойные годы* синтезируются определительное и обстоятельственное значение (какая? когда?), поскольку субстантивная особенность имени существительного *деформация* (предметное значение) обуславливает необходимость обстоятельного распространителя. Наличие обстоятельного распространителя связано с лексико-грамматическим значением главного слова. Вопрос *когда?* определяется реальной генетической связью отглагольных имён существительных с мотивирующими словами. Отглагольные имена существительные привносят в предложение дополнительную предикацию, что демонстрируется возможной заменой их подчинённым предложением.

Девербативные субстантивы (имена существительные, образованные от глаголов и сохраняющие с ними семантические связи) – следующая причина появления синкретических членов предложения. Сохраняя синтаксические связи с образующим словом, девербативы переходят в категорию имён существительных, приобретая значение предметности и соответствующие грамматические категории. Особое смысловое наполнение отглагольного имени существительного, его семантико-синтаксическое функционирование в предложении позволяют ему быть носителем информации о сложных явлениях действительности. Л.Д. Чеснокова замечает, что разная степень «опредмечивания» (субстантивации) девербативов, возможность выражения как процессуальных, так и предметных значений не позволяют однозначно квалифицировать функции зависимых от них слов [7, с. 49]. Для определения типа семантико-синтаксических отношений исследователь предлагает использовать следующие приёмы: постановку вопросов, замену управляемых форм согласуемыми, трансформативные преобразования в подчиняемую определительную часть. О.К. Фёдоров считает наиболее

рациональным приём преобразований (*ритмы земли – земляные ритмы, рёв машин – машинный рёв*) [5, с. 34].

Отглагольные имена существительные, обосновывая возникновение синкретических членов предложения, занимают особое место в системе частей речи. Объединяя значение предметности (основное значение) со значением предикативности (как глубинное значение), девербативы в предложении часто выполняют не синкретическую функцию, а лишь обуславливают синкретизм зависимой словоформы, которая под влиянием предметности имени существительного выражает определительное значение (атрибутивное), а под влиянием предикативности – выражает значение объектное или обстоятельственное. Так в заголовке *Не искать защиты* (от чего? какой?) *от безмерности истории, но быть защитником* (Режим доступа: <https://radiovera.ru/ne-iskat-zashhityi-no-byit-zashhitnikom.html> – Дата обращения: 14.12.2018) синкретическая конструкция объединяет семантику определительную и объектную.

Рассмотрим следующую причину возникновения синкретических членов предложения. Сопоставив типичные значения членов предложения с видами категориальных значений частей речи, выясняем: эти значения одинаковы – определение выражает признак предмета, также имя прилагательное как часть речи выражает признак предмета; обстоятельство выражает признак действия или признак признака, и наречие также выражает признак действия или признак признака; подлежащее и дополнение называют предмет, имя существительное также называет предмет; сказуемое называет действие предмета, и глагол называет действие как процесс. При анализе функционирования словоформы в структуре предложения выделяются два типа соотношений категориального и синтаксического значений: 1) категориальное и синтаксическое значения совпадают (первична синтаксическая функция словоформы) и 2) категориальное и синтаксическое значения не совпадают (синтаксическая функция словоформы вторична).

Функционирование словоформы во вторичной функции (категориальное значение не совпадает с синтаксическим) может иметь два следствия: во-первых, оно может привести к смене категориального значения словоформы, что свидетельствует о её переходе в другую часть речи; во-вторых, оно может обуславливать качественные изменения синтаксических функций, появление новых, синкретических значений.

Синкретизм членов предложения возникает в результате того, что во вторичной функции сталкиваются два несовпадающих

значения – категориальное значение и синтаксическое; эти значения взаимодействуют, и возникает новое, синкретическое синтаксическое значение. Синкретизм может распространяться и на форму, в результате чего появляются неморфологизированные члены предложения.

Логичным представляется отражение первичными и вторичными синтаксическими функциями не только сдвигов в функционировании словоформ, но качественной разницы в синтаксических функциях. Вторичность синтаксических функций словоформ является одним из основных факторов, вызывающих возникновение синкретических членов предложения. Однако актуальной становится необходимость ответа на вопрос: какие процессы обуславливают появление у словоформы вторичной функции, в результате чего словоформа начинает выполнять несвойственную функцию?

Условно эти процессы можно разделить на две группы – синтаксические и морфологические, хотя, конечно, они взаимосвязаны. К синтаксическим процессам относятся: эллипсис глагола; перераспределение синтаксических связей в структуре предложения (термин был введён в научный оборот Н.Ю. Шведовой); разрушение стабильности порядка слов. Эти процессы приводят к переосмыслению основного лексического значения словоформы и появлению нового синтаксического значения и новой функции. К морфологическим факторам (которые приводят к появлению у словоформы вторичной синтаксической функции) относится синкретизм на уровне категориального значения слова, обусловленный процессами словообразования, а также лексико-морфологический синкретизм отдельных групп слов и отдельных словоформ, сложившийся исторически.

Рассмотренные факторы, определяющие появление синкретизма в системе членов предложения, часто объединяются, являются комплементарными, то есть такими, которые только в контаминации приводят к синкретическим процессам.

В ходе дальнейшего исследования синкретизма на уровне членов предложения представляется целесообразным детализированное изучение таких причин его появления, как: эллипсис глагола, перераспределение связей, разрушение стабильности порядка слов. Отдельного внимания требует такая разновидность синкретизма, как лексико-морфологическая.

Существование в языке второстепенных членов предложения синкретического типа свидетельствует о тенденции устранения системной избыточности, возникающей с усовершенствованием ресурсов синтаксических средств: одно значение выражается и

морфологическими средствами, и средствами других уровней языка.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бабайцева В.В. Зона синкретизма в системе частей речи современного русского языка / В.В. Бабайцева // Филологические науки. – 1983. – № 5. – С. 35–42.
2. Бабайцева В.В. Система членов предложения в современном русском языке / В.В. Бабайцева. – М.: Просвещение, 1988. – 155 с.
3. Киклевич А. Притяжение языка / А. Киклевич // Т. 2: Функциональная лингвистика. – Olsztyn: Instytut Dziennikarstwa i Komunikacji Społecznej Uniwersytetu Warmińsko-Mazurskiego, 2008. – 392 s.
4. Радутная О.А. Синкретизм и полисемия как категория формально-содержательной языковой ассиметрии / О.А. Радутная // Семантика языковых единиц: докл. V Международн. конф. – М., 1996. – Т. 1. – С. 35–36.
5. Федоров А.К. Спорные вопросы теории сложноподчиненного предложения / А.К. Фёдоров. – Курск: Изд-во Курск. пед. ин-та, 1982. – 84 с.
6. Холодилова Л.Е. О термине «синкретизм» в языке и речи / Л.Е. Холодилова // Вопросы терминологии. – Нижний Новгород, 1993. – С. 127–133.
7. Чеснокова Л.Д. Проблема членов предложения в теоретическом и методическом аспектах: Учеб. пособие по спецкурсу / Л.Д. Чеснокова. – Таганрог: ТГПИ, 1996. – 210 с.
8. Шведова Н.Ю. Место семантики в описательной грамматике(синтаксисе)/Н.Ю.Шведова//Грамматическое описание славянских языков. – М.: Просвещение, 1972. – С. 108–112.
9. Штайн К.Э. Переходность и синкретизм в свете деятельностной концепции языка / К.Э. Штайн // Сб. ст. научно-методического семинара TEXTUS. – Ставрополь, 2005. – С. 26.
10. Bauer C., Griner A., Daniel J. International Newspaper Article. URL: <http://courses.washington.edu/webrhet/engl281/handouts/genreguidech2.pdf> (дата обращения 06.11.18).
11. Robert L. Hilliard. Writing for Television, Radio and New Media. – Emerson College, Emeritus, 2011. – 544 p.

АННОТАЦИЯ

Наливайко Ю. Ю. Причины возникновения явления синкретизма в системе второстепенных членов предложения

В статье рассматриваются причины возникновения явления синкретизма в системе второстепенных членов предложения. Автор базируется на соотношении категориального и синтаксического значений анализируемых конструкций. Выделяются две группы причин, влияющих на процесс возникновения членов предложения синкретического типа: морфологические и синтаксические. Синтаксические причины рассматриваются детализированно, в области морфологических внимание сосредоточено на девербативных субстантивах.

Ключевые слова: синкретизм, лексико-морфологический синкретизм, второстепенные члены предложения, структурно-семантический подход, полисемантичность словоформы, категориальное и синтаксическое значения, девербативный субстантив.

SUMMARY

Nalyvaiko Iu. Iu. The causes of the phenomenon of syncretism in the system of secondary members of the sentence

The causes of syncretism in the system of secondary members of the sentence are discussed in the article. The author proceeds from the ratio of categorical and syntactic values of the analyzed structures. There are two groups of causes that influence the process of the emergence of syncretic members in a sentence structure: morphological and syntactic. The syntactic causes are considered in detail, in the field of morphological ones the author's attention is focused on deverbative substantives.

Key words: syncretism, lexical-morphological syncretism, secondary sentence members, structural-semantic approach, polysemantic word form, categorial and syntactic meanings, deverbative substantive.

*Н. А. Новоградская-Морская
(г. Донецк, ДНР)*

УДК 81-25

СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ АМЕРИКАНСКОГО СЛЕНГА

Введение. Сколько существует язык, столько же существует сленг, который является предметом исследования лингвистами, психолингвистами, социолингвистами и многими другими учеными.

Как известно, сленг – языковое и социальное явление нашей жизни. Это набор особых слов или новых значений уже существующих слов, употребляемых различными группами людей (профессиональными, общественными, возрастными и т.д.) [3].

В англоязычной культуре и языке термин «сленг» получил широкое распространение приблизительно в начале XIX века. Американский сленг исторически сформировался и развивается до сегодняшнего дня. Он имеет свои уникальные характеристики и функции. Социолингвистическое исследование американского сленга поможет нам больше узнать об американской культуре и обществе.

Цель этой статьи – проанализировать социолингвистические особенности американского сленга, а также отдельные факторы, влияющие на его образование и функционирование.

Социальные предпосылки появления сленга

Неформальная речь часто сопровождается сленгом, который может быть одним словом, фразой или предложением. Это часть языка, которая обычно выходит за рамки обычного или стандартного использования и может состоять как из недавно появившихся слов и фраз, так и из новых или расширенных значений уже существующих слов и фраз. Известно, что сленг образуется различными способами: лексико-семантическим словообразованием и морфологическим словообразованием, которое включает словосложение, аффиксацию, сокращение, звукоподражание и конверсию. Нельзя не отметить роль заимствований из иностранных языков и территориальных диалектов английского языка, жаргонных заимствований в образовании сленга [2].

Мы рассматриваем сленг как разновидность речи. Многообразие речи относится к любой различной форме высказывания, используемой говорящим или группой говорящих. Лингвистические особенности речевого разнообразия можно найти на лексическом, фонологическом, морфологическом или синтаксическом уровнях языка. *Речевое разнообразие* в качестве определения сленга считается более нейтральным определением, чем стандартный или нестандартный язык и диалекты. Американский сленг как речевое разнообразие американского варианта английского языка становится международным, в силу влияния США на все аспекты международной деятельности. Хотя многие считают, что сленг имеет меньшую приемлемость в обществе, но тенденция более чем очевидна – использование сленговых выражений в кино, на телевидении, в газетах и журналах

заметно растет. Наблюдая за этой тенденцией, мы видим, что американский сленг становится все более широко используемым и играет все более важную роль в повседневном американском английском. Большая часть американского сленга приходит из разных субкультурных групп общества. Сленговые выражения из этих групп принимаются обычными людьми и становятся общепринятым лексиконом. Молодые люди активно участвуют в создании сленга. Они используют сленговые термины в своем разговоре, чтобы показать свое отношение к обществу или свой собственный образ мышления. Поэтому мы можем сделать вывод, что американский сленг является продуктом общества, он создается обществом и людьми, которые в нем живут. Это одна из лингвистических разновидностей, которую мы не можем отделить от ее социального фона и социальной среды.

Особенности американского сленга

Что отличает сленг от стандартной лексики? Поскольку большинство сленговых терминов являются по своей форме уже существующими словами, дающими дополнительные новые значения, сленг обычно не может быть выделен на основе его формальных или грамматических особенностей. Поэтому, мы выявили ряд особенностей, свойственных сленгу, и его специфику.

А. Юмор.

Определенная часть американского сленга отличается юмористической подоплекой в рамках его фонетических особенностей. Большое количество американских сленговых фраз используют преимущества эвфонии, чтобы быть легко понятыми и запоминающимися.

Райм – общий фонетический метод внесения юмористического эффекта. Существует много примеров этого явления: *the bee's knees* (выдающиеся люди или вещи); *fender-bender* (мелочь); *razzle-dazzle* (карнавал) и так далее. Использование рифмы в американском сленге заставляет людей почувствовать ритм в звуках. Юмор может быть представлен в специальных терминах и аббревиатурах. Приведем пример.

NATO является сокращением для известной Организации Североатлантического Договора (North Atlantic Treaty Organization), но теперь американцы используют *NATO* как сленг, который имеет совершенно новое значение: *NATO* используется для описания кого-то, кто много говорит, но не делает ничего (*No Action Talk Only*).

Б. Оригинальность.

Сленг может возникнуть из живой игры со словами или в результате переименования вещей и действий, изобретения

новых слов или неправильного использования старых. Например: *livewire*, *smokereater* and *flying off in refer to «living man»* (живущий человек), «*fireman*» (пожарный), «*plane*» (самолет) соответственно. Эти сравнения настолько новаторские и яркие, что их невозможно создать без хорошего воображения, а такие выражения, как *think-machine* (мозгу), *sparkler* (алмаз), *pickers* (руки), *canned music* (музыкальный диск) отличаются выразительностью и хорошо запоминаются.

Многие из сленговых слов, придуманных во время Первой и Второй мировых войн, перестали использоваться вместе с концом событий, которые вызвали их появление. Вот, например, сленговые выражения времен Первой мировой войны, практически вышедшие из употребления: *blue boy* – французский солдат: из-за цвета формы французских военнослужащих; *Hun* – презрительное прозвище немцев: использовалось для того, чтобы охарактеризовать немцев как варваров, не разделявших общечеловеческих ценностей; *Hunland* – Германия и так далее [3]. Примеры сленга Второй мировой войны: *Devil beater* – военный священник, капеллан; *Ratzy* – фашист; слияние слов «крыса» (*rat*) и «нацист» (*Nazi*); *Redski* – русский, коммунист (слово «*red*» (красный) и русское «ский») [4].

С. Нестабильность.

Необычные слова и выражения сленга могут оставаться в употреблении несколько лет; некоторые служат определенной цели и поэтому переходят в стандартный язык. Словарь сленга быстро меняется: то, что являлось новым и модным для одного поколения, старомодно и неактуально для следующего. Старый сленг часто исчезает из употребления либо переходит в стандартный словарь, теряя свой эксцентричный оттенок. Например, слово *flapper* пришло в обиход в конце 19-го века как сленговый термин для молодой, модно одетой, независимой женщины, но впоследствии перешел в общий язык как особый термин для такой женщины 1920-х годов. Например: «*Fleur was not a flapper, not one of those slangy, ill-bred young females*».

Точно так же использование слова *gay* в смысле «гомосексуалист» уходит своими корнями в сленг 1930-х годов, но теперь широко признается в качестве стандартного термина.

Индивидуальные факторы, влияющие на американский сленг

В этой части статьи мы рассмотрим индивидуальные факторы, способствующие появлению сленга. В современной лингвистике используется понятие идиостиля, взаимосвязанное с явлением идиолекта (*idiolect*) – это индивидуальный диалект отдельного говорящего, который объединяет элементы,

касающиеся региональных, социальных, гендерных и возрастных вариаций. По словам Григорьева В. П., компоненты идиостиля „не адекватны элементам языковой системы” [1, с. 5], т.е. нормированного литературного языка. Щукин В. Г. утверждал, что идиолект – это система речевых средств индивидуума, формирующаяся на основе усвоения языка и развивающаяся в процессе жизнедеятельности данного индивидуума. Другими словами, региональный и социальный фонны говорящего, его пол и возраст совместно определяют его / ее речь. Сленг – это своего рода социолект (*sociolect*) и идиолект (*idiolect*), связанные с различиями, вызванными разными социальными и индивидуальными условиями [5, с. 9].

Давайте перейдем к отдельным жизненным условиям и обстоятельствам, влияющим на американский сленг.

Американский сленг и гендерные отношения.

Американский сленг и гендерный язык, как и другие формы социальной активности, должны быть уместны для говорящих. Вот почему во многих сообществах речь мужчин и женщин различна. В использовании американского сленга речь мужчин и женщин имеет свои особенности. Большинство слов и фраз американского сленга создано и используется мужчинами. Гендерное различие в использовании и толерантности к сленгу выравнивается в современном обществе, и стереотип мачо как основных пользователей сленга стал сомнительным. Многие сленговые слова, включая табу и уничижительные слова, те, которые относятся к сексу, женщинам, работе, деньгам, виски, политике, транспорту, спорту и прочее, относятся в основном к интересам мужчин. Большинство записей во всех сленговых словарях могут быть помечены как «преимущественно мужские». Более того, мужчины относятся к большему количеству подгрупп, чем женщины; мужчины создают и используют профессиональные канты и жаргон; в бизнесе мужчины имеют знакомых, входящих в различные подгруппы, где создается свой собственный сленг. С другой стороны, женщины, как правило, имеют меньшее количество социальных связей, порой их жизнь ограничена общением с родственниками и соседями. В результате таких социолингвистических условий женщины используют намного меньше собственного сленга. Новые слова, применяемые к женской одежде, прическам, дому, кухонной утвари и гаджетам, обычно создаются мужчинами. Женщина редко входит в различные социальные подгруппы. Когда женщины общаются вне своего круга и семьи, они не часто говорят о внешнем мире бизнеса, политике или других областях, представляющих общий интерес, где могут появляться новые

названия для объектов, концепций и точек зрения. Женщины, которые работают, обычно заменяют мужчин на работе, менее вовлечены в деловую жизнь, чем мужчины, и имеют более короткую деловую карьеру (часто только промежуточный период между школой и браком). Основными женскими подгруппами, способствующими обогащению американского сленга, являются: стюардессы авиакомпаний, консультанты по красоте, медсестры, проститутки, лесбиянки и официантки. В настоящее время, из-за влияния феминистского движения, женщины пытаются войти в мужской заповедник, но большинство американцев менее терпимы к женщинам, использующим сленг.

Приведем несколько примеров “женского” сленга: *Trolly Dolly* – стюардесса, предлагающая напитки и еду в салоне самолета. *Blue Room* – туалет на языке стюардесс. *Camper* – используется официантками в отношении клиента, который поел, оплатил счет, но не уходит. *PITA* (Pain In The Ass) – у медсестер это выражение относится к пациенту или его родственникам, с которыми сложно общаться. *Garage doors* – тип макияжа, популярного в 80-е годы, когда темные тени накладываются на всю поверхность век вплоть до бровей; используется визажистами. И, конечно, будет неправильно не привести примеры “мужского” сленга:

C-note – банкнота в 100 долларов (где *C* означает столетие на латыни).

Bropocalypse – большое собрание взрослых мужчин с единственной целью напиться (например, на вечеринке по братству, сообществу).

Crackberry – сленговый термин для бренда мобильного телефона (BlackBerry), который подразумевает, что его пользователь пристрастился к устройству.

Dude – чувак, обычно используется (особенно серферами и каменщиками) при обращении друг к другу или в качестве прилагательного, чтобы выразить акцент, изумление или страх.

Grrrl – молодая женщина, которая независима, сильна или агрессивна, особенно в отношении к мужчинам и т.п. [7].

Американский сленг и профессиональная деятельность. Сленговые выражения очень характерны для определенного рода занятий или профессии. Следовательно, профессионалы в процессе общения нарушают нормы и правила языковых стандартов, что способствует употреблению новых моделей словообразования. Этому процессу часто способствуют определенные тренды в обществе и в профессиональных группах. Приведем примеры сленговых выражений, используемых на одной из крупных радиостанций в Нью-Йорке,

в интернет-компаниях и в торговой фирме, и проведем анализ словообразования:

1. *Casual* – внештатные сотрудники, *two-way* – интервью, *sue* – текст для репортажа (значения в стандартном языке: кий, выход, сигнал). Здесь мы видим нарушение языковых норм, изменение первоначального значения слова, что, тем не менее, делает эти слова красочными и оригинальными;

2. *Feature* – интересное неожиданное свойство программы, которое не планировалось при ее создании; *patch* – заплатка к программе, исправляющая сделанную в ней до этого ошибку после релиза; *tick* – интервал времени, обычно секунда; *wizard* – человек, который точно знает, как сделать сложную часть реализации программного обеспечения. Сленговый словарь программистов очень богат и достаточно современен. В данных примерах используются слова с адекватным переносом значений из стандартного языка. То есть, о значении этих слов в контексте может догадаться и непрофессионал.

3. *White collar/gold collar* – белый/золотой воротничок (о работнике офиса); *anonymize* – делать анонимным; *appetite* – уровень интереса; *bad paper* – оплата, сделанная дешевой валютой; *idea shower* – мозговой штурм; *keep your powder dry* – сохранить капитал/информацию для использования на потом; *magic bullet* – мистическое решение бизнес-проблемы; *mad money* – капиталы, движение которых непредсказуемо; *zero-sum game* – ситуация, в которой кто-то выигрывает за счет другого; *alpha pup* – наиболее влиятельный потребитель в группе товаров.

Область продаж является плодотворной средой образования сленговых идиоматических выражений, многие из которых вошли в повседневную речь.

Как мы видим, профессиональные сленговые выражения создаются на основе корпоративного жаргона с примесью эмоциональной окраски и языковой игры. Важную роль здесь также играет юмор.

Американский сленг и возрастной фактор. Американская молодежь, особенно подростки и студенты, являются основными потребителями и производителями сленга. Американские подростки и студенты радикальны во всех аспектах, включая способы использования языка. Они не боятся ошибаться, они любопытны, любят все новое. В то же время у них есть сильное чувство независимости. Они готовы бросить вызов традиционным конвенциям и обычаям. Они, как правило, хорошо используют сленговые термины, созданные музыкантами, поп-певцами или теми, кто занимается

популярными профессиями. Например, слово *crazy* изначально означало безумный, странный, глупый (*mad, strange, silly*), но музыканты поп-музыки использовали это слово с другим значением: красивый, прекрасный или захватывающий (*beautiful, excellent, or exciting*). Взрослые (в том числе пожилые американцы) сравнительно менее склонны к сленгу, но иногда они используют его в очень неформальной обстановке, особенно в чате с членами семьи или близкими друзьями. В то же время сленговые выражения могут быть эффективными способами для выражения своих идей и концепций. Это не только делает их общение более эмоциональным, но и укрепляет их дружбу. Вот некоторые примеры: *flip off* – показать кому-либо средний палец. Используется для выражения гнева и неодобрения в невербальной форме; *drama queen* – описывает человека, который все время делает из мухи слона; *rain check* – означает просьбу перенести встречу на другое время, из-за внезапных обстоятельств. Фраза связана с возможностью поменять билет на просмотр другой спортивной игры, на тот случай если пойдет дождь; *hit the road* – дословно “ударить дорогу”, отправиться в путь. Иногда таким путем можно красиво отделаться от человека, попросив его “hit the road”; *out of the blue* – синоним фразы “Ни с того, ни с сего”, случай, который произошел совершенно внезапно; *wrapping up* – закругляться, подытоживать, заканчивать что-то; *crack someone up* – заставить кого-то смеяться; *piece of cake* – задание, которое не требует больших усилий; *booze* – короткое слово, обозначающее любой алкогольный напиток; *couch potato* – валяться на диване и ничего не делать [8].

Выводы. В этой статье были проанализированы предпосылки появления сленга в обществе, его социолингвистические особенности, а также отдельные факторы, влияющие на его образование и функционирование. В результате анализа примеров сленговых выражений были определены такие особенности, как юмор, оригинальность и нестабильность. Было выяснено, что формирование сленга, среди прочих, зависит от профессионального, возрастного и гендерного факторов. Следующим этапом нашего исследования будет рассмотрение социальных функций американского сленга.

ЛИТЕРАТУРА

1. Григорьев В. П. Грамматика идиостиля. В. Хлебников / Отв. ред. А. Д. Григорьева. – М.: Наука, 1983. – 225 с.
2. Митчелл П. Дж., Холдаенко И. С. Американский военный сленг статья 1: влияние первой мировой войны [Электронный ресурс] / П. Дж. Митчелл, И. С. Холдаенко. – Режим доступа:

- [http://journals.tsu.ru/uploads/import/1168/files/4\(28\)_064.pdf](http://journals.tsu.ru/uploads/import/1168/files/4(28)_064.pdf) (дата обращения: 25.02.2018).
3. Монжелей Е. П. Английский сленг 20-х. [Электронный ресурс] / Е. П. Монжелей // Study.ru. Май 2015. – Режим доступа: http://www.study.ru/support/lib/anglijskij_sleng (дата обращения: 25.02.2018).
 4. Холдаенко И. С., Митчелл П. Дж. Американский военный сленг статья 1: влияние второй мировой войны [Электронный ресурс] / И. С. Холдаенко, П. Дж. Митчелл. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/v/amerikanskiy-voennyy-sleng-statya-2-vliyanie-vtoroy-mirovoy-voyny> (дата обращения: 25.02.2018).
 5. Шукин В. Г. Лингвистические аспекты проблемы идиолекта: Автореф. дисс. канд. филол. наук. – Л., 1978. – 19 с. Научная библиотека диссертаций и авторефератов disserCat <http://www.dissercat.com/content/idiolekt-bylinnogo-pevtsa#ixzz5TcapTPYW>.
 6. Aryn L. Grossman Joan S. Tucker Gender Differences and Sexism in the Knowledge and Use of Slang // July Sex Roles, Vol. 37, Nos. 1/2, 1997, Volume 37, Issue 1–2, pp 101–110. Available at: <https://link.springer.com/article/10.1023/A%3A1025644921272> (accessed:25.02.2018).
 7. Korney J. Американский сленг. 20 фраз из реальной жизни [Электронный ресурс] / J. Korney. – Режим доступа: <https://mandruy.com/informaciya/amerikanskiy-sleng-20-fraz-iz-realnoy-zhizni/> (дата обращения: 25.02.2018).

АННОТАЦИЯ

Новоградская-Морская Н. А. Социолингвистические аспекты функционирования американского сленга

В статье дана характеристика американскому сленгу, определены социальные предпосылки его появления. Проанализированы некоторые социолингвистические особенности американского сленга, такие как юмор, оригинальность, нестабильность. Рассмотрены гендерный, профессиональный и возрастной факторы, влияющие на его образование и функционирование в обществе.

Ключевые слова: американский сленг, социолингвистические особенности, юмор, оригинальность, нестабильность, гендерный, профессиональный, возрастной факторы.

SUMMARY

Novogradskaya-Morskaya N. A. Sociolinguistic aspects of functioning of American slang

The article describes the characteristics of American slang, identifies the social conditions for its appearance. Some sociolinguistic features of American slang, such as humor, originality, instability, are analyzed. Special regard is given to gender, professional and age factors affecting its emerging and functioning in society.

Key words: American slang, sociolinguistic features, humor, originality, instability, gender, professional, age factors.

*К. В. Перишина
(г. Донецк, ДНР)*

УДК 81'373

**ОНИМ ВАЛААМ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ РУССКИХ
ПИСАТЕЛЕЙ (Н. С. ЛЕСКОВ, И. С. ШМЕЛЕВ,
Б. К. ЗАЙЦЕВ)**

В семантическом пространстве онимолексемы *Валаам* в современном русском языке выделяются два смысловых центра – природно-географический (архипелаг, остров, ландшафтный парк-заповедник) и духовно-религиозный (монастырь). Духовная составляющая плана содержания онима формирует его статус именованного культурного концепта в русской языковой картине мира, поскольку Валаамский монастырь занимал на протяжении длительного времени центральное положение в культурном пространстве России [4]. Постепенно восстанавливается это положение и в современной жизни страны, что укрепляет семантико-коммуникативные позиции онима *Валаам* в его экклезионимной ипостаси.

Паломничество в Валаамскую обитель обладает особой значимостью для православного человека. Встречу с Валаамом, пребывание на нем каждый переживает по-своему. Люди искусства создают живописные полотна, музыкальные произведения, писатели и поэты – литературные произведения различных жанров, запечатлевающие опыт общения с духовной святыней православной Руси.

В данных заметках объектом анализа выступает онимолексема *Валаам* в произведениях Н. С. Лескова, И. С. Шмелева и Б. К. Зайцева. Основной целью является выявление компонентов ее семантического пространства, а выбор писателей обусловлен их глубокой погруженностью в проблематику православного жизнеустройства, праведничества и подвижничества. Данная работа продолжает наши наблюдения, начатые в: [8; 9].

Произведения всех трех писателей рождались как отклик в разных жанрово-стилистических проявлениях на непосредственное личное пребывание в Валаамской обители. Паломничество совершалось в разное время, в разных исторических и жизненных обстоятельствах, запечатлелось как сугубо индивидуальный духовный опыт, и анализируемые тексты писались тоже в разное по отношению к паломническим поездкам время. В связи с этим в наших заметках сначала рассматривается онимолексема *Валаам* в произведениях Н. С. Лескова, а затем – в произведениях И. С. Шмелева и Б. К. Зайцева.

Н. С. Лесков предпринял поездку на Валаам летом 1872 года и в течение последующего десятилетия создал несколько произведений, связанных с этим событием: «Монашеские острова на Ладожском озере» (1873), «Очарованный странник» (1873), «Павлин» (1874), «Таинственные предвестия» (1885). Во всех этих текстах собственное имя *Валаам* является важной текстообразующей лексической единицей, актуализирующей различные авторские семантико-референтные ее осмысления. Вводится данный оним в тексты произведений в самом их начале и реализуется в речи рассказчиков (во всех произведениях) и в речи других персонажей (в «Монашеских островах на Ладожском озере»).

Наибольшая повторяемость и семантическая насыщенность присуща этому собственному имени в очерке «Монашеские острова на Ладожском озере». В первом предложении I части текста оно появляется после перечисления «топонимного окружения» астионима *Петербург*: ойконимы *Балтийский Порт, Ревель, Гапсал, Аренсбург, Либава, Рига, Гельсингфорс, Выборг*, название водопада *Иматре*; в третьем предложении появляются лимоним *Ладожское озеро* и инсулонимы *Коневец* и *Валаам*. Все приведенные топонимы, кроме последнего, просто очерчивают природно-географическую среду, означивают конкретные ее объекты; оним же *Валаам* переводится в иную ментальную плоскость: <...> *но едва ли не интереснее всего прокатиться по Ладожскому озеру на два оригинальные монашеские острова – Коневец и Валаам, из коих последний издавна приобрел славу «северного Афона» и удерживает ее поныне*. В приведенном контексте в означаемом онима *Валаам* присутствуют и географическая, и духовно-религиозная составляющие. Наличие последней подтверждается перифразой *северный Афон* (которая в тексте повторяется трижды) и минимальным контекстом *монашеские острова*. В следующем предложении осуществляется лексико-синтагматическое усиление этой части семантического пространства онима

вследствие эксплицирования идей ‘инок’, ‘иночество’, ‘древняя христианская община’: *Валаам, по всеобщему мнению, незыблемая твердыня русского иночества, пребывающего здесь во всей чистоте древней христианской общины. Это самая строгая христианская коммуна.* В заключительной части первой главы текста очерка эта семантическая составляющая выводится на первый план и заполняется новыми смысловыми наращениями. *«Северный Афон» исполнен глубочайшего и всестороннего интереса. Его величественная и угрюмая природа, его положение и характер, его независимое и своеобразное монашеское правление, установившее свои незыблемые строгие порядки, в которых воспитываются аскетические нравы, являющие образцы увлекающей силы и скромного величия, – всё это чрезвычайно оригинально и не имеет себе на Руси ничего равного.* Приведенный отрывок – это речевая партия самого писателя, коннотативно перекрывающая некоторую облегченность смысловой интонации рассказчика, предлагающего «прокатиться по Ладожскому озеру на два оригинальных монашеских острова». Не случайно Валаам в очерке несколько раз именуется *северным Афоном*, а в заключительной главе – *русским Афоном*.

В тексте очерка в онимолексеме *Валаам* актуализируются разные семантические компоненты: архипелаг, остров, монастырь, насельники монастыря, духовная православная твердыня, уклад монастырской жизни и нек. др. Ср.: *одинокое острова древнего Невы, валаамские виды, в виду Валаама, видеть весь Валаам, очень хотелось побывать на Валааме на храмовый день.* Во многих случаях наблюдается семантический синкретизм.

В повести «Очарованный странник» онимолексема *Валаам* употребляется один раз; она произносится рассказчиком в первом предложении и на первый план в ней выведена географическая составляющая: *мы плыли по Ладожскому озеру от острова Коневца к Валааму и на пути зашли по корабельной надобности к Кореле.* А духовная составляющая семантического пространства онима постепенно проявляется и осознается читателем по ходу рассказа Ивана Северьяныча Флягина о его жизни и становится очевидной в самом конце повествования, когда он называет цель своего путешествия: *вот меня и отпустили, и я теперь на богомоление в Соловки к Зосиме и Савватию благословился и пробираюсь.* Средством выражения значения ‘монастырь’ писатель избирает синтагматическую связку *Коневец – Соловки*, включая в нее имена основателей Соловецкой обители.

В рассказе «Павлин» онимолексема употребляется Н. С. Лесковым тоже в речи рассказчика и ее контекстные

окружения также репрезентируют разное ее содержательное наполнение. Как и в повести «Очарованный странник», оним введен в первое предложение текста: *я был участником в небольшом нарушении строгого монастырского обычая на Валааме*. В нем актуализируется семантический компонент ‘уклад жизни монастыря’. В следующем предложении к этому компоненту добавляется природно-локализирующий компонент: *на этой суровой скале не любят праздных прогулок: откуда бы ни приплыл сюда далекий посетитель и как бы ни велико было в нем желание познакомиться с островом, он не может доставить себе этого огромного удовольствия, – говорю огромного, потому что остров поистине прекрасен и грандиозные картины его восхитительны*. В третьем предложении обозначается еще один семантический компонент: ‘устройство жизни паломников’ – *на Валааме за обычай всякий паломник подчиняется послушанию: он должен ходить в церковь, молиться, трапезовать, потом трудиться и, наконец, отдыхать*. После этого появляется контекст, в котором объединяются эти семантические ракурсы: *<...> мне удалось <...> обойти в одну ночь весь остров и запечатлеть навсегда в памяти дивную картину, которую представляют при бледном полусвете летней северной ночи дикие скалы, темные урочища и тихие скиты русского Афона*. И в текстах анализируемых произведений Н. С. Лескова эти семантические ракурсы неоднократно выступают в виде семантического синкретизма плана содержания лексемы Валаам.

В «Таинственных предвестиях» в силу их тематической направленности (поездка на Валаам императора Александра Павловича) в ониме Валаам актуализируется прежде всего компонент ‘монастырь’: *совершал паломничество на Валаам только один Михаил; а в августе на Валааме разнеслось известие, что к десятому числу туда будет государь; владыка Михаил прибыл на Валаам*.

И. С. Шмелев описывает свое паломничество в Валаамский монастырь в очерке «Старый Валаам», а Б. К. Зайцев – в очерке «Валаам». Опубликованы эти два очерка были практически одновременно: в 1936 году – «Валаам» Б. К. Зайцева и в 1937 году – «Старый Валаам» И. С. Шмелева. Однако конкретные обстоятельства рождения текстов разные. Очерк Б. К. Зайцева создавался сразу же после его паломнической поездки на Валаам в конце лета – начале осени 1935 года. Текст же очерка И. С. Шмелева создавался в процессе существенной переработки паломнических заметок «На скалах Валаама», опубликованных в 1897 году, спустя два года после свадебной поездки молодого

писателя в Валаамский монастырь. В очерке «Старый Валаам» отражается память писателя о посещении монастыря, освещенная и обогащенная опытом прожитых после этого сорока, во многом трагических лет. Не случайно автор сменил название произведения, которое представляет собой мысленный взгляд писателя в дорогое для него прошлое, прекрасное далёко [6, с. 319]. Объединяет очерки двух писателей то, что создавались они в эмиграции. «Тоска писателей по покинутой родине вылилась в совершенно конкретные воспоминания о русских святынях. Центром этих воспоминаний стал Валаам» [3, с. 209].

Разница обстоятельств создания текстов, а также разница индивидуальных стилей писателей не могут не отражаться на словесной составляющей произведений, несмотря на то, что опирается она на одну и ту же референтную основу. Это побуждает к сопоставлению лексических единиц в текстах очерков в плане их семантического объема.

Одной из общих лексических единиц в очерках является онимолексема *Валаам*, которая входит в круг ядерных номинаций данных произведений. Показательно, что оба писателя, в отличие от Н. С. Лескова, ввели этот оним в заглавия произведений, и в этой текстовой позиции он обладает (наделен) семантическим синкретизмом плана содержания. Данный синкретизм будет разрешаться по ходу разворачивания повествования.

Оним *Валаам* регулярно употребляется обоими писателями в значениях 'остров' и 'монастырь', которые часто актуализируются как семантическое единство. Первое значение актуализируется в таких, например, контекстах: *но где найдете во Франции такое «растворение воздухов», благоухание, как в лесах Валаама; в нескольких десятках верст от Валаама пристал к дикому островку, там же и поселился* (Б. Зайцев); *виден весь Валаам, весь в солнце, зубья его утесов; солнце зашло за Валаам* (И. Шмелев). В текстах обоих авторов наблюдается своеобразное подкрепление этого значения употреблением географического термина *остров*: *перед нами высокий темно-зеленый остров* <...> *Ближе – остров дробится на острова* (И. Шмелев); *а сейчас <...> медленно мы поднимаемся узким зеркальным заливом, среди чудесных лесов, к пристани главного острова; под вечер мы отправились в пешеходное странствие – одно из чудеснейших занятий на острове*. Встречается номинация *Валаамский остров*: <...> *выходим с Валаамского острова на Ладугу; с другого конца Валаамского острова; сзади нас главный остров Валаамский* (Б. Зайцев), в которой как бы объединяются проприальное и апеллятивное именование объекта. В очерке И. С. Шмелева структурно подобная номинация *Валаамские*

острова (не синеют острова Валаамские) ориентируется на референт «архипелаг». Ср. контекст: *Валаамский архипелаг включает в себя около сорока островов, главным из которых является собственно остров Валаам* [7, с. 364]. Значение ‘остров’ отражается и в прилагательном *валаамский*: *валаамские леса, сосны заповедные валаамские*.

В анализируемом очерке встречается художественный прием одушевления острова, словесно выражающийся путем сочетания онима *Валаам* с прилагательными и глаголами: <...> *дремлет Валаам под усыпляющий шепот сосен*; <...> *дремлет суровый Валаам на камне, водами от мира огражденный*; *такие же точно «глухие» начертания встречаете вы повсюду на молчаливом Валааме*; *Валаам чужим им не был, такой же, как и они, – суровый, молчаливый, стойкий, крепкий, трудовой...*

Значение ‘монастырь’ актуализируется чаще, поскольку цель паломничества писателей – обитель. *Более ста лет назад сюда уединялся игумен Назарий, духовный обновитель и восстановитель Валаама*; *о. Феодор просто повествовал, как был послушником на Валааме*; *он живет на Валааме уже недели три* (Б. Зайцев); *когда он [игумен Дамаскин – К.П.] шел впервые на Валаам, встретились ему старцы с Белого моря, шедшие с Валаама в монастырь Александра Свирского*; *все величавое, крепкое, что видите на Валааме, связано с именем Дамаскина*; *это [схимники – К.П.] – свет Валаама, его слава* (И. Шмелев). Реализуется значение ‘монастырь’ и через прилагательное *валаамский*: *иноки валаамские, валаамские паломники, валаамские колокола, валаамское строительство, душистый хлеб валаамский*. Нередки контексты, в которых оба указанные значения выступают как смысловое единство: *... нельзя потонуть на Валааме, угодники не допустят*; *прощай, Валаам, чудесный, светлый*; *пароход отваливает от Валаама* (И. Шмелев); *доведется ли еще когда увидеть Валаам*; *путешественник [Александр I – К.П.] никогда более не увидел Валаама* (Б. Зайцев).

Оним *Валаам* в значении ‘монастырь’ выступает своеобразным гиперонимом по отношению к разнообразным обозначениям различных компонентов соответствующего концепта: монахи, послушники, трудники, скиты, пустыньки, собор, церкви, часовни и др.

В очерках в анализируемой онимолексеме могут актуализироваться значение ‘населенники монастыря’: *весь Валаам работал – «возревновал о Господе»*, и значение ‘населенники и присутствующие паломники’: *Валаам вчера праздновал Преображение Господне, было большое стечение народа* <...> *на пароходе говорили, что весь Валаам полнехонек*,

народу со всех краев (И. Шмелев). При этом важным для писателей является социальный состав людей, принявших монашество, и паломников. Ср. *Но немало силы и в самой братии, порождении Руси крестьянской, веками на Валааме сменявшейся, но трудившейся упорно, безымянно* (Б. Зайцев). *Стоят у станков и богомольцы: пришли «Бога ради», по обету – потрудиться на монастырь. Кто они? Питерские рабочие, «все превосходные мастера-специалисты»* (И. Шмелев).

Еще одним общим компонентом содержательного объема онима *Валаам* у обоих писателей является духовно-религиозная составляющая, которую обозначают как ‘дух Валаама’. Ср. *Внутренняя духовная и поэтическая сторона Валаама раскрывается понемногу, не сразу. «К Валааму нужно подходить молитвенно, – говорил мне педагог из Таллина. – Направляйтесь к нему молитвенно»; <...> за внешним, торжественным фасадом Валаама открылось в эти несколько дней и другое – то, что дает славу Валааму внутреннему* (Б. Зайцев); *пахнет щепой еловой, смолой, водой и ... ладаном? Валаамом пахнет. Это запах вечерней свежести, сетей смоленых и – святости... ; как и св. Афон, Валаам, поныне – светит. Афон – на юге, Валаам – на севере. В сумеречное наше время, в надвинувшуюся «ночь мира», – нужны маяки* (И. Шмелев).

В этой части семантического пространства онима отражается восприятие писателями Валаама как органической и одной из главных частей всего православного мира и православной России. Вербализуется оно разными средствами и способами, среди которых свое место занимает сопряжение онима *Валаам* с онимами *Афон* и *Троице-Сергиева Лавра, святой Сергей Радонежский, Савватий и Зосима Соловецкие*. Так, Б. Зайцев характеризует игумена Дамаскина как мощную фигуру, «которую можно было бы назвать, на афонский лад, Афанасием Великим Валаама», а рядом с часовней прп. Сергия Радонежского размышляет о том, что «и сама эта часовенка мало чем отличается от первобытной «церквицы» на Маковице, которую собственноручно рубил св. Сергей», и «весь крестьянский, «труднический» и лесной дух Валаама так близок духу Преподобного».

Содержательный объем онима *Валаам* в произведениях всех трех писателей свидетельствует о восприятии ими Валаамской обители как органического единства духовной, человеческой и природной составляющих, как места молитвенного общения с Богом. Словесно это восприятие выражается путем включения данного онима *Валаам* в разнообразные контексты, в которых осуществляется обогащение его смыслового пространства. При этом все семантические наращивания накладываются на

общенародную базовую часть этого пространства: 'святой монашеский остров, русский Афон'.

Проведенные наблюдения в определенной мере дополняют результаты, полученные другими исследователями в ходе проведения иноаспектного анализа данного концепта [1; 2; 3; 4].

ЛИТЕРАТУРА

1. Косых Г. А. Экзистенция «островов древнего Нево» в художественной концепции Н. С. Лескова/ Г. А. Косых // Международный сборник научных трудов: Международная научная интернет-конференция «Лесковиана-2009. Творчество Н. С. Лескова». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.leskoviana.narod.ru/2009> (Дата обращения 25.12.2018).
2. Кузьмина М. И. Имя собственное Валаам в индивидуальной языковой картине мира: автореф. дис. ... канд. филол. наук / М. И. Кузьмина. – Нижний Новгород, 2009.
3. Мальцева Т. В. Валаам в литературе русского зарубежья / Т. В. Мальцева // Вестник Ленинградского гос. ун-та им. А. С. Пушкина. – № 4. – 2012. – С. 208–214.
4. Михайлова Л. В. Семантические отношения реального и сакрального в культуре (на примере Валаама): Автореф. дис. ... канд. философ. наук / Л. В. Михайлова – СПб., 2009. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.dislib.ru>. (Дата обращения 20.04.2018).
5. Михайлов О. Тихий свет. Борис Константинович Зайцев // Зайцев Б. К. Преподобный Сергей Радонежский: Духовная проза / Вступ. ст., коммент. О. Н. Михайлова. – М.: Дет. лит., 2004. – С. 5–18.
6. Михайлов О. Иван Шмелев // И. С. Шмелев. Избранное. – М.: Правда, 1989. – С. 5–20.
7. Низовский В. Ю. Самые знаменитые монастыри и храмы России / В. Ю. Низовский. – М.: Вече, 2000. – 464 с.
8. Першина К. В. Топонимы в очерке И. Шмелева «Старый Валаам». 1 / К. В. Першина // Антология поэтонимологической мысли. Т.1. В. Н. Михайлов: избранное. Михайловские чтения 2007 – 2008. – Донецк: Юго-Восток, 2008. – С. 318–327.
9. Першина К. В. Онимы в произведениях И. Шмелева: «Старый Валаам» / К. В. Першина // 1 Крымские Международные Михайловские чтения «Собственное имя в русской и мировой литературе»: Материалы. – Крым-Донбасс, 2007. – С. 80–84.

АННОТАЦИЯ

Першина К. В. Оним *Валаам* в произведениях русских писателей (Н. С. Лесков, И. С. Шмелев, Б. К. Зайцев)

Рассматривается семантическое пространство имени собственного *Валаам* в произведениях Н. С. Лескова, И. С. Шмелева и Б. К. Зайцева. Устанавливаются смысловые компоненты, описываются контексты их актуализации.

Ключевые слова: Валаам, остров, монастырь, русский Афон.

SUMMARY

Pershina K. V. Onim *Valaam* in the works of Russian writers (N. S. Leskov, I. S. Shmelev, B. K. Zaytsev)

The semantics of the proper name *Valaam* is considered in the works of N. Leskov, I. Shmelev, B. Zaytsev. The semantic components are determined, the contexts of their actualization are described.

Key words: Valaam, island, monastery, Russian Athos.

*И. В. Решетарова,
Д. С. Богодушко
(г. Горловка, ДНР)*

УДК 81'255.4

ОСНОВНЫЕ ТРУДНОСТИ ПЕРЕВОДА ТЕКСТОВ ВОЕННОЙ ТЕМАТИКИ С АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

Профессиональная деятельность переводчика обычно сопряжена с определенной сферой жизнедеятельности человека и обуславливается социально-политической ситуацией в этой сфере. Безусловно, узкопрофильные военные переводчики прекрасно разбираются в тонкостях своей работы. Военный перевод сам по себе представляет сложный творческий процесс, который не ограничивается только пределами лингвистической проблематики, но касается и многих экстралингвистических факторов, поскольку вся военная деятельность весьма существенно отличается от других отраслей человеческой деятельности.

Однако, сегодняшняя нестабильная ситуация на международной политической арене делает военный перевод одним из самых актуальных видов переводческой деятельности. Так, к примеру, переводчик-журналист сталкивается с переводом специфичных терминов при освещении в прессе тех или иных событий в зонах военных конфликтов, репортажей с мест событий, докладов специальных представителей различных

мониторинговых и миротворческих миссий. При работе с такими материалами переводчик может столкнуться с рядом проблем и допустить грубые ошибки.

Цель нашей статьи – проанализировать основные трудности, с которыми может столкнуться переводчик при работе с текстами военной тематики.

Первое, на чем следует остановиться – различия между британским и американским английским языком.

Как и в случае с общей лексикой, в военной лексике есть слова и словосочетания, значение которых отличается в американском и в британском английском. Согласно такой точке зрения военную лексику можно разделить на такие группы [3]:

1. Слова, значение которых одинаковое и в Англии и в США (*assault; direct fire; obstacle; raid*).

2. Слова, которые употребляются лишь на территории Англии (*A. Force; tam-o'-shanter; harbor; tank leaguer*) или только в США (*Department of the Air Force; squad leader*).

3. Слова, которые употребляются и в Англии, и в США, но в разных значениях.

Наиболее сложными для переводчика являются термины третьей группы. Например, *adjutant* – начальник штаба батальона (Бр), начальник вооружения личного состава (США); *field artillery* – легкая артиллерия (Бр), полевая артиллерия (США); *section* – отделение, взвод (Бр), секция, полувзвод (США); *formation* – строй, боевой порядок, объединения (Бр), порядок, боевой порядок (США); *squadron* – эскадрон (Бр), дивизион, батальон (США); *troop* – взвод, полубатарея (Бр), рота, эскадрон (США).

Также довольно сложно переводить тексты, где встречаются термины *group* и *wing*. Термин *group* в США и Британии обозначает разные понятия, хотя и переводится на русский язык одинаково – *авиагруппа*. При этом следует иметь в виду, что авиагруппа в США может быть условно приравнена к авиаполку, а в Британии – к авиабригаде. Аналогично, термин *wing* в ВВС США и Британии обозначает совершенно разные по своей организации и численности авиационные части, которые приравниваются к *авиабригаде* в США и к *авиаполку* в Британии. На русский язык он переводится одним и тем же термином – *авиакрыло* или просто *крыло*.

Кроме различий в собственно терминологии, нужно также обращать внимание на различия в британском и американском написании некоторых терминов. Например, *armor* (США) – *armour* (Бр), *defense* (США) – *defence* (Бр), *maneuver* (США) – *manoeuvre* (Бр).

Следует также отметить, что различия в значении одного и того же термина военной лексики может меняться не только в зависимости от страны, в которой он употребляется. Необходимо также учитывать конкретную обстановку и сферу использования данного термина. Так, например, в артиллерии *battalion* имеет значение *дивизион*, в то время как в пехоте он означает *батальон*.

В последнее время наблюдаются изменения, происходящие в тактической военной терминологии. Рассмотрим несколько примеров:

Термины *reserve area* и *security area* вошли в состав американской военно-уставной терминологии сравнительно недавно и в уставах, выданных в последние годы, они практически вытеснили термины *main position* и *battle position* – ‘главная оборонительная позиция’, *rear position* – ‘тыловая оборонительная позиция, тыловой оборонительный район’, которые использовались раньше.

Другой пример – термин *area defense* в уставах последних лет вытеснил ранее широко используемый термин *position defense* – ‘позиционная оборона’. Это изменение термина вызвано изменениями организации и методов ведения этого вида обороны. Действительно, более или менее сплошные позиции перестали существовать, и термин *position defense* потерял свою связь с самим явлением. При переводе термин *area defense* еще передается иногда термином ‘позиционная оборона’, но более корректным вариантом является термин ‘оборона района’.

Термин *surveillance* также появился в уставной военной литературе сравнительно недавно. Сначала он в основном применялся как прилагательное в сочетании с новейшими средствами ведения наблюдения и очень редко в значении собственно наблюдения. Например, *surveillance radar* – ‘радиолокационная станция обнаружения’, *infrared surveillance equipment* – ‘инфракрасные приборы ночного видения’. В современных американских уставах этот термин начинает существенно вытеснять ранее действовавший термин *observation*. Наш взгляд, это является следствием широкого распространения новых технических средств ведения наблюдения.

Наконец, не редки случаи, когда новый тактический уставный термин, появившись вместе с новым понятием, быстро исчезает из-за потери породившего его явления. Так, в недавнем прошлом у американцев появился термин *reconnaissance and security line* – ‘рубеж разведки и охраны’ (иными словами – граница), который должен был заменить понятие *general and combat outpost lines*. Однако в современных уставах этот термин уже отсутствует.

Еще одной отличительной чертой английской военной терминологии является ее неоднородность. Наряду с однозначными терминами, которые имеют точные и четкие семантические границы, есть и многозначные термины. Причины многозначности термина кроются, во-первых, в том, что разные ученые вкладывают в существующий термин свой особый смысл. Во-вторых, многозначность может быть и у терминов, которые присущи не только тем или иным специальным сферам науки и техники, но входят в общенациональный лексический запас в более общем смысле. Значение этих слов имеют различия в зависимости от того, как они используются: в общем плане или в военной (специальной) области знаний [2].

Поскольку одно и то же слово общелитературного языка в различных областях военного дела переосмысливается по-своему, такие случаи принято считать омонимией терминов. Так, *round* в зависимости от контекста может означать *заряд, снаряд, ракета, патрон*. При переводе термина *army* следует развести значения термина *армия* – ‘сухопутные войска как один из видов вооруженных сил’ и *армия* – ‘оперативное объединение сухопутных войск, состоящее из нескольких корпусов и дивизий’. В последнем значении его синонимом является термин *field army*. В американских изданиях, во избежание путаницы, термин *Army* в значении ‘сухопутные войска’ обычно пишется с большой буквы. Употребленный в качестве определения, этот термин обозначает принадлежность к сухопутным войскам. В этом случае *army* может быть также переведен как *армейский* и использован для обозначения принадлежности к армии как оперативного объединения. Данная проблема входит в круг проблем, условно определенного нами как необходимость поиска стилистически адекватного перевода.

Еще один тип военной лексики, при переводе которого переводчики часто делают ошибки – это иностранные реалии, которые отсутствуют в русском языке и не имеют общепринятых русских эквивалентов, например *advanced combat training* – ‘дивизионная школа повышенной боевой подготовки’.

Специфический характер такой лексики в английском языке затрудняет выбор соответствующих лексических средств в русском языке. Даже при наличии некоторых формальных соответствий часто при переводе нельзя использовать русские эквиваленты. Грубой ошибкой было бы вкладывать в уста американского или английского солдата определенные слова или выражения, характерные для лексики, употребляемой в русской армии [1, с. 123].

При переводе оригинальных текстов переводчик должен учитывать не только обычное лексическое значение слов, но и возможно их переосмысление, вызванное условиями современной действительности. Для иллюстрации случая переосмысления предлагаем рассмотреть употребление прилагательного *moral*. Основное значение *moral* – ‘моральный, этический’, как в предложении *a man must be ... of good health and good moral character*. Однако, для американской армии *good moral character* – это, прежде всего, ‘политическая благонадежность’. Лицо, заподозренное в нелояльности к существующему строю, насколько моральной ни было бы его поведение и образ мышления, не может быть зачислено в вооруженные силы США.

Еще одной ошибкой переводчика является дословный перевод, поскольку переводчик при переводе на родной язык, естественно, вспоминает, прежде всего, однокоренное слово без учета сущности явления, которое выражается данным термином в иностранном языке, то есть делает перевод по созвучию. Такой термин, однако, может иметь другое значение. Так, например, ловушкой для переводчика в этом отношении может оказаться термин *Military Academy*. Этот термин не соответствует русской *военной академии*, так как *United States Military Academy* (также как *United States Air Force Academy* и *United States Naval Academy*) дает своим выпускникам только среднее, а не высшее военное образование. Таким образом, полноценным эквивалентом термина *Military Academy* является русский термин *военное училище*.

При переводе наименований высших военно-учебных заведений армии, например, *Army War College*, также не корректно использовать русский термин *военная академия*, учитывая, что как по сроку обучения, так и по объему знаний высшие военные учреждения в значительной степени уступают учебным учреждениям, которые у нас принято называть военными академиями. Наиболее приемлемыми вариантами перевода в данном случае будут *военный колледж* или *высшие военные курсы*.

Также ошибки возникают в результате выбора переводчиком неадекватного способа перевода. Примером данной ошибки можно считать термин *armored cavalry*, который зачастую переводится дословно как ‘бронированная конница’. Значение, которое подразумевает данный термин, больше соответствует *бронетанковым частям*. Аналогично осторожным должен быть переводчик и при переводе термина *ammunition*, который обозначает *боеприпасы*, но не *амуницию* или *снаряжение*,

или термина *general staff*, правильный перевод которого не *генеральный* или *главный штаб*, а *общая часть штаба*.

При переводе текстов военной тематики также часто возникает необходимость перевода военных идиоматических выражений и сленга. В этом случае приходится полагаться не только на словари, но и на свои собственные наблюдения. Важно отметить, что достижение переводческого эквивалента военного сленга без учета его использования в контексте практически невозможно, поэтому переводчик должен суметь понять общий стиль исходного текста и правильно применить соответствующую технику перевода.

Огромное количество сокращений и аббревиатур, используемых в текстах военной тематики, также является источником возможных ошибок и сложностей для переводчика. Ведь в зависимости от роли в предложении аббревиатуры могут получить форму множественного числа или прошедшего времени.

Также трудности вызывают ложные расшифровки или эмоционально-окрашенные переосмысления некоторых сокращений. Например, аббревиатуру *PFC* (*Private First Class*) можно встретить в значении *Pushing For*; *PT* – *Physical Torture* (вместо *Physical Training*); *MP* расшифровывается как *Military Pig* – ироническая расшифровка взамен официальной *military police*.

Сокращения облегчают жизнь многим людям, так как многие значения можно передать с помощью всего пары букв, но работу переводчика эта пара букв может значительно усложнить. Так, например, у аббревиатуры *AA* существует около 15 различных значений, включая *Air Ambulance*, *Anti-Aircraft*, *Automatic Answer*, *Adverse Action* и т. д. В некоторых случаях даже контекст не может помочь понять, которое значение необходимо выбрать из всего допустимого множества.

В данной статье мы рассмотрели основные сложности, с которыми может столкнуться переводчик при работе с текстами военной тематики. К таким сложностям относятся:

- различия в терминологии британского и американского вариантов английского языка;
- сложности поиска стилистически корректного адекватного перевода;
- присутствие иностранных реалий, переосмысление основного значения;
- наличие в тексте идиоматических и сленговых выражений, сокращений и аббревиатур.

Главными методами достижения адекватности и эквивалентности перевода военной лексики является особое внимание к экстралингвистическому контексту и правильный

выбор стратегий перевода. Успешность перевода также зависит от глубины фоновых знаний переводчика и его интереса к лексическим и стилистическим новообразованиям.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бушев А. Б. Лингводидактика перевода военного термина [Электронный ресурс] / Вестник Военного университета. – 2009. – С. 123–129. – Режим доступа : <http://docplayer.ru/52953925-Vestnik-voennogo-universiteta-19-s-lingvodidaktika-perevoda-voennogo-termina.html>
2. Особенности перевода военной терминологии [Электронный ресурс]. – Режим доступа : https://otherreferats.allbest.ru/languages/00555590_0.html
3. Особенности перевода неуставной терминологии [Электронный ресурс]. – Режим доступа : https://vuzlit.ru/841423/osobennosti_perevoda_neustavnoy_terminologii

АННОТАЦИЯ

Решетарова И. В., Богодушко Д. С. Основные трудности перевода текстов военной тематики с английского языка

В статье рассматриваются некоторые трудности, с которыми сталкивается переводчик при работе с текстами военной тематики, и анализируются способы достижения эквивалентности перевода военной лексики.

Ключевые слова: текст военной тематики, военный термин, эквивалентность перевода.

SUMMARY

Reshetarova I. V., Bogodushko D. S. The main difficulties of the military subject-matter texts translation

The article speculates on the main difficulties a translator faces while working with military subject-matter texts. It also analyses the means of the translation equivalence achievement.

Key words: military subject-matter text, military term, translation equivalence.

*И. В. Решетарова,
Е. А. Красницкая
(г. Горловка, ДНР)*

УДК 81'25

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА ЮМОРИСТИЧЕСКОГО ТЕКСТА (НА МАТЕРИАЛЕ БРИТАНСКОЙ СТЕНДАП-КОМЕДИИ)

Методы, используемые в переводе при передаче юмористического компонента, являются актуальной темой для рассмотрения, так как смеховая реакция может присутствовать в любом жанре. Кроме того, юмор – это не только черта характера, но и важный механизм, сложившийся в процессе эволюции и необходимый для адаптации в социуме, который учёные причисляют к культурным концептам. В разное время особенности юмористического дискурса рассматривали такие ученые-лингвисты, как В.П. Аникин, В.И. Карасик, К.Ф. Седов, Э. Лендвай, В.В. Химик, В.М. Иванов, С.И. Москалёва, С. Хохфельд, А. Греймас и др., изучая их в рамках различных направлений исследований.

А. Долгова [1, с. 57], например, считает, что, юмор – это, прежде всего, интеллектуальная способность человека подмечать в явлениях их комические стороны и вовлекать их в словесную (письменную или устную), графическую, звуковую форму.

Целью данного исследования является выявление лингвоструктурных особенностей одного из жанров юмористического дискурса – выступления в стиле стендап и описание способов их перевода. Для достижения поставленной цели в работе были использованы следующие методы: анализ юмористического дискурса, лингвистическое наблюдение, описательный метод, классификационный метод, анализ лингвистической литературы.

Исследователи считают, что юмористические высказывания выполняют разнообразные функции с точки зрения языка и прагматики. М.А. Кулинич [2, с. 25–28] считает юмор полифункциональным явлением и выделяет его эстетическую, коммуникативную, социализирующую, коммуникативную, катарсическую, эвристическую и творческую функции.

В случае юмористического дискурса исследователи обнаруживают множество терминов, которые воплощают разные стороны выражения феномена комического. Юмористический дискурс различает большое количество жанров: фарс, водевиль,

интермедия, скетч, оперетта, пародия и другие. Один из таких жанров – стендап-комедия.

Стендап-комедия (англ. stand-up comedy) – это сольное выступление юмористического характера перед живой аудиторией. Человека, выступающего перед публикой, называют стендап-комиком (англ. stand-up comedian). Репертуар стендап-комика включает в себя монологи (monologue), ванлайнеры (one-liners) и импровизации (improvisation).

По словам О. Лобовой [3, с. 5], характерными чертами стендап-комедии в целом, т. е. в рамках юмористического дискурса, являются различные шутки, комический тон, живость, использование ненормативной лексики, нарушение логико-понятийных и бытийственных норм. Жанр стендап отличается от остальных жанров юмористического дискурса нацеленностью на личность самого выступающего, наличием диалога с аудиторией, отсутствием закадрового смеха, большим содержанием импровизаций в монологе.

Рассмотрим разновидности шуток в стендап-комедии более детально:

1. *Монолог.* В толковом словаре С.И. Ожегова даётся следующее определение данному слову: «Монолог – речь одного лица, обращенная к слушателям или к самому себе» [4]. Таким образом, когда человек произносит монолог, он тем самым рассказывает долгую историю, где одно событие плавно перетекает в другое. Зритель (слушатель) зачастую даже не понимает, где заканчивается одна история и начинается другая из-за плавных переходов. В основном, все стендап-комики так или иначе используют монологи в своих выступлениях.

2. *Ванлайнеры.* Слово происходит от английского *one-line*, т. е. дословно «одна реплика». Оксфордский словарь даёт следующее определение понятию «ванлайнер» [7]: «Ванлайнер – это короткая шутка или забавное замечание».

3. *Импровизация.* Импровизация – текст, который создаётся во время исполнения. Импровизация прямо противоположна заготовленным шуткам для выступления. Рядовые шутки, которые стендап-комики рассказывают со сцены, обычно тестируются на фокус-группе в специальном зале, и в результате этой проверки комик «выбрасывает» несмешные шутки из своего выступления (над которыми зал не смеётся или смеётся слабо) и оставляет самые удачные.

Шутка является самым главным средством захвата и удержания внимания. Согласно американскому социологу Харви Саксу шутка состоит из трех частей: предисловия (англ. preface or framing), повествования (англ. telling) и реакции (англ. response). Однако

большинство выступающих стендап-комиков придерживаются двухкомпонентных построений. Вначале сетап (англ. setup), где комик рассказывает историю, и далее панчлайн (англ. punchline), который рушит ожидания.

Перевод юмористических высказываний является одним из сложнейших процессов, поскольку требует не только верного использования переводческих тактик для передачи языковых средств выразительности, но и ставит перед переводчиком сверхпрагматические задачи по приспособлению юмористического высказывания. Проблемы могут подстерегать переводчика стендап-комедии на разных уровнях: лексическом, грамматическом, синтаксическом, стилистическом и экстралингвистическом, для решения которых ему придётся применить переводческие трансформации и выбрать соответствующую переводческую стратегию.

Так Ф. Шлейермахер заявлял [6], что тактик перевода существует две: переводчик либо оставляет, насколько это возможно, исходное высказывание и подстраивает под него читателя, либо подстраивает исходное высказывание под читателя. Именно на основе этого противостояния исследователи [5, с. 204] выделяют две основные переводческие стратегии – *форенизацию* и *доместикацию*. Л. Вентути [8] (который ввёл эти понятия) определял доместикацию как переводческий приём культурной адаптации, «приближения автора» к культуре языка перевода. Доместикация – это адаптация иностранного текста к культурным ценностям целевого языка.

Приём форенизации является противоположным доместикации приёмом, цель которого заключается в «стремлении удержать этноцентрическую жестокость перевода» [5, с. 204]. Форенизация – это подход, при котором акцент делается на сохранении иностранных языковых и культурных ценностей, при этом «читатель приближается к автору». По мнению автора терминов, доместикация и форенизация сводятся к вопросу о том, насколько перевод подстраивает иностранный текст к языку перевода и его культуре. То есть, переводчик в процессе перевода должен учитывать культуру, которая не соответствует культурным нормам языка оригинала, и передавать ее так, чтобы ее смысл и чужеродность сохранились.

Рассмотрим пример использования приёма доместикации на одном из выступлений известного британского стендап-комика Джимми Карра.

*We pause the TV and try and guess what is up with that. It's like a badly packed **kebab**. – ... мы ждем на «паузу» и пытаемся догадаться, что же с ней (раной) не так. Она выглядит, как **шаверма** наизнанку.*

В оригинальном тексте стендап-комик сравнивает рану с кебабом. В англо-говорящих странах кебабом принято называть мясную стружку, обжариваемую на вертеле.

В данном примере переводчик именно заменил лексему *кебаб* на лексему *шаверма*, сделав панчлайн шутки понятным русскоговорящему зрителю. Если бы лексема *кебаб* присутствовала в сетапе, её преобразование, скорее всего, не повлияло бы на впечатление русскоговорящего реципиента, однако в данном случае лексема *кебаб* присутствует именно в панчлайне.

В следующем примере переводчик не стал прибегать к доместикации, поэтому не стал заменять «Netflix» на российские аналоги (например, «ivi»):

If you're watching this on Netflix in America, don't Google that. I'm a good guy. – Если Вы это смотрите по **Нетфликсу** в Америке, не гуглите! Я честный мужик.

Американская компания «Netflix» – поставщик фильмов и сериалов на основе потокового мультимедиа. Таким образом, мы можем заключить, что переводчик воспользовался приёмом форенизации. В отличие от предыдущего примера, где преобразование было применено ввиду незнания русскоговорящим реципиентом определенных лексем, здесь зритель знаком с компанией «Нетфликс», и переводчик оставил оригинальное название.

Довольно часто при переводе употребляются приёмы *добавления* и *опущения*. Многие части значения, которые в оригинале не выражаются и считаются само собой разумеющимся, необходимо передать в переводе с использованием дополнительных лексических единиц. Применение дополнительных слов объясняется различиями в структуре русского и английского предложений. Отсутствие необходимого слова или его необходимого лексико-семантического варианта тоже может выступать причиной использования дополнительных слов при переводе. Приём опущения прямо противоположен добавлению и подразумевает под собой отказ от передачи в переводе семантически избыточных слов, значения которых оказываются нерелевантными или легко восстанавливаются из контекста. В нашем случае данный приём зачастую обусловлен довольно жёсткими правилами цензуры на Российском телевидении.

Функциональный перевод сводится к составлению переводного текста из функционально измененных единиц исходного текста. Функциональное преобразование может опираться на лексико-семантические, грамматические, и стилистические

трансформации исходного текста, которые используются для общего сокращения или облегчения.

Также в рамках нашего исследования мы выявили случаи применения *нейтрализации*. Под этим термином скрывается позиционное снятие противопоставления элементов языковой структуры. К данному приёму переводчику приходится прибегать в случае использования стендап-комиком сниженной или арго-лексики.

Подводя итоги, отметим, что наиболее частотной проблемой, с которой сталкивается переводчик британской стендап-комедии, является передача незнакомых русскоязычному зрителю реалий, присутствующих во всех темах стендап-выступлений. Однако национально-обусловленные традиции и правила поведения, характерные для представителей той или иной культуры, имеют непосредственное отражение в юморе, то есть каждой культуре присущ свой собственный, уникальный тип юмора, своё восприятие комического. Именно поэтому, работая с материалами англоговорящих, но принадлежащих к разным культурам стендап-комиков (например, англичане, американцы, австралийцы и др.), переводчику приходится подбирать новые тактики и стратегии в каждом конкретном случае. Таким образом, дальнейшее изучение переводческих нюансов стендап-комедии нам видится перспективным в разрезе теории межкультурной коммуникации и лингвокультурологии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Долгова А. О. Лингвистические трудности перевода английского юмора (на примере английских шуток и анекдотов) / А. О. Долгова. – Минск, 2015. – 139 с.
2. Кулинич М. А. Лингвокультурология юмора / М. А. Кулинич. – С. : Изд-во СамГПУ, 1999. – 180 с.
3. Лобова О. К. Английская стенд-ап комедия как жанр комического институционального дискурса : автореф. дис. : 10.02.04 / О. К. Лобова. – Харьков, 2013. – 20 с.
4. Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. – 4-е изд., доп. – М. : Азбуковник, 2000. – 940 с.
5. Шелестюк Е. О форенизации и доместикации в переводе и возможностях их лингвистической оценки / Е. О. Шелестюк. – Челябинск, 2016. – 386 с.
6. Шлейермахер Ф. Д. О разных методах перевода: лекция, прочитанная 24 июня 1813 г. / Ф. Д. Шлейермахер // Вестник Московского университета. Серия 9 «Филология» : Науч. журнал. – 2000. – № 2. – С. 127–145.

7. English Oxford Living Dictionaries [Electronic Resource]. – Mode of access : URL : <https://en.oxforddictionaries.com/definition/one-liner> (датаобращения 21.11.2018).
8. Venuti L. The translator's invisibility: A history of translation / L. Venuti // Translation Studies / Comparative literature. – London and New York, 2003. – 354 p.

АННОТАЦИЯ

Решетарова И. В., Красницкая Е. А. Особенности перевода юмористического текста (на материале британской стендап-комедии)

Статья посвящена особенностям перевода юмористических текстов в разрезе изучения юмористического дискурса. Особое внимание уделено определённым трудностям, с которыми может столкнуться переводчик при работе над переводом юмористического текста. К таким трудностям относятся: сохранение юмористического эффекта при переводе, перевод реалий и национально-специфической информации.

Ключевые слова: юмористический дискурс, стендап-комедия, монолог, доместикация, форенизация.

SUMMARY

Reshetarova I. V., Krasnitskaya E. A. Peculiarities of translation of the humorous text (on the material of the British stand-up comedy)

The article deals with the peculiarities of humorous texts translation in the context of humorous discourse study. It also defines the peculiarities of preserving the British stand-up speech humorous effect when translated into Russian. Special attention is paid to certain difficulties that the translator may encounter when working on the translation of a stand-up comedy speech. These difficulties may include: the translation of realia and specific nationally-coloured information.

Key words: humorous discourse, stand-up comedy, monologue, domestication, foreignization.

*Е. В. Рочняк,
Е. С. Лященко
(г. Горловка, ДНР)*

УДК 81.0

ВЕЖЛИВОСТЬ С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ РЕЧЕВОГО ЭТИКЕТА В НЕМЕЦКОЙ И РУССКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРАХ

Нормы речевого поведения регулируются культурными традициями и стандартами социального поведения определенного социума: они релевантны по отношению к организации речевого общения, так как на их основе создаются стереотипные национальные оценки коммуникативной ситуации и прогнозы её развития [1]. Именно этот аспект нормативности значим для исследования вежливости.

Соответствие норме той или иной стратегии вежливости определяется говорящим в зависимости от параметров ситуации, социально-культурных стереотипов поведения, принятых в том или ином социуме. Следовательно, при реализации вежливого речевого действия говорят не об автоматическом выполнении норм, а, в какой-то степени, об искусстве, т.е. определении как правильно реализовать коммуникативное намерение в рамках существующих норм.

Речевой этикет – система устойчивых формул общения, предписываемых обществом для установления речевого контакта собеседников, поддержания общения в выбранной тональности соответственно их социальным ролям и ролевым позициям относительно друг друга, взаимным отношениям в официальной и неофициальной обстановке [1].

В узком смысле слова речевой этикет составляет функционально-семантическое поле единиц доброжелательного, вежливого общения в ситуациях обращения и привлечения внимания, знакомства, приветствия, прощания, извинения, благодарности, поздравления, пожелания, просьбы, приглашения, совета, согласия, отказа, одобрения, сочувствия и т. п. Любому члену общества в соответствии с социальными характеристиками приписывается определенная модель поведения [2, с. 126].

Речевая ситуация, в которой бытует речевой этикет – это ситуация непосредственного общения коммуникантов, ограничиваемая прагматическими координатами «я – ты – здесь – сейчас», которые организуют ядро поля языковых единиц речевого этикета. Утрата высказыванием этих координат выводит его за пределы речевого этикета (ср. «*Поздравляю вас!*» и «*Вчера он поздравлял её*») [2, с. 128].

Если речевой этикет нацелен, прежде всего, на создание условий для успешного общения, то вежливость как кодифицированная знаковая система действует скорее как ориентированная на будущее стратегия поведения и является своего рода ожиданием, которое предвосхищает нежелательное развитие событий. Правила речевого этикета варьируются применительно к сфере общения. Ситуации общения и зависят от таких экстралингвистических факторов, как ролевые и личностные отношения коммуникантов. Степень детерминированности речевого поведения говорящего зависит от степени стандартизованности того или иного речевого акта, той или иной ситуации общения. Здесь можно выделить два типа ситуаций [5].

Первый тип составляют ситуации, в которых речевое поведение говорящего ритуализировано. Это означает, что за каждой такой ситуацией закреплён определённый набор форм, употребление которых осуществляется говорящим автоматически. Этикетными (ритуализованными) речевыми ситуациями являются речевые акты, выражающие реакцию на поведение других людей (бехабитивы): выражение благодарности, соболезнования, поздравления, пожелания, извинения, объявления войны, обряды крещения, бракосочетания и т.п. [5].

Ко второму типу относятся речевые ситуации, в которых говорящий располагает набором вариантов выражения своего коммуникативного намерения. Выбор формы детерминирован действием факторов экстралингвистического характера, таких, как статус, положение, возраст коммуникантов, обстановка общения, степень социально-психологической дистанции и др. [5].

Выбор адекватной формы в ситуациях, характеризующихся наличием вариантов выражения, тесно связан с понятием нормы. С одной стороны, норма определяется как «наиболее устойчивые реализации языковой системы, в той или иной мере осознаваемые обществом как правильные, образцовые, обязательные», с другой – как «набор правил, определяющих стратегию выбора одного из конкурирующих вариантов в зависимости от параметров социальной ситуации». Понятие нормы служит центральным понятием при описании речевого поведения и отправной точкой при определении понятия вежливости. Норма представляет собой предпочтительную форму выражения коммуникативного намерения в типизированной ситуации общения. Отклонение от нормы возможно как в сторону подчеркнуто учтивого отношения, так и в сторону подчеркнуто нелюбезного отношения к адресату [6, с. 58].

В рамках прагматики общения были определены цель применения вежливости, её функции и факторы, релевантные

для её вербальной репрезентации. Эффективное взаимодействие, успешная реализация коммуникативных намерений и есть цель применения вежливости [2, с. 98].

В рамках речевого этикета было установлено, что для выражения вежливости/невежливости в языке имеются как универсальные средства, маркированные по этому признаку, так и средства, этикетный статус которых определяется в зависимости от экстралингвистических параметров ситуации общения (статус, положение, возраст коммуникантов, обстановка общения, степень социально-психологической дистанции и др.) [8, с. 128].

Таким образом, речевой этикет в широком смысле сопрягается с общей проблематикой лингвистической прагматики и должен рассматриваться в русле прагмалингвистических исследований. Акт языковой коммуникации рассматривается прагматикой с точки зрения достижения участниками коммуникации тех или иных целей. Высказывание рассматривается не изолированно, а в контексте этих целей; например, вопрос: «*У Вас нет часов?*» подразумевает просьбу подсказать, который час. Поэтому ответ: «*Да, есть*» (без сообщения, который час) игнорирует контекст и тем самым нарушает требования речевого этикета. Или: «*Что здесь происходит?*» – вопрос (особенно в определенном контексте) может означать агрессивное недовольство происходящим и как таковой нарушать этикет [3, с. 256].

К сфере речевого этикета относятся, в частности, принятые в данной культуре способы выражения сочувствия, жалобы, вины, горя и т. д. Так, например, в одних культурах принято жаловаться на трудности и проблемы, в других – не принято. В одних культурах рассказ о своих успехах является допустимым, а в других – нет. Так же могут относиться и конкретные предписания речевого этикета – что может служить предметом разговора или нет и смотря, в какой ситуации [4].

Речевой этикет в узком смысле слова может быть охарактеризован как система языковых средств, в которых проявляются этикетные отношения. Элементы этой системы могут реализовываться на разных языковых уровнях:

- на уровне лексики и фразеологии: специальные слова и устойчивые выражения (*Спасибо, Пожалуйста, Прошу прощения, Извините, До свиданья* и т.п.), а также специализированные формы обращения (*Господин, Товарищ* и т.п.) [8, с. 128];

- на грамматическом уровне: использование для вежливого обращения множественного числа (в том числе местоимения *Вы*); использование вопросительных предложений вместо

повелительных (*Вы не скажете, который час? Не могли бы Вы немного подвинуться?* и т. п.) [6, с. 128];

- на стилистическом уровне: требование грамотной, культурной речи; отказ от употребления слов, прямо называющих непристойные и шокирующие объекты и явления, использование вместо этих слов эвфемизмов;

- на интонационном уровне: использование вежливой интонации (например, фраза *Будьте любезны, закройте дверь* может звучать с разной интонацией в зависимости от того, предполагается в ней вежливая просьба или бесцеремонное требование) [7, с. 115];

- на уровне орфоэпии: использование *Здравствуй* вместо *Здрасьте* и пр.;

- на организационно-коммуникативном уровне: запрет перебивать собеседника, вмешиваться в чужой разговор и т. д.

Традиция желать кому-либо что-либо существовала издавна и не выполняла тогда четкой этикетной функции. Пожелания были преимущественно частью обрядов и ритуалов, а также использовались наряду со сказаниями, колядками, заговорами и даже проклятиями. Со временем эта сфера общения людей с господствовавшим религиозно-мифологическим мировосприятием претерпела изменения, пожелания перешли в область этикета, потеряв, в отличие от проклятий и благословений, свою могущественную силу – силу произнесенного слова, в которую некогда верили люди. Частое же использование проклятий постепенно исчезло из нашего обихода под влиянием изменившихся жизненных условий, так как у древнего человека в его личном опыте и в опыте других было больше материала для проклятий, чем пожеланий в связи с тем, что на своем пути он встречал много бедствий [6, с. 110].

В XIX в. проклятия в русской культуре приобретают преимущественно формальный характер. В настоящее время использование проклятий в ситуациях повседневного общения в немецкой культуре полностью исчезло, в русской же культуре они перешли в разряд бранных выражений, оскорблений и осуждений [9].

Пожелания отражают не только особенности праздников в разных культурах, но и национальные особенности общения в целом, и прежде всего те, которые являются доминантными. И. А. Стернин определяет доминантные особенности общения того или иного народа как особенности общения, которые проявляются у представителей данного народа во всех или большинстве коммуникативных ситуаций, независимо от тематики общения, состава коммуникантов и т. д. [9].

Рассмотрим некоторые особенности немецкого и русского коммуникативного поведения.

Для немецкого коммуникативного поведения характерен ряд особенностей: «немцы... улыбкивы, приветливы... демонстрируют высокий уровень бытовой вежливости; в общении сдержаны, почти не вступают в разговор с незнакомыми людьми в транспорте, на улице... существенна доля поверхностного этикетного общения, особенно в гостях». Русские, напротив, менее улыбкивы и приветливы в связи с тем, что «улыбка не является неотъемлемым и обязательным компонентом коммуникативного поведения. Бытовая вежливость выражена в меньшей степени» [3, с. 232].

Но нельзя утверждать, что представители русской культуры менее вежливы или приветливы по сравнению с немцами лишь потому, что они используют в своем обиходе меньше формул извинения и благодарности. Это объясняется тем, что они действуют в рамках различных моделей речевого поведения, а выше обозначенные особенности представляют лишь основные, типичные формы поведения [3].

Следует также всегда помнить, что все в процессе общения зависит от конкретного человека. Существует еще одна особенность русского менталитета, которой, по мнению Н. И. Уфимцевой, является постоянное стремление оценить другого и указать ему на результат своего оценивания, а также желание получить подобную оценку и в отношении себя. Этим и можно объяснить существование в русской культуре такого большого количества пожеланий по разным поводам [3, с. 134].

Так, например, русские информанты, присутствовавшие на немецких торжественных мероприятиях по случаю свадьбы или дня рождения, отмечали необычно малое, по их мнению, количество пожеланий, их высокую клишированность и неразвернутость. Это объясняется тем, что в русском речевом дискурсе, как правило, используются нестандартные (зачастую неклишированные) развернутые выражения, в то время, как в немецком языке предпочтительно употребление клише [13]. (*Alles Liebe und Gute zur Hochzeit!* – В день свадьбы всего самого доброго и наилучшего! *Ich wünsche euch das Beste!* – Желаю вам всего самого наилучшего! *Euer Leben soll so verlaufen, wie ihr es wünscht!* – Пусть ваша жизнь пройдет так, как вы себе этого пожелаете!)

В русском же языке пожелания-клише употребляются в следующих ситуациях:

1) при недостаточно близком знакомстве между коммуникантами;

2) когда говорящий знает, что адресат вполне осведомлен об отношении к нему говорящего и не нуждается в дополнительных уверениях в симпатии со стороны говорящего;

3) когда говорящий не имеет достаточно времени для того, чтобы подготовить индивидуализированное пожелание, но осуществление речевого акта пожелания неизбежно и необходимо;

4) в ситуациях официального общения [12].

Некоторыми авторами отмечается предпочтение неформального общения формальному и деловому в русском коммуникативном поведении, что проявляется также и в официальных ситуациях [10, с. 8].

При сопоставлении официальных пожеланий представителей немецкой и русской лингвокультурных общностей в различных ситуациях на первый план выдвигаются такие характеристики пожеланий в немецкой культуре, как сдержанность и соотнесенность с должностью, профессией и обязанностями адресата (*Für die kommenden Aufgaben wünsche ich Ihnen Kraft und Erfolg!* – Желаю Вам сил и успеха в предстоящих задачах! / *Für Deine zweite Amtszeit und die vor Dir liegenden Aufgaben wünsche ich dir viel Erfolg und eine glückliche Hand.* – Желаю тебе успеха и везения во время твоего повторного пребывания в этой должности и в стоящих перед тобой задачах) [10, с. 9]. Типичным является употребление конструкции *Ich wünsche Ihnen etwas für...* (желаю Вам чего-либо в чем-либо), то есть пожелание для конкретной цели, в данном случае для работы и выполнения служебных обязанностей.

Если говорящий хочет пожелать что-либо слушающему от себя лично, то пожелание в таком случае сопровождается наречием или прилагательным *persönlich*: *Ich wünsche Ihnen weiterhin sportliche Erfolge und persönlich alles Gute!* – Желаю Вам дальнейших спортивных успехов, и от себя лично хочу пожелать Вам всего наилучшего!

В немецкой культуре не принято также упоминать о семье, за исключением пожеланий на Рождество, которое празднуется в семейном кругу: *...In diesem Sinnewünsche ich Ihnen, Ihrer Familie und Ihren Freunden besinnliche und friedvolle Weihnachtstage.* – ...И желаю Вам, Вашей семье и Вашим друзьям мирного и спокойного Рождества.

Русские официальные пожелания содержат также пожелания семье: *Желаю Вам успешной работы на ответственном государственном посту. Здоровья и счастья Вам и Вашим близким. / От души желаю Вам и Вашим близким, уважаемый И.М., доброго здоровья, успехов и благополучия.* Причем следует

отметить, что адресация пожелания-поздравления семье собеседников носит не столь регламентированный характер, как в немецком языке, то есть считается нормой и широко используется в официально-деловой среде [9, с. 65].

При анализе национального характера представителей немецкой и русской культур можно выделить ряд антонимичных характерных черт (немец и русский соответственно): аккуратность – неряшливость, опрятность – небрежность, собранность – разболтанность, обязательность – необязательность, вежливость – нахальство и бесцеремонность [13, с. 98].

На основании подобного сопоставления можно сделать вывод о том, что немцы более склонны к соблюдению порядка, нежели русские, чем объясняется нелюбовь к формальному этикетному общению со стороны представителей русской лингвокультурной общности, и широкое распространение поверхностного общения у немецкой. Следствием этого является, с одной стороны, существование в немецком языке стандартизированных речевых формул, типа *Schönes Wochenende!* – Приятно провести выходные!; *Schönen Tag noch!* – Приятного/хорошего дня!; *Viel Spaß!* – Удачи!, не имеющих специальных клишированных эквивалентов в русском языке и устойчивые клише и стандартные нейтральные высказывания *Alles Gute!* – Желаю Вам всего наилучшего!, а также употребление в русской культуре широкого спектра индивидуализированных пожеланий по большому количеству поводов, с другой стороны. Они создаются говорящим в тех случаях, когда:

- 1) он намерен подчеркнуть свое отношение к собеседнику;
- 2) говорящий намерен укрепить устоявшийся контакт;
- 3) он хочет привлечь к себе внимание адресата и/или слушающих и направлены на конкретного адресата в определенный момент времени и чаще всего учитывают личностные характеристики адресата и особенности его жизненной ситуации [12, с. 134].

Говоря об особенностях употребления тех или иных пожеланий, следует отметить, некоторые единицы закреплены только за определенными ситуациями, например, формула «*Ни пуха, ни пера!*» является преимущественно пожеланием перед экзаменом. В немецком языке специальной формулы для этого нет, поэтому в подобной ситуации используются различные выражения типа «*Viel Erfolg / Viel Glück!* – Успеха!; *Ich drücke dir die Daumen!* – Желаю тебе успеха! (досл. Я буду держать за тебя кулачки); *Toi, toi, toi!* – Тьфу, тьфу, чтобы не сглазить! (постучим по столу); *Hals- und Beinbruch!* – *Danke!* – Ни пуха, ни пера! – К черту!» [13, с. 154].

В отдельную группу следует выделить пожелания в сфере услуг. В большинстве своем это касается ситуаций общения покупатель – продавец или покупатель – кассир [12, с. 76].

Для представителей немецкой культуры характерно широкое использование этикетных форм, которые адресуются практически каждому покупателю, например, такие как пожелания-клише *Schönes Wochenende!* – Приятно провести выходные!; *Einen schönen Abend!* – Приятного вечера!; *Schönen Tag noch!* – Приятного дня!, заменяющие нейтральные формулы прощания и являющиеся результатом тенденции, получившей название «новой немецкой сердечности»; либо пожелания-поздравления с праздником: *Frohe Weihnachten!* – Счастливого рождества!; *Frohe Ostern!* – С праздником Пасхи!

Однако это не совсем присуще персоналу, задействованному в сфере обслуживания в России. Это связано, с одной стороны, с тем, что в русской культуре пожелания в подобных ситуациях не приняты, в крайнем случае, можно кратко поздравить, но пожелания имеют более личный характер и не адресуются обычно незнакомым людям, с другой стороны, часто встречающееся отсутствие обычной тактичности и учтивости в общении с покупателем вероятнее всего связано с историей нашей страны, а именно с советским временем дефицита товаров, когда продавец считался более привилегированным по отношению к покупателю [12, с. 76].

Национальная специфика общения наблюдается также и в невербальной коммуникации.

Невербальным сопровождением поздравлений и пожеланий, прежде всего, является рукопожатие. Это распространяется в первую очередь на официальную или профессиональную сферу общения, а также при общении со знакомыми, малознакомыми и незнакомыми людьми [7, с. 124]. Важно, что в немецкой культуре рукопожатие характерно также и для женщин, чем подчеркивается равноправие полов. При близких отношениях приняты объятия и поцелуи, мужчины могут похлопать адресата по плечу или по спине. Однако следует учитывать и тот факт, что повод для выражения пожеланий в конкретной ситуации речевого общения обуславливает пожелания лишь с одной стороны, с другой стороны большое влияние на них оказывают социальные характеристики коммуникантов [11].

Речевая деятельность, как и всякая другая социальная деятельность, регулируется определенными правилами, которые, в свою очередь, регламентируются нормами речевого этикета. В каждой отдельно взятой ситуации коммуниканты располагают ограниченным числом поведенческих реакций, которые могут

индивидуально варьироваться в зависимости от контекста. Круг таких поведенческих операций устанавливается и ограничивается самим обществом, так как основные закономерности, определяющие ход действий членов языкового коллектива, имеют не межличностный, а надличностный, то есть социальный характер. Соблюдая правила этикета, мы в первую очередь имеем возможность выразить наше нейтральное или же уважительное отношение к собеседнику, что крайне важно при установлении контакта и его дальнейшем поддержании [13, с. 136].

Из этого следует, что функциональная специфика единиц речевого этикета заключается в том, что посредством этикетных форм передается информация лишь о самой ситуации общения. Именно она и служит для регуляции общения, так как посредством этой информации устанавливается соответствие между представлениями участников общения о распределении в нем ролей, а также о тональности самого общения [8, с. 130].

Обращение к категории вежливости является актуальным прежде всего в связи с дискуссионностью вопроса об определении границ данной категории, который несмотря на неоднократное его рассмотрение, остается нерешенным. Исследование контекстуальной вежливости позволяет изучить не только статическое состояние категории, но и принципы ее развития. Исследование категории вежливости в этом аспекте постоянно сохраняет актуальность в связи с ее открытостью и постоянным пополнением новыми единицами [8, с. 132].

Рассмотрев широкий спектр высказываний вежливого характера и средства реализации категории вежливости в современном немецком языке, мы пришли к следующим выводам. Во-первых, немецкий язык располагает единицами, отмеченными как вежливые в словаре, например, «*bitte*», «*Herr*». Во-вторых, в немецком языке существует определенная градация форм по вежливости. Формы классифицируются в системе языка в зависимости от того, применяются ли они к адресатам высокого или низкого статуса, посторонним или близко знакомым. Формы употребляемые преимущественно по отношению к людям посторонним и с высоким статусом считаются более вежливыми, чем формы применяемые к близким и людям с более низким статусом, например прономинальное обращение *Sie* является более вежливым, чем обращение *du*. В-третьих, языковая вежливость подразумевает, что говорящий имеет возможность выбора из ряда синонимичных форм наиболее вежливой. Данная возможность предоставляется ему не только на лексическом, но и на грамматическом уровне, сравните *speisen / essen, können Sie / könnten Sie* [8, с. 33].

Поскольку языковая вежливость базируется на понятии коммуникативной нормы, или конверсационного контракта, то коммуникантами фиксируются прежде всего нарушения или отклонения от правил, и ассоциируется у носителей языка с дихотомией вежливость / невежливость. В связи с этим представляется целесообразным рассматривать категорию вежливости на основе метода оппозиций. Анализ языкового материала показал, что в связи с исследованием категории вежливости можно говорить о ряде оппозиций, которые раскрывают широкий спектр высказываний вежливого характера, в том числе: дистанцирующая / солидаризирующая вежливость, эксплицитная / имплицитная вежливость, категоричность / некатегоричность, которые включают в себя оппозиции других уровней: формальность / неформальность, прямолинейность / косвенность, реактивная / инициативная вежливость. Применительно к ценностной ориентации вежливости можно говорить об уважении / неуважении, тактичности / бестактности, искренности / лицемерии, однако эти оппозиции лежат за пределами лингвистических изысканий [8, с. 134].

В немецком языке, как и в большинстве языков мира, соответственно языковой категории вежливости нет, но существует более или менее стабильный фонд фонетических, орфографических, лексических и грамматических средств, выполняющих этическую функцию языка и обладающих различным этическим потенциалом.

На фонетическом уровне требуется четкость и тщательность артикуляции, отсутствие слишком смелых фонетических редуций и стяжений, исключается превышение громкости и темпа речи, установленных этикетом.

На лексическом уровне вежливость связывается с полным удалением коллоквиальной, фамильярной, грубой лексики, заменой табуированных слов соответствующими эвфемизмами, нередко предпочтение отдается возвышенной лексике: «*Wünscht der Herr auch zu speisen?*»; «*Jetzt bräuchten wir bitte noch die Adresse von Ihrem Gatten*», «*Was kann ich für Sie tun, gnädige Frau?*» [13, с. 5].

В грамматическом отношении предписывается строгое соблюдение литературных морфологических и синтаксических форм, не допустимы небрежно составленные фразы с чрезмерной эллиптизацией, обрывы, вставки. В немецком языке существуют специальные формулы вежливости с использованием конъюнктива, модальных глаголов и частиц, избыточного отрицания, псевдовопросов: «*Hättet ihr nicht*

Lust, dieses Jahr mal mit uns zu verreisen?»; «Sollen wir dieses Wochenende nicht mal was zusammenunternehmen?»; «Wollen wir jetzt nicht dusagen?»; «Können wir nicht mal über was anderes reden?» [13, с. 68].

Для немецкого языка типичным оказывается одновременное употребление лексических и грамматических средств, что усиливает степень вежливости говорящего, указывает на некатегоричность и осторожность его утверждений: *«Wenn es Ihnen nichts ausmacht, möchte ich Sie um eine kleine Gefälllichkeit bitten. Ein alter Freund von mir wohnt hier in der Nähe im Altersheim... Hätten Sie vielleicht Zeit und Lust mich hinzufahren?» [10, с. 72].*

Вежливость является важнейшим и составляющим этики общения. При этом вежливое поведение, как правило, воспринимается как этически корректное и социально полезное.

ЛИТЕРАТУРА

1. Балакай А. Г. Словарь русского речевого этикета / А. Г. Балакай. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: АСТ-Пресс, 2001. – 672 с.
2. Берменова Л. Э. Функционально-семантические и прагматические особенности речевых актов : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.02.04. – Самара, 2001. – 174 с.
3. Газизов Р. А. Коммуникативное поведение немецкой и русской лингвокультурных общностей (на материале речевого этикета) : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.02.20. – Уфа, 2001. – 229 с.
4. Горбачевская С. И. Прагматика вежливости в немецком и русском языках и проблемы перевода. / С. И. Горбачевская // Россия и Запад : диалог культур : Доклады 7-й конференции. – Т. 1. – М. : НОПАЗ, 2000. – Вып. 8. – С. 318–324.
5. Гордон Д., Лаккоф Дж. Постулаты речевого общения / Д. Гордон, Дж. Лаккоф // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 16. – М. : Прогресс, 1985. – С. 276–303.
6. Грайс Г. П. Логика и речевое общение / Г. П. Грайс // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 16. – М. : Прогресс, 1985. – С. 217–237.
7. Демьянков В. З. «Теория речевых актов» в контексте современной зарубежной лингвистической литературы (обзор направлений) // Новое в зарубежной лингвистике / В. З. Демьянков // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17. Теория речевых актов. – М. : Прогресс, 1986. – С. 223–235.

8. Земская Е. А. Категория вежливости в контексте речевых действий / Е. А. Земская // Логический анализ языка: Язык речевых действий. – М., 1994. – С. 131–136.
9. Ранних Н.А. Речевой акт пожелания и способы его выражения в русском языке : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.02.00. – М., 1994. – 150 с.
10. Стернин И. А., Прохорова Ю. Е. Русское коммуникативное поведение / И. А. Стернин, Ю. Е. Прохорова. – М.: Гос. ин-т рус. яз. им. А. С. Пушкина, 2002. – 277 с.
11. Тагиль И. П. Немецкий язык. Тематический справочник. / И. П. Тагиль. – СПб.: КАРО, 2004. – 235 с.
12. Хельбиг Г. Проблемы теории речевых актов / Г. Хельбиг // Иностранные языки в школе. – 1978. – № 5 – С. 11–21.
13. Kotorova E. G. Äußerungskultur unter dem makropragmatischen Aspekt (eine vergleichende Studie Deutsch-Russisch) / E. G. Kotorova // Коммуникативные аспекты языка и культуры. Сб. науч. трудов. – Томск: Изд-во ТПУ, 2003. – S. 3–7.

АННОТАЦИЯ

Рочняк Е. В., Лященко Е. С. Вежливость с точки зрения речевого этикета в немецкой и русской лингвокультурах

В данной статье рассмотрены проблемы вежливости с точки зрения речевого этикета. В работе раскрыта сущность понятий «речевой этикет», «правила речевого этикета», «вежливость», определены цели применения вежливости, её функции и факторы.

Ключевые слова: нормы речевого поведения, речевой этикет, вежливость.

SUMMARY

Rochniak E. V., Lyaschenko E. S. Politeness in terms of speech etiquette in German and Russian linguistic cultures

In this article the authors consider problems of politeness in the terms of speech etiquette. They disclose the essence of the concepts «speech etiquette», «rules of speech etiquette», «politeness», define the purposes of use of politeness, its function and factors.

Key words: standards of speech behaviour, speech etiquette, politeness.

*Е. В. Рочняк,
А. В. Портянов
(г. Горловка, ДНР)*

УДК 811.161.1

ОЦЕНОЧНЫЙ КОМПОНЕНТ КОННОТАЦИИ В СТРУКТУРЕ ЗНАЧЕНИЯ ЭВФЕМИЗМА

В семантической структуре эвфемизма особое место занимает коннотация, так как основой механизма формирования косвенных номинаций различных типов является «изменение статуса коннотативного компонента, который в ситуации косвенного называния занимает место ядерной семы» [5, с. 11]. Разнообразные сочетания компонентов коннотации в семантической структуре эвфемизма создают различные типы эвфемистических замен.

Оценочный компонент коннотации является одним из наиболее значимых в структуре значения эвфемизма. Необходимость эвфемистической замены табуируемого наименования обусловлена негативной оценкой, которая традиционно связывается либо с денотатом [1, с. 19], либо со знаком [17, с. 25]. В этой связи некоторые исследователи рассматривают эвфемизацию как процесс, основанный на «преуменьшении степени отрицательного признака или на переключении оценочного знака с отрицательного на положительный» [14, с. 158].

В работах по эвфемии представлены две точки зрения по вопросу оценочности эвфемизма. Согласно одной из них эвфемизму свойственна негативная коннотация. Так, А. М. Кацев наряду с косвенностью наименования выдвигает негативную оценочную коннотацию значения в качестве ведущего признака эвфемизма [7, с. 3]. По его мнению, «негативная оценочная коннотация эвфемизмов, как и слов-табу, определяется негативной реакцией на обозначаемые денотаты в сфере табуирования» [7, с. 14]. А. В. Родченко называет негативную оценку «первичным и главным критерием эвфемизма» [12, с. 348], замечая, что «общая черта всех средств, используемых с эвфемистическими целями, проявляется в их способности к нейтрализации отрицательных эмоций, связанных с негативной оценкой, в результате её имплицирования» [12, с. 348]. Н. Ю. Линевич указывает на то, что при эвфемизации все семантические процессы сопровождаются пейорацией [10, с. 113].

Согласно другой точке зрения, эвфемизмам генетически присуща тенденция к позитивности значения, а также мелиоративность на начальном и определённом

стабилизированном периоде их функционирования, и пейоративность, т. е. потеря эвфемистичности, на «конечном» этапе [1, с. 4]. Автор квалифицирует эвфемизмы как «особую группу лексики с мелиоративной оценочностью в синхронии и мелиоративно-пейоративной в диахронии» [1, с. 4]. Как отмечает Ф. И. Карташкова, явление эвфемии имеет ярко выраженный семиотический характер, поскольку имя меняет знак. Наибольшее число обсуждаемого типа переименований, по её мнению, составляют ситуации, в задачи которых входит нейтрализовать то, что в силу ряда причин является негативным знаком [5, с. 358–359]. С. В. Силинский определяет эвфемизмы как форму передачи имплицитного смысла, причём «этот смысл не обязательно должен сопровождаться отрицательной оценкой». С помощью эвфемизма происходит корректировка референциальных ситуаций, которые в силу социальных, политических причин нуждаются в корректировке. В результате «референциальная ситуация, изначально оцениваемая отрицательно, получает нейтральную или даже положительную оценку» [13, с. 171].

Более убедительной нам представляется вторая точка зрения, согласно которой негативная оценка свойственна денотату (Бердова) или ситуации (Силинский) и прямое наименование имеет негативную оценочную коннотацию, а эвфемизм – положительную или нейтральную (Карташкова, Шейгал, Силинский). В то время как сторонники противоположной точки зрения считают, что негативную оценочную коннотацию, имеет знак, причём как прямое наименование, так и эвфемизм (Кацев, Родченко, Линевич).

Мы считаем целесообразным различать оценочную коннотацию прямого наименования и эвфемизма. Отрицательная коннотация прямого наименования обуславливает необходимость его замены эвфемизмом. При этом следует иметь в виду, что степень негативной оценочности варьируется от высокой (*Alkoholiker, drogensüchtig*) до незначительной (*nackt, schwanger*) и зависит от различных ситуативных факторов: например, глагол *sterben* с высокой степенью вероятности будет подвергаться замене эвфемизмом в ситуации смерти близкого человека, в то время как в другой ситуации предпочтение, вероятно, будет отдано прямому наименованию.

Сам эвфемизм не может иметь негативную оценочную коннотацию, иначе он был бы не способен заменять некорректный антецедент. При этом «негативная реакция на обозначаемые денотаты в сфере табуирования» не препятствует замещению антецедента, поскольку «говорящий, употребляющий эвфемистический субститут, как бы отвлекает внимание

собеседника от запретного понятия, подразумевая, по крайней мере, формально другие содержания» [2, с. 276]. Таким образом, на наш взгляд, эвфемизм обладает либо положительной, либо нейтральной оценочной коннотацией.

По мнению ряда исследователей, положительная коннотация эвфемизма достигается путём выбора наименований мелиоративного характера. Как отмечает Н. М. Бердова, «для этой цели избираются лексические единицы, отличающиеся от заменяемых антецедентов более «высоким» положением на шкале языково-стилистической нормативности и более позитивным в аксиологическом отношении употреблением» [1, с. 13]. Мелиоративность как один из критериев эвфемистического переименования выдвигают также Л. З. Гумирова, В. С. Уточникова [3, с. 8], А. С. Карпова [4, с. 152].

Оценочное «завышение» является одним из способов нивелировать негативную оценку прямого наименования. Так, эвфемистический эффект слова *Gastarbeiter* «рабочий-иммигрант», не являющегося в синхронии эвфемизмом, был связан с первой частью композита, которая апеллирует к положительным ассоциациям, вызываемым словом *Gast* «гость». В эвфемизмах *Freisetzung*, – *Stellung* [16, с. 536] «увольнение», *Freitod* [16, с. 536] «самоубийство» таким «мелиорирующим» компонентом является прилагательное *frei* «свободный». «Оценочное завышение» характерно для определённой части политкорректной лексики, например названий некоторых непрестижных профессий, ср. *die Putzfrau* – *die Raumpflegerin* «уборщица». Однако такие наименования осознаются носителями языка как лицемерные, и в ответ возникают преувеличенно «мелиоративные» номинации типа *Ackerdesigner* «крестьянин», *Bodenmasseuse*, *Bodensachbearbeiterin*, *Parkettkosmetikerin*, *Raumbetreuerin*, «уборщица». Динамика изменения значения в сфере эвфемизмов показывает, что подобные наименования быстрее других приобретают негативную коннотацию, свойственную прямым наименованиям.

Наличие негативной оценочной коннотации свидетельствует о том, что эвфемизм утратил свою способность заменять неприемлемый антецедент. Приводимая Л. П. Крысиным история «ухудшения» значения франц. *garce* и *fille*, нем. *Dime*, польск. *Dziewka* служит примером пейоративного изменения значения эвфемизма. Эти слова первоначально имели значение «девушка». Благодаря совпадению отдельных сем в структуре значения этих слов стало возможно их эвфемистическое употребление в значении «проститутка», что привело к ухудшению значения и переходу этих слов в разряд инвективной лексики. Сходную

историю изменения значения имеют славянские обозначения этого понятия: рус. *курва* (ср. также укр., белор., болг. *курва*, чеш. *kurva*, польск. *kurwa*) первоначально значило «курица», затем стало употребляться в качестве эвфемистической замены грубых слов, обозначающих распутную женщину (ср. франц. *cocotte* первоначально «курочка», затем – «женщина легкого поведения»), а затем само превратилось в бранное слово [8, с. 387–388]. Эти примеры свидетельствуют о том, что с приобретением негативной оценочной коннотации эвфемизм перестает выполнять свои функции прикрытого наименования, т. е. перестает быть эвфемизмом.

Постепенная утрата эвфемизмом вуалирующего характера описывалась такими исследователями как, Ж. Вандриес (1935) и Г. Пауль (1960). Польский исследователь С. Видлак называет этот эффект «заражением» эвфемистического субститута табуизированным понятием посредством контакта субститута со словом-табу [2, с. 283]. Кроме того, автор отмечает возможность «заражения» слова «вследствие формального сходства слова с другим, запрещённым» и указывает на то, что в каждом языке существуют слова, которые избегают произносить, потому что они содержат «загрязнённые» слоги [2, с. 272] либо омонимичны запрещённым [2, с. 279]. А. М. Кацев по способности смягчать эффект высказывания выделяет стёртые и истинные эвфемизмы [6, с. 20]. Процесс утраты «вуалирующих» свойств В. П. Москвин вслед за А. Д. Швейцером называет «девальвацией эвфемизмов» [11, с. 69]. Немецкий исследователь Х. Шрёдер описывает характерный для эвфемистической замены путь от эвфемизма до табуируемого слова и возникновение нового эвфемистического наименования как цикл «эвфемизм-табу» (Euphemismus-Tabu-Zyklus) [18, с. 15].

Среди факторов, определяющих утрату способности смягчения, А. М. Кацев называет частотность употребления эвфемизма [6, с. 20]. Б. А. Ларин условием действительности эвфемизма называет «наличие «грубого», «недопустимого» эквивалента». Как только это подразумеваемое неудобопроизносимое выражение выходит из употребления, эвфемизм теряет свои «облагораживающие» свойства, так как переходит в разряд прямых наименований, и тогда требует новой подмены [9, с. 120]. Н. Ю. Линевиц отмечает тенденцию эвфемизма «с течением времени принимать значение того слова, которое оно заменяет» [10, с. 113].

В рамках нашего подхода к эвфемии данное явление трактуется как пейоративное изменение значения эвфемизма вследствие приобретения негативной оценочной коннотации антецедента. Вхождение в языковой узус, происходящее в

результате частотного употребления, свидетельствует не об утрате эвфемизмом способности служить прикрытым наименованием, а о приобретении эвфемизмом статуса единицы языка. Наличие грубого, недопустимого эквивалента является необходимым условием существования эвфемизма, выход некорректного эквивалента из употребления, как правило, компенсируется появлением новой единицы, воспринимаемой как прямое наименование. Данные изменения невозможно проследить на синхронном уровне, наблюдение за ними требует диахронического подхода. Значение той единицы, которую заменяет, эвфемизм приобретает, становясь её заменителем. Косвенный характер номинации препятствует непосредственному соотнесению эвфемизма с его антецедентом. Только появление негативной коннотации антецедента свидетельствует о пейоративном изменении значения и утрате статуса эвфемизма.

Как отмечают американские лингвисты К. Эллан и К. Бэрридж, в сфере табуируемой и эвфемистической лексики встречаются отдельные случаи мелиоративного изменения значения. Так, глагол *occure* в 17-18 вв. являлся эвфемизмом со значением *to copulate*, перейдя в разряд прямых наименований, он затем стал использоваться в значении, далёком от сфер табуирования [15, с. 2]. Тем не менее, наиболее распространённым процессом изменения значения у эвфемизмов является ухудшение значения или пейорация.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бердова Н. М. Эвфемизмы в современном немецком языке. Автореф. дисс. на соиск. уч. степ. к.ф.н. – Киев, 1981. – 19 с.
2. Видлак С. Проблема эвфемизма на фоне теории языкового поля / Этимология, 1965. – М., 1967. – С. 269–286.
3. Гумирова Л. З., Уточникова В. С. К проблеме эвфемизации в современном немецком языке // Актуальные проблемы лингвистики и методики преподавания иностр. языка. – Уфа, 1997. – С. 3–12.
4. Карпова А. С. Об эвфемистической функции фразеологических единиц / А. С. Карпова // Актуальные проблемы филологии и методики преподавания : (Междунар. сб.). – Ростов н/Д: РГПУ, 2001. – С. 152–156.
5. Карташкова Ф. И. Косвенная номинация в английском языке: деятельностьностно-процессный подход. Автореф. дисс. на соиск. уч. степ. д.ф.н. – Иваново, 2001. – 35 с.
6. Кацев А. М. Эвфемистический потенциал и его реализация в речи / А. М. Кацев // Некоторые проблемы слова и

- предложения в современном английском языке. – Горький: ГГПИ, 1976. – С. 19–35.
7. Кацев А. М. Эвфемизмы в современном английском языке (опыт социолингвистического исследования). Автореф. дисс. на соиск. уч. степ. к.ф.н. – Л., 1977. – 22 с.
 8. Крысин Л. П. Эвфемизмы в современной русской речи / Л. П. Крысин // Русский язык конца XX столетия (1985–1995). – М. : Языки русской культуры, 2000. – С. 384–408.
 9. Ларин Б. А. Об эвфемизмах / Б. А. Ларин // Проблемы языкознания. – Л., 1961. – С. 119–124.
 10. Линеви́ч Н. Ю. Семантический аспект эвфемизмов / Н. Ю. Линеви́ч // Пелевинские чтения-2001. – Калининград, 2002. – С. 106–114.
 11. Москвин В. П. Эвфемизмы: системные связи, функции и способы образования / В. П. Москвин // Вопросы языкознания. – 2001. – № 3. – С. 58–70.
 12. Родченко А. В. Средства эвфемии в кубинском национальном варианте испанского языка / А. В. Родченко // Изучение латиноамериканистики в Российском университете дружбы народов : Докл. и выступления ученых РУДН на X Всемир. конгрессе латиноамериканистов, Москва, 26-29 июня 2001 г. – М. : Изд-во РУДН, 2002. – С. 347–358.
 13. Силинский С. В. Эвфемизмы в современной американской прессе / С. В. Силинский // Антропоцентризм в языке и речи : Межвуз. сб. – СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2003. – С. 168–174.
 14. Шейгал Е. И. Эвфемизация в политическом дискурсе / Е. И. Шейгал // Языковая личность: проблемы креативной семантики : Сб. науч. тр. к 70-летию д.ф.н., проф. И. В. Сентенберг. – Волгоград: Перемена, 2000. – С. 158–171.
 15. Allan K., Burridge K. Euphemism and Dysphemism: Language used as shield. – Oxford: Oxford University Press, 1991.
 16. Duden. Deutsches Universalwörterbuch / hrs. und bearb. vom wissenschaftlichen Rat und den Mitarbeitern der Dudenredaktion. – 3., völlig neu bearb. und erw. Aufl. – Mannheim; Leipzig; Wien; Zürich: Dudenverl., 1996.
 17. Hjelmslev L. Die Sprache. Eine Einführung. – Darmstadt, 1968.
 18. Schröder H. Tabuforschung als Aufgabe interkultureller Germanistik // Jahrbuch Deutsch als Fremdsprache. – Band 21 (1995). – S. 15–35.

АННОТАЦИЯ

Рочняк Е. В., Портянов А. В. Оценочный компонент коннотации в структуре значения эвфемизма

Статья посвящена вопросу оценочности эвфемизма. Рассматривается негативная, нейтральная и положительная оценочная коннотация, а также делается вывод, почему эвфемизм не может иметь негативную оценочную коннотацию. Рассматривается мелиоративность как один из критериев эвфемистического переименования и оценочное «завышение» как один из способов нивелировать негативную оценку прямого наименования. Обсуждается причина постепенной утраты эвфемизмом вуалирующего характера.

Ключевые слова: эвфемизм, оценочная коннотация, мелиоративность, пейорация.

SUMMARY

Rochniak E. V., Portianov A. V. Evaluative component of connotation in the structure of the meaning of euphemism

The article touches upon the issue of evaluation of euphemism. It gives a detailed analysis of the negative, neutral and positive evaluative connotation and comes to the conclusion that euphemism cannot have a negative evaluative connotation. The article deals with reclamation as one of the criteria for euphemistic renaming and estimates «overvaluation» as one of the ways to neutralize the negative assessment of the direct name. It draws attention to the reason for the gradual loss of the veiling character of the euphemism.

Key words: euphemism, evaluative connotation, reclamation, pejoration.

*Е. В. Рочняк,
А. В. Рочняк
(г. Горловка, ДНР)*

УДК 811.11

ГИПОТЕТИЧЕСКИЙ СУБМОРФЕМНЫЙ D-РЯД В ЯЗЫКАХ ГЕРМАНСКОЙ ГРУППЫ

Грамматика в целом, и морфология в частности, относится к достаточно консервативным с научной точки зрения аспектам языкознания. При этом, несмотря на то, что формальная морфемика относится к хорошо разработанным областям знания, такой аспект, как грамматическая семантика, то есть «раскрытие внутренней значимости словоформ, остается достаточно малоисследованной» [2. с. 34].

Надо отметить тот любопытный факт, что вопросы грамматической семантики, усиленно разрабатывающиеся в

30–40-е годы прошлого века [4], уже к 60-м годам утратили свою популярность среди исследователей; и обусловлено это было скорее сменой тренда, чем объективными факторами.

В.А. Плунгян в своих работах настаивал на том, что грамматическая семантика требует совершенствования, а порой и создание нового категориального аппарата, позволяющего более глубоко взглянуть на имеющиеся в данной области проблемы. «Когнитивные категории, которыми оперирует человек, редко имеют четко очерченные границы; представляется полезным взглянуть на такую традиционную область, как грамматика, именно в аспекте ее внутренней неоднородности», – указывает он в своем диссертационном исследовании [3, с. 1].

Американским лингвистом Леонардом Блумфилдом в 1933 г. было предложено такое определение морфем, которое подразумевает под этим термином (в отличие от того, о чем говорил И. Бодуэн де Куртене) абсолютную минимальную значимую единицу языка, в том числе «языковые формы, лишённые частичного фонетико-семантического сходства» [1, с. 168].

Однако, при изучении и особенно сопоставлении языков (преимущественно одной языковой группы) неминуемо наталкиваешься на бросающуюся в глаза схожесть некоторых элементов слов с идентичной или близкой семантикой, при том, что отдельного доказанного значения данных элементов на данный момент не выявлено.

Исходя из относительной новизны затрагиваемого поля исследований, вполне допустимо предложить некоторые собственные эмпирические определения, которые могут быть использованы как рабочий инструмент пояснения выдвигаемых в качестве гипотезы положений.

Предположим, что помимо морфем, значимость которых может быть установлена при рассмотрении лишь одного языка; (т.е. значимость которых вполне очевидна), существуют и более мелкие значимые структурные единицы, существование которых можно предположить лишь при анализе большого массива данных в родственных языках.

Так как подобные единицы по определению более мелкие, нежели морфемы, пользуясь общепринятым аппаратом терминообразования, мы предлагаем назвать данные гипотетические единицы субморфемами (от лат. *sub* – под, др.-греч. *morphos* – форма). Исключительной их особенностью является неочевидная значимость, которая может быть выделена лишь путем сопоставления и структурного анализа.

Для языков германской группы особый интерес представляет гипотетический ряд субморфем, связанных в немецком языке с традиционным сочетанием фонемы *d* в начале корня с последующим гласным. Для упрощения, мы условно назовем данный ряд *d*-рядом субморфем.

В других языках германской группы данная субморфема так же связана с фонетически родственными фонемами, находящими выражение в преимущественном сочетании дентальных или альвеолярных согласных с последующим гласным.

Сравним следующий ряд слов:

thing (английский) – ting (норвежский) – die Dinge (немецкий) – ting (датский) – ting (шведский) – «вещь, вещица, предмет»;

this [these] (английский) – disse (норвежский) – diese[r] (немецкий) – disse (датский) – dessa (шведский) – «этот, эти, эта»;

think (английский) – atenke (норвежский) – denken (немецкий) – attænke (датский) – attänke (шведский) – «думать, мыслить»;

then (английский) – (so)dann (немецкий) – sedan (шведский) – «тогда»;

there (английский) – der (норвежский) – dort (немецкий) – där (шведский) – «там».

В подобных же рядах мы можем упомянуть и определенные артикли *the*, *der* (*die*, *das*) английского и немецкого языков соответственно, суффигированные артикли *den* (*det*, *de*), артикли *(t)en* и *(t)ett* в шведском, *(d)en* и *(d)et* в датском.

Рассматривая данные ряды слов на языках германской группы, несложно вычленить нечто общее, а именно повторяющееся сочетание *d* (*t*, *th*) с гласным звуком в начале корневых морфем. Иногда эта субморфема может несколько видоизменяться и переходить в звуки [z], [s].

they (английский) – de (норвежский) – Sie (немецкий) – de (датский) – dom (шведский).

Возникает вопрос о том, имеет ли данная субморфема определенную семантическую значимость, или на самом деле мы имеем дело просто с фонетическим смещением в различных языках германской группы. Оба ответа могут быть верными. Однако, предположим, что субморфема имеет определенную значимость (а соответственно, является не просто фонемой, но именно субморфемой).

Для того, чтобы ответить на данный вопрос, попробуем найти семантически общее в словах, в которых данная субморфема встречается.

Для английского языка используем следующий ряд:

think – thing – that – this – there;

На первый взгляд, ничего семантически общего в данном ряду слов не прослеживается. Особенно это касается двух первых слов. Однако рассмотрим сами понятия, которые стоят за этими словами.

(th)at – (th)is – (th)ere.

В данном ряду совершенно очевидна семантика указательности, речь идет «том», «этом» и так далее.

(th)ing – (th)ink.

Понятие «вещь» в широком понимании – это «нечто», в нем при определенном подходе также можно предположить наличие родственной семантики с указательными местоимениями. «Thing» – нечто, на что возможно указание, в предложениях можно произвести замену «thing» на конструкции типа «thi sone», при этом существенной семантической разницы мы не обнаружим.

Понятие «думать, мыслить» – это процесс воспроизводства предметов окружающей действительности в сознании человека. В сущности, также можно обнаружить нечто семантически родственное.

Похожая ситуация наблюдается и в немецком языке.

(D)inge – (d)enken – (d)iese – (d)ort.

Как видим, ту указательную роль, которая в английском ассоциирована с th, в немецком языке играет d.

Не менее любопытно сопоставление (th)ank – (d)ank – «благодарить», то есть отдавать нечто в обмен на нечто иное, возвращать «нечто».

Для всей группы германских языков это сопоставление будет иметь следующий вид:

(th)ank (английский) – (t)akke (норвежский) – (d)ank (немецкий) – (t)akke (датский) – (t)ack (шведский).

Естественно, что стоит избегать такого подхода, когда под формальный признак субморфемного d-ряда (а именно – наличие фонематически родственного звучания и положения в начале корневой морфемы с последующим гласным звуком) будут подставлены слова совершенно иного происхождения (негерманского).

Само существование гипотетического субморфемного d-ряда в германской группе языков неминуемо наталкивает на размышления о наличии чего-то подобного в условном древнегерманском конструкте, а возможно, и в предполагаемом индоевропейском праязыке.

Нами путем сопоставления было обнаружено, что субморфемный d-ряд может в некоторых случаях ассоциироваться не только с альвеолярными и зубными звуками [d], [t], [th], но и переднеязычными [s], [z].

Например, в ряду they (английский) – de (норвежский) – Sie (немецкий) – de (датский) – dom (шведский).

Предположим, что подобные ряды могут быть построены и с другими языками не германской группы, но индоевропейской семьи. При этом будут встречаться все фонетически родственные звуки. Осуществим данную попытку:

(al)so (английский) – (al)so (немецкий) – sa (норвежский) – to (сё) (русский) – tā (латышский) – ajsa (санскрит.).

Нетрудно заметить определенную закономерную схожесть. В связи с этим предположение о происхождении субморфемного d-ряда в индоевропейском праязыке выглядит интересным, и таким, что мотивирует на фундаментальное исследование данного вопроса.

Безусловно, что высказанные в данном материале гипотезы еще далеки от полноценного теоретического оформления, и как всякие гипотезы, в процессе научного поиска они могут быть опровергнуты. Однако, нельзя не признать то, что поднятый вопрос сам по себе вызывает фундаментальный научный интерес.

Сами вводимые в данной статье в научный оборот понятия субморфем и сравнительных субморфемных рядов (в рамках языков одной группы или семьи) могут по-разному быть расценены, однако на данном этапе следует подчеркивать гипотетичность их природы, возможность их дальнейшего концептуального пересмотра. При более детальном изучении возможно обнаружение множества подтверждающих или опровергающих данных.

Данная научная гипотеза имеет ценность не только с точки зрения изучения грамматического строя языков германской группы, но и прежде всего при изучении истории и эволюции европейских языков (как возможный хронологический маркер), в аспекте общей философии языка.

ЛИТЕРАТУРА

1. Блумфилд Л. Язык / Под ред. и с предисловием М.М. Гухман. – М.: Прогресс, 1968. – 607 с.
2. Звергинцев В.А. История языкознания XIX и XX веков в очерках и извлечениях / В.А. Звегинцев. – М.: Государственное учебно-педагогическое издательство министерства просвещения РСФСР, 1969. – 331 с.
3. Плунгян В.А. Грамматические категории, их аналоги и заместители. Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук. Специальность 10.02.19 «Общее языкознание, социолингвистика,

- психоллингвистика». Московский государственный университет, 1998. – 49 с.
4. Косовский Б.И. Общее языкознание / Б.И. Косовский. – Минск : Высшая школа, 1976. – 430 с.

АННОТАЦИЯ

Рочняк Е. В., Рочняк А. В. Гипотетический субморфемный d-ряд в языках германской группы

Статья посвящена проблемам грамматической семантики германских языков, в научный оборот вводится гипотеза о субморфемных единицах и потенциальной возможности существования рядов родственных субморфемных единиц в языках одной языковой группы.

Ключевые слова: грамматическая семантика, морфология, сопоставительная лингвистика, германская группа языков.

SUMMARY

Rochniak E. V., Rochniak A. V. Hypothetical submorphemic d-series in Germanic languages

The article is devoted to problems of grammatical semantics in Germanic languages; it introduces the hypothesis about sub-morphemic units and potential probability of related sets of such units in languages of the same linguistic group.

Key words: grammatical semantics, morphology, contrastive linguistics, Germanic group of languages.

*Е. В. Рочняк,
Т. О. Чунина
(г. Горловка, ДНР)*

УДК 811.111'373.612

РЕЧЕВОЙ АКТ КОМПЛИМЕНТА И УСЛОВИЯ ЕГО РЕАЛИЗАЦИИ НА ПРИМЕРЕ НЕМЕЦКОЯЗЫЧНЫХ ЭЛЕКТРОННЫХ ЖУРНАЛОВ

В XXI веке особую актуальность получает вопрос о межличностной и межкультурной коммуникации, о достижении цели общения. Инструментом разрешения этой проблемы являются речевые акты, которые представлены, в частности, комплиментом.

Комплимент часто называют самым простым и самым надежным способом удовлетворения социально-психологических потребностей партнера в процессе общения, а применение

комплимента объясняют желанием говорящего сделать приятное адресату с целью позитивного влияния и дальнейшего сотрудничества [3, с. 245–250]. Через комплименты реализуют важные потребности человека, а именно в любви, уважении, самореализации, признании и позитивных эмоциях [1, с. 386–391].

По мнению Дж. Серля, во время высказывания любого комплимента в нем заложено репрезентативное намерение говорящего, то есть высказывание собственных эмоций, своего интенционального состояния (условие искренности речевого акта) [17, с. 209]. В то же время через комплимент говорящий выражает и коммуникативное намерение, то есть, стремится вызывать у адресата определенные эмоции, эмоционально повлиять на него, его психическое состояние и изменить его поведение [2, с. 82].

В интенциях, заложенных в основу речевого акта комплимента, можно выделить три типа направленности [10, с. 73]: на самого говорящего (выражение собственных эмоций), на адресата (влияние на собеседника), на других участников диалога (вызывать расположение к адресату, побуждать к высказыванию собственных мнений относительно сказанного). Эти типы интенционной направленности комплиментов перекликаются с тремя важнейшими функциями комплимента в межличностной коммуникации, которые определил немецкий лингвист М. Беетц: а) высказывание чувств говорящего, б) проявление взаимоотношений между людьми, в) достижение желательного влияния на адресата [5, с. 150].

Использование речевого акта также подчиняется определенной национальной специфике речевого общения, которая, по мнению О. В. Яшенковой, является системой факторов, которые «предопределяют отличия в организации, функциях и способе опосредствования процессов общения, присущих определенной культурно-национальной общности (этносу)» [4, с. 289]. Для достижения успеха в коммуникации представители разных культур должны знать не только соответствующие этикетные формулы, но и условия использования, прагматичное значение РА, уметь предусмотреть перлокутивный эффект их употребления. К так называемой комплементарной компетенции Б. М. Фаренкия причисляет (помимо знаний о грамматических, лексико-семантических, риторико-стилистических и просодических индикаторах) также и элементы внеречевого контекста: знания о ценностях, нормах, конвенциях, табу определенной культуры [9, с. 64].

Так же как и Б. Кольберт, мы считаем, что природный язык нужно изучать с учетом всех факторов, которые касаются как диахронии, так и синхронии [6, с. 239–240].

Широкий прагматичный потенциал имеет комплемент как речевой акт. Самым распространенным среди англоязычных лингвистов является определение Дж. Холмса, согласно которому комплемент, – это «РА, который эксплицитно или имплицитно касается кого-то, кто не является говорящим, обычно лица, которое имеет что-то «положительное» (собственность, черты характера, умения), и которое положительно оценивает как говорящий, так и слушатель» [11, с. 446]. А реакцию на комплемент, по мнению Г. Нельсона, характеризуют как «вербальное подтверждение того, что адресат услышал и отреагировал на комплемент» [16, с. 413].

Комплименты играют существенную роль в процессе общения и выполняют ряд важных функций, в зависимости от которых комплименты делят на несколько групп:

1) Самую многочисленную группу составляет коммуникативное намерение говорящего выразить собственные, спонтанные, позитивные эмоции. Такие комплименты возникают как спонтанная реакция на внешние раздражители и выполняют такие функции:

а) проявление увлечения:

Du siehst in dem Kleid einfach umwerfend aus [13];

б) проявление уважения и признание, как в непрямом имплицитном комплименте в форме сравнения, через который говорящий выражает признание приобретенным умением собеседника:

Fan zum Musiker: «Berührend zu sehen, wie Ihr beide miteinander umgeht. ... Da wirkt nichts gespielt, jedes Brauenzucken ist echt» [8];

в) флирт или соблазн, как в следующем диалоге, происходящем в ночном клубе:

Er: Hey, ich muss dir ein Kompliment machen, du bist echt hübsch.

Sie: Danke.

Er: Wobei ich sagen muss, ich hatte ein bisschen Angst vor dir.

Sie: Wieso denn?

Er: Na ja, du hast so einen bösen Blick, wirkt etwas unberechenbar!

Sie: Das sagen viele, aber in Wirklichkeit bin ich eine Prinzessin

Er: (reicht die Hand) Nah dann, schön dich kennen zu lernen, Barbie [7];

г) признание в любви:

Wenn ich in deine wunderschönen blauen Augen sehe, sehe ich unsere Zukunft. Du bildest den Spiegel meiner Seele, denn ohne dich gibt es kein ich [14];

2) Compliments, которые говорящий выражает с намерением установить солидарность или позитивную социальную связь с адресатом, представляют вторую по численности группу комплиментов. Такие комплименты свидетельствуют о заинтересованности собеседником, сигнализируют об их близости и выполняют такие функции, как:

а) проявление солидарности или симпатии. Например, на обложку известного журнала *Tele* попала фотография знаменитого экономиста и журналиста Патриции Лэри под заголовком:

Vorsicht, kluge Frau! – sieht sie dann auch noch so gut aus wie Patrizia Laeri («SRF Börse»), wird manches Weltbild erschüttert

На что Патриция ответила в Twitter: «*Würde man bei einem Mann wohl auch so titeln?*» [15];

б) начало разговора / приветствие / установление контакта. В англоязычных исследованиях эту функцию считают «прекрасным вступлением к процессу коммуникации» [19, с. 90]. Так, например, для Нины Дэйслер следующий комплимент стал началом для интересной беседы о Южной Америке:

Das ist ein tolles Armband, gibt es eine Geschichte dazu? [8].

3) Compliments, сделанные с целью установить коммуникативное равновесие. Таким способом говорящий пытается уравновесить общение и возобновить потерянную коммуникативную гармонию. Compliments выполняют функции:

а) смягчение критики, как, например, в следующем диалоге:

«Ihr gelbes Kleid passt ja hervorragend zu Ihrem Haar», sagte Thomas. Sibylle strich sich mit der Hand durch die lange, blonde Mähne.

«Würden Sie mir eine Freude machen? Ich kenne da ein gemütliches, italienisches Restaurant in der Innenstadt...», schlug Thomas vor [7].

б) завуалирование просьбы, примером может послужить следующая реплика:

Ich vertraue auf dein Wissen und deine Erfahrung. Kannst du mir bitte helfen? [13].

в) проявление благодарности показано в следующем примере:

Ich danke dir so sehr, als ich nur kann, für deine Gutherzigkeit, deine Wärme, dein Verständnis und dein Lächeln [8].

г) смягчение отказа. Эта функция комплимента продемонстрирована на следующем примере:

Auftraggeber: «Sehr geehrte Damen und Herren (), wir wissen es sehr zu schätzen, dass Sie das Projekt ... mit unserem Planungsbüro realisieren wollten. Wie ich Ihnen in unserem Gespräch am ... auch schon erklärt habe, hätten wir den Auftrag sehr gern angenommen. Leider sind wir aber derzeit kapazitätsmäßig nicht in der Lage,

das Projekt ordnungsgemäß abzuwickeln. Deshalb haben wir uns schweren Herzen dafür entschieden, die Planungsaufgabe nicht anzunehmen» [7].

д) элемента извинения, как в следующем письме-примере автора к своей подруге:

Liebe Emma, es tut mir von Herzen leid, dass ich dich gestern mit meiner Worten verletzt habe. Bitte entschuldige! Meine dumme Äußerung würde ich gerne ungeschehen machen. Mir liegt sehr an unserer Freundschaft. Du bist eine große Bereicherung für mein Leben. Bitte um ENTSCHULDIGUNG! [14].

е) смягчение обиды, где благодаря комплиментам обида звучит не так остро, как, например, в следующем примере:

Du siehst aber toll aus für dein Alter! [18].

4) Комплименты с ведущей коммуникативной интенцией влияния на адресата служат средством ободрения и стимула. Такие комплименты по большей части выступают как реактивные речевые акты, которые являются реакцией на предыдущий коммуникативный ход, как, например, в следующем обращении к больному:

Ein lebensfroher Mensch wie du schafft es, schnell wieder auf die Beine zu kommen. Ich bin in Gedanken bei dir und wünsche eine schnelle Erholung [14].

5) Коммуникативное намерение говорящего заключается в проявлении вежливого отношения по отношению к адресату, то есть комплименты являются проявлениями конвенционной вежливости. К этой группе причисляем в первую очередь прямые перформативные комплименты, которые употребляются в устаревшем значении «вежливо приветствовать» [12, с. 931]. Их употребляют с целью соблюдения конвенционных правил этикета. Они не отображают ни настоящих эмоций говорящего, ни его желания наладить отношения с адресатом. Последний также чувствует фальшь в таких высказываниях, поэтому соответствующим образом и реагирует, как, например, в следующем диалоге между супругами:

Er: «Du siehst heute schön aus!»

Sie: «ja, pass mir lieber meine Jacke» [15].

Таким образом, комплимент является полифункциональным эмотивно-оценочным фатическим речевым актом, через который говорящий выражает собственные эмоции, положительно оценивает внутренний мир, внешность, достижения, умения или собственность адресата, устанавливает солидарность и коммуникативное равновесие и влияет на собеседника, который через позитивную, негативную или гибридную реакции вербально или невербально реагирует на комплимент.

Обязательными условиями реализации комплимента считаем предварительные условия (контекстуальные и фоновые знания говорящего и адресата); условия пропозиционального содержания (высказывание в настоящем времени изъявительного наклонения); условия коммуникативной цели, направленной на вербальную или невербальную реакцию адресата; условие искренности; условие прагматичной корректности (наличие соответствующей ситуации); условие психической почвы (ощущение симпатии к собеседнику).

В статье также определены функции комплимента: проявление солидарности или симпатии, проявление увлечения, проявление уважения и признания, ободрения и стимула, смягчение критики, флирт или ухаживание, облегчение высказывания просьб, установления контакта / начало разговора, выражение вежливости.

ЛИТЕРАТУРА

1. Психология личности : хрестоматия в 2-х т. / [ред.-сост. Д. Я. Райгородский ; предисл. Г. В. Аكوпова]. – Самара : Изд. дом «БАХРАХ-М», 1999. – Т. 1 : Зарубежная психология. – Серия: Отечественная психология. – 447 с.
2. Трофимова Н. А. Речевой акт комплимента: прагматический анализ / Н. А. Трофимова // Неэкономический Post Scriptum, 2008. – С. 80–88.
3. Шейнов В. П. Риторика / В. П. Шейнов. – Мн. : Амалфея, 2000. – 592 с.
4. Яшенкова О. В. Основи теорії мовної комунікації : навч. посіб. / О. В. Яшенкова. – К. : ВЦ «Академія», 2010. – 312 с.
5. Beetz M. Komplimentierverhalten im Barock. Aspekte linguistischer Pragmatik an einem literarhistorischen Gegenstandsbereich / M. Beetz // Pragmatik. Theorie und Praxis: Amsterdamer Beiträge zur neueren Germanistik 13. – Amsterdam : Rodopi, 1981. – S. 135–181.
6. Colbert B. Zur Frage der Synchronie und Diachronie im Fremdsprachenunterricht / B. Colbert // Sprache – Gegenwart und Geschichte. Probleme der Synchronie und Diachronie. Jahrbuch 1968 // Schriften des Instituts für deutsche Sprache. – Düsseldorf : Pädagogischer Verlag Schwann, 1969. – S. 238–245.
7. Dialog & Analyse: Richtig flirten im Club [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.wie-flirte-ich.com/flirttips/richtig-flirten>
8. Ein Kompliment, das wirklich ankommt [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.kontaktvoll.de/ein-kompliment-das-wirklich-ankommt/>

9. Farenkia B. M. Beziehungskommunikation mit Komplimenten. Ethnographische und gesprächsanalytische Untersuchungen im deutschen und kamerunischen Sprach- und Kulturraum / B. M. Farenkia. – Frankfurt am Main : Peter Lang. Europäischer Verlag der Wissenschaften, 2006. – 253 S.
10. Havryliv O. Verbale Aggression. Formen und Funktionen am Beispiel des Wienerischen / O. Havryliv // Schriften zur deutschen Sprache in Österreich. Band 39 / [Hg. v. P. Wiesinger]. – Frankfurt am Main : Peter Lang. Internationaler Verlag der Wissenschaften, 2009. – 220 S.
11. Holmes J. Paying Compliments: A sex-preferential Politeness Strategy // J. Holmes // Journal of Pragmatics 12. – North-Holland : Elsevier Science Publishers B. V., 1988. – P. 445–465.
12. Kompliment // Duden. Deutsches Universalwörterbuch // 5., überarbeitete Auflage. – Mannheim, Leipzig, Wien, Zürich : Dudenverlag. – 931 S.
13. Komplimente machen – so kommen ihre warmen Worte an [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.wie-flirte-ich.com/flirttipps/richtig-flirten>
14. Komplimente: 6 Tipps + 30 gelungene Komplimente für Männer + Frauen [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.schreiben.net/artikel/komplimente-6-tipps-30-treffende-komplimente-fuer-maenner-frauen-1346/>
15. Liebesbrief schreiben: 5 Tipps + Beispiele für eine romantische Liebeserklärung [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.schreiben.net/artikel/liebesbrief-schreiben-tipps-beispiele-alternativen-819/>
16. Nelson G. L. Arabic and English compliment responses: Potential for pragmatic failure / G. L. Nelson, M. Al-Batal, E. Echols // Applied Linguistics 17(4), 1996. – P. 411–432.
17. Searle J. R. Intentionalität. Eine Abhandlung zur Philosophie des Geistes // J. R. Searle. – Frankfurt am Main : Suhrkamp, 1991. – 353 S.
18. Solidarität statt Stutenbissigkeit [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://jobsfuermama.ch/solidaritaet-statt-stutenbissigkeit/>
19. Wolfson N. An empirically based Analysis of Complimenting in American English / N. Wolfson // Sociolinguistics and language acquisition. (Issues in second language research) / [Ed. by N. Wolfson, E. Judd.] / Rowley, London, Tokyo : Newbury House Publishers, 1983. – P. 82–95.

АННОТАЦИЯ

Рочняк Е. В., Чунина Т. О. Речевой акт комплимента и условия его реализации на примере немецкоязычных электронных журналов

Статья освещает роль и функции речевого акта комплимента в общении. При этом функции комплимента рассмотрены в связи с интенцией говорящего, а также немецкой национальной спецификой.

Ключевые слова: комплимент, коммуникация, функция, интенция, речевой акт.

SUMMARY

Rochniak E. V., Chunina T. O. The compliment's speech act and conditions of its implementation on the example of German electronic magazines

The article covers the role and functions of the compliment's speech act in communication. Herewith the functions of the compliment's speech act are considered in connection with intention of the speaker and national specifics of a speech act in German.

Key words: compliment, communication, function, intention, speech act.

*В. В. Фефелова,
О. В. Болотова
(г. Горловка, ДНР)*

УДК 81'36/81'42:811.133.1

**ФУНКЦИОНАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ
ОСОБЕННОСТИ ЯЗЫКОВЫХ СРЕДСТВ,
ВЫРАЖАЮЩИХ ТЕМПОРАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ
ВО ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКЕ**

Внимание к функциональному аспекту языковых единиц не ослабевает. Семантика лингвистического знака включает не только денотативно-сигнификативные, но и культурные отношения. Мысль, отображенная в словесном знаке, материализуется словом в коммуникативной ситуации, так как в слове соединяется материальное и идеальное. «Слова можно рассматривать как своего рода инструменты, каждый из которых предназначен для выполнения определённой задачи» [6, с. 323].

Пространство является одной из главных категорий человеческого бытия, одной из основных форм существования материи. Категория пространства веками привлекает внимание

философов и лингвистов. Пространство – это то, что окружает человека с рождения. В зависимости от того, как человек осознаёт пространство, так он и категоризирует его в семантике различных частей речи. Каждый этнос выработал свою модель пространства, которая отображается в языковых средствах, описывающих пространственные отношения. Языковая модель отдельно взятого языка определяет правила отбора и употребления средств выражения категории пространства.

Одним из основных средств отображения пространственных отношений во французском языке является глагол. Многими французскими лингвистами эта часть речи определяется как грамматическая универсалия [5, с. 582]. Благодаря разнообразию словоформ и значений глагол является полнозначной частью речи, обозначающей действие в статике и динамике. Именно глагольная форма способна отобразить всевозможные нюансы действия / состояния благодаря самой разветвлённой системе грамматических категорий, присущих этой части речи: категории наклонения, времени, залога, вида, лица, рода, числа. Действие, описанное глаголом, динамично, в нём прослеживается процесс становления и развития во времени. Именно эта динамика отличает глагол от других частей речи, например, существительного, которое также может называть действие, но оно не отображает динамику развития.

Согласно теории А. В. Бондарко пространство изучается с точки зрения функционально-семантического поля, состоящего из совокупности компонентов, выстроенных в определённую иерархию относительно отдалённости и приближенности к ядру поля [4, с. 250]. «Приём семантического поля состоит в том, что в центре поля выделяется доминанта, объединяющая набор семантических признаков. Наличие в центре поля многосемного компонента даёт возможность разворачивать его так, что становится возможным сокращать количество семантических признаков, отдалённых от центра. На основе расстояния определяется мера семантического притяжения» [3, с. 47]. «Центр (сердцевина) образовывается при этом оптимальной концентрацией всех качественных признаков, соединяющихся в определённой единице» [1, с. 61]. А. В. Бондарко обращает внимание на признаки, составляющие основу противопоставления «центр – периферия»: а) сосредоточение, максимальная концентрация специфических признаков, характеризующих определённую группу; б) сосредоточение связей, отношений, связывающих элементы определённой группы и участвующих в максимальном количестве оппозиций; в) наиболее полная функциональная нагрузка; г) наибольшая специализированность

языкового приёма или системы этих приёмов для реализации определённой семантической функции; д) регулярность, высокая частота функционирования языкового элемента» [3, с. 214–217].

Советский учёный предлагает следующее определение: «Локативность трактуется, как семантическая категория, которая являет собой языковую интерпретацию умственной категории пространства, и вместе с тем как функционально-семантическое поле, которое охватывает разноуровневые средства этого языка, взаимодействующие при выражении пространственных отношений» [4, с. 56]. Категория локативности – это понятийная категория, которая помогает человеку определить себя вербально в пространстве, осмыслить своё местонахождение и, таким образом, выражает пространственные отношения.

Во французском языке именно глагол является той частью речи, которая включает все перечисленные характеристики. С этой точки зрения глагол можно считать центром функционально-семантического поля локативности. Ссемантические характеристики и классификации глаголов с пространственным значением носят дискуссионный характер в системе современного французского языка.

Глаголы, описывающие пространственные отношения между двумя или несколькими объектами, могут быть разбиты на две семантические группы: динамичные и статичные. Эта классификация основана не только на лексическом значении, но и на синтаксических характеристиках, на специфике валентностных отношений с другими частями речи.

Статичные глаголы выражают состояние или процесс, в течение которого субъект/объект не меняет пространственных параметров. Во французском языке, согласно энциклопедическому словарю Ларус, наиболее распространёнными статичными глаголами считаются: *être, se trouver, se placer, se situer, y avoir, vivre, rester*.

(1) *De plus, elle vivait attachée alors que ces ruminantes, de naturel grimpeur et sauteur, détestaient la corde* (Boissard, p. 280).

(2) *En visitant ma nouvelle maison, alors que je croyais l'enthousiasmer, elle était restée de marbre, n'avait prononcé qu'une phrase: «Non, c'est trop riche ici»* (Bombardier, p. 55).

Важной составляющей статичных глаголов является грамматическая категория переходности/непереходности, которая влияет на субъектно-объектные отношения в описываемой ситуации. Прямое дополнение глаголов: *couvrir, entourer, remplir, encombrer, engloutir* может быть выражено существительным с пространственным значением и отвечать на вопрос «что?»:

(3) Cette guerre était un piège qui allait engloutir des milliers de jeunes hommes engagés dans ce qu'ils croyaient être une guerre pour la défense des valeurs et des intérêts de la France [...] (Deforges, p. 147).

Переходные глаголы с непрямым дополнением такие как: se trouver, se placer, se situer и др. требуют употребления локативных существительных, отвечающих на вопрос «где? куда?».

(4) Le bureau de Lemarque se trouvait dans un immeuble de l'avenue Raymond-Poincaré et en s'approchant de la fenêtre Rollin apercevait ce qu'il appelait l'un des axes magiques de Paris, la tour Eiffel, auquel le nouvel éclairage jaune doré conférait une majesté [...] (Gallo, p. 59).

Во французском языке многие статичные глаголы сами выступают локальным ориентиром и указывают на вертикальное или горизонтальное расположение объектов описываемой ситуации: s'étendre, s'élever, se dresser, pendre, être accroché, être fixé, s'étaler.

(5) Le type devait être en train de déménager les pièces de l'étage, il avait commencé par décrocher les étoiles, celle-ci devait être celle qui représentait les cavaliers en plein galop tirant avec de longs fusils damasquinés tandis que le soleil s'étalait jusqu'aux pointes des Pyramides [...] (Cauvin, p. 231).

Динамичные глаголы, напротив, называют процесс, который разворачивается во времени, либо в результате которого субъект/объект перемещается в пространстве:

(6) Alors que lui et moi, nous étions des gosses qui grandissaient dans l'ombre de la mort (Arnothy, p. 126).

(7) Je suivais le lieutenant-médecin tandis qu'il allait de l'un à l'autre pour nettoyer les blessures et refaire les pansements (Deforges, p. 38).

Динамичные глаголы «выхватывают кадр из вереницы событий» [2, с. 3]. Действия следуют одно за другим на фоне контекста ситуации. Семантика глагола формируется путём деления череды событий на отдельные динамичные фрагменты разной протяженности. По значению динамичные глаголы можно разделить на глаголы движения и изменения состояния. Глаголы движения отражают передвижение объекта, но не качественное изменение его состояния [10, с. 1021]. Эта дефиниция позволяет условно отделить глаголы движения от глаголов изменения состояния и действия. Глаголы движения могут указывать на направление: aller, descendre; partir, venir.

(8) Et tandis que je redescends vers la place Saint-Sauveur, mon serveau entre en ébullition (Boissard, p. 66).

Глаголы движения могут указывать на передвижение в пространстве без указания направления: *marcher, pager, gamer, errer, rôder, rouler*.

(9) Elle se rapprocha d'un couple qui marchait devant elle, mais en entendant qu'on le suivait celui-ci se mit à *marcher* plus vite [...] (Gallo, p. 23).

Среди глаголов, означающих изменение состояния, можно выделить группу, указывающих на изменение объёма, формы, размера объекта: *allonger, arrondir, augmenter, contracter, déchirer, diminuer, dissiper, fendre, grossir, gonfler, imprimer, presser, trancher*; либо на изменение локализации действия по сравнению с начальным местоположением: *déplacer, aplatir, baisser, changer, coucher, écarter, emporter, jeter, mener, pousser, renverser, lancer, tirer*.

(10) Elle se retira dans leur chambre et, tandis que le ciel et les toits se découpaient dans sa fenêtre [...] elle s'adonna à un nouveau plaisir: elle se mit à *cuisiner* [...] (Bona, p. 204).

Следовательно, для определения и характеристики пространственных отношений необходимым является наличие, по меньшей мере, двух элементов, которые входят в эти отношения: предмета локализации и места локализации. Объектом, который локализуется, может быть существо с характерными для него признаками, которые влияют на его пространственное поведение: способность перемещаться, иметь прогнозируемое вертикальное положение и фронтальную ориентацию. Характер локализации зависит не только от свойств предмета, который локализуется, но также и от признаков места локализации. Для характера локализации важными являются такие признаки пространственного ориентира, как его протяжённость, по горизонтали, протяжённость по вертикали, что позволяет локализовать объект возле его нижнего конца, наличие поверхности, на которой может быть что-то расположено.

Глаголы, обозначающие пространственную локализацию или перемещение субъекта/объекта, характеризуются разнообразием семантической структуры и вариативностью форм [6, с. 75]. Наличие актантов движения обуславливает тривалентный характер анализируемых конструкций. Например, *introduir qch dans qch, couvrir qch de qch, mettre qch dans/sur qch, poser qch sur qch, jeter qch dans qch*. Второе дополнение вводится пространственным предлогом и указывает на местоположение действующих лиц, либо на место развёртывания событий:

(11) «Vous êtes en somme les yeux et les oreilles de Bon Loward», lui avait-elle dit en le prenant par la main, *négligement*, pour le diriger

vers le fauteuil, tandis qu'elle-même s'asseyait sur une petite chaise grêle (Gallo, p. 99).

(12) Ils la raccompagnaient lorsqu'il était tard, jusqu'aux grilles déjà fermés du Luxembourg (Bona, p. 271).

Глаголы движения, отображающие активное действие, могут быть объективными или субъективными [7, с. 43]. Конструкции с объективными глаголами могут выражать создание / исчезновение объекта, его изменения, перемещения. Субъективные глаголы содержат семантический компонент «изменение местоположения»: *reculer*, *s'avancer*, *cheminer*, *circuler*, *courir*, *flâner*, *grimper*, *sauter*; либо «действие-процесс»: *bouilloner*, *frémir*, *frétiller*, *frissonner*, *greloter*, *palpiter*, *pivoter*, *trembler*, *vibrer*.

(13) Lorsque le garçon s'avança vers l'objectif puis recula sur la toile de fond du village, hésitant entre la prudence et le défi, l'âne se mit à avancer puis à reculer en cadence, dans un mimétisme parfait (Bona, p. 223).

В восприятии и концептуализации пространства важную роль играет антропоцентрический фактор. Отсчёт расстояния начинается от человека, который находится в центре картины мира, что даёт возможность выделить три пространственных промежутка: ближайшую к говорящему зону, которая является вместилищем, меньшим по размеру, чем человеческое тело; сектор вокруг говорящего, который можно воспринять органами зрения; сектор, протяжённость которого настолько велика, что человек не способен её воспринимать и обозначать границы. Указывается, что совокупность представлений о пространстве отображается в языке в виде лексико-семантической системы общих наименований пространства (места). К их семантической амплитуде входит как общее, абстрактное понимание «места, как части пространства», так и конкретное понимание места, как «вместилища, части пространства, которую занимает определённый объект (предмет, действие, событие, признак)», «конкретного, очерченного определёнными границами элемента пространства», «части чего-то», «отношения между элементами в пространственном или временном ряду» [8, с. 8].

Во французской грамматике глаголы движения как переходные, так и непереходные классифицируются на:

1) глаголы инициальной полярности, обозначающие начало действия: *s'éveiller*, *quitter*, *évacuer*, *désertier*, *abandonner*, *s'enaller*, *partir*, *se rendre*.

(14) Elle se dirige vers une cabine téléphonique, c'est alors qu'elle s'éveille (Echenoz, p. 52).

2) Глаголы конечной полярности: *atteindre, accoster, arriver, regagner, rejoindre* требуют дополнения-локуса, указывающего на цель, конечную точку движения.

(15) Lorsqu'ils furent arrivés au deuxième étage d'un immeuble bourgeois de la rue Saint-Jacques, François sonna selon un code discrét, la porte s'entrouvrit, puis s'ouvrit (Defordes, p. 320).

(16) Et puis Thahan chantait dans un langage inconnu l'histoire de son enfance à la frontière du Siam lorsque la mère l'avait trouvé et qu'elle l'avait ramené au bungalow avec ses autres enfants (Duras, p. 34).

3) Глаголы средней полярности: *grimper, parcourir, traverser* не указывают ни на отправную точку, ни на конечную цель. Они описывают само действие.

Таким образом, можно сделать вывод, что изучение языкового выражения пространственных отношений во французском языке реализуется следующими языковыми маркерами: глагольными формами, предлогами и существительными с темпоральной семантикой. Поскольку система французского языка характеризуется преобладанием аналитических форм, семантика глагола берёт на себя функции некоторых грамматических категорий, например, категории вида. Завершенность, незавершенность, начинательность действия выражается не специальными морфемами, а семантическими нюансами самой глагольной словоформы.

Система концептуальных форм изучения и описания пространственных параметров окружающей действительности всё время обогащается новыми подходами, понятиями и способами фиксации пространственных отношений.

ЛИТЕРАТУРА

1. Адмони В. Г. Качественный и количественный анализ грамматических явлений / В. Г. Адмони // Теоретические проблемы современного советского языкознания. – М. : Наука. – № 64. – С. 56–68.
2. Арутюнова Н. Д. Путь по дороге и бездорожью / Н. Д. Арутюнова // Логический анализ языка. Языки динамического мира. – М. : Наука, 1992. – С. 3–17.
3. Бондарко А. В. Теория морфологических категорий / А. В. Бондарко. – Л. : Наука, 1976. – 254 с.
4. Бондарко А. В. Теория функциональной грамматики. Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис / А. В. Бондарко. – Л. : Наука, 1987. – 348 с.
5. Гак В. Г. Теоретическая грамматика французского языка / В. Г. Гак. – М. : Добросвет, 2000. – 832 с.

6. Димитренко Л. Ю. Макроконцепт «mouvement» во французской языковой картине мира / Л. Ю. Димитренко. – Воронеж, 2005. – 194 с.
7. Кильдибекова Т. А. Глаголы действия в современном русском языке. Опыт функционально-семантического анализа / Т. А. Кильдибекова. – Уфа : Изд-во БашГУ, 1985. – 276 с.
8. Щєблїкіна Т. А. Роль параметричних прикметників із просторовою семантикою у формуванні лінгвального образу світу : автореф. дис. на здобуття наук. ступеня канд. техн. наук : спец. 05.02.08 / Т. А. Щєблїкіна. – Харків, 2001. – 14 с.
9. Borillo A. L'espace ets one xpression en français / A. Borillo. – P. : OPHYS, 1998. – 170 p.
10. Larousse P. Dictionnaire encyclopédique pour tous / P. Larousse. – P. : Librairie Larousse, 1980. – 1790 p.

ИСТОЧНИКИ ИЛЛЮСТРАТИВНОГО МАТЕРИАЛА

1. Arnothy C. Une affaire d'héritage / C. Arnothy. – P. : Edition Bernard Grasset, 1991. – 407 p.
2. Bombardier D. Tremblement de coeur / D. Bombardier. – P. : Edition du Seuil, 1990. – 175 p.
3. Bona D. Malika / D. Bona. – P. : Edition Mercure de France, 1992. – 355 p.
4. Boissard J. Belle-grand-mère / J. Boissard. – P. : Edition Fayard, 1993. – 304 p.
5. Cauvin P. Rue des Bons-Enfants / P Cauvin. – P. : Edition Albin Michel, 1990. – 375 p.
6. Deforges R. Rue de la soie / R. Deforges. – P. : Edition Fayard, 1994. – 416 p.
7. Duras M. L'Amant de la Chine du Nord / M. Duras. – P. : Edition Gallimard, 1991. – 238 p.
8. Echenoz J. Les Grandes Blondes / J. Echenoz. – P. : Les Editions de Minuit, 1995. – 250 p.
9. Gallo M. La Fontaine des Innocents / M. Gallo. – P. : Edition Fayard, 1992. – 513 p.

АННОТАЦИЯ

Фефелова В. В., Болотова О. В. Функционально-семантические особенности языковых средств, выражающих темпоральные отношения во французском языке

В статье рассматриваются языковые средства, выражающие темпоральные отношения в современном французском языке. Глаголы с семантикой пространственных отношений анализируются как элемент, составляющий центр функционально-семантического поля локативности системы французского

языка. Предлагается классификация локативных глаголов по признакам: динамичные / статичные, субъектные / объектные, инициальной / финальной / промежуточной полярности. Глаголы движения занимают особое место в системе французского языка и характеризуются разнообразием форм и смыслов. Языковые маркеры с локативной семантикой играют важную роль в определении пространственных параметров действия в любом типе дискурса: художественном, публицистическом, научном.

Ключевые слова: локативные глаголы, динамичные / статичные, субъектные / объектные, инициальной / финальной / промежуточной полярности.

SUMMARY

Fefelova V. V., Bolotova O. V. Functional and semantic features of linguistic means expressing temporal relations in the French language

The article deals with linguistic means expressing temporal relations in the modern French language. Verbs with semantics of spatial relationships are analyzed as the element that constitutes the core of the functional and semantic field of locality of the French language system. A classification of locative verbs according to the following features is proposed: dynamic / static, subject / object, initial / final / intermediate polarity. Verbs of movement occupy a special place in the system of the French language and are characterized by a variety of forms and meanings. Language markers with locative semantics play an important part in determining the spatial parameters of an action in any type of discourse: fiction, publicistic, scientific.

Key words: locative verbs, dynamic / static, subject / object, initial / final / intermediate polarity.

*В. А. Филатова,
В. В. Андрианова
(г. Горловка, ДНР)*

УДК 81'25

ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ РЕАЛИИ В АСПЕКТЕ ПЕРЕВОДА (НА МАТЕРИАЛЕ РАССКАЗА А. П. ЧЕХОВА «СТУДЕНТ»)

А.П. Чехов – один из самых переводимых и читаемых русских прозаиков в современном мире. Подробный обзор переводов произведений А. Чехова был сделан М.А. Шерешевской в статье «Переводы (проза и письма)», в которой одним из первых, кто познакомил английскую читательскую публику с творчеством

писателя, называется английский журналист и публицист Р.Э.К. Лонг, переводы которого в целом давали «верное представление о сюжете и героях чеховских рассказов, но весьма приклизительное об их стилистическом своеобразии и языковой структуре» [9, с. 372]. В начале XX века А. Чехова переводили Фрэнк Свиннертон (1911 г.), Джордж Колдерон (1912 г.), Мэриан Фелл (1912 г.), Эделин Листер Кей, С.С. Котелянский в соавторстве с Дж.М. Марри. Первые переводы на английский зачастую называют «неумелой попыткой создать английский адекват чеховской прозы» [9, с. 375].

Популяризация имени Чехова связывается с переводческой деятельностью Констанс Гарнет, которая началась в 1916 году, когда практически одновременно в лондонском и нью-йоркском издательствах вышли первые две книги её переводов. Всего К. Гарнет перевела 201 рассказ Чехова, среди которых 188 из 240 отобранных самим писателем текстов для перевода. Вначале переводы К. Гарнет считались совершенными. Как утверждал Дж.М. Марри, только следующее поколение сможет оценить «сколько многим Англия обязана ее таланту» [9, с. 380].

Позже, как известно, К. Гарнет стали критиковать «за то, что она не решалась передавать неправильности Достоевского и Толстого и воспроизводить корявое просторечие героев Чехова» [2]. В критической литературе часто цитируются слова И. Бродского о том, что причина того, что «англоговорящие читатели едва ли могут объяснить разницу между Толстым и Достоевским, заключается в том, что они читают не прозу первого или второго. Они читают Констанс Гарнетт» [4].

Противоположную точку зрения высказывают современные переводчики Макс Берди и В.К. Ланчиков, которые в статье «Успех и успешность. (Русская классика в переводах Р. Пивера и Л. Волохонской)» настаивают на том, что современные критики «не видят различия между методом её переводов и стилем эпохи», а обвинение её в архаичности необоснованно, язык её переводов «устарел почти в той же степени, в какой устарел слог Толстого, Достоевского, Чехова», т.к. писатели, которых она переводила, были её современниками [2].

М. Берди и В. Ланчиков критикуют одних из наиболее известных современных переводчиков, супружескую пару, американца Р. Пивера и, родившуюся в Петербурге, Л. Волохонскую. Р. Пивер, который не владеет русским языком, работает с подробным подстрочником с детальными примечаниями о стиле и синтаксических особенностях предложений, составленных его женой. Несмотря на то, что Л. Волохонская и Л. Пивер являются лауреатами премии за выдающиеся переводы произведений русской

классики на английский язык, М. Берди и В. Ланчиков считают, что их переводы «пестрят ошибками, говорящими о незнании языка эпохи, когда создавалось переводимое произведение» [2].

Вышесказанное подтверждает мысль о том, что для адекватного перевода необходимы широкие знания культурологического и страноведческого характера, чтобы передать сложившиеся реалии языкового оригинала.

Вопросы классификации реалий выходят за рамки одной науки и рассматриваются на стыке нескольких дисциплин. В современной научной литературе сосуществуют различные классификации реалий по разным признакам: пространственным, семантическим, грамматическим, фонетическим.

И.С. Алексеева, называя «реалии быта и общественной жизни, специфичные для какого-либо народа, страны или местности», «экзотизмами», или «словами-реалиями», предлагает подразделять их на три группы по тематическому принципу: географические реалии, которые включают в себя термины физической географии и эндемики; этнографические реалии (одежда и обувь; строения и предметы быта; национальные виды деятельности и названия деятелей; обычаи, ритуалы, игры; мифология и культы; реалии-меры и реалии-деньги) и общественно-политические реалии [1, с. 181].

Классификация реалий в лингвострановедении Г.Д. Томахина основана на принципе тематической группировки. В неё входят этнографические реалии; географические реалии, общественно-политические реалии, реалии системы образования, религии и культуры; ономастические реалии [6, с. 46–218].

Наиболее подробная классификация реалий представлена в книге болгарских исследователей С. Влахова и С. Флорина «Непереводимое в переводе». Среди этнографических реалий учёные выделяют: быт, труд, искусство и культуру; этнические объекты; меры и деньги [3, с. 53–55].

Рассмотрим перевод некоторых этнографических реалий, выявленных в рассказе А.П. Чехова «Студент», используя три разных перевода, подобранных в хронологическом порядке. Первый, выполненный в начале XX века Констанс Гарнет, не содержит переводческих пояснений. Но, например, православный англоязычный журнал «Дорога в Эммаус», в котором был напечатан перевод Констанс Гарнет в 2006 году, содержит поясняющий комментарий в подстрочном примечании. Второй датируется 1971 годом, автор – Василий Ликвар, студент Свято-Владимирской духовной семинарии из города Крествуд, штат Нью-Йорк [11]. Третий – перевод Р. Пивера и Л. Волохонской, опубликованный в 2000 году, включающий

переводческий метатекст (предисловие, подстрочные примечания, послетекстовые пояснения) [10].

Первый пример: «*Иван Великопольский, студент духовной академии, сын дьячка, возвращаясь с тяги домой, шел всё время заливным лугом по тропинке*» [8, с. 10]. – *Ivan Velikopolsky, the son of a sacristan, and a student of the clerical academy, returning home from shooting, walked all the time by the path in the water-side meadow* (Constance Garnett). – *Ivan Velikopolsky, a student of the theological academy and the son of a reader was returning from a hunt, making his way down a path by the flooded meadow* (Vasily Lickwar). – *Ivan Velikopolsky, a seminary student, son of a verger, was coming home from fowling along a path that went all the way across a water meadow* (R. Pevear and L. Volokhonsky).

В пояснениях Р. Пивера и Л. Волохонской указывается, что обучение в семинарии было открыто не только для людей, которые готовили себя к церковной карьере, но и для тех, кто не мог заплатить за обучение. (“Seminary education was open to poorer people who could not afford private tutors or expensive schools, and did not necessarily mean that the student was preparing for a church career” [10, с. 462]).

А.Г. Матюшенко в статье «К вопросу о духовном содержании рассказа А.П. Чехова «Студент» предполагает, что Иван – студент духовной академии, в которую поступил после успешного окончания духовной семинарии, и уточняет, что «выпускники духовных академий становились священниками, некоторые, принимая монашеский постриг», а иногда выпускник духовной академии «оставался мирянином и выбирал иное поприще – например, профессию преподавателя духовного училища, семинарии, той же академии без священнического сана; мог предпочесть и сугубо светскую стезю» [5].

Несмотря на то, что принадлежность студента к духовному званию отмечена трижды (студент духовной академии; сын дьячка; с типичной для русской церковной среды фамилией – Великопольский), он «по случаю Страстной пятницы» возвращается домой с охоты, хотя считается, что в Пасхальные дни верующий православный человек должен отложить охоту, за исключением вынужденных обстоятельств.

Все три перевода не передают значения слова «тяга» – охота на вальдшнепа, которая в средней полосе России приходится на весенний период, во время которой отстреливать разрешается только самцов, которые в отличие от самок издают в полёте своеобразные звуки – «хоркают». Непонимание этого факта приводит к неточному переводу следующего предложения:

«Протянул один вальдшнеп, и выстрел понем прозвучал в весеннем воздухе раскатисто и весело» [8, с. 10]. – *A snipe flew by, and the shot aimed at it rang out with a gay, resounding note in the spring air* (Constance Garnett). – *As a snipe flew over, a shot sounded out, rumbling after the bird in the spring air* (Vasily Lickwar). – *A woodcock chirred by, and a shot rang out booming and merrily in the spring air* (R. Pevear and L. Volokhonsky). Наиболее точный перевод в обоих случаях дается в третьем источнике.

Что такое «тяга» и что значит «стоять на тяге» подробно поясняет Иван Тургенев в рассказе «Ермолай и мельничиха» («Записки охотника»). Заканчивается описание томительного ожидания, которое начинается за «полчаса до захождения солнца, весной», в роще, тогда, когда «в глубокой тишине раздается особого рода карканье и шипенье, слышится мерный взмах проворных крыл, – и вальдшнеп, красиво наклонив свой длинный нос, плавно вылетает из-за темной березы» навстречу выстрелу охотника [7, с. 16].

Для сравнения три варианта перевода выражения «стоять на тяге» также тремя разными переводчиками. «Вечером мы с охотником Ермолаем отправились на «тягу»... Но, может быть, не все мои читатели знают, что такое тяга. Слушайте же, господа» <...> *Вот что значит «стоять на тяге»* [7, с. 16]. – *One evening I went with the huntsman Yermolai “stand-shooting”*... *But perhaps all my readers may not know what “stand-shooting” is. I will tell you <...> That is the meaning of “stand-shooting”* (Constance Garnett, 1897). – *In the evening the hunter Yermolai and I set off for ‘cover’. But perhaps not all my readers know what ‘cover’ means. Pray listen, gentlemen <...> That is what is meant by ‘standing in cover’* (Richard Freeborn, 1990). – *In the evening the hunter Ermolai and I went out for the ‘flight’ ... But perhaps there are some of my readers who do not know what I mean by this. So listen, gentlemen <...> This is what is meant by “waiting for the flight”* (Charles and Natasha Hepburn, 1992). Как видно из этих отрывков, и здесь приводится три разных варианта перевода одной и той же реалии, до конца не передающих суть понятия.

В русской культуре «тяга» нашла отражение не только в литературе, но и в живописи. Известны картины «Тяга вальдшнепов» графа М.Н. Муравьева (начало II четверти XX в.), «На тяге» И.М. Прянишникова (1881 г.), «Тяга. Сумерки» И. Левитана (1899 г.), «Тяга вальдшнепов» В.И. Курдова (1959 г.).

В переводах К. Гарнет и В. Ликвара вальдшнеп переводится как «snipe». В англоязычной культуре “a snipe hunt” – это название розыгрыша для новичков, получившее название «охота на лоха», во время которой ничего не подозревающий человек вынужден

ловить несуществующее животное или птицу (“a snipe hunt – a type of practical joke, in existence in North America as early as the 1840s, in which an unsuspecting newcomer is duped into trying to catch a nonexistent animal called a snipe” [12]).

Трудность представляет и передача реалии, основанной на суеверии, аналога которому нет в англоязычной культуре: «*He узнала, бог с тобой, – сказала она. – Богатым быть*» [8, с. 11]. – “*I did not know you; God bless you,*” she said. “*You’ll be rich*”. – “*I didn’t recognize you! God be with you!*” – “*I didn’t recognize you. God bless you*”, she said, “*you’ll be a rich man*”. Кроме пословного перевода переводчики используют экспликацию в виде подстрочных и послетекстовых примечаний. В журнале «Дорога в Эммаус» даётся такое пояснение: «Be rich: Russian folklore says that failure to recognize a person whom one knows means that the person will become rich» [14, с. 52]). Р. Пивер и Л. Волохонская включают пояснение в послетекстовые примечания: «According to an old Russian superstition, a person not immediately recognized by face or voice is destined to become rich» [10, с. 464].

Несмотря на небольшой размер, рассказ А.П. Чехова «Студент» насыщен реалиями настолько, что рассмотреть их все в рамках одной статьи сложно. Мы ставили перед собой цель показать, каким объёмным багажом знаний должен владеть переводчик, понимать культурологическую значимость реалии, находить семантически близкое соответствие в языке перевода, чтобы донести до читателей своей страны иноязычную культуру.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алексеева И. С. Введение в переводоведение : учеб. пособие для студ. филол. и лингв. фак. высш. учеб. заведений / И. С. Алексеева. – СПб. : Филологический факультет СПбГУ; М. : Академия, 2006. – 352 с.
2. Берди М. Успех и успешность (Русская классика в переводах Р. Пивера и Л. Волохонской) [Электронный ресурс] / М. Берди, В. К. Ланчиков. – Режим доступа: <http://www.thinkaloud.ru/feature/berdy-lan-PandV.html>
3. Влахов С. И. Непереводимое в переводе / С. И. Влахов, С. П. Флорин. – 4-е изд. – М. : Р. Валент, 2009. – 360 с.
4. Констанс Клара Гарнетт [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://ru.wikipedia.org/wiki/Гарнетт,_Констанс
5. Матюшенко А. Г. К вопросу о духовном содержании рассказа А. П. Чехова «Студент» / А. Г. Матюшенко [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.pravmir.ru/k-voprosu-o-duhovnom-soderzhanii-rasskaza-a-p-chexova-student/>

6. Томахин Г. Д. Реалии-американизмы. Пособие по страноведению: учеб. пособие для ин-тов и фак-тов иностранных языков / Г. Д. Томахин. – М. : Высшая школа, 1988. – 239 с.
7. Тургенев И. С. Записки охотника / И. С. Тургенев. – М. : Лесная промышленность, 1980. – 240 с.
8. Чехов А. П. Избранное / А. П. Чехов / Сост., авт. послесловия и коммент. М. П. Громов. – М.: Просвещение, 1984. – 384 с.
9. Шерешевская М. А. Переводы (проза и письма) / М. А. Шершевская // Чехов и мировая литература : В 3 кн. / Ред.-сост. З. С. Паперный, Э. А. Полоцкая; Отв. ред. Л. М. Розенблюм. – М. : Наука, 1997 – 2005. – Кн. 1. – 1997. – С. 369–405.
10. Chekhov A. Stories. Translated by : Richard Pevear and Larissa Volokhonsky / A. Chekhov. – New York : Bantam Books, 2000. – 467 p.
11. Lickwar V. The Student [Электронный ресурс] / V. Lickwar. – Режим доступа : <http://orthodoxchristianed.com/pdfs/comment/The%20Student.pdf>
12. Snipehunt [Электронный ресурс]. – Режим доступа : https://en.wikipedia.org/wiki/Snipe_hunt
13. The Student by Anton Chekhov. Translated by Constance Garnett [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://shortstorymasterpieces.altervista.org/chekhovstudent.html>
14. The Student by Anton Chekov // Road to Emmaus. – 2006. – № 24. – P. 51–54.

АННОТАЦИЯ

Филатова В. А., Андрианова В. В. Этнографические реалии в аспекте перевода (на материале рассказа А. П. Чехова «Студент»)

В статье рассматривается несколько этнографических реалий из рассказа А. П. Чехова «Студент» и их перевод на английский язык, выполненный тремя переводчиками К. Гарнет, В. Ликвар, Р. Пивер и Л. Волохонской, доказывається важность понимания культурологической значимости реалии для её адекватного перевода.

Ключевые слова: перевод, реалии, культурология, пояснения, понимание.

SUMMARY

Filatova V. A., Andrianova V. V. Ethnographic realities in the aspect of translation (based on the short story by A. Chekhov «The Student»)

The article deals with several ethnographic realities from the short story by A. Chekhov «The Student» and their translation into English, made by three translators K. Garnet, V. Lickwar, R. Piver and L. Volokhonskaya, the importance of understanding the cultural significance of the reality for its adequate translation is proved.

Key words: translation, realities, culturology, explanations, understanding.

*Л. А. Штакина,
О. А. Губанова
(г. Горловка, ДНР)*

УДК 81'42(811.111)

РИТМ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ДИСКУРСА КАК ФАКТОР ИДИОСТИЛЯ

Современные лингвистические исследования ориентированы на изучение особенностей функционирования языковой системы в различных регистрах коммуникации. Одной из актуальных проблем в этом направлении является ритмизация авторского замысла в контексте художественного дискурса. Ритм художественного произведения – одна из наиболее интересных и вместе с тем наименее разработанных проблем современной лингвистики. Несомненным является лишь тот факт, что ритм – это неотъемлемая характеристика литературного произведения, его подсистема со своей логикой организации.

Общие структурные принципы любого художественного дискурса характеризуются постоянными понятиями, как симметрия, гармония, ритм. Ритм является важным фактором, который объясняет специфику художественной речи и является обязательным условием художественной целостности.

Природа ритма объясняется постоянным, размеренным движением всех форм материи, и все они находятся в постоянном развитии. То есть ритм – это чередование превосходства каждого из двух начал. Благодаря их непрерывной борьбе устанавливается устойчивое равновесие этих предметов [6, с. 94].

Как отмечает профессор Гумовская Г.Н., ритм подразумевает повторение одного и того же события через приблизительно равные отрезки времени, но в действительности такой строгой и чёткой повторяемости событий и явлений быть не может. «Периодический процесс мы не должны сравнивать с движением по кругу, где всё опять возвращается к исходной точке, а с движением по спирали, где как будто происходит

такое возвращение, но каждый раз на новом уровне» [4, с. 109, 133]. Таким образом, ритм – это повтор каких-либо элементов дискурса через определенные промежутки в пространственно-временном континууме. Чередование такого рода может прослеживаться на любом уровне художественного произведения: так, чередуются трагические и комические сцены, диалогические и монологические сцены, сюжетно-повествовательные и описательные части, напряжения и ослабления действия, наглядно-образные и отвлеченно-понятийные отрывки образного отражения окружающего мира. Обычно в этом чередовании одни элементы ощущаются как маркированные, другие – как промежутки между ними [2, с. 876].

Следует также отметить, что ритм в искусстве и литературе опирается и ориентируется на ритмические закономерности, существующие в мире, так же он соотносится с психофизиологической природой восприятия человека. Наше сознание воспринимает повтор явлений на уровне интуиции. Эта способность основана на относительной изохронности периодов между двумя подобными явлениями. В этом значении ритм как повтор в плане относительной изохронности вызывает главное условие предсказуемости – ожидание. Повторение единиц, расстояние между ними, время, наблюдение за этими единицами способствует выработке ожидания и увеличивает объём полученной информации.

Ритм тесно связан с понятием ожидания. После какого-либо явления или действия приходит ожидание следующего, либо повторного, и это является основным критерием ритма. Результатом ожидания становится предсказуемость и уверенность, которые делают сообщения понятными, уменьшая энергию, затраченную на расшифровку сообщения.

Не вызывает сомнения тот факт, что в дискурсе возникает упорядоченность, которая помогает воспринимать информацию и быть готовым к смене событий. Ритм выступает как упорядоченность во взаимодействии с разбросом, как норма и её вариативность. Ритм здесь есть подтверждение ожидания и его опровержение. Некоторые ученые полагают, что ритм художественного произведения нужно рассматривать как «организованность речевого движения, которая охватывает все элементы периодической повторяемости и закономерности членения на отдельные речевые единицы, закономерности следования этих единиц друг за другом, закономерности их взаимного сопоставления и объединения их в высшее единство» [3, с. 876].

Одним из важнейших отличий дискурса художественного от других типов дискурса является цель, которую преследует автор литературного произведения. Так, цель художественного дискурса заключается в следующем: писатель посредством своего произведения осуществляет попытку воздействия непосредственно на «духовное пространство» читателя как реципиента с целью воздействия на него и внесения некоторых изменений.

Характеризуя стиль литературного произведения, профессор Жирмунский В.М. обращает внимание на единство его содержательных и формообразующих начал. «Художественный стиль писателя, – отмечал он, – представляет собой выражение его мировоззрения, воплощается в образах языковыми средствами. Поэтому художественный стиль писателя в его функциональной целенаправленности нельзя изучать отдельно от идейно образного содержания произведения» [5, с. 103]. Следовательно, стиль проявляет не только «онтологическую суть произведения, тип его целостности», но и личностную акцентность автора. Основным носителем индивидуальности стиля писателя есть отдельный стиль произведения, в котором все – от мироустройства и тональности дискурса – несет на себе отпечаток авторской личности, в частности, его мироосознание, самочувствие, темперамент, отношение к литературной традиции. Но понятие идиостиля не ограничивается произведением как таковым, а занимает все творчество писателя, приобретая признаки системной обобщенности. По мнению М.Ф. Коцюбинской, именно постоянное присутствие авторского «я» в разных произведениях художника предопределяет их стилистический строй [3, с. 351].

Идиостиль конкретного автора приобретает ярко выраженные индивидуальные черты; стилистическое экспериментирование становится смелее и иногда формирование совершенно нового, ни на кого не похожего стиля, становится едва ли не главной целью поэта или писателя, и через формирование идиостиля происходит самовыражение и актуализация автора [6, с. 422]. Таким образом, исследование индивидуального стиля писателей помогает не только выявить особенности того или иного автора, но и раскрыть возможности языковой системы в целом, проследить изменения литературной нормы. Анализ литературных произведений показывает, что ритм – это не только основа синергизма литературного дискурса, это маркер индивидуальности автора, его творческой манеры.

Объектом нашего исследования является художественный дискурс, отражающий творческую самобытность одного из известных английских писателей 20-го века У.С. Моэма. В рамках этой публикации наше внимание сосредоточено на

синтаксическом уровне ритмизации авторского замысла.

Наши наблюдения позволяют констатировать, что особенности ритма литературных произведений автора отражают такие частотные ритмические фигуры, как «анафорический повтор» и «синтаксический параллелизм».

Своеобразный ритмический комплекс авторской стилистики. Например:

Sometimes they were too large and sometimes they were too small, sometimes they were too far from the centre of things and sometimes they were too close; sometimes they were too expensive and sometimes they wanted too many repairs; sometimes they were too stuffy and sometimes they were too airy; sometimes they were too dark and sometimes they were too bleak. Roger always found a fault that made the house unsuitable [8, с. 32–33].

Этот отрывок литературного произведения отражает интегративную модель ритмизации. «Анафорический повтор» и «синтаксический параллелизм» подчеркивают, с одной стороны, динамику сюжета, а с другой – являются авторским акцентом разворачивания вербального контекста.

Являясь частотной ритмической фигурой, «анафорический повтор», в частности, маркирует авторский замысел в нарративных блоках. Например, в рассказе «The Lion's Skin»:

I want just crying my eyes out by them. I saw what he meant. I felt he'd sooner die than let me think he was after my money. I knew that I wasn't worthy of him, but I saw, that if I wanted him I must go out and get him myself. I thought I should die, I loved him so much. I stretched out my hand [1, с. 13].

Этот образец иллюстрации авторского замысла отражает эмоциональное состояние главного героя, передаёт его стремление уверить себя и окружающих в том, что он сожалеет о случившемся. Повтор местоимения *I* усиливает общее напряжение картины и показывает развитие динамики сюжета, таким образом маркируя категорию «автор-функция» литературного произведения.

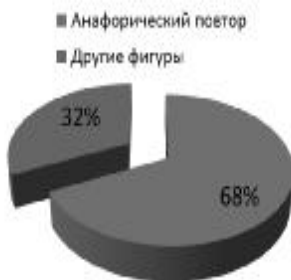

Рис. 1. Соотношение фигур синтаксического ритма

Как явствует из вышеизложенного, ритмические модели художественного дискурса маркируют психологизм, внутренние переживания главного героя, к примеру, чувство растерянности и одиночества. Так, в рассказе «A Casual Affair» внутренний мир героя, динамизм общения с окружающим миром маркируется «анафорическим повтором» в следующем отрывке. Например:

He begged her again to see him, he implored her to have strength, he repeated that she meant everything in the world to him, he was frightened. He was frantic. He could not understand. He didn't know, if she was receiving his letters. He was in an agony [1, с. 43].

В отрывке из рассказа «Red» специфически отражается манера репрезентации главного героя, оценочность мировосприятия, динамика его психоэмоционального состояния также благодаря «анафорическому повтору». Например:

I was a young man then. I wanted to enjoy all loveliness of the world. I thought it was the most beautiful spot I had ever seen. The first time I saw it I had a catch at my heart, and I was afraid I was going to cry. I wasn't more than twenty-five and thought I put the best face I could on it, I didn't want to die [1, с. 86].

Ритмизацию авторского замысла благодаря модели «парентезы» мы наблюдаем в рассказе «The Outstation». Например:

Of course if you insist I will put the matter up to the Sultan, but I think you would be much wiser to drop it. I know Cooper is a rough diamond, but he is capable, and he had a pretty thin time in the war, and I think he should be given every chance. I think you are a little too much inclined to attach importance to a man's social position. You must remember that times have changed. Of course it's a very good thing for a man to be a gentleman, but it's better that he should be competent and hard-working. I think if you'll exercise a little tolerance you'll get on very well with Cooper [8, с. 118].

В этом образце вербального контекста синтаксическая модель *I think* ритмизирует точку зрения героя произведения и тем самым приковывает внимание читателя к личностным характеристикам этого персонажа.

Проанализированные произведения У.С. Моэма дают основания полагать, что «анафорический повтор» как фигура стилистического синтаксиса является одним из маркеров идиостиля писателя. Статистические данные анализа отражают высокую частотность (Рис. 1) «анафорического повтора» в вербальном контексте исследуемых литературных произведений. Так, в рассказе «The Escape» частотность этого стилистического маркера составляет 41%, в рассказе «The Lion's Skin» показатель

частотности 67%, «A Casual Affair» – 62%, «The Lotus Eater» – 52% и в рассказе «Red» – 50%. Следовательно, результаты наших наблюдений сигнализируют один из релевантных признаков индивидуальности автора.

Таким образом, наши первичные наблюдения показывают, что ритм, в частности, на синтаксическом уровне, как одним из пластов ритмизации творческого замысла, сигнализирует динамику развёртывания сюжета и при этом способствует адекватному восприятию художественного произведения. Дальнейшее исследование ритмизации художественного дискурса этого автора предполагает изучение явления «повтора» на лексико-семантическом уровне, специфики интеграции лексико-семантического и синтаксического ритма, выявление ритмических комбинаций и рекомбинаций, маркирующих авторский стиль.

ЛИТЕРАТУРА

1. Антрушина Г.Б. Short stories to read and discuss / Г.Б. Антрушина. – М.: Междунар. отношения, 1975. – 239 с.
2. Гаспаров М.Л. Ритмическая проза / М.Л. Гаспаров. – М.: НПКи: Интелвак, 2001. – 876 с.
3. Гиршман М.М. Литературное произведение: Теория художественной целостности / М.М. Гиршман. – М.: Языки славянских культур, 2007. – 560 с.
4. Гумовская Г.Н. Ритм как фактор выразительности художественного текста (на материале английского языка): автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – М.: МПГУ, 2001. – 325 с.
5. Жирмунский В.М. О ритмической прозе / В.М. Жирмунский // Русская литература. – 1966. – № 4. – С. 103.
6. Литературный энциклопедический словарь / под общ. ред. В.М. Кожевникова, П.А. Николаева. – М.: Сов. энцикл., 1987. – 751 с.
7. W. Somerset Maugham. The Outstation. – COPYRIGHT 1999 The Gale Group, 1926. – 118 p.
8. W. Somerset Maugham. The Escape. – COPYRIGHT 1999 The Gale Group, 1926. – P. 32–33.

АННОТАЦИЯ

Штакина Л. А., Губанова О. А. Ритм художественного дискурса как фактор идиостиля

В статье рассматриваются особенности ритма актуализации авторской художественной концепции. Исследование ритмизации авторского замысла проводится с учётом моделей стилистического синтаксиса. Установлена специфика синтаксического ритма

исследуемых литературных произведений. Выявлена частотная модель маркирования индивидуального стиля автора.

Ключевые слова: идиостиль, дискурс, ритм, когезия, когеренция, контекст.

SUMMARY

Shtakina L. A., Gubanova O. A. Rhythm of artistic discourse as the idiostyle factor

The article highlights peculiarities of rhythmicality of the author's artistic conception. The focus of this research is primarily on the models of stylistic syntax. Rhythm peculiarities on the syntactic level are singled out through the network of syntactic stylistic devices. The data obtained reveal the most frequent rhythmic model as the idiostyle marker.

Key words: idiostyle, discourse, rhythm, cohesion, coherence, context.

*Л. А. Штакина,
А. А. Кулинич
(г. Горловка, ДНР)*

УДК 81'342.9:159.954.3:81'42(045)

РИТМ И ОБРАЗНОСТЬ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ДИСКУРСЕ

Современные исследования в области лингвистики ориентированы на изучение особенностей продуцирования дискурса художественной и нехудожественной коммуникации. Одной из актуальных проблем в контексте этих исследований является категория лингвистического ритма в художественном дискурсе.

В литературоведении ритм рассматривается в качестве главной конструктивной и динамической детерминанты художественного дискурса, обуславливающей его органическое единство.

Ритмическая организация дискурса может быть представлена как в плане выражения, так и в плане содержания. В первом случае ритмическая система появляется в виде периодической воспроизводимости ряда расположенных в линейной последовательности единиц как фонетического сегментного и суперсегментного, так и других уровней лингвистической структуры дискурса. Во втором случае ритмическая структура определяется внутренними связями литературного произведения. Но на уровне только одного вида понять содержательность и

выразительность ритма невозможно. Ритм выразителен в целом, в сочетании и соотношении всех его видов, он сопоставляет явления подобные и противоположные, относящиеся к области логического и эмоционального, материального и духовного. Ритм становится одним из композиционных средств, с помощью которого осуществляются эмоционально-смысловые сопоставления и повышается семантическая ёмкость художественного произведения. Вышеизложенный факт подтверждает правильность и необходимость изучения ритма как органического элемента художественного дискурса, подчинённого общей задаче творческого, образного отражения действительности [2, с. 27]. Поэтому есть все основания утверждать, что ритм – это упорядоченная периодичность временного и качественного порядка, которая сообщает дополнительную информацию как с точки зрения временных, так и качественных характеристик коммуникативных единиц.

Разножанровые особенности дискурса могут быть усвоены с учётом его ритмической модели с определёнными характеристиками ритмизации.

По мнению профессора М.М. Гиришмана, «ритм объединяет всю речевую поверхность, превращает простую последовательность внешне обозримых и непосредственно ощущаемых речевых элементов в единый целенаправленный процесс, который развивается. Функционирование стиля как внешнего выражения внутреннего единства и целостности произведения во многом связано с «проникающей» ролью ритма, взаимодействующего с другими слоями, наполняющего их своим движением. Ритм непосредственно соотносится с композиционной организацией художественного текста, как с упорядоченностью любого движения и с движением в любой упорядоченности. В то же время ритм объединяет слово и внесловесную реальность. Поэтому в ритмической композиции можно усмотреть своего рода пограничную область, где стилевое преобразование текста может выступить наиболее выражено. Этим обусловлено активное привлечение ритмической композиции для интерпретации литературных произведений» [1, с. 79].

В нашем понимании, ритм является одной из лингвистических категорий, которая обуславливает связность художественного дискурса.

С точки зрения Т.В. Милевской, план выражения категории связности представлен просодическими, лексико-семантическими, морфологическими и синтаксическими средствами. Специфика лексико-семантической когезии состоит в том, что «глобальная связность дискурса опирается на

соотнесенность элементов лексической системы, совокупность сочетаний слов, наиболее значимых для передачи содержания. Эта совокупность является своеобразной понятийной сетью, в которой существуют отношения различного порядка между элементами семантической структуры» [4, с. 6].

В художественном дискурсе связность обуславливает формирование художественного образа. Следовательно, художественный образ служит моделью действительности, восстанавливающей полученную из действительности информацию о новой сущности [5, с. 217].

Объектом нашего исследования являются сказки О. Уайльда. Не вызывает сомнения тот факт, что сказка является ярким образцом образности. Наши наблюдения показывают, что эти произведения О. Уайльда отражают различные стилистические приёмы, обеспечивающие связность дискурса. Так, в сказке «The Nightingale and The Rose» можно выделить главный образ – образ любви. О. Уайльд мастерски раскрывает этот образ благодаря субстантивному, адъективному и процессуальным номинаторам вербализации авторского замысла. Номинаторы трёх классов являются конституентами лексико-грамматической парадигмы с признаком эквиполентной оппозиции. Так, в частности, категория существительного, представленная семантической разновидностью субстантивных номинаторов, имеет в этом контексте статистическую предпочтительность (54%). Категории прилагательного (29%) и глагола (17%) уступают базовой лексико-грамматической категории номинации (Рис. 1).

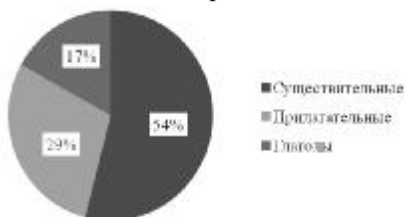

Рис. 1. Лексико-грамматические маркеры сказки «The Nightingale and the Rose»

Таким образом, специфика вербализации авторского замысла в этой жанрово-стилистической версии художественного дискурса отражает алгоритм актуализации образности.

Доминантой сказки «The Selfish Giant», к примеру, является образ «гиганта», особенности его внутреннего мира. В этом произведении частотной является категория субстантива как базового номинатора образности. Субстантивные номинаторы winter, snow, frost, wind, hail, ice, а также категория адъективации,

представленная в контексте сказки лексическими единицами white, cold, lovely, sweet, delicious, подчёркивает нюансы этого образа. Категория глагола соответствующим образом номинирует процессуальность, типичные поступки «гиганта», маркированные лексическими единицами to rattle on, blow, fly, laugh, melt. Следует отметить, что этот художественный дискурс отражает трансформацию образа: сначала «гигант» представлен как злой и эгоистичный, далее его образ приобретает иные характеристики, он становится добрым и чувствительным. Эта специфическая динамика «гиганта» соответственно маркируется конститuentами лексико-грамматической парадигмы (Рис. 2).

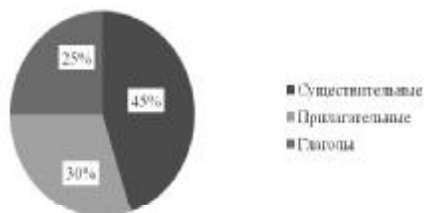

Рис. 2. Лексико-грамматические маркеры сказки «The Selfish Giant»

В сказке «The Happy Prince» динамика развития сюжета достигается посредством чередования двух противоположных идей: «Mystery» и «Misery». «Mystery» – это положительная сторона, а «Misery» – отрицательная. Тематическую сетку «Mystery» автор раскрывает благодаря вербальным номинаторам, отражающим статистическую предпочтительность категории прилагательного (71%). Эта лексико-грамматическая категория в силу функциональной специфики маркирует тональную палитру образности.

Характеристики частотности категорий прилагательного, существительного и глагола символизируют лексико-грамматический дисбаланс вербализации (Рис. 3).

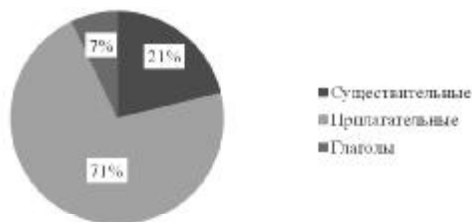

Рис. 3. Лексико-грамматические маркеры сказки «The Happy Prince» («Mystery»)

В нашем понимании, дисбаланс на лексико-грамматическом уровне раскрывает специфику образа и, тем самым, создаёт контраст отрицательному феномену «Myseru». Статистические подсчёты в этом отношении подчёркивают относительную сбалансированность категории прилагательного и существительного в смысловом поле вербализации и свидетельствуют о своеобразном лексико-грамматическом ритме актуализации образности в этом художественном жанре (Рис. 4). Степень частотности лексико-грамматических актуализаторов, их специфическая интеграция в пространственно-временном континууме дискурса отражает один из уровней ритмизации замысла автора и характер модуляции лексико-грамматического ритма. Количественные характеристики художественного эффекта как основы экспрессивности литературного произведения сигнализируют периодичность процесса сцепления смыслов в его композиционно-тематической модели и рекомбинацию экспликаторов лексико-грамматических категорий в его ритмической матрице. Анализ контекстуального распределения повторяющихся лексико-грамматических категорий даёт возможность выявить процесс становления целого с присущей этому целому информативной ёмкостью. Повтор с рекомбинациями выявляет глубинную сущность композиции литературного произведения.

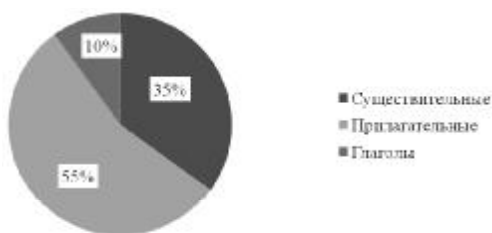

Рис. 4. Лексико-грамматические маркеры сказки «The Happy Prince» («Myseru»)

Механизм ритмизации авторского замысла находит свое проявление и на синтаксическом уровне дискурса, ассоциируясь с движением и основываясь на повторах аналогичных синтаксических элементов и отношений, на закономерности их следования.

Среди ритмических особенностей сказок О. Уайльда на синтаксическом уровне, следует отметить наличие ярких примеров ритмических моделей стилистического синтаксиса. В нашем понимании, одной из моделей ритмизации образности художественного дискурса является «дистантный повтор». Роль

«дистантного повтора» в организации дискурса представляется значительной потому, что в силу специфики своей композиции он способен осуществлять связь между топикальными циклами дискурса, стоящими друг от друга на значительном расстоянии, соотносясь тематически и структурно, и таким образом способствуя созданию целостности и связности дискурса [3, с. 230].

Так, например, в сказке «The Nightingale and The Rose» главным является образ розы – аллегорическое изображение любви. Именно с помощью «дистантного повтора», автор характеризует «розу» как доминирующий образ. Например:

«She said that she would dance with me if I brought her red roses», cried the young Student. «If I bring her a red rose she will dance with me till dawn. If I bring her a red rose, I shall hold her in my arms ... », «You said that you would dance with me if I brought you a red rose,» cried the Student» [6, p. 40].

В сказке «The Selfish Giant» также частотны модели «дистантного повтора». Например:

«It was a large lovely garden, with soft green grass». «They used to wander round the high walls when their lessons were over, and talk about the beautiful garden inside». «And when the people were going to market at twelve o'clock they found the Giant playing with the children in the most beautiful garden they had ever seen». «Here and there over the grass stood beautiful flowers like stars, and there were twelve peach-trees that in the spring-time broke out into delicate blossoms of pink and pearl, and in the autumn bore rich fruit. «I have many beautiful flowers», he said; «but the children are the most beautiful flowers of all» [6, p. 50–51].

Подобная схема ритмической организации художественного произведения отражается и в сказке «The Happy Prince». Повтор синтаксической конструкции «Swallow, Swallow, little Swallow...» является примером «дистантного повтора» как ритмического маркера развёртывания сюжета и динамики внутреннего мира главного героя. Например:

«Swallow, Swallow, little Swallow,» said the Prince, “will you not stay with me one night longer?»

«Swallow, Swallow, little Swallow»

«I will wait with you one night longer»

«Swallow, Swallow, little Swallow» «Swallow, Swallow, little Swallow,» said the Prince, «will you not stay with me one night longer?» [6, p. 33–34].

Таким образом, особенности вербализации образности на лексическом и синтаксическом уровнях дают основания полагать, что ритм как базисный фактор дискурсивного

пространства обеспечивает линейную и смысловую связность, которая соизмерима с квантами авторского мышления, отражающего конфигурации ментального представления и систему образов. Образность как базовый пласт художественного дискурса обуславливает его синергизм, попеременное чередование моделей вербализации сюжета, символизирующих художественный ритм как универсальную закономерность литературного дискурса.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гиршман М. М. Ритм художественной прозы / М. М. Гиршман. – М. : Советский писатель, 1982. – 367 с.
2. Гумовская Г. Н. Ритм как фактор выразительности художественного текста: дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.04 – Германские языки / Г. Н. Гумовская. – Москва, 2000. – 325 с.
3. Змиевская Н. А. Дистантный повтор как одно из средств организации художественного текста / Н. А. Змиевская. – М., 1978. – С. 223–238.
4. Милевская Т. В. Связность как категория дискурса и текста (когнитивно-функциональный и коммуникативно-прагматический аспекты) : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.19 ; 10.02.01 / Т. В. Милевская. – Ростов н/Д., 2003. – 43 с.
5. Селиванова Е. А. Основы лингвистической теории текста и коммуникации: монографическое учебное пособие / Е. А. Селиванова. – К. – ЦУЛ, «Фитосоциоцентр», 2002. – 336 с.
6. Wilde O. Fairy tales / O. Wilde. – М. : Progress Publishers, 1979. – 211 p.

АННОТАЦИЯ

Штакина Л. А., Кулинич А. А. Ритм и образность в художественном дискурсе

В статье рассматриваются особенности ритмизации авторского замысла и образности в художественном дискурсе. Исследование специфики вербализации проводится с учётом лексико-грамматических номинаторов и явления дистантного повтора в контексте литературного произведения. Установлен алгоритм актуализации образов литературного дискурса на лексическом и грамматическом уровнях, маркирующих авторскую стилистику.

Ключевые слова: ритм, образность, дискурс, связность, номинатор, динамика.

SUMMARY

Shtakina L. A., Kulinitch A. A. Rhythm and imagery in artistic discourse

The article highlights peculiarities of rhythmicality of the author's artistic conception with the focus on imagery of the literary discourse. The verbalization specifics are singled out through the network of lexical-grammatical nominators and the phenomenon of distant repetition in the verbal context. The data obtained reveal the imagery actualization algorithym as well as lexical and grammatical markers of the author's stylistics.

Key words: rhythm, imagery, discourse, cohesion, nominator, dynamics.

Е. В. Юрьева
(г. Донецк, ДНР)

УДК 81:656.123.4

**СТРАТЕГИИ И ТАКТИКИ РЕЧЕВОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ
В ДИСКУРСЕ СОЦИАЛЬНОЙ РЕКЛАМЫ**

Воздействие на адресата рекламного текста осуществляется с помощью фразы-лозунга, – слогана, который выражает содержание рекламного сообщения и легко запоминается.

Несмотря на то, что в наше время существует немало лингвистических исследований, посвященных языковым особенностям рекламного текста и слогана в частности [3; 9; 11; 12 и др.], оказывается проблематичным найти комплексный подход к изучению прагматических особенностей слогана социальной рекламы. В связи с этим основной задачей данного исследования является коммуникативно-прагматический анализ слогана, который даст возможность определить языковые средства, тактики и стратегии, используемые адресантом; дифференцировать и систематизировать функциональные коммуникативные стратегии в зависимости от степени их воздействия на сознание адресата.

Изучением коммуникативных стратегий занимались такие лингвисты, как Р. Водак, А. А. Горячев, Т. ван Дейк, И. М. Дзялошинский, С. В. Доронина, О. С. Иссерс, Д. М. Колесник, Ю. К. Пирогова и др.

Первоначально термин «стратегия» не являлся лингвистическим, а был заимствован из военной науки и означал «наука о ведении войны, искусство ведения войны» [10, с. 687]. В широком смысле под стратегией понимается

способ каких-либо действий, не детализированный план достижения целей.

По мнению Ф. С. Бацевича, стратегия речевого общения, или коммуникативная стратегия – это оптимальная реализация интенций говорящего в отношении достижения конкретной цели общения, то есть контроль и выбор действенных ходов общения и гибкого их видоизменения в конкретной ситуации [1, с. 133].

Учитывая все вышесказанное, на наш взгляд, наиболее полным толкованием коммуникативной стратегии представляется определение И. Н. Борисовой. По ее мнению, коммуникативная стратегия – это способ реализации замысла, она предполагает отбор фактов и их подачу в определенном освещении с целью воздействия на интеллектуальную, волевую и эмоциональную сферу адресата [2, с. 85].

В связи с особенностями рекламной коммуникации любое использование речевых средств в слогане является стратегическим замыслом адресанта.

Мы разделяем мнение О. С. Иссерс о том, что «с функциональной точки зрения можно выделить основные (семантические, когнитивные) и вспомогательные стратегии» [7, с. 184]. По мнению О. С. Иссерс, «основной можно назвать стратегию, которая на данном этапе коммуникации взаимодействия является наиболее весомой с точки зрения иерархии мотивов и цели. В большинстве случаев, к основным стратегиям относятся те, которые непосредственно связаны с воздействием на адресата, его картину мира, систему ценностей, его поведение. Вспомогательные стратегии, по мнению автора, способствуют оптимальному воздействию на адресата [7, с. 184]. Разделение стратегий О. С. Иссерс связывает с иерархией коммуникативных задач: семантические (когнитивные стратегии) соотносятся с главными задачами, то есть с непосредственной целью воздействия, а все другие коррелируют с второстепенными [7, с. 184].

Создавая образ объекта рекламирования, адресант связывает этот объект с чем-то, что оценивается адресатом положительно или отрицательно. Не случайно В. И. Карасик считает оценочность одним из шести главных качеств рекламного текста [9]. Скрытая или прямая оценка, которую содержит текст рекламного сообщения, влияет на использование речевых средств. Обычно, текст рекламы построен на антитезе, и его речевые средства делятся на две группы в зависимости от высказанной ими оценки (положительной или отрицательной) [14, с. 115]. Оценочность в рекламе реализуется не только путем выявления прямой оценки (*«Хорошие книги поднимают*

тебя до небывалых высот» (<https://blog.mann-ivanov-ferber.ru/2014/05/06/samye-interesnye-plakaty-o-polze-chteniya/>), но и за счет связывания объекта рекламирования с предметами или явлениями, которые уже оцениваются адресатом положительно или отрицательно («Книги – музыка для души» (<https://blog.mann-ivanov-ferber.ru/2014/05/06/samye-interesnye-plakaty-o-polze-chteniya/>)). В данном примере положительно оценивается чтение книг.

В основе любого рекламного текста – прототипный рекламный текст, который является идеальной моделью основных компонентов, участвующих в рекламной коммуникации [12, с. 104]. По мнению А. С. Поповой, трансформация прототипной модели находится в основе рекламного манипулирования. Принимая во внимание систему описания А. С. Поповой, мы предложили собственную модель основных компонентов слогана социальной рекламы:

- 1) я (адресант)
- 2) прошу
- 3) тебя (адресата)
- 4) изменить свое отношение к определенным социальным нормам, проблемам и тому подобное.

Это изменение возможно лишь при условии удачного сочетания основных стратегий и стратегий оптимизации коммуникативного воздействия слогана социальной рекламы [14, с. 116].

Среди основных стратегий особое внимание следует уделить стратегиям дифференциации или стратегиям нейтрального самостоятельного выбора, которые помогают выделить объект рекламирования [11], стратегиям ассоциирования, которые подчеркивают связь объекта рекламирования с положительным опытом, и стратегиям диссоциирования, которые подчеркивают различия между объектом рекламирования и ментальными репрезентациями других объектов, идей, явлений и тому подобное [3, с. 79]. Условно можно отметить определенные корреляции между стратегиями ассоциирования и диссоциирования, с одной стороны, и стратегиями негативной репрезентации и положительной самопрезентации, с другой стороны [5]. На наш взгляд, последние две стратегии являются когнитивным планом первой пары стратегий, поскольку позволяют объяснить когнитивные механизмы и результаты ассоциирования и диссоциирования.

Когнитивные стратегии негативной репрезентации осуществляются, по мнению Т. ван Дейка, с помощью когнитивных операций расширения / транспозиции и обобщения [5].

Цель «*расширения или транспозиции*» – эффективно построить новые или активизировать старые модели ситуаций, связав их с негативными схемами чужих говорящему групп. Это осуществляется с помощью переноса негативного опыта с одной когнитивной сферы на другую. Если в модели или схеме получила выражение какая-нибудь негативная деталь, отрицательное отношение распространяется на всю модель или схему, как, например, в слогане «*Скажи «НЕТ» наркотикам! Выключи модем!*» (<http://mnogostatusov.ru/statusy-pro-zhizn/7719-skazhi-net-narkotikam-vykly.html>). Когнитивная когерентность достигается путем объединения негативных моделей или схем с помощью атрибуции качеств [5].

Когнитивная стратегия обобщения (частичной модели к групповой схеме) реализуется в речевых ходах *обобщения и приведения примера* [5]. Обобщение используется, чтобы показать, что приведенная информация не «случайная», оно способно сформировать и интенсифицировать общественное мнение, например: «*Легкие курильщика подобны губке, полной канцерогенных смол. Курение – причина рака легких, бронхита, эмфиземы. Курение сокращает жизнь на 10-15 лет!*» (<http://sozd.org.ru/content/antitabachnaya-socialnaya-reklama>). С помощью хода «*приведение примера*» адресат понимает, что общественное мнение базируется на конкретных фактах (статистических данных) или опыте: «*8 лет жизни и молодость – в подарок. Хотите подарить себе 8 лет жизни, бросьте курить. Именно настолько дольше по сравнению с курильщиками живут те, кто не имеет этой пагубной привычки*» (<http://voxfree.narod.ru/slogan.html>).

Среди других средств манифестации речевых стратегий, которые непосредственно или косвенно связаны с моделированием общественного мнения, представлений и оценок, Т. ван Дейк и современные зарубежные и отечественные лингвисты выделяют семантические ходы *контраста, утверждения* [5; 13], *противопоставления, «иллюзии выбора»* [6; 9], *специфичности, полноты* [6], *обвинения, оправдания, упрёка, насмешки, дискредитации, ссылки на авторитеты* [7].

Упрек – неодобрение, высказанное адресату за то, что он поступает неправильно или не оправдывает определенных надежд, например: «*Сенсация. Дарья Донцова бросает писать книги и стрижет собак за деньги! Поощряя интернет-пиратство, вы рискуете не дожждаться новых книг ваших любимых авторов*» (<http://bookmaps.ru/advancing/social/>)

или *«Прежде чем вырубить лес, подумай о здоровье всего живого!»* (http://tvoykonkurs.ru/archive?p=5&id_nomin=&id_theme=58&concurs=6).

Контраст – ход, который имеет несколько когнитивных функций: семантическую – подчеркивание положительных и отрицательных оценок людей, их действий или качеств, с целью реализации стратегии противопоставления МЫ-группы и ОНИ-группы; риторическую – привлечение внимания к участникам отношений контраста (структурирование информации). Этот ход используется для моделирования ситуаций, где прослеживается конфликт интересов [15], например: *«У тебя есть подушка безопасности, а у пешехода – нет. Будь внимателен за рулём»* (<http://www.autocentre.ua/video/other/nokian-tyres-ukraina-zapustila-sotsialnuju-aktsiju-podushka-bezopasnosti-dlja-peshekhodov-3109.html>).

Специфичность, полнота – метод отбора информации. Адресант использует лишь такую информацию, которая направлена на то, чтобы вызвать у адресата негативную оценку: *«Тариф «Болтливый водитель». Все входящие в капот»* (<http://vse-ravno.net/tag/socialnaya-reklama/page/2/>).

«Иллюзия выбора» или *«выбор без выбора»* – моделирование ситуации так называемого мнимого выбора, когда адресату внушается лишь одно определенное отношение к предмету, явлению или ситуации: *«Выпил? Выбери, с кем продолжить путь»* (<http://xn--80aag2cmi.xn--p1ai/alko>). Визуальный ряд данного креализованного текста дополняет вербальную часть: на выбор пьяного водителя адресант предоставляет автомобиль ГАИ, реанимобиль и такси.

Кроме стратегий, формирующих негативное отношение к объекту рекламирования, существует большое количество стратегий, которые предназначены для ассоциирования объекта рекламирования с положительными характеристиками или опытом. Этой группе стратегий мы дали название *«когнитивные стратегии положительной презентации»*. К ним относятся стратегии *тождества с положительным опытом* или $y=x$ (*«Стиль жизни – здоровье»* (<http://www.nm45.ru/news/obshchestvo/v-kurgane-sobirayut-zayavki-na-konkurs-reklamy-stil-zhizni-zdorove>), *«Уважение=безопасность»* (<http://www.textart.ru/baza/slogan/list.html>)), *обобщение с положительным опытом или качествами*, то есть y как x (*«В жизни как в небе»* (<http://citycelebrity.ru/citycelebrity/Post.aspx?PostId=31217>))), *включение в положительный опыт* или y относится к x (*«Миша программист и донор»* (<http://tvoykonkurs.ru/user/13183>))), *пересечение с положительным опытом* или y и x имеют что-то

общее («*Бесплатный пакет? Спасибо, нет! Мой город против пластикового мусора*» (<http://ecology.md/page/besplatnyj-paket-spasibo-net-snova-pr>) или «*Это нужно человеку. Воздух. Вода. Еда. Книга*» (<http://www.2social.info/kak-reklamirovat-kulturu/>)), апелляция к изменению к лучшему («*Откройте окно в свое сердце!*» (<http://www.gorodkovrov.ru/topic/JuliyaTrofimova/socialnaya-reklama-vospitanie-detey-bez-obid-i-unizheniy-foto.html>))), *топосы* – апелляция к высшим ценностям, среди которых Р. Водак выделяет пользу, бесполезность, опасность, угрозу, бремя, финансы, цифры, закон, гуманизм, справедливость, ответственность, действительность / реальность, историю, культуру, злоупотребление: «*Пьяный за рулем – опасность для всех!*» (<http://bor-obyav.ru/board/uslugi/predlozhenija-uslug/item-6925.html>), «*Культура меняет нас вместе с Огюстом Роденом*» (<http://www.textart.ru/baza/slogan/list.html>). Мы добавили к этому перечню любовь, честность, дружбу, заботу, доверие, воспитание, прощение, опыт, уважение, добро, внимание, здоровье, молодость и др. («*Любовь. Что это? Расскажите вашим детям*», «*Дружба. Что это? Расскажите вашим детям*» (<http://vse-ravno.net/feedback/vechnye-cennosti>) или «*Делай добро природе, и оно к тебе вернется*» (http://tvoykonkurs.ru/archive?p=5&id_nomin=&id_theme=58&concur=6)).

На рубеже вышеприведенных групп находятся стратегии, которые занимают нейтральную позицию в оценивании объекта рекламирования, тем самым давая возможность адресату самостоятельно сделать выбор и позволяя адресанту избежать негативных замечаний. В первую очередь среди семантических ходов, которые используются для реализации стратегий «нейтрального самостоятельного выбора», мы выделяем *предположение*, например: «*Если бы ты читал книгу, то знал бы, что у Шурика и у Шпака была одна общая коммунальная квартира, на двери которой висел навесной замок*» (<https://fishki.net/1259683-esli-by-ty-chital-knigu-to-znal-by-cto.html>); *референцию* / *номинацию* (конструирование круга лиц с общими интересами [Wodak R. Discourse]), например: «*Пермь меняется. Меняйся и ты. Мы – культурная столица*» (<http://www.proreklamu.com/news/news-advertising/17667-sotsialnaja-reklama-na-ulitsah-permi-zapretila-pjuschi-h-zhenschin.html>); *предикации*, например: «*Здоровый образ жизни – лучшая альтернатива наркотикам*» (по мнению Р. Водак, *номинация* и *предикация* – это дискурсивные стратегии, но мы определяем их как семантические ходы, так как в дискурсе социальной рекламы с их помощью можно реализовать различные виды стратегий: *отрицательной, положительной и нейтральной*

репрезентации); косвенный речевой акт, например, когда под видом вопроса адресант может подразумевать нечто большее: «Управление в состоянии опьянения?» (<http://primmarketing.ru/creative/2012/10/26/creativ/65525/>); семантический ход «дедуктивного умозаключения» (логическая связка, которая наталкивает дестинатора на определенный вывод), например: «Просто черный цвет. Включи фары. Сохрани жизнь себе и другим» (<http://tvoykonkurs.ru/user/13183>).

Перечень основных коммуникативных стратегий приведен в таблице №1.

Таблица №1. Основные коммуникативные стратегии

Стратегии		Ходы и тактики
диссоциирования	коммуникативные стратегии негативной репрезентации	расширение / транспозиция, обобщение и приведение примера, контраст, утверждение, противопоставление, «иллюзия выбора», специфичность / полнота, обвинение, упрек, насмешка, дискредитация
ассоциирования	коммуникативные стратегии положительной презентации	тождество с положительным опытом, обобщение с положительным опытом или качествами, включение в положительный опыт, пересечение с положительным опытом, апелляция к изменению к лучшему, ссылки на авторитеты
дифференциации	стратегии нейтрального самостоятельного выбора адресата	предположение, референция / номинация, предикация, косвенный речевой акт, семантический ход «дедуктивного умозаключения»

Как отмечалось выше, кроме стратегий, направленных на изложение аргументов в пользу объекта рекламирования или его негативную оценку, существует большое количество стратегий, которые обеспечивают условия для эффективного восприятия и запоминания слогана. Вслед за А. А. Горячевым и

Ю. К. Пироговой мы называем их стратегиями оптимизации или оптимизирующими стратегиями.

Оптимизирующие стратегии выделены по динамическому принципу – в зависимости от условий успешного взаимодействия и в том порядке, в котором происходит взаимодействие реципиента с текстом (получение сообщения, восприятие, запоминание, действие) [3, с. 95].

Следует согласиться с О. С. Иссерс, что эти стратегии можно разделить на три подгруппы:

1) прагматические – стратегии, которые направлены на возникновение в сознании адресата такого способа текущей коммуникативной ситуации, который максимально способствует воздействию [3, с. 96]; на дифференциацию слогана среди других ему подобных; на эмоциональный настрой адресата;

2) диалоговые – стратегии, цель которых – вызвать доверие, они фокусируют внимание адресата на сообщении, рассчитаны на оптимизацию процесса обработки информации: облегчение распознавания и понимания информации, побуждают к решению о выполнении определенных действий;

3) риторические – стратегии, которые направлены на повышение заинтересованности сообщением, на усиление эффекта коммуникации, на вызывание положительных или отрицательных эмоций адресата, на облегчение процесса чтения и на эффективное запоминание информации.

Анализ фактического материала позволил определить основные речевые тактики и семантические ходы, используемые для реализации стратегий оптимизации слогана социальной рекламы (таблица №2).

Таблица №2. Коммуникативные стратегии оптимизации

Стратегии	Ходы и тактики
прагматические стратегии статусные и ролевые; стратегии дискурсивного позиционирования; стратегии повышения распознавания рекламного сообщения; стратегии, которые эмоционально настраивают адресата	авторизация как способ выражения «Я» говорящего «Я жду папу и маму всю жизнь. Каждому ребенку нужны родители. И свой дом» (http://vladmapa.ru/forum/viewtopic.php?f=82&t=11352), эффект новизны «Открывай новое. Читай книги» (http://voxfree.patrod.ru/slogan/social.html), использование фактора юмора «Министерство образования предупреждает. Чтение приводит к развитию ума. Чтение препятствует дебилизации. Чтение активизирует мыслительные процессы!» (http://wopan-az.ru/viewtopic.php?t=731), «Пенеходы бывают: быстрые, мёртвые, внимательные» (http://humor.fm/1599-besposchadnaya-russkaya-socialnaya-reklama.html), комплимент «2-й тост за родителей: растить троих – это по-взрослому» (http://adhard.ru/datas/users/549-second_tost.jpg), апелляция к «мечте» «Читай ... и мечтай» (http://www.e1lf.ru/uploads/posts/2011-07/1310391525_48.jpg), использование эмоций страха «Только у читающей страны есть будущее» (http://bookmaps.ru/advancing/social/) и др.

попытка афоризма «Не выше, не сильнее, а умнее» – полвашистик ФК «Химки» Андрея Тихонов (<http://www.sotstav.ru/blogs/56013/6562/>), «Если во всем облом, содайся и иди в библиотеку», – Стивен Кинг (<http://kyl.guru/index.php?newsid=36>); **использование фразеологизмов** «Асфальт, я тебе не по зубам. Едешь на велосипеде – надевай шлем!» (<https://alexanderokareg.ru/all/analiz-socialnoy-reklamy/>), «Мусор – он в Африке мусор. Прощаю не оставляя его здесь.» (<http://www.advertology.ru/article137415.htm>) или «Чужая жизнь в твоих телефонах» (https://www.lta-nn.ru/news/society/2018/news_584935/); **окказионализмы** «Пятница погубит субботу» (<https://www.the-village.ru/village/city/163055-pochemu-sotsialnaya-reklama-stala-takoy-zhestokoy>) или «Водитель, соблюдай правила перестроения! Меня тоже ждут дома. Катерина, 36 лет (МотоМАМА)» (http://static.ngs.ru/news/52/printview/6d1369d8f9ab91b22cefdc10d87750890db392cb_800.jpg); **«игра слов»** «Каждая жизнь дорога. Превзая реакция на дороге спасает жизни» (<http://kamzkh.ru/7763-sotsialnaya-reklama-pro-dorogi-petrogravlowska-robedila-na-tossiiskom-konkurse.html>), «Экологично? Если природа отвечает тем же или «Родители? Курение вызывает бесплодие» (<https://moe-online.ru/nn/zapisochki/163280>); **замалчивание (намек)** «Не торопись за решетку: Пропусти пешеходов» (<http://yse-tavno.net/tag/pdd>) или «СМ.Синь за рулем? Береги жизнь ...» (<http://refleader.ru/jgeyfspoljgepol.html>), «По запросу «Алматы – город-сад» ничего не найдено ...» (<https://www.altyn-orda.kz/almaty-nazvana-luchshaya-socialnaya-reklama-kazaxstana/>); **предозиционные определения** «Хороший русский язык помогает» (<https://1.soc.ru/news/view/429>); **постпозиционные определения (эффект края)** «Мой муж – самый лучший. Надежный, верный, трезвый» (<http://trезвый-город.рф/>); **использование жаргонизмов** «Клевые чиксы содаются быстрее тем, кто цитирует Хемингуэя» (<http://www.2social.info/kak-reklamirovat-kulturu>); **заимствование иностранных слов** «Ваши «файф-о-клок» закончен? Не уходите по-английски, оставив свой мусор», «Путь самурая должен быть чист. Убирайте после себя! Аригато!» или «Взяли Бастилию? Возьмите и мусор, сильбуите!» (<http://www.advertology.ru/article137415.htm>), **шифры** (рис. 1) и др.

диалоговые	стратегии, которые используются для мониторинга темы; стратегии распределения информации вдоль оси «более / менее важное»; стратегии управления вниманием; стратегии управления декодированием и интерпретацией; стратегии управления критичностью восприятия; стратегии прямого влияния на процесс принятия решения	принем неожиданности « Пей, кури. Естественный отбор уже начал ... Костромской похоронный дом» (http://humor.fm/1599-besposchadnaya-tusskaya-socialnaya-reklama.html) или «Пишите СМС за рулем. Бюро Ритуальных Услуг» (https://obfgetmo.com/genialnaya-reklama), интрига «Курильщик, посмотри в зеркало» (http://www.vseminfo.ru/news/2010/05/28/news_41.htm), триумф «Алкоголь – причина подростковых трагедий» или «Курение уничтожает тебя постепенно» (http://molodeika93.ru/photo/156-socialnaya-reklama-ot-upravleniya-molodezhnoy-politiki-krasnodarskogo-kraya.html); упрощение проблемы «Как стать донором. Найми. Стать супергероем легче, чем ты думаешь» (http://vovkonkurs.ru/user/15699), «Чистый город? Легко!» (http://kaiflog.ru/russia/4408-russkaya-socialnaya-reklama-60-foto.html), модальность «Я уверен, моя мечта исполнится!» (http://files.geometria.ru/pics/original/052/391/52_391_431.jpg), простой синтаксис «Хватит болтосеять! Пора работать!» (http://www.ljplus.ru/img4/s/e/serg_logvin/1_62.jpg), утверждение под видом вопроса «Ваш ребёнок мечтает о братике или сестричке?» (http://realove.ru/upload/Userfiles/wish2_pr.jpg), прямая команда «Читайте детям книги!» или «Узнай свою страну!» (http://bookmaps.ru/advancing/social/), команда, скрытая в вопросе «Где сей час играет Ваш малыш?» (http://cs623229.uk.me/v623229201/36617/P11BxYkQoaw.jpg), использование лексики, которая обозначает извечные человеческие ценности «Рацион человека. Овощи, фрукты. Хлеб, зерновые. Мудрость, знания. Молоко, сладости. Мясо, рыба» (http://www.2social.info/kak-reklamirovat-kulturu/), использование местоимений (инклюзивное «мы» «Мы за здоровый образ жизни!» (http://www.vseminfo.ru/news/2010/05/28/news_41.html), неформальное «ты» «И ты оттолкнешь меня?» (http://promootlas.ru/gde-razmestit-soisialnuyu-reklamu/) и др.
------------	---	--

<i>риторические</i>	стратегии привлечения внимания, стратегии драматизации, стратегии повышения читаемости сообщения, мнемонические стратегии, стратегии интенсификации	цитация «В лесу родилась елочка, ... так пусть она там и растет!» (http://newsworld.ru/tubrics/obschestvo/2011/12/14/11%3A42%3A49.html) или «Я вас любил. Любовь еще быть может А дальше?» (http://www.2social.info/kak-reklamirovat-kulturu/); аллюзия «Кубь готов к сезону гриппа 2018-2019» (http://sch66.minsk.edu.by/), «<i>Читать не вредно, вредно не читать</i>» (http://alldayplus.larod.ru/2011/4_29/49.jpg); метафора «Спорт – это состояние души» (https://www.google.com.ua/search?q=слованы+о+спорте), «Книга – твоя дверь в будущее», «Чтение – спасительный плот» (https://blog.mann-ivanov-ferber.ru/2014/05/06/samy-interesnye-plakaty-o-polze-chteniya/) или «Книги – музыка для души» (https://blog.mann-ivanov-ferber.ru/2014/05/06/samy-interesnye-plakaty-o-polze-chteniya/); олицетворение «Курение в постели вызывает пожарную охрану. Не кури, дай ему постыть» (http://cs624230.vk.me/v624230544/499a6/4S7B1bKDRv0.jpg), «Чтение убивает в человеке глупость» (http://www.tadav.ru/text/2110135.html), «Книги поднимают до небывалых высот» (https://blog.mann-ivanov-ferber.ru/2014/05/06/samy-interesnye-plakaty-o-polze-chteniya/) или «Пока Ваши позвоночник не встал против Вас, начните заниматься йогой» (https://ofigenno.com/genialnaya-reklama/); метонимия «Люблю прилечь с Гостевой Бовари» (https://ofigenno.com/genialnaya-reklama/); сравнение «Открой книгу. Говори. В каждом слове бездна пространства, книги – будь. Личность» (http://www.2social.info/kak-reklamirovat-kulturu/); каждое слово обязательно, как поэт» (http://ivoykonkurs.ru/poleznoy-knigi_97174) или «Книги в парках. Читаем как дышим» (http://bookmaps.ru/social/park_1.jpg); фонетический и ритмический повтор «Циник, нигилист, цени книги лист» (http://fb-tarum.blogspot.com/2015/12/blog-post.html); рифма «Божьи коровки не кураят в кровати! Долго живут, и у них все в порядке» (http://kyky.org/money/chem-belorusskaya-reklama-vgonuyet-y-shok-professionalov/); употребление эпитетов «Симпатичная девушка ищет друзей. Умная. Стройная. В еде непривередливая. Возьми друга из приюта» (http://www.sociama.ru/vpr-content/uploads/2016/07/Reklama-fondapomoshhi-zhivotnym.png);
----------------------------	--	--

Рис. 1. «Пятница погубит субботу» (<https://www.the-village.ru/village/city/city/163055-pochemu-sotsialnaya-reklama-stalatakoj-zhestokoy>)

Итак, для человека, привыкшего рефлексировать по поводу собственной речи, стратегическое и тактическое планирование речевых действий – вполне осознаваемая задача. В политическом и рекламном дискурсе речевое планирование достигает уровня технологий. Однако и сегодня изучение речевого поведения представляет интерес как в теоретическом, так и в прикладном (лингводидактическом) аспекте [8, с. 51].

Текст слогана социальной рекламы определяется рядом характерных черт, обусловленных его коммуникативной направленностью как специфического средства моделирования общественного сознания. Для достижения перлокутивного эффекта адресантом слогана используются как основные, так и вспомогательные стратегии воздействия на адресата, которые реализуются с помощью тактик и коммуникативных ходов, определяющих специфику речевых средств данного дискурсивного образца.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бацевич Ф.С. Основы коммуникативной лингвистики: учебник / Ф. С. Бацевич. – 2-е изд., доп. – К.: ВЦ «Академия», 2009. – 376 с.
2. Борисова И.Н. Категория цели и аспекты текстового анализа / И.Н. Борисова // Жанры речи. Вып. 2. – Саратов: Колледж, 1999. – С. 81–85.
3. Горячев А.А. Моделирование речевого воздействия в рекламной коммуникации: Дис. ... канд. филол. наук 10.02.19 / Российский государственный пед. ун-т им. А.И. Герцена. – СПб., 2010. – 296 с.
4. Дейк ван Т.А., Кинч В. Стратегии понимания связного текста / Т.А. ван Дейк, В. Кинч // Новое в зарубежной лингвистике. – Вып. 23: Когнитивные аспекты языка. – М., 1988. – С. 153–211.
5. Дейк ван Т.А. Когнитивные и речевые стратегии выражения этнических предубеждений (фрагмент). – [Электронный ресурс] / Т. ван Дейк. – Режим доступа : <http://psyberlink.flogiston.ru/internet/bits/vandijk1.htm>
6. Дридзе Т.М. Язык и социальная психология / Т.М. Дридзе ; под ред. проф. А.А. Леонтьева. – М. : Высш. шк., 1980. – 224 с.
7. Иссерс О.С. Коммуникативный менеджмент : типы речевых стратегий // Культуры народов Причерноморья. Научный

- журнал. № 82. Т. 1. / О.С. Иссерс. – Симферополь, 2006. – С. 183–185.
8. Иссерс О.С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи / О.С. Иссерс. – М. : КомКнига, 2006. – 288 с.
 9. Карасик В.И. Язык социального статуса: монография / В.И. Карасик. – М. : ИТДГК «Гнозис», 2002. – 390 с.
 10. Ожегов С.И. Словарь русского языка: Ок. 57 000 слов / Под ред. док. филол. наук, проф. Н.Ю. Шведовой. – 15-е изд., стереотип. – М. : Рус. яз., 1984. – 816 с.
 11. Пирогова Ю.К. Стратегии коммуникативного воздействия в рекламе: опыт типологизации / Ю.К. Пирогова. – Режим доступа: <http://www.dialog21.ru/materials/archive.asp?id=6778&y=001&vol>
 12. Попова Е.С. Прототипический рекламный текст в структуре манипулятивного воздействия / Е.С. Попова // Слово. Словарь. Словесность: социокультурные координаты: Матлы Всероссийской конференции 15–17 ноября 2006 года. – СПб.: Saga, 2006. – С. 103–108.
 13. Потапова М.М. Ролевая игра как приём активизации обучения русскому языку как иностранному студентов гуманитарных фак-в: Дис. ... канд. пед. н. 13.00.02 / Рос. гос. пед. ун-т им. А. И. Герцена / М.М. Потапова. – СПб., 2000. – 226 с.
 14. Юрьева Е.В. Коммуникативно-прагматические и когнитивно-концептуальные функции слогана социальной рекламы: Дис. ... канд. филол. наук 10.02.01 / Горловский институт иностранных языков. – Горловка, 2017. – 228 с.
 15. Van Dijk T.A. Ideology and discourse. A multidisciplinary introduction / T.A. van Dijk. – Barcelona: Ariel, 2003. – 118 p.

АННОТАЦИЯ

Юрьева Е. В. Стратегии и тактики речевого воздействия в дискурсе социальной рекламы

В статье рассмотрены стратегии, речевые ходы и тактики, которые использует адресант слогана социальной рекламы для воздействия на адресата. Установлено, что адресантом с целью усиления перлокутивного эффекта используются основные и вспомогательные стратегии. К основным стратегиям относятся те, которые непосредственно связаны с воздействием на адресата, на его картину мира, поведение. Вспомогательные стратегии обеспечивают условия для эффективного восприятия и запоминания слогана.

Ключевые слова: адресант, адресат, слоган социальной рекламы, основные стратегии, вспомогательные стратегии.

SUMMARY

Yuryeva E. V. Strategies and tactics of speech influence in social advertising discourse

The article describes the strategies and speech tactics that are used by the addresser of a social advertising slogan to influence the addressee. It has been established that the main and auxiliary strategies are used to enhance the perlocutive effect. The main strategies are those that are directly related to the impact on the addressee, on his picture of the world, and behavior. The auxiliary strategies provide conditions for the effective perception and memorization of the slogan.

Key words: addresser, addressee, social advertising slogan, main strategies, auxiliary strategies.

Н. А. Ясинецкая
(г. Горловка, ДНР)

УДК 81'373.43(=111)

**МЕТАФОРИЧЕСКАЯ МОТИВАЦИЯ НОВЫХ
АНГЛИЙСКИХ ТЕЛЕСКОПИЗМОВ**

В XXI веке в английском языке активность телескопии неуклонно возрастает, и большую роль в образовании телескопизмов играет аналогия, что отражается на увеличении количества их структурных типов и расширении сферы использования и обуславливает необходимость исследовать структурно-словообразовательные модели, семантические и стилистические особенности телескопизмов и их тематику. На современном этапе развития лингвистики явление телескопии в английском языке продолжают изучать А. Н. Шевелева [4], Ю. П. Ермоленко [2], Н. А. Лаврова [3], С. М. Еникеева [1], S. Gries [5].

Телескопия занимает промежуточное положение между словосложением и аббревиацией и представляет собой способ словообразования, при котором новое слово возникает вследствие слияния полной основы одного исходного слова с усечённой основой другого или стяжения двух усечённых основ исходных слов. Так же как усечения и инициальные сокращения, телескопизмы способствуют языковой экономии. В результате слияния значение нового телескопического слова включает в себя полностью или частично значения его структурных компонентов.

Целью данного исследования является выявление и семантико-стилистический анализ метафорически мотивированных телескопических инноваций в английском языке с учётом

их отраслевой активности. Объектом служат производные слова-телескопизмы, которые появились в английском языке в 2000-е – 2010-е годы. Предметом изучения являются семантическая структура и стилистические особенности новых английских телескопизмов. Актуальность работы обусловлена необходимостью выявления закономерностей номинативных процессов и их ресурсов в связи с растущей ролью телескопии и метафорической номинации в английском языке.

Появление неологизмов обусловлено следующими словообразовательными функциями языка: 1) собственно номинативной (цель – создание необходимого названия объекта, процесса или явления), 2) конструктивной (изменяется синтаксическая структура высказывания), 3) компрессивной (реализуется при создании коротких наименований), 4) экспрессивной (вследствие её применения получаем экспрессивную форму выражения), а также 5) стилистической (цель говорящего – согласовать средство выражения с определённой сферой и функциональным стилем). Актуальным способом пополнения словарного состава английского языка и совершенствования его структуры в соответствии с вышеперечисленными функциями является телескопия – объединение «осколков» двух или более основ и создание фонетического, орфографического, морфологического и семантического единства. При создании телескопизма в качестве основных требований выступают достижение цельнооформленности производной единицы и прозрачности её содержания.

Изучая телескопию, как и любой другой способ словообразования, следует учитывать как структуру (план выражения), так и семантику (план содержания). Если рассматривать формирование семантики с концептуальной точки зрения, то создание телескопизма обусловлено переосмыслением объектов, которые в сознании носителя языка расцениваются как схожие или смежные. Появлению телескопизма предшествует этап осмысления денотатов, которые отражаются в его составных компонентах. Таким образом, телескопическое образование является результатом сознательных операций по установлению связей между предметами и явлениями объективной реальности.

Компоненты телескопизма после усечения исходных основ концентрируют значения слов, «осколками» которых они являются. Новое модифицированное значение телескопизма является результатом избирательной представленности в нём семантической информации вследствие, в частности, расширения, сужения, метафоризации исходного значения одного или обоих элементов [2].

Метафорическая мотивация одного из компонентов телескопизма (81,5 %). В результате исследования было выявлено, что около 35 % новых телескопических образований в английском языке являются метафорически мотивированными, т. е. один или оба их компонента связаны отношениями схожести с другими объектами, действиями, процессами или явлениями действительности. При этом преимущественное их большинство (81,5 %) содержат только один элемент-метафору или метафорический эпитет. Рассмотрим подробнее несколько примеров таких неологизмов, появившихся и функционирующих в разных сферах человеческой жизнедеятельности.

Следует отметить, что иногда орфография слова колеблется, телескопизм пишется слитно или через дефис, употребляется в кавычках или без них, и можно логично предположить, что слово ещё непрочно закрепилось в словаре неологизмов, т. е. является окказиональным образованием. Здесь решающими факторами являются актуальность понятия, сферы, к которой оно относится, и, как результат, частота использования нового слова (особенно авторитетными СМИ), а также лёгкость его произношения, экспрессивность, прозрачность семантики и участие в дальнейшем словообразовании.

Невозможно представить жизнь в XXI веке без компьютеров и мобильных средств связи. Но, к сожалению, использование новейших технологий не только облегчает жизнь современного человека, но и приводит к некоторым отрицательным последствиям. Так, в частности, новый английский телескопизм *iHunch* (2010) (*iPhone* / *iPad* / *iPod* + *hunch*) «сутулость, вызванная постоянным наклоном человека над смартфоном или другим похожим устройством» напоминает о глобальной современной медицинской проблеме, метафорически называя характерный изгиб позвоночника «горбом»: *If you're in a public place, look around: How many people are hunching over a phone? Technology is transforming how we hold ourselves, contorting our bodies into what the New Zealand physiotherapist Steve August calls the iHunch* (*The New York Times*, Dec. 12, 2015).

Другая проблема в использовании современных технологий отражена в неологизме *WAPlash* / *WAP-lash* (2000) (*WAP* (*Wireless Application Protocol*) + *backlash*) «отказ в доступе к Интернету с мобильного телефона с поддержкой WAP или другого беспроводного устройства». Второй компонент телескопизма – когнитивная метафора, поскольку *backlash* означает и отрицательную реакцию, и ответный удар: *When the first WAP phones appeared early this year, many Wall Street analysts cheered. They called WAP the key to jump-starting e-commerce over mobile*

phones. ... *WAPlash?* By summer, a WAP backlash was well under way (Investor's Business Daily, Sept. 15, 2000).

Беспроводная технология, которая передаёт сигнал в неиспользуемом частотном спектре ТВ-сигнала, получила название *WhiteFi* / *White-Fi* (2009) (*white* + *WiFi*), где метафорический эпитет *white* характеризует частотный диапазон как свободный: *New devices including smartphones, tablets, and computers that know how to detect unused spectrum can use it to transmit wireless broadband signals, also known as "WhiteFi" or "Super Wi-Fi" (IEEE Spectrum, Apr. 14, 2016); We have built WhiteFi, a UHF white space wireless network that adaptively configures itself to operate in the most efficient part of the available white spaces (SIGCOMM'09, June 8, 2009).*

Ряд новых телескопизмов относится к социальной сфере, в частности, характеризует поведение человека, его надежды и убеждения, отражает манипулирование общественным сознанием. Так, например, актуальным стал неудобный для произношения телескопизм *manufactroversy* (2008) (*manufactured* + *controversy*) «надуманная проблема, «сфабрикованная» политическими идеологами или заинтересованными группами» с метафорическим модифицирующим компонентом: *Manufactroversy... A manufactured controversy that is motivated by profit or extreme ideology to intentionally create public confusion about an issue that is not in dispute (Progress, Apr. 11, 2008).*

Противоположное явление отражено в телескопизме *mathwash* (2016) (*math* + *whitewash* «обелять») «использовать математику, логику или другой рациональный довод для превращения субъективного суждения в объективную оценку», созданному по аналогии с исходным словом *whitewash*: *The issue is definitional: algorithm has been used to mathwash functionality that would otherwise be considered arbitrary with objectivity (Twitter, May 9, 2016); Statistics (def.): mathwashing (Twitter, May 11, 2016).* Отметим, что данный телескопизм активно участвует в дальнейшей словообразовании.

Неологизм *Dryuary* / *Drynuary* (2009) (*dry* + *January*), с одной стороны, метафорически характеризует первый месяц нового года как «сухой» (т. е. безалкогольный), а с другой стороны, обозначает кампанию за воздержание от употребления алкогольных напитков в январе: *Moderation Management began to add more in-person meetings and last year, the organization launched a campaign around Dryuary, encouraging people to take the month of January off from drinking (The Guardian (London), Mar. 16, 2015).*

Метафорическая мотивация обоих компонентов телескопизма (18,5 %). Количество новообразований с двумя

метафорическими компонентами гораздо ниже, чем в предыдущем случае – 18,5 %. Таким примером является неологизм *treescraper* (2008) (*tree* + *skyscraper*) «высотное здание, напоминающее дерево и / или имеющее свойства дерева» возник по аналогии с исходным существительным *skyscraper*, называет разновидность строения и относится одновременно к сферам архитектуры и охраны окружающей среды: *Nowadays, architects are designing buildings to be as passive as possible, meaning they source their own energy, employ energy efficient measures and sustainable materials. ... These are the “treescrapers” of tomorrow* (ZME Science, Nov. 18, 2015); *What would you call a skyscraper that works like a tree, makes oxygen, distills water, produces energy, and changes with the seasons? Perhaps it’s time to propose a new word: treescraper!* (Inhabitat, Jan. 1, 2008).

В сферах бизнеса и современных технологий употребляется неологизм *unicorpse* (2015) (*unicorn* + *corpse*) «технологическая компания, когда-то стоившая более миллиарда долларов, ныне оцениваемая гораздо дешевле или обанкротившаяся». При этом первый компонент телескопизма метафорически оценивает уникальность и ценность предприятия, а второй – означает безвозвратную утрату прежних качеств»; неологизм также характеризуется наличием мифологической аллюзии: *Today, LivingSocial is more unicorpse than unicorn* (The New York Times, Nov. 20, 2015); *Insight: In China’s O2O tech, today’s “unicorns” risk becoming tomorrow’s “unicorpsees”* (Reuters, Dec. 9, 2015).

В большинстве проанализированных нами лексических единиц метафорическая мотивация встречается не изолированно, а в сочетании с такими стилистическими приёмами, как метонимия (и её разновидность – синекдоха), аллюзия, гипербола, оксюморон и ирония.

Метафора и синекдоха (5,2 %). Неологизм-политический термин *Brexit* (2012) (*Britain* / *British* + *exit*) «выход Великобритании из Европейского Союза», первый компонент которого содержит синекдоху (граждане Великобритании после её выхода из ЕС не будут больше гражданами Евросоюза), а второй когнитивную метафору, был впервые зафиксирован лингвистами в 2012 году. А в 2016 году существительное стало словом года благодаря своей актуальности и чрезвычайной популярности: *But what would “Brexit” – a British exit from the 28-nation EU – look like?* (The Guardian (London), May 14, 2015); *“Brexit” would pose a grave threat to the UK car industry and the City of London ...* (The Telegraph (London), June 9, 2014).

Ранее, в 2012 году, появился вариант неологизма – *Brixit* (*Yet the chances of Britain leaving the EU in the next few years are higher*

than they have ever been. A Brixit looms for several reasons (The Economist, June 21, 2012), – который был впоследствии вытеснен ныне распространённым – *Brexit*.

Метафора и метонимия (37,3 %). В обществе XXI века, где люди часто сначала знакомятся в виртуальных социальных сетях, а затем встречаются в реальной жизни, не могли не возникнуть телескопизмы *tweetup* / *Tweetup* (2007) (*Twitter* + *meetup*) «встреча живую людей, которые ранее общались в «Твиттере» и *tweople* / *Tweople* (*Twitter* + *people*) «люди, которые встретились живую, а ранее общались в «Твиттере». Существительное *twitter* представляет собой метафору – непринуждённое общение людей сравнивается с птичьим щебетом. Метонимический перенос состоит в том, что *Twitter* уже обозначает не процесс, а место такого общения: *This café is virtual, but the people are real and they do meet up often – at work, at parties, at Tweetups (offline group meets of Tweople, as Twitter users are called) (Hindustan Times, May 7, 2008)*.

Неологизм *crackberry* / *CrackBerry* (2000) (*crack* + *Blackberry*) «неодоб. неотвязно используемое портативное устройство марки «BlackBerry»; человек, который неотвязно использует такое устройство» относится к сфере компьютерных технологий. Здесь первый компонент метафорически неодобительно оценивает ситуацию, сравнивая устройство с наркотиком (*crack* от *crack cocaine* «кокаин»), а второй представляет собой название бренда, используемое в качестве названия устройства: *In Washington and elsewhere, the devices are referred to as “CrackBerries” because of their addictive quality (The New York Times, May 30, 2004); The e-mail devices are highly addictive, hence the crackberry nickname (The Toronto Star, May 3, 2004)*.

Метафора и аллюзия (19,4 %). Например, новый телескопизм *narcisstick* / *Narcisstick* (2014) (*narcissistic* + *selfie stick*) «неодоб. палка для селфи», который рифмуется с обоими исходными компонентами, также отражает реалии общественной жизни. Подобно герою греческого мифа Нарциссу, к которому отсылает нас неологизм, современный человек любит себя, делая селфи. Примеры использования новой телескопической единицы в СМИ находим, начиная с 2014 года: *So many people were fighting for space to take selfies with their long sticks – what some have called the “Narcissistick” (The New York Times, Jan. 4, 2015); The “narcisstick” also takes self-obsession to new heights ... (New York Post, Dec. 17, 2014)*. В более широком значении – «любое портативное устройство связи, которое способствует развитию эгоцентризма» – слово встречалось, начиная с 2010 года.

Метафорическим является второй компонент телескопизма *jihottie / ji-hottie* (2006) (*jihadist* + *hottie* «красавчик; красотка; «горячая» штучка») «симпатичная девушка или симпатичный молодой человек, поддерживающие терроризм или причастные к террористической деятельности». Первый компонент неологизма содержит аллюзию к понятию военного джихада (вооружённой борьбы за распространение ислама), которое в современном мире ассоциируется с террористической деятельностью: *Young women, particularly in the West, are promised a so-called jihottie (jihadist hottie) of their choosing for a husband (The New York Times, Jan. 15, 2016); At her trial last year, the jury accepted that Ms Msaad – who became known at the time as “the jihottie” – had been duped by her friend Amal el-Wahabi (The Evening Standard (London), Jan. 13, 2015).*

Метафора и гипербола (9,1 %). Сочетание метафорической мотивации и гиперболы наблюдаем на примере телескопизма *miniatic* (2006) (*miniature* + *maniac*) «человек, увлечённый созданием или коллекционированием миниатюр», который преувеличенно приравнивает увлечённость к маниакальной одержимости: *Like so many “miniatics,” as some of the collectors and artisans call themselves, she came to the modern mini movement by way of a childhood love of dollhouses (The New York Times, May 6, 2016).*

Метафора и оксюморон (4,8 %). По аналогии с исходным компонентом образовался новый телескопизм *cryomation* (2007) (*cryogenic* + *cremation*) «превращение мертвого тела в прах путём замораживания останков при помощи жидкого азота и последующего их дробления». Хотя исходное слово *cremation* «сжигание» и производное *cryomation* «замораживание» слова и являются между собой антонимами, оба называемые действия объединяет одна функция – превращение в прах: *Other options, such as freezing a body with liquid nitrogen in “cryomation”, are also mooted as alternatives to cremation (The Economist, Mar. 30, 2013); Or you’ve got cryomation, where the body is actually submerged in liquid nitrogen and crushed afterwards (ABC News, Sept. 10, 2017).*

Метафора и ирония (18,2 %). Телескопизм *sockmageddon / Sockmageddon* (2011) (*socks* + *Armageddon*) «ирон. длительная и упорная работа по поиску, стирке и складыванию носков» относится к бытовой сфере и содержит отсылку к Новому Завету, где Армагеддон – место последней битвы сил добра с силами зла. В поздней христианской эсхатологической литературе Армагеддон – обозначение самой битвы. Примеры использования неологизма в СМИ: *... we live in constant sockmageddon (LeannePenny.com, Feb. 6, 2015); I keep those irritating unmatched socks in their own little*

basket and when it's overflowing I can't stand it anymore, I match and purge. Today was Sockmageddon (Realist Mom, Nov. 11, 2011). Метафорически иронично неологизм, по сути, называет поиск и складывание носков великой битвой добра и зла.

Аналогия в образовании телескопизмов (72,7 %). Важная роль в формировании телескопизмов принадлежит аналогии с исходным словом и / или другими производными. Так, популярный телескопизм *greyball / grayball* (2015) (*grey + blackball*) «временно забаллотировать кого-нибудь» возник по аналогии с исходным компонентом *blackball* и является семантическим синонимом последнего. Неологизм является полностью метафорически мотивированным: в то время как чёрный цвет ассоциируется с полным провалом (*blackball*), серый указывает на временный характер явления (*greyball*), а компонент *ball* метафорически ассоциируется с ударом: *Uber will stop "greyballing" government regulators* (*The Verge*, Mar. 8, 2017); *We also require a grayball vote 4 weeks prior to blackball ...* (*Reddit*, Sept. 2, 2015).

Симбиотическая сеть (*network / net* – номинативная метафора) связей между корнями деревьев и грибами, которые позволяют деревьям обмениваться питательными веществами, по аналогии с *Internet*, получила телескопическое название *myconet / myconet* (2009) (*mycorrhizal + network*): *It has been known for some time that plants communicate above ground in comparable ways, by means of airborne hormones. But such warnings are more precise in terms of source and recipient when sent by means of the myco-net. (The New Yorker, Aug. 7, 2016); Mother Tree: rhizosphere, fungal networks, communication and resource sharing. Internet? Myconet! (Twitter, Jan. 24, 2012).* Аналогия со Всемирной паутиной подчёркивается и тем фактом, что синонимом телескопизма *myconet* в английском языке является фраза *wood wide web* (1998) (аббревиатура которой омонимична с *www / WWW (World Wide Web)*).

Метафорически мотивированный новый телескопизм *fatberg* (2009) (*fat + iceberg*) «массивное затвердевшее скопление жирных веществ, появившееся вследствие слива жиров в канализацию домовладельцами и предприятиями» возник по аналогии с исходным существительным *iceberg*, где осколочный элемент *-berg* имеет значение «гора»: *First, someone might pour molten turkey fat down a drain. A few blocks away, someone else might flush a wet wipe down a toilet. When the two meet in a dank sewer pipe, a baby fatberg is born* (*Geographic*, Aug. 16, 2017); *Fatbergs – formed when fat clumps together with other household waste – are becoming an increasing problem for London's sewers* (*Guardian*, April 21, 2015).

Физическая активность, как часть правильных модели поведения и образа жизни, может действовать подобно фармацевтическому препарату и использоваться как средство, снижающее напряжение и стресс и укрепляющее психическое здоровье. Эти выводы отражаются в английском неологизме *behaviourceutical* (2011) (*behaviour + pharmaceutical*): *"I made up this term called "behaviourceuticals," instead of pharmaceuticals, in the sense that when we move and when we engage in activities, we change the neurochemistry of our brain in ways that a drug can change the neurochemistry of our brain," said Kelly Lambert, a neuroscientist at the University of Richmond (CBS News, Mar. 18, 2018); Behavioural problems in families, schools, workplaces and public places are on the rise. In turn, it has given rise to new market in the form of "behaviourceutical" being practiced by clinical psychologists, psychiatrists, family therapists and social psychologists (Merinews, Oct. 28, 2017).*

Когнитивно-семантические и функциональные свойства метафоры оказываются психологически и социально значимыми при оправданной реализации ассоциативных концепций в прагматически эффективном речевом акте. Благодаря лаконичности и компактности телескопизмов речь становится более краткой в изложении информации и эмоционально окрашенной, а общение – более эффективным и логичным. Метафорический характер новых телескопизмов чаще всего сочетается с метонимией, аллюзией, гиперболой, оксюмороном, иронией. Телескопические неологизмы в большинстве случаев создаются по аналогии с исходным и/или другими производными словами. Тематический и языковой контексты помогают избегать ошибочных связей значения, ложных ассоциаций или неправильных определений.

Установление соотношения концептуальных структур и номинатом способствует углублению знаний об этническом сознании и национальной картине мира. Изучение результатов метафорической номинации позволяет осознать специфику установки языка относительно обозначения, выявить закономерности номинативных процессов и их ресурсы, а также программировать номинативную перспективу языка.

ЛИТЕРАТУРА

1. Еникеева С. М. Синергетические параметры структурной организации и развития словообразовательной системы современного английского языка / С. М. Еникеева // Синергетика в филологических исследованиях / Т. И. Домброван, С. М. Еникеева, Л. С. Пихтовникова; под

- общ. ред. Л. С. Пихтовниковой; ХНУ им. В. Н. Каразина. – Х., 2015. – С. 62-88.
2. Ермоленко Ю. П. Номинативные модели формирования новых слов методом стяжения в современном английском языке : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Ермоленко Юлия Павловна. – М., 2007. – 296 с.
 3. Лаврова Н. А. Контаминация в современном английском языке : a fait accompli / Н. А. Лаврова. – М., 2012. – 208 с.
 4. Шевелева А. Н. Структура и семантика телескопических производных с точки зрения когнитивной лингвистики (на материале современного английского языка) : дис. ... канд. фил. наук : 10.02.04 / Шевелева Анна Николаевна. – СПб., 2003. – 195 с.
 5. Gries S. Th. Cognitive determinants of subtractive word-formation processes : A corpus based perspective / S. Th. Gries // Cognitive Linguistics. – Sheffield : Mouton de Gruyter. – № 14. – 2006. – P. 535–558.
 6. Neologisms / Rice University collection [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.ruf.rice.edu/~kemmer/Words04/neologisms/a.html>. – Дата обращения : 23.01.2019.
 7. Word Spy [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://twitter.com/wordspy>. – Дата обращения : 23.01.2019.

АННОТАЦИЯ

Ясинецкая Н. А. Метафорическая мотивация новых английских телескопизмов

В статье сосредоточено внимание на семантике метафорически мотивированных новых телескопизмов, появившихся в английском языке в начале XXI века. Исследуются их значение, когнитивные свойства, реализация в контекстуальном окружении. Рассматривается сочетание метафорической мотивации телескопизмов с такими стилистическими приёмами, как метонимия, аллюзия, гипербола, оксюморон, ирония. Коннотативное значение новых телескопизмов рассматривается в неразрывной связи с их семантическим потенциалом и тематическим представлением.

Ключевые слова: неологизм, телескопия, телескопизм, семантическая структура, метафорическая мотивация, стилистический приём.

SUMMARY

Yasinetskaya N. A. Metaphorically motivated new English blends

The article is devoted to the semantics of metaphorically motivated new blends that appeared in English in the early twenty-first century.

The research focuses on their meaning, cognitive properties, and use in a context. The paper presents the metaphoric motivation of blends in its combination with such stylistic devices as metonymy, allusion, hyperbole, oxymoron, and irony. The connotative meaning of the new blends is analysed in view of their semantic potential and thematic representation.

Key words: neologism, blending, blend, semantic structure, metaphoric motivation, stylistic device.

*А. С. Андрипольская
(г. Санкт-Петербург, РФ)*

УДК 811.161.1

ПРЕЦЕДЕНТНЫЙ ОНИМ В АРТ-ЖУРНАЛИСТИКЕ КАК СРЕДСТВО ФОРМИРОВАНИЯ АКСИОЛОГИЧЕСКИХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ МАССОВОЙ АУДИТОРИИ

Изменения, происходящие в современной информационной среде, создают новые условия репрезентации персоны литератора в медиапространстве. В первую очередь, к этим условиям относятся включенность литератора в журналистскую деятельность, присутствие в социальных сетях, активное участие в жизни общества. Сегодня автор продвигаемого в массмедиа литературного произведения формирует антропоцентричный коммуникативный процесс: оценивает явления окружающей действительности на личных страницах в социальных сетях или онлайн-площадках, становится участником телевизионных шоу и радиоэфиров, многочисленных и самых разнообразных социальных проектов, превращается в эксперта-комментатора, который ориентирован не только на анализ и интерпретацию окружающей действительности, но и на формирование аксиологических представлений массовой аудитории. Причастность литератора к медийным проектам определяет его популярность, рост индекса цитирования, повышение интереса со стороны медиасообщества. Основным показателем и средством формирования перечисленных характеристик становится репрезентативность номинации персоны литератора, которая на определенном этапе начинает функционировать как прецедентный феномен.

Наша задача – выявление особенностей процесса формирования структуры прецедентного онима в современном медийном арт-дискурсе на примере тех коммуникативных

техник, которые использовались и используются при продвижении персоны популярного русского писателя и журналиста Захара Прилепина. Созданный нами аналитический алгоритм в значительной степени основан на концепции персонализма, сформированной в русле литературоведения [8, с. 145], но адаптированной к тем процессам, которые происходят в российском медиапространстве сегодня.

Под прецедентным именем в современном языкознании понимают лингвокультурологическую единицу, обладающую экспрессивной, символической и коннотативной функциями [3, с. 35]. Функциональность прецедентного имени в арт-медиадискурсе связана с возможностью воздействия на массовую аудиторию за счет включения адресата в определенную образную систему и провоцирования не менее определенных ассоциаций. Несмотря на то, что прецедентное имя соотносится с конкретной личностью, структура используемых в массмедиа номинаций сложна, она поступательно формируется в соответствии с раскрытием образа медиаперсоны и позволяет кодировать её имя в наиболее значимые для автора медиатекста (журналиста) дифференцируемые смыслы.

Сегодня практически не вызывает сомнений утверждение, что номинация – основное средство постижения окружающего мира. Очевидно, что номинация может как дополнять оним смыслами, так и ограничивать видение реципиента, так как при назывании какого-либо предмета, автор намеренно упускает или выделяет его отдельные свойства или характеристики [5, с. 134]. Особенность номинации определяется коммуникативной ситуацией, участниками общения, то есть условиями речевого акта. Н. Д. Арутюнова возможность использования различных номинаций для обозначения одного и того же конкретного предмета называет гетерономинативностью, позволяющей транслировать дополнительные смыслы, репрезентовать оценки [1, с. 234]. Гетерономинативность связана с введением в текст не только прямых, предметных номинаций, но и дополнительных – образных. Так, имя Захара Прилепина упоминается в СМИ как в семантических нейтральных номинациях: *русский писатель, прозаик, классик*, так и в образных, эмоционально-оценочных: *пиарщик, выдающийся русский писатель, писатель, готовый время от времени перо поменять на штык с автоматом, боевой писатель, бывший замкомбата армии ДНР, Представитель русского духовного союза, человек, который буквально несколько дней назад говорил, что он за поход на Киев, публицист и общественный деятель, писатель*

с прекрасным литературным вкусом, знаток классической и современной литературы, взбунтовавшийся Уильям Фолкнер (авт. Эмир Кустурица) и др.

Семантическая сложность репрезентуемых в массмедиа номинаций Захара Прилепина определяется как личными установками автора журналистского произведения, так и самой личностью литератора. Сегодня Захар Прилепин – персона, структурирующая соответствующий сегмент дискурса – совокупность текстов, объединенных одной сверхзадачей. Образные и предметные номинации являются ядром этого дискурса, сформированного медиатекстами, возникшими как отклик на деятельность писателя.

М. Н. Кожина подобные наименования называла субститутами – неполнозначными вне контекста заместителями базовой номинации [6, с. 79]. Как правило, журналисты для трансляции дополнительных смыслов переходят от нейтральной номинации «писатель» к эмоционально-оценочной. В приведенном выше примере (*тиарицик*) за счет использования аффикса *-щик* осуществляется характеристика иной профессиональной принадлежности писателя. Такое прецедентное имя направлено на формирование у читателя устойчивых ассоциаций и запланированного образа.

В новостной журналистике имя Захара Прилепина связывается с событиями, происходящими последние несколько лет на территории Украины, что находит свое отражение в оценочных номинациях, обладающих соответствующими коннотациями *боевой, бывший замкомбата*, в игре слов *готовый время от времени перо поменять на штык с автоматом*.

Но аксиологичность и экспрессивность имени Прилепина обусловлена очень сложной, более значительной системой коннотаций. Для поклонников и знатоков русской литературы Захар Прилепин – новый классик, общественный деятель, патриот и семьянин. Усложнение семантической структуры литературного имени писателя происходит не только при интерпретации его художественных произведений, но и при восприятии его литературно-критических текстов, которые транслируют ценностные смыслы, влияющие на формирование аксиологических представлений массовой аудитории.

Для того, чтобы в этом убедиться, мы проанализировали сборник литературно-критических статей Захара Прилепина «Книгочет», в котором 160 статей, посвященных новейшей литературе. Оценивая литературное произведение, автор презентует собственные ценностные ориентиры, которые впоследствии находят свое отражение в журналистских

текстах при формировании прецедентного имени писателя. Репрезентация нового концепта в ценностной цепочке Захара Прилепина определяется трансформацией окружающей жизни, актуальной общественной ситуацией. Например, в статье «Давайте объяснимся. Пара слов о лени» Захар Прилепин констатирует, что с момента написания «Обломова», было принято считать, что *ленивый человек – в сущности приятное существо, незлобивое* – за этим фактом сразу же следует авторская точка зрения о том, что *ленивые люди сплошь и рядом – мстительные, истеричные, пакостные* [9, с. 237]. Прилепин сначала напомнил о ценностной константе, и, создавая основание для диалога, спора, конфликтного суждения – сформулировал свое к ней отношение. Так, Прилепин-критик ввел в статью представление об одной из самых актуальных, по его мнению, антиценностей современного общества – лени. Рассуждение, построенное на анализе современной литературной ситуации, выходит за рамки литературы и распространяется на окружающую действительность. Используя антиценность «лень», Прилепин рассуждает о настоящем и будущем человека: *Вообще лень различать хорошее и дурное. Еще им лень ломать и лень строить*, и формирует площадку для переосмысления и анализа, в который включает читателя.

Определяющую роль при формировании и репрезентации ценностных установок играют личные переживания и ощущения литератора. При их трансляции Захар Прилепин использует приемы интимизации. В статье «Воспоминание о чуде» (2009) Прилепин детализирует оценку произведений Проханова за счет открытого выражения своих внутренних ощущений, чувств: *Я все так же слежу за выходом каждой новой его книжки <...>. И, едва приходит посылка, как тогда, в юности, я рву упаковку, чтоб скорей увидеть, что там за книжка <...>. И уже предвкушаю, как отправлюсь с новым крепким томиком в свою черноземную, возле чистой реки деревню, и мое счастье читателя и ученика вновь повторится* [9, с. 217]. Оценка репрезентуется за счет однородных членов предложений: *слежу, рву, предвкушаю*, сравнений: *как в юности*, экспрессивной лексики с положительной коннотацией: *счастье, чистой*. Переживания Прилепина, спровоцированные прочитанной книгой, оказываются такими же сильными, как от любви, дружбы или воспоминаний детства. В данном случае интимизация, с одной стороны, позволяет автору реализовать комплекс задач, направленных на формирование представлений, мнений читателя, определяющих эмоциональные состояния, схожие с авторскими, понимание специфики транслируемых оценок при репрезентации ценностных установок представляется

особенно важным. Но с другой стороны, прием интимизации становится средством расширения семантики онима через формирование семантически обновленных коннотаций.

Новый этап работы над онимом *Захар Прилепин* начинается тогда, когда литератора начинают использовать в массмедиа как эксперта, профессионала речи и филолога (в частности, упоминание его в СМИ как *автора текста для тотального диктанта, эксперт-филолога* и др.) С этого момента оним начинает использоваться как прецедентный, влияющий на восприятие генерируемых Прилепиным оценок. Прецедентность мотивируется огромной историко-литературной культурой писателя, проявляющейся в размышлениях о ценностном содержании писательского труда, о писательских взаимоотношениях. Так, например, в статье «Давайте объяснимся. Пара слов о лени» З. Прилепин аргументирует оценочные суждения, противопоставляя М. Горького и И. Бунина, отмечая, что *первый неустанно возился с авторами и в итоге многих вывел в люди, а второй – никем никогда не занимался* [9, с. 137]. Обращаясь к литературе, к истории литературы, Захар Прилепин говорит и о русском языке как о ценности. Репрезентация этой ценности находит свое выражение в рецензии творчества Гайто Газданова «Русский язык без почвы не жилец», в которой публицист открыто выражает свою позицию: *Русский – не иврит. Он в неволе не живет*. Систему аргументации Прилепин выстраивает за счет обращения к фактам из истории эмигрантской литературы, отмечая, что *русские эмигранты уже к третьему поколению забывают родную речь*. Ценность русского языка соотносится с ценностью патриотизма, потеря первого неизменно приведет к потере русской земли и русского человека: *надо держаться за свою землю всеми пальцами: нет ни у нас, ни у нашего языка иного пристанища*.

Предъявление массовому читателю определенной системы ценностей через цепочку оцениваемых или имеющих ценностное содержание объектов, участвующих в структурировании онима, является одной из ключевых особенностей современной литературно-критической статьи. Этот жанр, характеризующийся оперативностью и актуальностью, традиционно презентует литературу как один из видов общественной идеологии, а также демонстрирует сосредоточенность на затронутых в художественных текстах жизненно важных вопросах [7, с. 67]. Давая оценку окружающей действительности в суждениях о литературе, Захар Прилепин претендует не только на внутрилитературный авторитет, но и на более широкий – общественный [7, с. 89]. Таким образом, разные

сегменты литературно-критического дискурса, через которые осуществляется трансляция ценностных установок современного писателя, используются для формирования семантической периферии создаваемого в современном медиaprостранстве узнаваемого имени Захара Прилепина, а также определяют эффективность транслируемых писателем и журналистами ценностных установок.

Подводя итог, мы должны заметить, что эффективность установки писателя на формирование аксиологических представлений определяется, с одной стороны, особенностями репрезентации оценочных смыслов. Очевидно, что для детализации транслируемых оценок Захар Прилепин использует широкий арсенал речевых средств и приемов воздействия, все уровни языка: лексический, морфологический и синтаксический. На лексическом уровне Захар Прилепин использует слова, в стилистическом значении которых присутствует эмоционально-оценочный компонент, автор транслирует свое отношение к самым разнообразным объектам с помощью дисфемизмов, инвективной, просторечной и бранной лексики. На морфологическом уровне оценка детализируется при помощи глаголов совершенного и несовершенного вида, залоговых форм глагола, категории времени, а также перехода относительных прилагательных в качественные. Синтаксические средства детализации оценочного суждения включают в себя риторические высказывания, анафору, темо-рематическое строение предложения, инверсию и парцелляцию.

С другой стороны, самым значительным транслятором оценочных представлений Захара Прилепина становится его имя, с течением времени получившее статус прецедентного. Сегодня имя писателя Захара Прилепина представляет собой актуальный компонент литературно-критического дискурса, который формируется с использованием семантически сложной системы номинаций персоны литератора, складывающейся в процессе интерпретации его творчества, в процессе медийной самопрезентации и целевых пиар-акций. Прецедентный статус этого имени в значительной степени определяет воздействующий потенциал транслируемой писателем ценностной парадигмы, имя становится определяющим фактором при формировании аксиологических представлений массовой аудитории и выполняет функцию мотиватора ценностных репрезентаций.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арутюнова Н. Д. Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт. – М., 1988.

2. Вольф Е. М. Функциональная семантика оценки. – М., 2009.
3. Гудков Д. Б. Прецедентное имя. Проблемы денотации сигнификации и коннотации // Лингвокогнитивные проблемы межкультурной коммуникации. – М., 1997.
4. Дускаева Л. Р. Диалогическая природа газетных речевых жанров. – СПб., 2012.
5. Иссерс О. С. Речевое воздействие: учеб. пособие. – М., 2013.
6. Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М. Н. Кожинной. – М., 2011.
7. Крылов В. Н. Русская литературная критика: проблемы теории, истории и методики изучения: монография. – М., 2016.
8. Меерсон О. Персонализм как поэтика. – СПб., 2009.
9. Прилепин З. Книгочет. – М., 2012.

АННОТАЦИЯ

Андрипольская А. С. Прецедентный оним в арт-журналистике как средство формирования аксиологических представлений массовой аудитории

Современный медиатекст, ориентированный на формирование аксиологических представлений массовой аудитории, демонстрирует большую эффективность при репрезентации ценностных представлений, нежели традиционные социальные институты. Прецедентность собственного имени литератора усиливает воздействующий потенциал его аксиологической позиции, влияние на ценностные представления массовой аудитории.

Ключевые слова: оценка, ценности, аксиология, оним, прецедентность, Захар Прилепин.

SUMMARY

Andripolskaya A. S. Appellation's precedent in the art journalism as a form of axiological representations of the mass audience

Modern mediatext, focused on the formation of axiological ideas of a mass audience, demonstrates greater efficiency in the representation of value ideas than traditional social institutions. Appellation's precedent enhances the forcing potential of its axiological positions, the impact on value ideas of a mass audience.

Key words: critical article, evaluation, values, axiology, speech behavior, Zakhar Prilepin.

*Е. И. Артамонова,
М. С. Мереникова,
Е. А. Пахолка
(г. Горловка, ДНР)*

УДК 811.133.1

СТРАТЕГИЯ ПЕРЕВОДА НАЗВАНИЯ ФИЛЬМОВ С ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКА

Говоря о кино как о виде искусства, необходимо сказать, что кино – одно из самых молодых и в то же время одно из самых массовых искусств. Зритель в первую очередь обращает внимание на то, что его интересует, и поэтому название – это первое, на что обратит внимание публика при выборе фильма. Яркий и привлекающий внимание заголовок – это своего рода искусство, а вот правильный перевод заголовка, сохраняющего смысл языка оригинала, требует наличия определённых умений и таланта. Для этого необходимы не только отличное владение иностранным и родным языком, но и определенные экстралингвистические знания и творческие способности [6].

Художественный фильм – это не только культурный феномен, отражающий социокультурные приоритеты общества, но и способ формирования картины мира как отдельной личности, так и лингвокультурного общества в целом [5, с. 70].

Название как одна из доминирующих позиций художественного произведения отражает общие тенденции переводов и зачастую отличается различными заменами и изменениями, характеризующими как особенности разных языковых, стилистических систем, так и различия в когнитивных процессах, связанных со спецификой восприятия и передачи той или иной «чужой» реалии, факта, события. Обращение к анализу переводов названий фильмов продиктовано существующей на кинорынке ситуацией, связанной с качеством переводов. Опираясь на работы лингвистов о функциях заглавия, можно выделить три функции, которые выполняет название фильма:

- 1) номинативная функция – исходная функция заглавия;
- 2) информативная (коммуникативная) функция является универсальной, поскольку всякое заглавие, в том числе и название фильма, информирует, передает какое-либо сообщение;
- 3) экспрессивно-апеллятивная функция.

Название психологически готовит зрителя к восприятию фильма, затрагивает его чувства и воздействует на его эмоции. Экспрессивность названия может быть выражена с помощью как

языковых, так и внеязыковых средств, например, графических (оформление афиши) [2, с. 56].

Обратимся к конкретным примерам переводов на русский язык названий французских кинофильмов:

I. Трансформации, влекущие за собой частичное несходство переводного высказывания с исходным.

В русском переводе фильма *«Le fabuleux destin d'Amélie Poulain»* (2000) от полного названия сохранилось лишь имя главной героини Амели. При этом другие компоненты названия – *fabuleux* (сказочный, невероятный), *destin* (судьба) и сама фамилия девушки *Poulain* – показались переводчику избыточной информацией и были опущены. Перевод мог бы звучать как *«Невероятная судьба Амели Пулен»*.

II. Трансформации, влекущие за собой полное несходство переводного высказывания с исходным. У фильма *«L'auberge espagnole»* (дословно *«Испанская гостиница»*) другая история. В одном из значений французское слово *auberge* – постоянный двор. В фильме речь идет о том, как шумно, тесно, беспорядочно, но весело живет студентам из разных стран в одной съемной квартире в Барселоне. Российские переводчики назвали фильм *«Испанка»*, поместив к тому же на обложку диска лицо известной актрисы Одри Тату.

Похожая ситуация прослеживается в переводе названия фильма о жизни Эдит Пиаф *«La môme»* (2007), что в разговорном французском языке обозначает *«девчонка»*. Действительно, знаменитая французская певица, выросшая в жуткой нищете, из трущоб Парижа поднялась на подмостки лучших концертных залов и завладела сердцами всего мира, достигнув колоссального успеха. Тем не менее в российском прокате было предложено два названия – *«Жизнь в розовом цвете»* и *«Воробышек»*.

Тема нахождения пути к сердцам детей и сопутствующих этому процессу трудностей уже много раз обыгрывалась в кинематографе. Один из таких примеров – фильм *«Le plus beau métier du monde»* (1996). Чтобы быть после развода с женой ближе к детям, герой Жерара Депардьё становится учителем и, что немаловажно для перевода названия на русский язык, в очень неблагополучном лицее. Ему дали самый тяжелый класс, в котором учится младший брат местного бандита Ахмета, терроризирующего весь район. Таким образом, оригинальное название *«Самая прекрасная профессия в мире»* переводится как *«Опасная профессия»*. Во французском варианте названия фильма авторы определяют профессию учителя как самую прекрасную, а по ходу развития событий зритель понимает, насколько она сопряжена с опасностями. Русский эквивалент

названия изначально рассматривает профессию главного героя как опасную, не оставляя зрителю возможности самому дойти до смысла, скрытого в названии. К тому же в оригинальном названии в определенной степени можно уловить легкую иронию и двусмысленность, в то время как русский текст названия характеризуется четкостью и конкретностью [7, с. 37].

Необходимо сказать, что обращение к анализу переводов названий фильмов продиктовано существующей на кинорынке ситуацией, связанной с качеством переводов. Кулинич М. А. отмечает, что «изучение каталогов фильмов, где даются французские названия и их перевод, приводит к неутешительным выводам», поэтому «необходим франко-русский справочник наиболее распространенных заглавий и названий, дающий лингвокультурную информацию» [4, с. 27].

Новые фильмы появляются очень быстро, вследствие чего переводчики не всегда уделяют достаточно внимания и сил на то, чтобы их перевод был качественным. Как отмечает исследователь Бальжинимаева Е. Ж., комплексный анализ переводов заголовков франкоязычных фильмов показывает, что зачастую изменения обусловлены влиянием культурно-языковой специфики страны, где выходит в прокат иностранный фильм [1].

Иванова П. В. выделяет три основных блока переводческих трудностей при работе с художественными фильмами:

1. Проблемы межкультурной коммуникации;
2. Проблемы, обусловленные техническими требованиями;
3. Лингвистические проблемы.

Исследователь утверждает, что для выработки стратегии решения данных проблем необходимо проанализировать восприятие зрителями средств выражения произведения. В фильме этими средствами являются вербальные и невербальные знаки. Информация, передаваемая невербальными знаками, рассматривается как ситуационный контекст речевого произведения. Но учитывая, что переводу подлежит только вербальный компонент, появляется вопрос об адекватности восприятия фильма, включающего в себя и невербальные компоненты, обладающие национально-культурной спецификой. Видеоряд также препятствует использованию многих приемов межкультурной адаптации высказываний, содержащих аллюзии на реалии другой культуры.

Второй блок проблем накладывает ограничения на форму перевода. Данные условия в идеале не должны сказываться на содержании. Значительную помощь переводчику оказывает избыточность средств выражения художественного фильма. При переводе часть значимых элементов оригинала утрачивается,

часть компенсируется другими, появляется добавочная информация, изменяется соотношение имплицитно и эксплицитно выраженного, используется компрессия.

Третий блок проблем связан с языковым оформлением оригинала и его отражением в переводе. Закономерности диктуются функциональной нагрузкой на отдельно взятую единицу. Видеоряд и здесь играет значительную роль. При совпадении нормы в оригинальной и переводной культурах ситуативная обусловленность коммуникации облегчает работу переводчика, но, в ряде случаев, может служить причиной некачественных переводов.

Несомненно, что все указанные факторы взаимодействуют друг с другом, отражаясь на переводе, который имеет большое значение для восприятия иностранного фильма, являющегося инструментом освоения другой культуры [3, с. 220].

Бальжинимаева Е. Ж. выделяет три стратегии, к которым прибегают переводчики, работая с названиями фильмов:

1. Прямой перевод франкоязычных названий фильмов на русский язык. В основном, такой стратегии подвергаются названия фильмов, где отсутствуют неперебиваемые культурноспецифические компоненты. К данной стратегии также относятся такие приемы перевода, как транслитерация и транскрипция имен собственных, не обладающих внутренней формой;

2. Трансформация названия. В переводоведческих исследованиях признано, что трансформации в переводах обусловлены различными факторами: лексическими, стилистическими, функциональными, прагматическими. Используя эту же стратегию, многие названия фильмов переводятся расширением когнитивной информации при помощи замены или добавления лексических элементов, а ввод ключевых слов фильма компенсирует в названии смысловую или жанровую недостаточность дословного перевода. Это также отражает рекламную функцию названий фильмов. Наряду с добавлением может использоваться и прием опущения;

3. Замена названий фильмов. Несмотря на основные требования, которые стоят перед переводчиком, – сохранение семантико-структурного равенства и равные коммуникативно-функциональные свойства – случаев изменения названий фильмов при переводе достаточно много [1].

Рассмотрим некоторые примеры перевода названий фильмов:

1. *«Jeux d'enfants»* (досл. перевод: детские игры) – *«Влюбись в меня, если осмелишься»*.

2. Фильм про музыканта Сержа Генсбурга «Gainsbourg. Vie héroïque» перевели «Генсбург. Любовь хулигана».

3. Фильм «Давние любовники» звучит как «Les regrets» (досл. перевод: сожаления).

4. Фильм «Как жениться и остаться холостым» звучит как «Prête-moi ta main» (досл. перевод: предоставь мне свою руку).

5. Фильм «Любить по-французски» звучит как «Enfin veuve» (досл. перевод: наконец вдова).

6. Фильм «Любовь с риском для жизни» звучит как «La Chance de ta vie» (досл. перевод: шанс моей жизни).

7. Фильм «Козел отпущения» – «Tête de Turc» (досл. перевод: голова турка). Но тут все верно. Французы действительно, когда хотят сказать «козел отпущения», говорят «голова турка».

Таким образом, выбор стратегии при переводе кинозаголовков зависит от ряда причин, обусловленных как спецификой исходного текста (высокая доминантная плотность названий фильмов, связь кинозаголовка с содержанием фильма), так и лингвоэтническим барьером, для преодоления которого необходимы прагматическая и жанровая адаптации, эвфемизация и т. д.

Следует сказать, что фильмы и другие произведения культуры народов являются мостиками межкультурной коммуникации, а, следовательно, переводчики – посредники общения между двумя культурами. Подобная взаимосвязь возлагает огромную ответственность на переводчиков – ведь от качества их работы во многом зависит то, как одна культура воспримет другую.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бальжинимаева Е. Ж. Стратегии перевода названий фильмов [Электронный ресурс] / Е. Ж. Бальжинимаева. – 2009. – Режим доступа : www.labatr.bsu.ru.
2. Горшкова В. Е. Перевод в кино / В. Е. Горшкова. – Иркутск: ИГЛУ, 2006. – 324 с.
3. Иванова П. В. О моделях перевода художественных фильмов / П. В. Иванова // Ученые записки Ленинградского государственного областного университета им. А. С. Пушкина. – 2005. – Т. 14. Вып. 3. – С. 218–226.
4. Кулинич М. А. Еще раз о переводе названий / М. А. Кулинич // Лингвистические основы межкультурной коммуникации. – Нижний Новгород, 2005. – С. 25–27.
5. Милевич И. Стратегии перевода названий фильмов / И. Милевич // Русский язык за рубежом. – 2007. – № 5. – С. 65–71.

6. Стратегия перевода названий фильмов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://pandia.ru/text/77/272/57826.php>.
7. Фролова Ю. Б. Реализация переводческих трансформаций при переводе на русский язык названий французских кинофильмов / Ю. Б. Фролова // Изв. Саратов. ун-та. Новая сер. Филология. Журналистика. – 2009. – Т. 9. – Вып. 2. – С. 34–37.
8. Штанов А. В. Технология перевода и методика преподавания (компетентностный подход) : монография [Текст] / А. В. Штанов. – М. : МГИМО-Универсал, 2011. – 250 с.

АННОТАЦИЯ

Артамонова Е. И., Мереникова М. С., Пахолка Е. А. Стратегия перевода названия фильмов с французского языка

В данной работе рассматривается стратегия перевода названий художественных фильмов с французского языка на русский. В статье описываются общие тенденции и стратегии перевода названия заголовка как доминирующей позиции художественного произведения, также представлен анализ перевода названий фильмов, что подтверждает актуальность проблемы.

Ключевые слова: художественный фильм, заголовок, стратегия перевода названий фильмов.

SUMMARY

Artamonova E. I., Merenikova M. S., Pakholka E. A. The translation strategy of film titles from French

In the present work, the translation strategy of the titles of feature films from French into Russian is under consideration. The article describes the general trends and translation strategies of the name of the title as the dominant position of the belles-lettres, also it provides an analysis of the translation of film titles, which confirms the relevance of the problem.

Key words: feature film, title, translation strategy of film titles.

УДК 81'373.2

ПОЭТИКА БЕЗЫМЯННОСТИ В РОМАНЕ
ДЖ. ДЖОЙСА “УЛИСС”

Исследователей собственных имен не раз привлекала проблема изучения поэтики безымянности, поскольку прием сокрытия имени персонажа является одним из традиционных в мировой художественной литературе. В статье предпринята попытка рассмотреть поэтику безымянности в произведении Дж. Джойса “Улисс”. Отсутствие имени у референта является одним из приемов поэтики романа, обусловленных индивидуально-авторской интенцией. В идейно-содержательной структуре “Улиссе” прием безымянности приобретает специфические характеристики: черты биографического автора появляются в тексте произведения в образе проходного персонажа – *Человека в Макинтоше*.

Первое безонимное упоминание персонажа, гипотетически соотнесённого с биографическим автором, содержится в эпизоде “Аид”, действие которого происходит по пути на католическое кладбище, затем следуют заупокойная месса и похороны Патрика Дигнама, школьного товарища Блума. Знаменательно, что именно Блум (главный герой произведения) обращает внимание на присутствие среди родственников, друзей и знакомых Дигнама “неизвестного”; он же первым и обозначает его, учитывая особенности внешнего облика и поведения: *“Now who is that lankylooking galoot over there in the macintosh? Now who is he I'd like to know? Now I'd give a trifle to know who he is. Always someone turns up you never dreamt of”* [5, с. 164]. Рассуждая о похоронных обрядах и всяких житейских мелочах, Блум вновь отмечает неожиданное появление “тринадцатого неизвестного” во время опускания гроба и вспоминает, что его не было во время мессы: *“Mr Bloom stood far back, his hat in his hand, counting the bared heads. Twelve. I'm thirteen. No. The chap in the macintosh is thirteen. Death's number. Where the deuce did he pop out of? He wasn't in the chapel, that I'll swear. Silly superstition that about thirteen”* [5, с. 165].³ Здесь видна аллюзия на апостола Иуду Искарюта. На тайной вечере Иисуса Христа было 13 людей. Иуда, предавший Иисуса, был тринадцатым человеком за столом. Как в данном случае человек в макинтоше соотносится с биографическим автором, и почему он отсутствовал во время мессы, можно выяснить из биографии Дж. Джойса.

Известно, что детские годы будущий писатель провёл в стенах католических школ, отличающихся строгим воспитанием и особой религиозностью. Однако юный Джеймс пережил смену ценностей. После отказа принять сан священника, он разрывает связь с католической религией и церковью. Когда мать Джойса умирает, он отказывается по её просьбе сходить в церковь на исповедь, а после ее смерти испытывает сильное чувство вины. Возможно, он видит в себе Иуду, не только отвергшего религию и церковь, но и предавшего мать. Брат Джеймса Станислаус также отказал матери помолиться на ее смертном одре. Этот момент отражён в первом эпизоде “Улисса”. Бык Маллиган упрекает Стивена в том, что тот не соизволил стать на колени и помолиться за свою мать, когда она просила его на смертном одре [5, с. 13]. Эти биографические факты объясняют отсутствие человека в макинтоше во время мессы. Число тринадцать определяется как «число смерти» возможно и потому, что мать Джойса умерла 13 августа. Это пророчески относиться и к самому Джойсу, его смерть наступила 13 января.

Важными моментами введения в повествование образа с чертами биографического автора как “неизвестного лица” становятся его безонимные обозначения с позиции Блума. Это апеллятивные конструкции *“lankylooking galoot in the macintosh”* / *“раззява в макинтоше”*, *“the chap in the macintosh”* / *“чудик в макинтоше”*.

Онимизация апеллятивных обозначений осуществляется в ироническом контексте, где превращение в собственное имя связано с ошибкой сотрудника газеты «Телеграф» Хайнса, собирающего материал для заметки о похоронах:

“– And tell us, Hynes said, do you know that fellow in the, fellow was over there in the...”

He looked around.

– Macintosh. Yes, I saw him, Mr Bloom said. Where is he now?

– M’Intosh, Hynes said scribbling. I don’t know who he is. Is that his name?

He moved away, looking about him.

– No, Mr Bloom began, turning and stopping. I say, Hynes!

Didn’t hear. What? Where has he disappeared to? Not a sign. Well of all the. Has anybody here seen? Kay ee double ell. Become invisible” [5, с. 168-169]. Фамилия *M’Intosh* “рождается” из незаконченной описательной номинации Хайнса, подобно Блуму, отметившему самую значимую деталь внешности “неизвестного”: *“in the...”*. Блум заканчивает фразу: *“Macintosh”*, которую Хайнс воспринимает как фамилию, не слыша возражений Блума. Показательно и неожиданное исчезновение *Макинтоша*,

который до своего следующего появления становится “invisible” / “невидимкой”. Здесь прослеживается аллюзия на произведение Г. Уэллса “Человек-невидимка” / “*The Invisible Man*”, главный герой которого, на определённом этапе своей жизни, воплощал идею сверхчеловека, имеющего свободу и возможность проникать всюду. Но с другой стороны – это изгой, вынужденный постоянно скрываться, терпеть холод и голод. Роман Уэллса вышел в свет в 1897 г., за 17 лет до начала работы Джойса над “Улиссом”.

“Авторским присутствием” ознаменован финал эпизода “Блуждающие скалы”: в лице следующего по всему Дублину вице-короля, наместника Ирландии, владенья обходит “мирская сила” – Империя [1, с. 875]. Среди множества лиц, представляющих собой свиту вице-короля, центральных и проходных персонажей эпизода, мелькает безымянный образ с чертами биографического автора: “*In Lower Mount street a pedestrian in a brown macintosh, eating dry bread, passed swiftly and unscathed across the viceroy’s path*” [5, с. 381], сокрытого в номинации “*a pedestrian in a brown macintosh*” / “*пешеход в коричневом макинтоше*”. В то время как “пожилая особа женского пола <...> обратила доверчивую улыбку к наместнику Её Величества, <...> Саймон Дедал <...> застыл неподвижно посреди улицы, низко опустив шляпу, <...> преподобный Хью К. Лав <...> отвесил поклон” [5, с. 270–271], “*пешеход в коричневом макинтоше*” продемонстрировал явное неуважение к вице-королю. Из биографии Джойса известно о его непоколебимо презрительном отношении к Британской империи.

В эпизоде “Циклопы” дискуссия разворачивается вокруг понятий “любовь” и “ненависть”, которые предопределяют поток сознания Блума в качестве парафразы-пародии «Исповеди» Блаженного Августина: [1, с. 900] “*Love loves to love love. Nurse loves the new chemist. Constable 14 A loves Mary Kelly. <...>. Old Mr Verschoyle with the ear trumpet loves old Mrs Verschoyle with the turned in eye. The man in the brown macintosh loves a lady who is dead. His Majesty the King loves Her Majesty the Queen. Mrs Norman W. Tupper loves officer Taylor. You love a certain person. And this person loves that other person because everybody loves somebody but God loves everybody*” [5, с. 500]. В иронический ряд имен “вписывается” и человек в макинтоше, о котором (что символично!) не забывает главный герой “Улисса”. Возможно, фраза “*The man in the brown macintosh loves a lady who is dead*” как-то связана с биографией Дж. Джойса. Нам неизвестны исследования, затрагивающие проблему образа “Человека в коричневом макинтоше”, за исключением лекции В. Набокова о Дж. Джойсе.

Уже в следующем эпизоде “Навиская” образ с чертами биографического автора вновь напоминает о своем присутствии, “включаясь” в поток сознания Блума: “*And that fellow today at the graveside in the brown macintosh. Corns on his kismet however*” [5, с. 565]. В комментариях С. Хоружего отмечено, что шутка “*Corns on his kismet however*” / “фортуна натерла себе мозоли” построена на игре слов: синонимом *kismet* является *fate* (судьба), «и по-английски, в ирландском народном выговоре, это слово звучит похоже на “ноги” (*fate – feet*)». Исследователь так интерпретирует смысл шуточной реплики Блума: человек в коричневом макинтоше – бродяга и у него, верно, мозоли [1, с. 908–909]. Следует обратить внимание, что макинтош – плащ из непромокаемой прорезиненной ткани – является походной одеждой.

Тема скитания была актуальной для Джойса. Начав жизнь с достатка, семья его отца быстро обнищала. Потеряв работу в налоговой службе, отец Джойса содержал свою многочисленную семью на мизерную пенсию. Джойсы вынуждены были переезжать с квартиры на квартиру тайно от кредиторов, доходя до крайней степени нищеты из-за безответственности отца Джона Джойса [2]. Писатель рано покинул родину, во время работы над романом “Улисс”, он, по разным причинам, жил в Триесте, Риме, Цюрихе и Париже.

Семантика “скитания”, “бродяжничества” входит в систему обозначений персонажа (ср. также: “*пешеход в коричневом макинтоше*”), который свободно перемещается в пространстве текста. В следующем эпизоде “Быки Солнца”, “человек в коричневом макинтоше” как бы раздваивается, превращаясь в своего пародийного двойника *Dusty Rhodes / Пыльного Родси*, героя американского комикса начала XX века, бродягу и неудачника [1, с. 927]: “*Golly, whatten tunket’s yon guy in the mackintosh? Dusty Rhodes. Peep at his wearables. <...> Man all tattered and torn that married a maiden all forlorn. Slung her hook, she did. Here see lost love. Walking Mackintosh of lonely canyon*” [5, с. 645–646].

В фантасмагориях эпизода «Цирцея» человек в макинтоше становится своеобразным воплощением образа главного героя, преображаясь в “видение”, содержание сознания или подсознания Блума, в котором “разыгрываются” театральные сценки: “(*A man in a brown macintosh springs up through a trapdoor. He points an elongated finger at Bloom.*)

THE MAN IN THE MACINTOSH

Don’t you believe a word he says. That man is Leopold M’Intosh, the notorious fireraiser. His real name is Higgins. (Фамилия Higgins является девичьей фамилией матери Леопольда Блума).

BLOOM

Shoot him! Dog of a christian! So much for M'Intosh!

(A cannonshot. The man in the macintosh disappears)" [5, с. 699].

Учет контекста позволяет выявить ироничное соотношение скрытого образа с чертами биографического автора с главным героем, названным *Leopold M'Intosh* / *Леопольдом Макинтошем*. Контаминация личного имени *Леопольд* и онимизированного апеллятива *Макинтош* становится еще одним косвенным подтверждением общепризнанного факта, что в образ Блума вошли отдельные личные черты Джойса, хотя в целом его нельзя считать автобиографичным: “Стивен – юный Джойс, Блум – Джойс зрелый”, – прямо пишет Ричард Элманн, крупнейший исследователь биографии писателя [1, с. 814]. Игра с именем актуализирована здесь и возможной аллюзией на Джона Макинтоша, хранителя и изготовителя пороха для повстанцев 1798 г. [1, с. 936], эксплицируемой на фоновом уровне интерпретации. В фантазмагорических видениях Блума “развивается” и усиливается его косвенное сходство с *Макинтошем*, которое реализуется через деталь, послужившую производящей основой номинации. Так, в подсознании главного героя возникает образ его деда – Липоти Вирага, “*Lipoti Virag <...> is sausaged into several overcoats and wears a brown macintosh under which he holds a roll of parchment*” [5, с. 723].

Знаменательно, что образ с чертами биографического автора скрыт в тексте, и появляется то в онимном, то в безонимном “облике”. Если в “Цирcee” присутствуют обе разновидности именования: “*Человек в макинтоше*” / *THE MAN IN THE MACINTOSH* (ремарка) и *Макинтош* / *M'Intosh* (позиция Блума), то в последующем эпизоде “Евмей” воспроизводится игра, основанная на ошибке корреспондента Хайнса. Автор возвращает читателя к фрагменту “похороны Патрика Дигнама”, напоминая о неправильном именовании “неизвестного”, которого Хайнс “наделяет” фамилией *Макинтош*. В соответствии с ключевым мотивом эпизода (мотив *возвращения* Блума как пародия на возвращение Одиссея) Блум вспоминает о событиях дня и читает заметку про “почившего Дигнама”: “*The mourners included: Patk. Dignam (son), Bernard Corrigan (brother-in-law), Jno. Henry Menton, solr; Martin Cunningham, John Power,) eatondph 1/8 adorador douradora (...)* Thomas Kernan, Simon Dedalus, Stephen Dedalus B. ,4., Edw. J. Lambert, Cornelius T. Kelleher, Joseph M'C Hynes, L. Boom, CP M'Coу, – **M'Intosh** and several others” [5, с. 866]. Блум недовольно рассуждает об ошибках, допущенных при публикации (кроме пропущенной в наборе строке, в его фамилии допущена опечатка – *L. Boom* / *Л. Бум*), но включение в

список лиц, которые “блистали своим отсутствием”, и фамилия *Макинтош*, немало позабавила Блума: *“Nettled not a little by L. Boom (as it incorrectly stated) and the line of bitched type but tickled to death simultaneously by C. P. M’Coy and Stephen Dedalus B. A. who were conspicuous, needless to say, by their total absence (to say nothing of M’Intosh) L. Boom pointed it out to his companion B. A. <...>, not forgetting the usual crop of nonsensical howlers of misprints”* [5, с. 866].

В эпизоде “Итака” Блум в последний раз “выступит” в роли главного героя. Фигура сокрытого автора появится в вопросе Блума: *“What selfinvolved enigma did Bloom risen, going, gathering multicoloured multiform multitudinous garments, voluntarily apprehending, not comprehend?”*

Who was M’Intosh?” [5, с. 993].

Поэтика образа безымянного автора, вновь возникшего под прозвищем *M’Intosh / Макинтош*, “построена” на актуализации незнания героя.

Основной вопрос, который до сих пор остается не решенным, состоит в недостаточности доказательств того, что фигура “человека в коричневом макинтоше” являет собой образ биографического автора “Улисса”, а не проходного, маргинального персонажа, практически не участвующего в сюжетном повествовании. Однако, “человек в макинтоше” привлекает внимание тем, что автор сообщил ему много биографических особенностей, распылённых по всему произведению, а прямых опровержений автобиографичности персонажа не предоставил. Анализ всех эпизодов появления Макинтоша, как единого целого, даёт основание сделать вывод, что человек в коричневом макинтоше имеет черты биографического автора.

В лекции о Дж. Джойсе В. Набокова высказано точное наблюдение, касающееся безымянного появления в “Улиссе” автора как “совершенно особого персонажа <...>, который одиннадцать раз возникает в книге, но всякий раз без имени” [3, с. 404]. По В. Набокову, ключ к разгадке “фигуры сокрытия” находится в контексте произведения, а именно в эпизоде “Сцилла и Харибда”, где развивается “интеллектуальное действие”: Стивен Дедал сражается с культурной элитой Дублина, развертывая и отстаивая собственную версию биографии и творчества Шекспира.

Дискуссия открывается вопросом Магиглинджона “Что значит имя?” (цитата из “Ромео и Джульетты”) и ведется вокруг имени Шекспира и тех персонажей, которые “повторяют” имена родственников драматурга. Стивен Дедал говорит о неслучайном выборе имен “злых дядюшек” Шекспира для “злокозненных

смутьянов” Яго, Ричарда-горбуна и Эдмунда в «Короле Лире». Затем Квакерлистер цитирует слова Яго, сказанные им Отелло: *“But he that filches from me my good name ...”* [5, с. 313]. И, наконец, Стивен Дедал произносит монолог об имени Шекспира и о смысле имени человека, который весь “пронизан” шекспировскими цитатами и аллюзиями, паронимической игрой с именем Шекспира: *shakespear(e)* – англ. ‘*потрясайкопьем*’; *shakescene* – ‘*потрясайсцену*’. Ср.: *“He has hidden his own name, a fair name, William, in the plays, a super here, a clown there, as a painter of old Italy set his face in a dark corner of his canvas. He has revealed it in the sonnets where there is Will in overplus. Like John o’Gaunt his name is dear to him, as dear as the coat and crest he toadied for, on a bend sable a spear or steeled argent, honorificabilitudinitatibus, dearer than his glory of greatest shakescene in the country”* [5, с. 313].

Далее Стивен повторяет и развивает Шекспирову цитату (“What’s in a name?”), что явно отсылает к его детским мыслям об имени человека и имени Бога в романе «Портрет художника в юности», подтверждая тем самым внутреннюю интертекстуальную связь “Улисса” с предшествующей прозой Джойса: *“He tried to think what a big thought that must be; but he could only think of God. God was God’s name just as his name was Stephen. Dieu was the French for God and that was God’s name too; and when anyone prayed to God and said dieu then God knew at once that it was a French person that was praying. But, though there were different names for God in all the different languages in the world and God understood what all the people who prayed said in their different languages, still God remained always the same God and God’s real name was God”* [5, с. 16].

В “Улиссе” взрослый Стивен Дедал возвращается к вопросу о смысле имени: *“What’s in a name? That is what we ask ourselves in childhood when we write the name that we are told is ours. A star, a daystar, a fire-drake, rose at his birth. It shone by day in the heavens alone, brighter than Venus in the night, and by night it shone over delta in Cassiopeia, the recumbent constellation which is the signature of his initial among the stars. His eyes watched it, lowly on the horizon, eastward of the bear, as he walked by the slumberous summer fields at midnight returning from Shottery and from her arms”* [5, с. 313–314]. Из комментария С. Хоружего известно, что в ноябре 1572 г., когда Шекспиру было 8 лет, над Дельтой Кассиопеи появилась сверхновая звезда, которая вскоре стала видна даже днем; она погасла в марте 1574 г.

В рассуждении Стивена содержится и “открытие” приема “сокрытия автора” в “Улиссе”. В. Набоков абсолютно справедливо замечает: «Стивен говорит о Шекспире и утверждает, что великий

писатель сам присутствует в своих произведениях: “Он запрятал свое имя <...> Вильям, в своих пьесах, дав его где статисту, где клоуну, как на картинах у старых итальянцев художник иногда пишет самого себя где-нибудь в неприметном уголку”, и именно это сделал Джойс, поместив свое лицо в неприметном уголке этого полотна. Человек в Коричневом Макинтоше, проходящий сквозь романский сон, – это сам автор» [3, с. 408]. Различие состоит в том, что Шекспир “отдает” свое имя персонажам, а Джойс скрывается в тексте под именем *Макинтош* либо его онимными и безонимными вариациями.

Подтверждением поэтики сокрытия, используемой Джойсом, становятся размышления Стивена об имени в эпизоде “Евмей”. Здесь вновь повторяется “Что значит имя?” и вся тема выстраивается на лейтмотиве “обманчивости звуков и имен”: “*Sounds are impostures <...> like names. Cicero, Podmore. Napoleon, Mr Goodbody. Jesus, Mr Doyle. Shakespeares were as common as Murphies*” [5, с. 826]. Стивен иллюстрирует “обманчивость” примерами имен с различной звуковой оболочкой, но со сходной семантикой. Так, СИ *Цицерон* и *Подмор* образованы от близких корней со значением “горох” или “стручок”. *Наполеон* – *Буонапарте*, восходящее к итальянскому “добрая часть”, содержательно соотносится с английским сочетанием “good body”, следовательно, с именем *Гудбоди*. СИ *Доил* созвучно английскому апеллятиву “oiled” – ‘помазанный’, а это и означает греческое *Христос* [1, с. 955].

Итак, тема “обманчивости” и “сокрытия” имени, представленная в проанализированных отрывках “Улисса”, позволяет проникнуть в особенности джойсовской поэтики безымянности. Интерпретация онимных и безымянных обозначений, под которыми скрывается образ с чертами биографического автора (*The chap in the macintosh, a pedestrian in a brown macintosh, The man in the macintosh, M'Intosh* и др.), помогает установить соответствия между шекспировским контекстом и романом “Улисс”, а также выявить языковые приемы, послужившие основой для игры с именем.

ЛИТЕРАТУРА

1. Джойс Дж. Улисс: Пер. с англ. В. Хинкиса, С. Хоружего, СПб.: Азбука-классика, 2006. – 992 с.
2. Киселева И. «Проблематика и поэтика раннего Джойса (сборник рассказов «Дублинцы»)» [Электронный ресурс]. – 2013. – Режим доступа: <http://www.james-joyce.ru/articles/problematika-i-poetika-rannego-joysa.htm>. – Дата доступа: 19.12.2013.

3. Набоков В. Лекции по зарубежной литературе. – Москва: Независимая газета, 1998. – С. 367-464.
4. Joyce James. A Portrait of the Artist as a Young Man. – London: Published in Penguin Books, 197. – P. 16.
5. Joyce James. Ulysses – London: Published by David Campbell Publishers Ltd., 1992. – 1084 pp.

АННОТАЦИЯ

Бартенева В. Г. Поэтика безымянности в романе Дж. Джойса «Улисс»

Исследован приём сокрытия имени «человека в коричневом макинтоше» в романе Дж. Джойса «Улисс». Предпринята попытка доказать присутствие черт биографического автора в безымянном персонаже романа с помощью поступательного выявления информации. Интерпретация онимных и безымянных обозначений, под которыми скрывается образ с чертами биографического автора, помогает установить соответствия между шекспировским контекстом и романом «Улисс», а также выявить языковые приемы, послужившие основой для игры с именем.

Ключевые слова: поэтика безымянности, приём сокрытия имени, биографический автор, человек в макинтоше, безонимное обозначение.

SUMMARY

Barteneva V. G. Poetics of namelessness in the novel «Ulysses» by J. Joyce

The method of concealing for the name «a man in a brown macintosh» was studied in J. Joyce's novel «Ulysses». An attempt has been made to prove the presence of the features of the biographical author in the unnamed character of the novel with the help of the progressive detection of information. Interpretation of onyms and nameless designations, under which the image with features of the biographical author hides, helps to establish correspondences between the Shakespearean context and the novel «Ulysses», and also to reveal the language techniques that served as the basis for the game with the name.

Key words: poetics of namelessness, method of name concealment, biographical author, a man in a mackintosh, an unnamed designation.

*А. В. Букач
(г. Гродно, РБ)*

УДК 81'367.622.12:821.161.1

ИМЯ СОБСТВЕННОЕ КАК ЕДИНИЦА ТЕКСТООБРАЗОВАНИЯ

Изучение собственных имен как текстообразующих единиц в настоящее время представляет собой одно из актуальнейших направлений для ономастических исследований. Областью исследовательских интересов становится достаточно неоднозначный по природе и сложный объект – имя собственное. Внешняя, а также внутренняя формы собственных имен заслуживают внимательного изучения. Имена собственные и тексты, их включающие, окружают нас повсеместно. Этим обусловлено то, что исследуются вопросы, которые связаны с их семантическим наполнением, их видами, возможностями использования в условиях различных языковых и речетекстовых ситуаций. Областью исследовательского интереса литературной ономастики прежде всего являются связи между именами собственными и авторским текстом, в строфическом и смысловом пространстве которых существует конкретный оним (имя собственное) [6].

В повседневной жизни мы постоянно сталкиваемся с текстом, непрерывным внутренним и невербализованным или внешним вербализованным, ограниченным какими-либо обстоятельствами; с текстом, представляющим любую последовательность знаков или тщательно отобранную, организованную по константным законам и демонстрирующую объект лингвистического исследования. Так что можно с полной уверенностью утверждать, что мы живем в мире текста [2].

В современной лингвистике общепринятым является подход, согласно которому язык художественного текста может быть охарактеризован неоднозначностью его семантики, а также возможной множественностью интерпретаций. Присущая художественному тексту множественность возможных толкований зависит от многогранности художественного образа, и различия в кодах читателя и автора, и теми социально-историческими, культурными и языковыми изменениями, через которые на пути к читателю проходит каждое литературное произведение. Читатели в процессе интерпретации художественного текста основываются на культурных традициях эпохи, используют свои знания «вертикального контекста», а также свой “тезаурус”, который позволяет глубже проникать в «глубинный пласт

этической национальной картины мира», который запечатлен автором в художественном тексте [3]. Согласно подхода Л.А. Исаевой, понимание художественного текста зависит от способности конкретного читателя воспринимать смысл произведения, проводя опору на собственное знание языка, а также совокупность имеющихся художественных и литературных, а также культурных представлений, этических, моральных и эстетических ценностей и способов «языкового выражения», которые выступают указателями на то, что положено за пределами текста и непосредственно связано с его пониманием [8, с. 18].

В работе Т.И. Сильман явление подтекста определяется как некое невыраженное словами, «подспудное, но при этом осязаемое для читателя значение какой-либо части текста в составе художественного произведения, значение высказывания, не лежащее на поверхности» [11].

Л.А. Исаева отмечает, что подтекст в широком смысле рассматривать можно как информацию, которая складывается из сложных отношений между различными отрезками текста, некие «приращенные смыслы», которые возникают в процессе функционирования у языковых единиц, однако системно им не присущие [8, с. 30]. Среди художественных скрытых смыслов Л.А. Исаевой выделяются несобственно языковые скрытые смыслы, по мнению автора, под ними необходимо понимать скрытую информацию, выражаемую языковыми единицами, несущими большую внеязыковую нагрузку, а также собственно языковые, в качестве которых понимаются различные видоизменения отдельных языковых единиц [8, с. 81]. Несобственно языковые смыслы являются присущими для особых нагруженных семантически знаков. Обладая языковым значением, несобственно языковые смыслы получают дополнительную нагрузку, но не в тексте, а в рамках внетекстовой действительности. К таким словам, например, можно отнести имена собственные, слова-концепты, “чужие тексты”. Лингвистический анализ призван способствовать лучшему пониманию роли подобных единиц, которые несут в себе вертикальный “филологический” контекст [8].

Онимические конструкторы – одни из значимых элементов организации глубинной, смысловой стороны текста. Они способны совмещать в себе ряд важнейших информационных планов энциклопедического, стилистического, эмоционального, экспрессивного, социального характера, которые активно включаются в систему социальных норм [9].

В рамках художественного текста ономастическими единицами образуются замкнутое пространство, которое

состоит из синтагматических рядов, возглавляются которые ядерными онимами и нередко включают в свой состав множество аппеллятивных рядов, способных приобретать онимическое значение в условиях конкретного контекста. Сконструированные авторами онимические модели мира качественно реорганизуют онимы, заимствованные ими из реальных моделей, и на всех ее уровнях отмечается специфика преобразования. Во-первых, можно наблюдать существенное, целенаправленное и устойчивое расширение объемов семантики посредством расширения прагматических элементов значения. Во-вторых, посредством актуализации фонетического звучания онимических единиц, проявляющихся в приобретении мелодичности, эвфонии, развиться которая может в т.н. звуковой символизм. В-третьих, возможным становится акцентирование отдельных или даже всех элементов генетической структуры онимов, разработка и использование особых форм, «поэтической» членимости, которая связана с художественной этимологией. В-четвертых, достаточно специфичным становится сам состав функционального потенциала, онимов, причем, как отдельно взятый оним, так и все внутритекстовое онимическое объединение [6]. Сложность имени собственного, приобретенного онимом в условиях ограниченности текстуальных условий и контекста литературного творчества в целом, позволяет говорить о феномене ономастического художественного текста как особого модуса ономастической действительности, воплощенного языком художественной литературы [6].

Рождаясь на основе свободного творческого поиска, выбора, производимого автором в соответствии со стилем и жанром художественного произведения, литературная ономастика в первую очередь выполняет стилистическую функцию, поскольку в речевой коммуникации имя собственное необходимо, чтобы различать объекты, а онимы в художественной речи данную дифференциальную функцию. Данную функцию они совмещают с эстетическими, изобразительными приемами, которые в данном случае становятся приоритетными. При этом аппеллятивные и онимосодержащие сегменты художественных текстов постоянно пересекаются. От уровня художественного текста зависит круг основных функций, например, приобретет ли собственное имя функцию текстообразования. В качестве имени персонажа имя собственное способно проявлять все основные статусные свойства присущие тексту, т.е. авторскую модальность и направленность воздействия. Статусными свойствами художественного текста как системы, в свою очередь, оказывается непосредственное влияние на организацию ономастического пространства в целом,

посредством выделения ядра и периферии, а также определения той функциональной нагрузки, которую в определенном контексте и ситуации приобретает оним [9].

Отношения в рамках системы «оним – художественный текст» носят взаимонаправленный, двусторонний характер. На онимы воздействует не только текст, но и отдельные онимические единицы, которые способны оказывать влияние на всю текстовую систему, как на его структурную организацию, так и на общий смысловой план [6].

Важным моментом в развитии современной лингвистической ономастики выступает ее стык с идеями и методами общей стилистики и лингвистики текстов. Направление лингвистических исследований, объектом которых являются правила построения связного текста и его смысловые категории, выражаемые по этим правилам, называется лингвистикой текста. Основа к возникновению лингвистики текста была заложена исследованиями и научными трудами ученых: М. М. Бахтина, В. В. Виноградова, Г. О. Винокура, В. Гумбольдта, Н. С. Поспелова, А. А. Реформатского, Л. В. Щербы и др. Их идеи были развиты и дополнены исследованиями В. Г. Гака, И. Р. Гальперина, С. И. Гиндина, Г. В. Колшанского, Т. М. Николаевой, С. В. Одинцовой и др.

Лингвистика текста как молодая, интенсивно развивающаяся отрасль науки, как самостоятельная лингвистическая дисциплина возникла в середине 1970-х гг. Появление лингвистики текста было обусловлено целым рядом факторов, важнейшими среди которых называют развитие смежных наук (стилистику, синтаксис, теорию информации, психолингвистику, нейролингвистику), а также развитие общей лингвистической семантики [7].

Анализ научной литературы, посвященной изучению текста и его категорий, показал, что в настоящее время пока не существует общепризнанной дефиниции текста. Не совпадают мнения ученых и относительно определения текстовых категорий. Разнообразие выделяемых категорий текста связано не только с различными подходами к тексту, но и с тем, что реальные тексты, помимо основных категорий, как информативность, связность, цельность, интертекстуальность, могут демонстрировать и проявлять категории, связанные с особенностями организации коммуникации в различных сферах деятельности. Ученые-лингвисты стремились со всех сторон изучить текст и его структуру. Такое стремление можно охарактеризовать как типичное явление в современной лингвистике [7].

Как средство текстопостроения, онимы способствуют формированию категорий информативности, концептуальности,

авторской модальности и хронотопического (антропонимы реализуют категорию антропоцентричности) единства — основных категорий текста. Имена собственные являются важным смысло- и текстообразующим конструктом, служат эффективным средством адекватного прочтения и восприятия художественного сообщения в координатах лингвистической интерпретации текста. Топонимы в пространстве текстов создают коммуникативный фон произведения, обеспечивают правильность восприятия художественной действительности, а значит, являются важным средством текстообразования [10].

В.В. Виноградов говорит о том, что «вопрос о подборе имен, фамилий и прозвищ в художественной литературе, о структурных их своеобразиях в разных жанрах и стилях, об их образных и характеристических функциях не может быть проиллюстрирован немногими примерами. Это очень большая и сложная тема стилистики художественной литературы» [5, с. 37].

Собственные имена подобно другим языковым средствам, будучи использованными в рамках контекста художественного произведения, начинают восприниматься как «сложная и глубокая перспектива художественного целого» [4, с. 27].

Одно и то же имя собственное может служить различным целям. Имена собственные в художественном тексте от общеязыковых отличаются и функционально, и семантически. В реальной жизни нет внутренней связи между именем и его носителем. Подчеркивается у имен собственных их семантическая опустошенность, т.е. отсутствие лексического значения. В отличие от имен нарицательных, имя собственное ограничивается одной функцией – обозначение, что позволяет им обозначаемые объекты только различать, опознавать. Однако в художественном произведении волей автора может быть установлена связь между именем и носителем вполне. «Имена собственные, не имеющие в языке своего предметно-логического или коннотативного значения, в художественном тексте приобретают семантический и эмоциональный потенциал, который накапливается в процессе разворота текста через авторские и персонажные характеристики обозначаемого объекта – носителя имени» [1, с. 69].

Функционально они зависят от авторского замысла и в тексте выполняют определенные функции:

- номинативную – имена собственные служат для называния, обозначения предметов, явлений и для различения отдельного персонажа как носителя своего имени от всех остальных действующих лиц;

- информативную – они служат для передачи информации (указывают на место происходящих событий, на праздники,

названия дорог, названия отрезков времени, географических объектов) и изображения объектов окружающего мира героев;

- прагматическую – функция проявляется в названиях периодических изданий, художественных произведений, музыкальных произведений, где имена собственные служат для воздействия на адресата;

- экспрессивную – онимы служат для выражения внутреннего состояния и эмоций героев;

- оценочную – использование антропонимов раскрывает отношение к герою: обращение по имени, по имени-отчеству, использование уменьшительно-ласкательной формы;

- мифологическую – имя собственное проявляет себя в том, что содержательное наполнение литературных антропонимов значительно увеличивается за счет использования автором онимов, уже имеющих определенное смысловое наполнение в культуре, мифах, искусстве;

- текстообразующую – предполагает, что онимы участвуют в формировании целостности произведения, как на уровне формы, так и на уровне содержания;

- эстетическую – способствует «поэтическому» восприятию текста, когда онимы, употребленные в том или ином контексте, оказывают определенное эстетическое воздействие на читателя;

- функцию выделения и группировки – заключается в привлечении внимания читателя к определенной группе персонажей с помощью маркирования их имен – либо формы (фонетические особенности, словообразовательный формант), либо содержания (смысловые характеристики), что позволяет разбить весь ономастикон художественного текста на определенные группы;

- структурообразующую – для сконцентрирования пространства, обозначения его границ;

- социальную – проявляется через использование нейтральной и разговорной лексики;

- редуцирующую – онимы служат для сжатия текста;

- образную – связана с сопоставлением персонажа с другими героями.

ЛИТЕРАТУРА

1. Автеньева Л.А. Корреляция предметно-логического и назывного значения антономазии в оригинале и переводе / Л.А. Автеньева // Актуальные вопросы русской ономастики: сб. ст. – Киев, 1988. – 224 с.
2. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества / М.М. Бахтин. – М. : Искусство, 1979. – 504 с.

3. Валгина Н. С. Теория текста / Н.С. Валгина. – М. : Логос, 2003. – 386 с.
4. Виноградов В.В. Русский язык: (Грамматическое учение о слове) / В.В. Виноградов. – М. : Высшая школа, 1972. – 784 с.
5. Виноградов В.В. Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика / В.В. Виноградов – М. : Академия наук СССР, 1963. – 422 с.
6. Деревяго А.Н. Имя собственное в художественном тексте: учеб.-метод. пособие / А.Н. Деревяго; Министерство образования РБ, УО «ВГУ им. П.М. Машерова», кафедра общего и русского языкознания. – Витебск: УО «ВГУ им. П.М. Машерова», 2008. – 195 с. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://docplayer.ru/365047-A-n-derevyago-ima-sobstvennoe-v-hudozhestvennom-tekste-uchebno-metodicheskoe-posobie.html>. – Дата доступа: 20.10.2018.
7. Иргашева Т.Г. Лингвистика текста как интегрирующая филологическая дисциплина / Т.Г. Иргашева // Наука и школа. – 2011. – Вып. 3. – С. 56–60.
8. Исаева Л.А. Виды скрытых смыслов и способы их представления в художественном тексте / Л.А. Исаева. – Краснодар : Краен, 1996. – 404 с.
9. Ларина Т.И. Феномен ономастического тропа в русском, польском и английском языках (на материале современной публицистики) / Т.И. Ларина // Веснік БДУ. – Сер. 4. – 2009. – № 1. – С. 70–74.
10. Маслова И.Б. Имя собственное как средство лингвистической интерпретации художественного текста: к вопросу о текстообразующей функции литературных имен собственных (на материале очерков В.И. Даля) / И.Б. Маслова // Вестник Российского университета дружбы народов. – Серия: Вопросы образования: языки и специальность – 2012. – Вып. 3. – С. 50–56.
11. Сильман Т.И. Подтекст – глубина текста / Т.И. Сильман // Вопросы языкознания. – 1969. – № 1. – С. 11–14.

АННОТАЦИЯ

Букач А. В. Имя собственное как единица текстообразования

Статья посвящена исследованию имен собственных в художественном тексте с позиции текстообразования. В статье рассматривается текст как предмет науки «Лингвистика текста». Перечислены категории текста, которые раскрывают имена собственные. Описываются подходы к пониманию художественного текста. Внимание к функциональной стороне имен собственных позволило выделить свойственные

им функции, такие как номинативная, информативная, прагматическая, экспрессивная, оценочная, мифологическая, текстообразующая, эстетическая, функция выделения и группировки, структурообразующая, социальная, редуцирующая, образная.

Ключевые слова: имя собственное, текстообразование, художественный текст, оним, функции имен собственных, лингвистика текста.

SUMMARY

Bukach A. V. Proper name as a unit of text formation

The article is devoted to the study of proper names in fiction from the standpoint of text formation. The article deals with the text as a subject of science «Text linguistics». The author lists categories of text that reveal proper names and describes the approaches to the understanding of the artistic text. Attention to the functional side of proper names allowed us to distinguish their inherent functions: nominative, informative, pragmatic, expressive, evaluative, mythological, text-forming, aesthetic, selection and grouping function, structure-forming, social, reducing, figurative.

Key words: proper name, text formation, fiction, onym, functions of proper names, text linguistics.

*Т. А. Ерохина
(г. Донецк, ДНР)*

УДК 81'373.2

ПОЭТИКА СОБСТВЕННЫХ ИМЁН В ШУТОЧНЫХ СТИХОТВОРЕНИЯХ М. А. ВОЛОШИНА

«Шуточные стихотворения» – название раздела, в котором составители собрания сочинений М.А. Волошина объединили 40 поэтических текстов различных жанров из числа произведений, не включавшихся поэтом в авторские сборники и в макеты неосуществлённых изданий. В произведениях были выделены поэтонимы и проанализированы особенности их употребления.

С учётом собственных имён, использованных автором в заголовочном комплексе, было зафиксировано 112 поэтонимов, представленных различными разрядами. Самый многочисленный из них – антропоэтонимы – включает 69 единиц. Значительная их часть отсылает к именам знакомых, близких друзей и родственников поэта. Онимы могут быть представлены:

1) личными именами, данными в краткой или полной форме – *Лиля, Яша, Люба, Миша, Сергей* и др.; 2) именами, построенными по модели “имя + отчество”, части которой даны в разговорном варианте употребления – *Густав Антоныч, Лизавета Николавна* и др.; 3) фамилиями – *Пешковский, Харченко, Киселев* и др.; 4) фамилиями с инициалами имени и отчества – *И.Г. Эренбург, Е.С. Кругликова* и др.; 5) буквенными антропонимами – *Д.А., Н. С-ин, Л.Л.* и др.; 6) прозвищами, некоторые из которых можно обозначить как ситуативные, поскольку они существовали только в поэтических текстах – *Жульё, «Dame de pique», Следокопыт, мистер Хью*; другие прозвища имеют устойчивый характер, то есть так в жизни называли людей из окружения поэта, к ним относятся – *Пра, Кузя, Анчутка* и др.

Некоторые устойчивые прозвища были придуманы самим поэтом, и сделано это было задолго до того, как имена оказались упомянутыми в поэтических текстах. К примеру, *Анчутка*. Это обидное, на первый взгляд, прозвище имела в доме Волошиных преданый друг семьи, тихая и ничем не примечательная Анна Кораго. В восточной мифологии анчутками называли безобразных мохнатых чертенят с перепончатыми крыльями за спиной, способных навредить людям. Из мифологии слово “анчутка” перекочевало в повседневный обиход и стало употребляться для именованья людей с непривлекательной или неряшливой внешностью, вызывающих насмешку или же сочувствие и жалость. Об Анчутке вспоминала гостившая в доме Волошиных Лидия Дадина: «Вот скользила неслышно между нами серенькая Анчутка. Одно уже имя давало право на какое-то поспешное отмахивание от нее. Ну, стоит ли терять время на какую-то Анчутку, когда Коктебель полон именами, которыми может гордиться вся Россия? А вот как-то после чтения Макс подозвал к себе эту самую Анчутку и спросил нас, знаем ли мы, почему ее так зовут? И оказалось, что Анчутка – это Анна Чуткая. И это незаметное существо – человек по-своему героический. Она отказалась от личной жизни, так как на руках у нее туберкулезная сестра, которую она содержит на юге, в санатории. Все, что она зарабатывает, все посылает сестре, чтобы спасти ее» [3, с. 105]. Анне Кораго поэт посвятил стихотворение-оду, стихотворение-благословление «За то, что ты блюла устав закона...». Перечислив все лучшие качества адресата посвящения, автор закончил стихотворение фразой, в которой антропоним выделил графически: / *За то, что ты была для всех – АНЧУТКОЙ, / Растрепанной, нелепою и чуткой, – / Тебя благословляет Коктебель!* / [1, с. 477]. Именно потому, что имя *Анчутка* (которое после сказанного трудно назвать прозвищем) образовано

слиянием двух слов – личным именем “Анна” и определением к нему “чуткая”, поэт все буквы в поэтониме сделал заглавными, желая тем самым подчеркнуть важность всех элементов слова. При это определение в имени для поэта даже более важно. Эти слова находят подтверждение в прилагательном, которое словно эхом звучит в рифмующейся к имени позиции – “была АН(ной)ЧУТКОЙ <...> чуткой”. Стихотворение, посвященное Анне Кораго, является, пожалуй, единственным произведением, в котором имя не могло послужить критерием для того, чтобы определить текст как шуточный. Чего нельзя сказать об именах из других стихотворений.

Оперной певице, профессору Московской консерватории Марии Адриановне Дейше-Сионицкой, у которой была дача в Коктебеле по соседству с домом Волошина, поэт посвятил единственную в своём творчестве эпиграмму: / *Из Крокодилы с Дейшей / Не Дейша ль будет злейшей? / Чуть что не так / Проглотит натошак... / У Дейши руки цепки, / У Дейши зубы крепки. / Не взять нам в толк: / Ты бабушка иль волк? /* [1, с. 474]. По словам Викентия Вересаева, Мария Адриановна была «представительницей порядка, благовоспитанности, комилфотности и строжайшей нравственности», в то время как Волошин был «представителем озорства, поспраивания всех законов божеских и человеческих». «Вокруг него, – вспоминал В.В. Вересаев, – группировались целая компания талантливых молодых людей и поклонниц, местных и приезжих. Они сами себя называли “обормотами”. Иногда они устраивали торжественные шествия в горы на поклонение восходящему солнцу, где Волошин играл роль жреца, воздевавшего руки к богу – солнцу» [2]. Эпатированная вольностями “обормотов”, Мария Адриановна вела против них борьбу, возглавив “нормальных дачников”. В частности, она собирала подписи под прошением о выселении поэта и его матери из Коктебеля. В результате Волошин не выдержал и написал эпиграмму, сопроводив её карикатурой, на которой изобразил Дейшу-Сионицкую в виде ведьмы на помеле. Важно то, что в поэтическом тексте женщина, лишившись красивой части своей фамилии – элемента *Сионицкая*, стала непонятным существом с цепкими руками и крепкими зубами, не то бабушкой, не то волком, одним словом, какой-то *Дейшей*, которую впору сравнить с вечно голодной *Крокодилой* – персонажем фольклорной песни.

В шуточном стихотворении, описывающем переход через Пиренеи, который молодой поэт осуществил с художницами Елизаветой Сергеевной Кругликовой и Елизаветой Николаевной Давиденко, героини обозначены именами, представленными

моделью “личное имя + отчество”, части которой даны в разговорном варианте употребления: / *Лизавета Николавна* / *Искус выдержала славно* – / *И в своих больших ботинках* / *Вверх всползла на четвереньках*. / [1, с. 462]; / *Лизавета же Сергевна* / *Отнеслася к горам гневно*: / *Чуть не с самого начала* / *Застонала, заворчала*, / *Вся в кровавых пятнах стала*, / *Застонала, заскрипела* / *И на камень злобно села*. / [1, с. 462]. Выбранные поэтом формы имён указывают на шуточный характер стихотворения, а также на дружеское расположение автора к его героиням, что в конечном итоге определило жанр произведения как добродушный шарж.

Интересное звукосмысловое воплощение получила в одном из шуточных сонетов фамилия французского негоцианта Жулия, гостившего однажды в доме поэта. О Жулия Леонид Фейнберг вспоминал: «Красавчик француз, monsieur Жюлья, и впрямь появился в начале мая в Коктебеле. Его цель была увезти свою любимую Elisabeth¹ и жениться на ней. У самонадеянного негоцианта даже не могла промелькнуть мысль об отказе. Что же оказалось? <...> [4]. Далее Л. Фейнберг приводит сонет М.А. Волошина «Француз», в котором описано, как обитатели дома поэта, “чтоб отлучить влюблённого француза”, “городят вздор на вздоре”, среди которого – “Макс с Верою в одеждах лезут в море”. «Между прочими обманными придумками, – продолжает Л. Фейнберг, – был дельфин, который будто бы приплывал, чтобы его доили и его молоком лечили слабогрудого Сережу Эфрона. <...> Были “мистические танцы”. Разнообразные “магические действия”. <...> Не знаю, верил или нет французский негоциантик всему происходящему перед ним. <...> Так или иначе, ему ничего не осталось, как через несколько дней удалиться из Коктебеля – навсегда» [4]. Характеристика Жулия, содержащаяся в словосочетаниях “красавчик француз”, “самонадеянный негоциант”, “французский негоциантик”, говорит об ироническом и даже пренебрежительном к нему отношении со стороны друга М.А. Волошина. Поэт и вовсе написал о нём: / *Француз – Жульё, но всё ж попал впросак*. / [1, с. 468]. Слово *Жульё* представляет собой каламбурное обыгрывание омонимичных “Жулия” и “жульё”, где последнее является обозначением “мошенников, туенядцев, воришек”. Собственно говоря, *Жульё* в приведённом примере ещё не является именем. Им оно становится в продолжении стихотворения: / *Все в честь Жулья городят вздор на вздоре*. / [1, с. 468]; / *Жульё молчит и мрачно крутит ус*. / [1, с. 468]; / *Не снес Жульё надежд разбитых груза*: / *«J’irai périr tout seul à Kavardak!»* / [1, с. 468].

¹ Елизавета Яковлевна Эфрон.

Отдельного внимания заслуживает собственное имя во фразе на французском языке, которая в переводе звучит как «Я уйду в одиночестве умереть в Кавардак!» [1, с. 712]. В комментариях к собранию сочинений сказано, что «Кавардак – видимо, переименованное Карадаг» [1, с. 712]. Известно, действительно ли эта фраза принадлежала Жулия или это вымысел поэта, но среди обитателей дома Волошина француз носил прозвище “мсье Карадаг”, поэтому вполне возможно, что так говорил или, может быть, однажды сказал Жулия. Однако собственное имя во фразе всё же, на наш взгляд, принадлежит поэту: “кавардак” означает “беспорядок и неразбериху”, которые как раз и устроили хозяин дома и его гости для нежелательного жениха, чтобы не сказать попросту: «Уходите прочь, вы ошиблись адресом».

Для придания поэтическому тексту шуточного содержания может послужить именование персонажа с помощью сочетания собственного имени и различных конструкций, таких как идентификаторы, перифрастические именованья, логические или образные описания. Произведение «Серенада» начинается словами: / Посвящается *т-те Ликирики Тартарен, вдове известн<ого> франц<узского> путешественника*/ [1, с. 455]. Антропоним указывает на юную папуасскую принцессу по имени Лики-Рики, на которой женился незадачливый путешественник Тартарен – главный герой цикла романов Альфонса Доде. Девушка обладала колоритной внешностью и абсолютно дикарским поведением, поэтому идентификатор *т<ада>те* и конструкция *вдова известн<ого> франц<узского> путешественника* по отношению к ней вызывают комический эффект и с первых же строк указывают на шуточный характер произведения.

Схожий приём М.А. Волошин использовал в стихотворении «Письмо в стихах Зволинскому», которое молодой поэт адресовал своему другу по гимназии Павлу Зволинскому: / *До свидания, мой критик, / Мой вельможный пан Зволинский.* / [1, с. 440].

Мы рассмотрели примеры, которые относятся к фонетическим и лексико-семантическим средствам поэтики собственных имён. Они свидетельствуют об особом внимании, которое М.А. Волошин уделял онимной составляющей своих произведений. Поэт с особой тщательностью подходил к выбору формы имени, к его звуковой и графической организации, что оказывало существенное влияние на смысловое и эмоциональное содержание не только имени, но и поэтического произведения в целом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Волошин М.А. Собрание сочинений. В 13 т. (17 кн.). Т. 2: Стихотворения и поэмы 1891–1931 / М.А. Волошин; сост. и подгот. текста В.П. Купченко, А.В. Лаврова; коммент. В.П. Купченко. – М.: Эллис Лак 2000, 2004. – 768 с.
2. Вересаев В.В. Коктебель [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://az.lib.ru/w/woloshin_m_a/text_0110.shtml.
3. Дадина Л.М. М. Волошин в Коктебеле / Л.М. Дадина // Новый журнал. – 1954. – № 39. – С. 99–112.
4. Фейнберг Л.Е. Еще о «Коктебельских сонетах» Макса [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://az.lib.ru/w/woloshin_m_a/text_0110.shtml.

АННОТАЦИЯ

Ерохина Т. А. Поэтика собственных имён в шуточных стихотворениях М. А. Волошина

В статье рассмотрены собственные имена персонажей поэтических текстов. Материалом для исследования послужили шуточные стихотворения М. А. Волошина. Анализ текстов свидетельствует об особом внимании, которое поэт уделял онимной составляющей своих произведений. От выбора формы имени, от его звуковой и графической организации часто зависело смысловое и эмоциональное содержание произведения в целом.

Ключевые слова: собственное имя, поэтоним, звучание, комический эффект.

SUMMARY

Ierokhina T. A. The poetics of proper names in the comic poems by M. A. Voloshin

The article deals with the proper names of the characters of poetic texts. The material for the study was the comic poems by M. A. Voloshin. The analysis of the texts testifies to the special attention that the poet paid to the onym component of his works. The semantic and emotional content of the work as a whole often depends on the choice of the form of the proper name, its sound and graphic organization.

Key words: proper name, poetonym, sounding, comic effect.

УДК 811.16

СРЕДСТВА ЭКСПЛИКАЦИИ ЕДИНИЦ ПОНЯТИЙНО-ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКОЙ СФЕРЫ «ЗАКОН» В ТЕКСТАХ РУССКОЯЗЫЧНЫХ СМИ

В XXI веке массовые коммуникации выступают активным элементом идейно-политической и социально-экономической системы. В современном мире все чаще масс-медиа используются государством и отдельными субъектами для убеждения населения с целью достижения определенных целей политического, социального, экономического, религиозного, культурного плана. В некоторых обществах пропаганда доминирует, оказывая мощное идейно-психологическое воздействие на массовое сознание.

Важность изучения текстов массовой информации продиктована не только потребностями исследования процесса распространения информации. Информирование находится в функциональном единстве с воздействующим потенциалом текстов этой области. Возможность воздействия на массовое сознание, а значит, осуществления регуляции неречевого поведения через информирование превращает средства массовой информации в мощный инструмент управления массовой аудиторией [2, с. 77].

Язык СМИ является объектом изучения таких наук, как психолингвистики, когнитивной лингвистики, лингвистики текста, дискурсивного анализа, лингвокультурологии.

Интенсивность информационных процессов в СМИ во многом определяется структурой их пространственных особенностей: отношений центра и периферии; характером горизонтальных и вертикальных связей и отношений субъектов, концентрацией социальных, политических, военных, экономических, идеологических сил и факторов, действующих в сфере мирового (глобального, межконтинентального), международного и национального, регионального и локального пространства. Несмотря на то, что все люди, принадлежащие к одному социуму, живут в едином физическом пространстве, их менталитет различен. Все особенности мышления, языкового сознания и индивидуального речевого поведения проявляются в языке СМИ [2].

Тексты масс-медиа представляют собой пример массовой коммуникации, общения, а не одностороннего «массовой

информирования с целью пропаганды», они по основным параметрам схожи с текстами индивидуальных разговоров – по неограниченности и непредсказуемости тематики, по имитации естественной культурной обстановки, связи со звучанием, привлечением языковых и неязыковых выразительных средств. В содержательном плане только повседневная речь и беллетристика в той же степени свободны в выборе тем и в привлечении различных, в том числе и невербальных, выразительных средств. Как и разговорность, масс-медийность обусловлена ежеминутной актуальностью [2, с. 91].

Как следствие своей связи с текущими событиями тексты масс-медиа включают лексику разговорного стиля, это экспрессивные и ненормированные языковые знаки, использование которых обусловлено недостаточным уровнем владения языковыми средствами [1]. В заголовках материалов масс-медиа можно встретить видоизмененные паремии, устойчивые выражения, оксимороны: *«Разговорчики в струю!»*, *«Закон понятной силы не имеет»*, *«Микроэкономика попала в макропредприятие»*, *«Вербальное прикрытие с воздуха»*. Такие языковые приёмы способствуют привлечению внимания читателя, что приводит к повышению рейтингов издания и, как следствие, к увеличению читательской аудитории. Наличие данных стилистических языковых приёмов обусловлено особенностями масс-медиа: их экспрессивностью и реализацией воздействующей функции, что позволяет установить и сохранить направленность таких текстов.

Ввиду того, что темами материалов в издании «Коммерсант» зачастую выступают актуальные события и тенденции, им часто дается оценка с правовой и экспертной точек зрения. В анализируемом электронном издании «Коммерсант» (www.kommersant.ru) единицы понятийно-терминологической сферы «Закон» чаще используются в информационных, а также аналитических, обзорных статьях. Рассмотрим структурную и содержательную стороны функционирования данных единиц и выясним черты, присущие русской лингвокультуре.

Функционирование законов в жизни человека начинается с обретения ими силы. Для обозначения этого события в русской лингвокультуре используются следующие фразы и выражения: *«вступил в силу закон»*, *«поправки вступили в силу»*, *«до вступления закона в силу»* (К. от 04.06.2018 <https://www.kommersant.ru/doc/3650051>). При объяснении структуры данного выражения можно сделать вывод о том, что государство является силой, регулирующей жизнь общества, а законы являются его инструментами. Учитывая, что понятие «сила» может быть как позитивным, так и негативным, то и «сила закона» может

вызывать одобрение или недовольство среди представителей данной лингвокультуры.

На фоне известности такого выражения, как «закон обратной силы не имеет», в заголовке одной из статей было использовано это выражение в измененном виде «Закон понятной силы не имеет» (К. от 28.05.2018 <https://www.kommersant.ru/doc/3642527>). В данном материале подробно расписываются недочеты и прорехи в механизмах функционирования законов и подзаконных актов: от их создания и утверждения, до имплементации и, наконец, упразднения. Используя видоизмененное крылатое выражение, автор добивается сразу двух целей: он закладывает в заголовок тезис о бесполезности законов и о бесполезности попыток борьбы с этой ситуацией. Аллюзия на выражение «закон обратной силы не имеет» добавляет материалу ассоциаций с судебным дискурсом и единственно верном толковании действий со стороны государства посредством закона: может и не верно по совести, но соответствует прописанным требованиям. Выражение «понятная сила» свидетельствует о неясности законных норм для граждан. Таким образом, в заглавии отображаются практически все посылы и идеи масс-медийного материала.

Использование стилистического приёма персонификации в выражении «закон дошёл до Белого дома» (К. от 26.12.2018 <https://www.kommersant.ru/doc/3843624>) является примером иллюстрации того, что законодатели не проявляли должной активности, данная норма претерпела много изменений, долго лежала «под сукном». В итоге закон как бы самостоятельно, без помощи государственных деятелей подошел к конечной стадии разработки.

Анализируя данные примеры и трансформации, касающиеся момента вступления закона в силу, следует отметить наличие компонента «сила». С другой стороны, использование в русском языке глаголов в активном залоге иллюстрирует заложенные в данной лингвокультуре представления о том, что законы существуют как бы сами по себе, они не соответствуют реальным потребностям людей.

В понятийно-терминологическую сферу «Закон» также включается также и такой аспект, как создание законов. Созданием и разработкой законов и подзаконных актов практически во всех государствах занимаются профильные комитеты парламента и сами парламентарии. Этот процесс в русском языке получил название «законотворчество». Данный термин, имеющий в своём составе компонент «творчество», указывает на момент искусства, творения закона. Люди, причастные к подготовке и разработке законов, все чаще в прессе называются «законотворцами».

Показательно, что в русских масс-медиа термин «законотворчество» относится к числу довольно частотных: «*на совете по законотворчеству в Госдуме*» (К. от 14.06.2018 <https://www.kommersant.ru/doc/3657500>), «*возможность заниматься законотворчеством*» (К. от 17.09.2018 <https://www.kommersant.ru/doc/3744601>), «*на базе Института законотворчества*» (К. от 07.09.2018 <https://www.kommersant.ru/doc/3736728>).

Приведенные выше примеры дают основание полагать, что в русской лингвокультуре к созданию законов подходят как к акту творчества, закон является своеобразным объектом искусства. Люди, занимающиеся данной деятельностью, являются «творцами»: т.е. художниками, деятелями искусства.

Применяя метод анализа материалов электронных изданий, можно делать выводы о наиболее частотных случаях и целях употребления лексем и конструкций, связанных с исследуемой понятийно-терминологической сферой. При анализе материала, посвященного делу Евгении Чудновец (К. от 06.03.2017 <http://kommersant.ru/doc/3235445>), можно отметить, что в нем исследуемая понятийно-терминологическая сфера представлена в таких сочетаниях, как «*компенсация за незаконное преследование*», «*незаконное содержание под стражей*», «*объективная правовая и профессиональная оценка*». Эти примеры дают представление о законности и незаконности. В случае несоответствия действий граждан или представителей правоохранительных органов этой норме такая деятельность считается незаконной. В рассматриваемом в материале случае ситуация с законностью или незаконностью представляется более или менее ясной, отсутствуют образные обороты речи, данные речевые клише могут быть причислены к официально-деловому функциональному стилю. Тексты юридического дискурса совмещают в себе черты официально-делового и публицистического стилей. Однако, в комментариях защитника присутствуют уже иные оценочные значения лексических единиц для вербализации понятийно-терминологической сферы «Закон»: «*Это абсолютно законное, понятное и разумное решение*», «*виновный ... был наказан по справедливости и по закону*». Эти примеры свидетельствуют о «народном» содержании закона, его противопоставлении понятиям справедливости, здравого смысла, разумности. Если бы это было не так, то предоставленные цитаты являлись бы тавтологией чистой воды. Наличие столь полного описания действий, которые являются правильными и с точки зрения справедливости, и с точки зрения государственных законов, красноречиво говорит о том, что эти положения существуют в принципиально разных плоскостях. Исходя из специфики

деятельности защитника в суде, можно сделать вывод об одной из функций таких речей: привлечении общественного внимания. Образ абсолютно невиновного человека в речи строится путем доказательства его правоты как с точки зрения здравого смысла, так и с точки зрения государственного законодательства. В народном понимании закон и здравый смысл находятся в одном понятийном ряду, могут дополнять друг друга, но никогда не совпадают.

Еще одним из содержательных компонентов, который присущ понятийно-терминологической сфере «Закон» является легитимность, отсутствие нарушений. Так в статье, посвященной коррупционной деятельности бывшего губернатора Сахалинской области Александра Хорошавина (К. от 06.03.2017 <http://kommersant.ru/doc/3235333>), используется сочетание *«законность происхождения»* (материальных ценностей). Если рассуждать логически, то законным является любой путь происхождения тех или иных материальных благ, который не противоречит действующему законодательству. Исходя из этого, можно вывести формулу: «Все, что не запрещено, то разрешено». Конечно, с общечеловеческой точки зрения это не может считаться правильным ввиду возможных недостатков законов, правовых коллизий. Однако, на сегодняшний день в российском и постсоветском пространстве царит именно такая парадигма.

Анализ текстов, посвященных изменению закона о митингах и депутатских встречах в Санкт-Петербурге (К. от 06.03.2017 <http://kommersant.ru/doc/3235611>), дает возможность понять основные возможности функционирования и управления законами. Здесь описываются многие процедуры, которым могут быть подвергнуты законы со стороны парламентариев разных уровней: *«принять на региональном уровне норму»*, *«оспорили в суде закон»*, *«закон вступил в силу»*, *«наложить вето на законопроект»*. Эти и другие речевые формулы соответствуют дискурсу законотворчества, законодательной власти. Кроме того, здесь присутствуют свидетельства возможных нестыковок, недостатков в функционировании законов, юридических коллизий: *«закон был принят в превышение своих полномочий»*, *«закон нарушает конституционное право»*, *«противоречие петербургского закона ч.2 ст.55 Конституции»*, *«в РФ не должны издаваться законы, отменяющие или умаляющие права и свободы человека и гражданина»*. Так как здесь речь идет о законотворческой деятельности, то возможны все вышеперечисленные модификации, трансформации законов, ведь эта деятельность и находится в руках депутатов Законодательных собраний. Здесь допустимо не ссылаться на здравый смысл, а

открыто говорить о несоответствии законов Конституции, т.е. высшему нормативному правовому акту Российской Федерации.

В понятийно-терминологическую сферу «Закон» входят также компоненты, вербализующие последствия и наказания за несоблюдение установленных законом норм. Эти последствия вербализуются с помощью лексем «наказание», «штраф», «санкция». В последнее время наблюдается тенденция к отождествлению понятий «штраф» и «санкция». Это может быть связано с восприятием понятия «штраф» только как материального наказания, применительно к относительно негрубым правонарушениям. Понятие «санкция» является относительно новым для русской лингвокультуры, однако оно также прочно входит в обиходную речь: «санкция будет назначаться судом», «санкция данной статьи», «санкции применяются».

Вышеприведенный анализ теоретических материалов и примеров позволяет говорить о перспективах развития понятийно-терминологической сферы «Закон» в русской лингвокультуре. Это связано с актуальностью данной тематики, заимствовании реалий и терминов для их обозначения из других языков, межкультурной коммуникацией. Проведённый анализ на базе материалов СМИ также показал, что именно тексты масс-медиа в наибольшей степени отражают динамику развития понятийно-терминологической сферы «Закон» в русской лингвокультуре.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алещанова И. В. Цитация в газетном тексте (на материале современной английской и российской прессы) : дис. канд. филол. наук : 10.02.20 – сравнительно-историческое, типологическое, сопоставительное языкознание / Алещанова И. В. – Волгоград, 2000. – 207 с.
2. Володина М. Н. Язык СМИ – основное средство воздействия на массовое сознание // Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования: учеб. пособие, отв. ред.: д. ф. н., проф. Володина М.Н. – М.: Изд-во МГУ, 2003. – 435 с.
3. Арнольд И. В. Читательское восприятие интертекстуальности и герменевтика / И. В. Арнольд // Интертекстуальные связи в художественном тексте: Межвуз. сб. науч. тр. – Санкт-Петербург, 1993. – С. 4-12.
4. Брандес М. П. Стилистика немецкого языка: для ин-тов и фак. иностр. яз.: (Учебник). / М. П. Брандес. – 2-е изд-е. – М.: Высшая школа, 1990. – 320 с.
5. Водак Р. Язык. Дискурс. Политика / Р. Водак. – Волгоград: Перемена, 1997. – 139 с.

6. Сазонов М. Г. Лингвостилистические особенности научного изложения в газетной публицистике / М. Г. Сазонов // Разновидности и жанры научной прозы. – М., 1989. – С. 121-132.

АННОТАЦИЯ

Жуков Ю. Ю. Средства экспликации единиц понятийно-терминологической сферы «закон» в текстах русскоязычных СМИ

В статье приводятся результаты исследования языковой репрезентации единиц понятийно-терминологической сферы «Закон» в русской лингвокультуре на базе текстов СМИ. Материалом для исследования послужили публикации в электронном издании «Коммерсантъ» (www.kommersant.ru). Исходя из воздействующей функции СМИ, исследуемые единицы присутствуют как в заголовках в виде изменённых устойчивых выражений, поговорок, так и в текстах публикаций.

Ключевые слова: закон, СМИ, лингвокультура, понятийная сфера.

SUMMARY

Zhukov Yu. Yu. Means of explication of units of the conceptual and terminological sphere «Law» in the texts of the Russian-language media

The article presents the results of the study of the language representation of the units of conceptual and terminological sphere «Law» in the Russian linguistic culture. It is based on media texts. The material for the study was publications in the Kommersant electronic publication (www.kommersant.ru). Based on the influential function of the media, the units under investigation are present both in the headlines in the form of modified stable expressions, sayings, and in the texts of publications.

Key words: law, media, linguistic culture, conceptual sphere.

Е. В. Минина
(г. Горловка, ДНР)

УДК 81'373.2

**СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ
ПОЭТОНИМИКОНА КЕНА ФОЛЛЕТТА
(НА МАТЕРИАЛЕ ДИЛОГИИ «СТОЛПЫ ЗЕМЛИ»
И «МИР БЕЗ КОНЦА»)**

Поэтонимы представляют собой неотъемлемый элемент литературного произведения, а их семантическая нагрузка вместе с другими языковыми средствами способствуют раскрытию языковой личности писателя и служат реализации его творческого замысла. Исследованием поэтонимов англоязычного дискурса занимались Н. А. Полякова, Е. С. Сысоева, Е. А. Белозерова, О. А. Бирюкова, В. В. Васильева, И. И. Гришина, Ю. П. Вышенская, М. А. Захарова, Н. Е. Камовникова, О. Д. Петренко, С. Н. Спивак, О. В. Зорина, О. А. Плахова. Однако следует отметить, что целостный подход к изучению семантики поэтонимикона в современном англоязычном художественном дискурсе все еще остается недостаточно изученным аспектом литературной ономастики, чем и обусловлена актуальность данной работы. Целью настоящего исследования является установление семантических особенностей поэтонимикона известного британского писателя XX в. Кена Фоллетта путем компонентного, этимологического и контекстуального анализа поэтонимов дилогии «Столпы Земли» и «Мир без конца».

Известно, что только комплексный подход к изучению поэтонимикона и охват всего спектра поэтонимов в контексте художественного целого могут дать возможность получить полное представление о семантическом своеобразии и неповторимости поэтонимосферы произведений. Поэтонимикон дилогии Кена Фоллетта «Столпы Земли» и «Мир без конца» представляет собой совокупность всех поэтонимов, использованных в тексте произведений, и насчитывает 1570 поэтонимов в 41092 словоупотреблениях. В соответствии с типом обозначаемого объекта, все поэтонимы дилогии Кена Фоллетта «Столпы Земли» и «Мир без конца» были классифицированы по следующим семантическим разрядам (см. табл. 1.):

Таблица 1
**Распределение поэтонимов в дилогии Кена Фоллетта
 «Столпы Земли» и «Мир без конца»**

Семантические разряды поэтонимов	Кол-во (ед.)	%	Кол-во (словоуп.)	%	Примеры
Антрополоэтонимы	991	63,12	36802	89,56	<i>Merthin, Lady Philippa, Toby Peterson, Alfred of Kingsbridge</i>
Топопоэтонимы	369	23,51	3043	7,41	<i>Canterbury, Gold Street, Kingsbridge College, Fish Lane</i>
Библиопоэтонимы	85	5,42	803	1,95	<i>The Our Father, Apostle Paul, St. John the Baptist, the Mother of God</i>
Хронопоэтонимы	62	3,95	310	0,75	<i>Christmas, Easter, Good Friday, Judgement Day</i>
Идеопоэтонимы	41	2,61	80	0,19	<i>The Bible, De Urinis, the Rule of Saint Benedict, Diet and Hygiene</i>
Зоопоэтонимы	12	0,76	24	0,06	<i>Archbishop, Blackie, Hop, Victory</i>
Эргопоэтонимы	6	0,38	6	0,02	<i>The Wool Company, Commission of Laborers, the Knights of Saint Thomas of Acre</i>
Хрематопоэтонимы	4	0,25	24	0,06	<i>Kingsbridge Scarlet, the Grace, the White Ship, Christ Risen</i>
Всего:	1570	100	41092	100	

Как видно из табл. 1, наблюдается тенденция к преобладанию антрополоэтонимов, количество которых в дилогии насчитывает 991 единицу (из 1570 поэтонимов, использованных в дилогии) в 36802 словоупотреблениях, что составляет 63,12% по количеству единиц и 89,56% по количеству словоупотреблений соответственно. Достаточно многочисленной является также группа топопоэтонимов, насчитывающая 369 единиц (23,51%) в 3043 словоупотреблениях (7,41%). Следующие три группы поэтонимов (хронопоэтонимы, библиопоэтонимы,

идеопозтонимы) приблизительно равномерно употреблены в диалогии. Так, библиопозтонимы составили 85 единиц от всех позтонимов, употребленных в диалогии, хронопозтонимы – 62 единицы, а идеопозтонимы – 41 единицу, что в процентном соотношении выражается в следующих показателях: 5,42%, 3,95% и 2,61% соответственно. Однако данные группы позтонимов существенно отличаются по количеству словоупотреблений. Так, библиопозтонимы употребляются 803 раза, что составляет 1,95%, хронопозтонимы – 310 раз (0,75%) и идеопозтонимы – всего 80 раз (0,19%). И наконец самыми малочисленными оказались разряды зоопозтонимов, эргопозтонимов и хрематопозтонимов. Они распределены следующим образом: зоопозтонимы насчитывают 12 единиц (0,76%) в 24 словоупотреблениях (0,06%), эргопозтонимы составляют 6 единиц в 6 словоупотреблениях (0,38% по количеству единиц и 0,02% по количеству словоупотреблений) и хрематопозтонимы насчитывают 4 единицы (0,25%) в 24 словоупотреблениях (0,06%).

Компонентный и этимологический анализ антропозтонимов исторической диалогии Кена Фоллетта «Столпы Земли» и «Мир без конца» позволил выявить ряд семантических особенностей исследуемых языковых единиц. В результате анализа установлено, что представляется возможным выделить четыре семантических класса антропозтонимов: личные имена, прозвища, фамилии, этнопозтонимы. Самым многочисленным и существенным пластом антропозтонимов диалогии являются личные имена (752 ед. / 76%). Менее частотными и продуктивными оказались фамилии, прозвища и этнопозтонимы.

Изучив все личные имена диалогии, удалось их классифицировать по нескольким принципам:

1) по происхождению (нормандские, англо-саксонские, итальянские, французские, арабские и т.д.);

2) по гендерному принципу (мужские, женские);

3) по характеру оценочного значения (положительные, отрицательные);

4) по композиции (полные, сокращенные, гипокористические).

В силу событий, происходящих на фоне развития сюжета, в диалогии преобладают преимущественно мужские имена нормандского (*William, Robert, Richard, Walter, Roger*) и англо-саксонского происхождения (*Alfred, Edgar, Edmund, Edward, Mildred*), что обусловлено описываемой в диалогии эпохой Средневековья и Нормандским завоеванием. В произведениях Кена Фоллетта также зафиксированы имена арабского происхождения (*Raschid, Raya, Aysha, Ismail*), французские имена

(*Suger, Pierre, Guillaume, Louis, Jackatte-Novén, Charlemagne, Enjurer, Eustace*), итальянские имена греческого или латинского происхождения (*Agostino, Alessandro, Buonaventura, Gianni, Laura, Loro, Murdo, Solvia*) и имена еврейского происхождения (*Malachi, Aaron, Josef, Joachim, Josiah*).

По гендерному принципу все личные имена диалогии Кена Фоллетта делятся на мужские и женские. Среди мужских имен саги «Столпы Земли» самыми многочисленными оказались *Philip, Tom, Jack, Alfred, William, Richard, Cuthbert, Francis, Henry, Jonathan, Stephen*, а среди женских имен доминируют *Aliena, Ellen, Martha, Sally, Agnes, Maud, Meg*. Среди частотных мужских имен романа «Мир без конца» зафиксированы *Merthin, Jack, David, Ralph, Roland, Samuel, William* и др., среди женских имен – *Caris, Cath, Julie, Margaret, Peggy, Petranilla, Lolla*. В «Столпах Земли» на 34 женских имени (20,9%) приходится 129 мужских имен (79,1%), ввиду того что женщины считались второсортными гражданами в жизни средневекового общества и церкви. Ситуация значительно меняется в «Мире без конца», где на 157 мужских имен (64,2%) приходится уже 87 женских имен (35,8%), когда появляются женские монастыри и женщине предоставляется возможность управлять целым городом.

Личные имена могут иметь разный характер оценочного значения (положительный и отрицательный), при этом он может выражаться как эксплицитно, так и имплицитно. Автор создает положительно- и отрицательно-окрашенные антропонимы, прибегая не только к этимологии имени, но и к художественному контексту. Положительные и отрицательные коннотации соотносятся с характером, поступками, судьбой литературных персонажей. Так, персонаж с казалось бы банальным именем *Jack* (древнеевр. «Бог подарил»), человек, которого многие изначально считали слабоумным, наделен очень выразительной внешностью и оказывается одним из немногих людей, умеющих читать и писать, и которому суждено построить самый красивый собор в Британии. И, наоборот, привлекательный сын лорда *William* (древнемец. «шлем решимости / непоколебимости») оказывается очень жестоким человеком и сравнивается с самим дьяволом.

По композиции личные имена диалогии можно разделить на полные, сокращенные и гипокористические. У многих полных личных имен диалогии есть производные формы или дериваты. Использование композиционного вариативного ряда имен (полных (*Joseph, David, Catherine, Elizabetta*), сокращенных (*Joe, Dave, Cath, Betta*), гипокористических (*Cathie, Davey, Julie, Willie*)) актуализируется в конкретном контексте.

Употребление фамилий и прозвищ является менее продуктивным в связи с социально-экономическими условиями жизни раннего Средневековья, когда для идентификации человека достаточно было знать только его имя, а прозвища (для низших слоев населения) и фамилии (для высших слоев населения) находились только на стадии зарождения.

Двумя самыми значимыми семантическими классами топонимов являются макротопонимы (244 ед. / 66%) и микротопонимы (125 единиц / 34%). Топонимы, с тенденцией к преимущественному использованию реального топонимикона для сохранения историзма и достоверности изображаемых событий, а также для соответствия жанру исторической саги, характеризуются превосходством макротопонимов над микротопонимами, что позволяет предотвратить максимальную конкретизацию места событий диалогии. Среди макротопонимов наиболее частотными оказались ойконимы-астионимы (*Winchester, London, Kingsbridge, Shiring*), а среди микротопонимов преобладают урбанонимы-экклезионимы (*Kingsbridge Cathedral, Kingsbridge Priory, Saint-Denis*), что неразрывно связано с сюжетом диалогии, а именно жизнью Церкви и строительством собора. Семантика топонимов может раскрываться в контексте произведений, но иногда и в семантике самого топонима, как, в частности, название потамонима *the Blanchetaque* (от франц. «белая вода») – река, которая получила свое название из-за белых камней на дне.

С семантической точки зрения хрононимы подразделяются на названия религиозных праздников (*Christmas, Easter, Epiphany*), праздников в честь святых (*St Giles's Day, Michaelmas, Feast of St. Adolphus*) и дней, связанных с религиозными праздниками (*Easter Sunday, Whit Sunday*), исторические периоды (*Golden Age*) и памятные даты исторических событий (*Battle of Lincoln, the battle of Crécy*), праздники, отражающие национальные традиции, особенности культуры и быта народа (*Hallowe'en, Lammas Day, Midsummer's Eve, May Day*), среди которых преобладают названия религиозных праздников (35 ед. / 57%), что объясняется тенденцией счета времени согласно церковному календарю.

Библионимы, включающие имена, заимствованные из Библии, и другие христианские названия, делятся на такие семантические классы, как агионимы (*the Madonna, the Virgin, Adam*), теонимы (*God, the Almighty, the Lord, Maker, Savior*), демонимы (*Satan, Devil, Lucifer, The Prince of Darkness*), этнонимы (*the Pharisees, the Beguines*), названия религий (*Christianity, Muslim, Christian*) и другие (*the Church, the Pope, the English*

Church). Отмечена тенденция к превалированию агнионимов (52 ед. / 61%) (*Mary, Apostle James, Apostle Paul*), что свойственно средневековому католицизму, когда почитали святых, мучеников и отцов церкви. Характерной чертой большинства агнионимов является употребление лексем-апеллятивов *apostle, st/saint*, которые и указывают на принадлежность поэтонима к данному семантическому классу (*Saint Adolphus, St. Peter*). В связи с огромной верой людей в Бога и в Церковь, частотным оказался теоним *God* (314 словоупотреблений).

Семантическая классификация идеопозтонимов представлена шестью семантическими классами: письменными источниками религиозного характера (*the Bible, the Rule, the Book of Exodus, the Book of Revelations, the Holy Scriptures*), письменными источниками медицинского характера (*the Canon, De Urinis, Ars Medica, Poemon Medicine, Dietand Hygiene, On the Parts of Medicine, the Kungsbridge Panacea*), литературными письменными источниками (*the Romance of Alexander, the Song of Roland, Virent Oculi, the story of Susanna*), источниками общественно-политического характера (*Domesday Book, Constitutions of Clarendon, Ordinance of Laborers, Magna Carta, the Statute of Laborers*), источниками научного характера, в частности философского (*the Consolation of Philosophy*) и математического (*Elements of Geometry*). Количественное преимущество письменных источников религиозного характера (21 ед. / 51%) объясняется сюжетом дилогии (где рассказывается о строительстве монастыря, жизни монахов в монастыре и за его пределами) и общественно-политическими тенденциями эпохи Средневековья (когда авторитет и власть церкви были неоспоримыми).

Семантическая классификация зоопозтонимов дилогии Кена Фоллетта представлена семантическими классами по роду животного: кионимами (*Hop, Scrap, Skip, Barley, Blade, Bruno*), гипонимами (*Blackie, Stamp, Fletch, Griff, Victory*) и фелинонимом (*Archbishop*). Среди зоопозтонимов, зафиксированных только в саге «Мир без конца», превалируют кионимы (6 ед./ 50%). Как показал анализ кионимов дилогии Кена Фоллетта, их семантика раскрывается благодаря апеллятиву, с которым ассоциируется зоопозтоним, ведь, как правило, семантическое значение апеллятива становится основным признаком зоопозтонима. Например, кионим *Hop* (от англ. «подпрыгивать, скакать на одной ноге») – собака, у которой по сюжету только три лапы и которая из-за этого кривобоко скачет. Зоопозтонимы очень тесно связаны с антропопозтонимами, а их употребление в дилогии мотивировано сюжетом.

Эргопоэтонимы обозначают названия различных объединений людей: политических (*Parliament, the Lords, the Commons*), социально-общественных (*the Wool Company, Commission of Laborers*) и военно-религиозных (*the Knights of Saint Thomas of Acre*). Хрематопоэтонимы включают названия предметов материальной культуры и представлены названиями водных транспортных средств (*the Grace, the White Ship*), названием ткани (*Kingsbridge Scarlet*) и предмета живописи (*Christ Risen*). Семантика хрематопоэтонимов и эргопоэтонимов раскрывается путем компонентного анализа (эргопоэтоним *Commission of Laborers* – комиссия рабочих – включает элементы, свидетельствующие о сфере деятельности объединения), а также может быть восстановлена из контекста (*You are talking about a sort of Commission of Laborers ... Appoint a panel in each county, a dozen or so men who go from place to place ferreting out runaways* [2, с. 772], где в контексте раскрывается цель деятельности данного эргопоэтонима).

Подытоживая все сказанное, необходимо подчеркнуть, что поэтонимикон Кена Фоллетта преимущественно антропопоэтонимичен и топопоэтонимичен. Однако зафиксированные в диалогии хронопоэтонимы, библиопоэтонимы, идеопоэтонимы, зоопоэтонимы, хрематопоэтонимы и эргопоэтонимы, являясь менее репрезентативными, но не менее значимыми семантическими разрядами поэтонимов, несут многоаспектную лингвистическую и экстралингвистическую информацию, помогая воссоздать «дух времени». Перспективным направлением исследования представляется создание поэтонимического словаря Кена Фоллетта.

ЛИТЕРАТУРА

1. Follett Ken. The Pillars of the Earth [Text] / K. Follett. – London: Pan Books, 1990. – 1076 p.
2. Follett Ken World Without End / Ken Follett. – New York: New American Library, 2008. – 1015 p.

АННОТАЦИЯ

Минина Е. В. Семантические особенности поэтонимикона Кена Фоллетта (на материале диалогии «Столпы Земли» и «Мир без конца»)

Статья посвящается изучению семантических особенностей поэтонимикона диалогии Кена Фоллетта «Столпы Земли» и «Мир без конца». Установлено, что поэтонимикон Кена Фоллетта преимущественно антропопоэтонимичен и топопоэтонимичен. Благодаря использованию компонентного, этимологического и

контекстуального анализа удалось определить, что семантика поэтонимов Кена Фоллетта имплицитруется с помощью апеллятивов, этимологии, контекста и сюжета художественного произведения.

Ключевые слова: поэтонимикон, поэтоним, семантический разряд, апеллятив.

SUMMARY

Minina Ye. V. Semantic specifics of Ken Follett's poetonymicon (based on the dilogy «The Pillars of the Earth» and «World without end»)

The article is devoted to the study of semantic specifics of Ken Follett's poetonymicon in the dilogy «The Pillars of the Earth» and «World without end». The research has pointed out Ken Follett's poetonymicon being antropopoetonymic and topopoetonymic. The application of the componential, etymological and contextual analysis has enabled the author to determine, that the semantics of poetonyms is implied with the help of appellatives, etymology, the context and the plot of a literary work.

Key words: poetonymicon, poetonym, semantic group, appellative.

*О. А. Пинзон
(г. Донецк, ДНР)*

УДК 81(045)

ВЛИЯНИЕ РОМАНСКИХ И ГЕРМАНСКИХ ЯЗЫКОВ НА РУССКИЙ

Любой язык, в том числе и русский, на протяжении всей своей истории развития претерпевает изменения. Времена завоеваний не проходят бесследно – не только в культуре, но и в речи наших предков появлялись новые слова, заимствованные из других языков. Позже, в эпоху правления Петра I в русскую речь стало приходить все больше новых слов из романо-германской группы. На русский язык оказывали влияние и другие языковые группы, но уже в меньшей мере. Сегодня многие заимствования того времени ни у кого не вызывают удивления. Например, мы уже давно привыкли к таким словам, заимствованным из французского языка, как абажур (abat-jour – приглушитель света), abordаж (abordage – борт судна), аванс (avance – опережение); из немецкого – абзац (absatz – раздел, часть текста), бакенбарды (backen – щека и bart – борода); из английского – аврал (over all – все наверх), банкнота (bank – банк и note – расписка) и

многие другие. Эти слова мы используем не задумываясь. Но и им на смену могут приходить новые, в том числе и те, которые используются в речи специалистов.

Поскольку профессиональное общение предполагает включение в речь терминов, то в нем заимствования встречаются гораздо чаще, чем в повседневной речи. Язык библиотекарей тоже меняется со временем, появляются современные формы работы, а с ними и новые слова. Такие как буккроссинг, библиоинновация и многие другие. Википедия говорит, что Буккроссинг (англ. book crossing) – хобби и общественное движение, действующее по принципу социальных сетей и близкое к флешмобу. Человек, прочитав книгу, оставляет («освобождает») её в общественном месте (парк, кафе, поезд, библиотека, станция метро) для того, чтобы другой случайный человек мог эту книгу найти и прочитать; тот в свою очередь должен повторить это же действие [2]. В самом определении мы встречаем еще одно слово иностранного происхождения – флешмоб. По определению Википедии Флешмоб (от англ. flash mob, дословно – мгновенная толпа [*flash* – миг, мгновение, *mob* – толпа]) – заранее спланированная массовая акция, в которой большая группа людей появляется в общественном месте, выполняет заранее оговоренные действия (сценарий) и затем расходится [8]. Что касается современных специалистов, занятых в других сферах деятельности, то в последнее время они также все чаще используют в языке интернет-термины и понятия из своей профессиональной деятельности.

Иногда в повседневном общении мы можем встретить такие новые слова-заимствования, взятые из профессиональной речи. Однако они не всегда «приживаются» и не все понимают их смысл, а некоторые интерпретируют его не верно. Но если слово понятно многим, то постепенно оно может войти в речь. С приходом новых слов и значений меняется не только наш язык, а и культура.

Мир вокруг нас меняется, появляются новые термины и понятия, поэтому закономерно изменение речи и языка. Жизнь современного человека не мыслима без компьютера – даже люди, не связанные в профессиональном плане с интернет-технологиями, в повседневной жизни используют социальные сети, новостные сайты и т. д. Поэтому в век компьютерных технологий все больше терминов из интернета переходят в наш повседневный язык. Уже даже появился компьютерный сленг. Слова интернета – это тоже заимствования, в основном из английского языка. Например, уже никого не удивит слово браузер (browse – просматривать), геймер (game – игра), ноутбук (notebook – блокнот, записная книжка).

Эти слова были исследованы и обобщены лингвистами Школы филологии Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» под руководством доктора филологических наук М. Кронгауза, а результатом их трудов стал «Словарь языка интернета.ru».

Это не первое исследование М. Кронгауза. Лингвист уже давно занимается анализом состояния современного русского языка, переполненного заимствованными словами, интернет-сленгом, молодежным жаргоном и пр. Еще одно издание «Русский язык на грани нервного срыва», в котором название книги выражает отношение исследователя к тем изменениям, которые происходят в нашем языке. М. Кронгауз говорит, что язык – вещь удивительно тонкая, саморазвивающаяся и самовосстанавливающаяся и что современная языковая ситуация всего лишь временная. И то, как будет меняться язык, во многом зависит от нас: «Я, в принципе, не против заимствований, я только хочу, чтобы русский язык успевал их осваивать, я хочу знать, где в них ставить ударение и как их правильно писать» [5].

Лингвист в очередной раз подтверждает тот факт, что новые слова, будь то заимствования или неологизмы, образованные от иностранных слов, не всегда понятны простому обывателю. Если это слово, имеющее корни из какого-либо языка романо-германской группы, то человек, знающий иностранный язык, скорее всего поймет, о чем идет речь. Но далеко не каждый знает языки и может быстро понять смысл заимствования.

Интересно, что в некоторых странах проблема заимствований выходит на государственный уровень: «Генеральный комитет Франции по терминологии официально одобрил несколько неологизмов, связанных с интернетом, и официально включил их в состав французского языка. Новые слова введены вместо англоязычных заимствований и призваны сохранить чистоту французского языка. Теперь использование новых слов на французских сайтах и в прессе является предпочтительным по отношению к английским терминам или их переводам» [11]. И это оправданная мера, поскольку язык и культура народа неразрывно связаны между собой.

В русском языке некоторые слова были заменены на более привычные, то есть заимствования «не прижились» в языке. Так, в труде *К. И. Чуковского «Живой как жизнь»* он не только выступает за чистоту родной речи, но и приводит примеры того, как иностранные слова заменялись русскими:

«Первым и чуть ли не важнейшим недугом современного русского языка в настоящее время считают его тяготение к иностранным словам.

Действительно, эти слова могут вызвать досадное чувство, когда ими пользуются зря, бестолково, не имея для этого никаких оснований.

И да будет благословен Ломоносов, благодаря которому иностранная перпендикула сделалась маятником, из абриса стал чертеж, из оксигениума – кислород, из гидрогениума – водород, а бергверк превратился в рудник... И, конечно, это превосходно, что такое обрусение слов происходит и в наши дни, что аэроплан заменился у нас самолетом, геликоптер – вертолетом, грузовой автомобиль – грузовиком, митральеза – пулеметом, думпкар – самосвалом, голкипер – вратарем, шофер – водителем» [9]. Далее автор приводит несколько примеров использования иностранных слов в юмористических произведениях известных писателей – Некрасова, Маяковского – которым тоже были чужды такие слова, как индежестия, апогей, фиаско.

В современном языке, который пестрит компьютерными терминами, некоторые из них тоже были заменены на более привычные нашему слуху слова. Например, компьютерная мышь, собака и так далее. И это свидетельствует о том, что, с одной стороны, мы «русифицируем» термины, а с другой – адаптируем свою речь. Однако над ее чистотой нам еще нужно работать. Поскольку в речи заключается не только смысл сказанных слов, а и культурное наследие и традиции народа, язык выступает фактором формирования национальной культуры.

Проблема культуры речи не нова. За чистоту родного языка выступали многие известные писатели прошлого века. Так, например, в своих письмах Антон Павлович Чехов выступал за краткость, выразительность. Против заимствований в своих произведениях выступает и Михаил Зощенко. В своём рассказе «Обезьяний язык» автор полемизирует: герои «играют» иностранными словами, совершенно не понимая их значения. На первый взгляд интеллигентные люди употребляют в своей речи иностранные слова совершенно не к месту, превращая русский язык в обезьяний. Автор задумывается о судьбе языка: нужно сохранять его чистоту и не следовать слепо моде, ведь это может привести к недопониманию, что и произошло в рассказе.

Однако от всех иностранных слов мы не можем отказаться, поскольку многие нами заимствованы очень давно, еще со времен Древней Греции и Рима. Например, библиотека, грамматика, диалог, республика. А также слова, образованные от латинских корней: телефон, телевизор, политика, экономика, термометр.

Но те слова, которые заимствуются в последнее время, зачастую не к месту используются, неправильно произносятся,

в связи с чем может искажаться смысл сказанного. Проблему излишнего употребления иностранных слов в средствах массовой информации поднимает в своем юмористическом рассказе «В эфире ньюзости» писатель-сатирик А. Кнышев, эпиграфом которого стала фраза «О великий и могучий новый русский язык!». Он говорит о так называемом новом русском языке, который пестрит слова, взятыми из английского языка. Рассказ начинается с такого приветствия: «Добрый ивнинг, уважаемые телевьюеры, уотчеры и лукеры». В конце автор приводит «Приложение (для изучающих новый русский язык)», то есть краткий словарь терминов, лишь благодаря которому можно понять смысл текста, где, например, уотчеры, лукеры и व्यуеры – это просто телезрители. Повествование кажется абсурдным, но автор этого и хочет. Его цель – показать, к чему может привести мода на употребление иностранных слов в русском языке, которым можно найти русский эквивалент [4].

Действительно, в нашей речи много заимствований. От некоторых мы не можем отказаться, их использование неизбежно, так как они ощущаются нами как русские. Особенно это касается слов, заимствованных очень давно и имеющих латинские и греческие корни. К примеру, слово библиотека. А вот от неологизмов, значение которых мы не понимаем, лучше было бы отказаться, поскольку они зачастую неверно употребляются, искажается их смысл.

ЛИТЕРАТУРА

1. Английские заимствования в русском языке: 120 часто употребляемых слов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://englex.ru/english-borrowings-in-russian/>.
2. Буккроссинг [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%91%D1%83%D0%BA%D0%BA%D1%80%D0%BE%D1%81%D1%81%D0%B8%D0%BD%D0%B3>.
3. Как составляли «Словарь языка интернета.ru» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.the-village.ru/village/city/situation-comment/252767-slovar-yazyka-interneta>.
4. Кнышев А. В эфире ньюзости [Электронный ресурс] / Андрей Кнышев. – Режим доступа: <http://vokrugsmeha.ru/tales11.shtml>.
5. Кронгауз М. Русский язык на грани нервного срыва [Электронный ресурс] / Максим Кронгауз. – Режим доступа: <http://knigosite.org/library/read/46220>.
6. Словарь иностранных слов / под ред. И.В. Лехина и проф. Ф.Н. Петрова. – Москва : Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1954. – 856 с.

7. Словарь терминов интернета [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://prt56.ru/slovar-terminov-interneta/>.
8. Флешмоб [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A4%D0%BB%D0%B5%D1%88%D0%BC%D0%BE%D0%B1>.
9. Чуковский К. Живой как жизнь [Электронный ресурс] / Корней Чуковский. – Режим доступа: http://vivovoco.astronet.ru/VV/BOOKS/LANG/LANG_3.HTM.
10. Язовицкий Е.В. Русские писатели и ученые о культуре речи [Электронный ресурс] / Ефрем Владимирович Язовицкий. – Режим доступа: <https://librolife.ru/g4297054>.
11. 10/12/2002 В Интернете говорят не только по-английски [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.langust.ru/news/10_12_02.shtml.

АННОТАЦИЯ

Пинзон О. А. Влияние романских и германских языков на русский

Статья посвящена влиянию романских и германских языков на русский. В ней рассматривается вопрос уместного использования неологизмов и чистоты речи. Приводятся цитаты известных писателей-классиков, которые выступали за чистоту родного языка, в частности К. Чуковского, М. Зощенко. Проблемы заимствований волновали и филологов, в частности ученый-лингвист М. Кронгауз говорит о необходимости использования заимствований и интернет-сленга. Похожую проблему поднимает и писатель-статирик А. Кнышев. Статья будет интересна как специалистам-филологам, так и широкому кругу читателей.

Ключевые слова: заимствование, иностранный, русский, язык, слово, значение.

SUMMARY

Pinzon O. A. Influence of the Romanic and Germanic languages on Russian

The article is devoted to the influence of the Romanic and Germanic languages on Russian. It considers the question of pertinent use of neologisms and purity of the speech. Quotations of famous classic writers are given, which advocated the purity of native language, in particular: K. Chukovsky and M. Zoshchenko. The problems of borrowing were also regarded by philologists; in particular the scholar-linguist M. Cronhaus speaks about the need to use borrowings and the Internet slang. A similar problem is raised by the writer and satirist A. Knyshev. The article will be of interest to philologist specialists as well as to a wide range of readers.

Key words: borrowing, foreign, Russian, language, word, meaning.

Е. В. Соловцова
(г. Горловка, ДНР)

УДК 81.233:159

ТИПОЛОГИЯ ИЛЛОКУТИВНЫХ ПРЕДИКАТОВ

Перспективным направлением исследований в современной лингвистике является теория речевых актов. Данное лингвистическое направление рассматривает речевой акт как минимальную единицу дискурса, которая репрезентирует коммуникативное взаимодействие отправителя и получателя информации, происходящее последовательно в три этапа: локуции, иллокуции и перлокуции. Локуция определяется как акт произнесения высказывания (в совокупности фонетического, фатического и ретического актов); иллокуция – выражение определённой коммуникативной цели в ходе совершения речевого действия; перлокуция – результат речевого воздействия на чувства и мысли реципиента [7, с. 84–88].

В сложной системе семантико-прагматических понятий именно иллокутивному акту принадлежит центральное место. Иллокутивный акт в структуре высказывания выполняет следующие функции:

- заменяет физическое действие (приказ обязывает исполнять определённое действие; обещание предшествует следующему за ним физическому действию);
- подготавливает к осуществлению физического действия (постановка заданий, планирование);
- выступает пояснением предшествующего ему действия (извинение, оправдание, объяснение);
- является социальным действием (назначение на должность, вынесение приговора);
- регулирует физическое действие (инструктаж, объяснение характера действий) [9, с. 157].

Изучение иллокутивных предикатов активно осуществляется как отечественными лингвистами (Ю. Д. Апресян, Н. Д. Арутюнова, В. В. Богданов, Е. В. Падучева, Г. Г. Почепцов, Ю. С. Степанов и др.), так и зарубежными (Э. Бенвенист, Д. Вандервекен, А. Вежбицкая, З. Вендлер, Дж. Лич, Дж. Остин, Дж. Серль и др.) исследователями.

Особого внимания в контексте изучения современной лингвистической науки заслуживает исследование иллокутивных

предикатов глагольного типа, семантика которых эксплицирует коммуникативную цель продуцента высказывания, а также определяет формальную и семантическую организацию предложения.

Цель данного исследования заключается в изучении дифференциальных особенностей иллокутивных глаголов, выступающих ядерными предикативными компонентами предложения. **Предметом** предлагаемого исследования являются иллокутивные глаголы, выражающие коммуникативную направленность высказывания.

Достижение поставленной цели предусматривает решение следующих **задач**:

- охарактеризовать дифференциальные признаки иллокутивных глаголов;
- вывести семантические формулы иллокутивных глаголов;
- проанализировать связь иллокутивности с перформативностью;
- описать собственно иллокутивные и контекстуально иллокутивные предикаты;
- определить связь семантики иллокутивного глагола с иллокутивной силой, реализуемой в высказывании.

Под термином «иллокутивный глагол» подразумевается глагол, в семантической структуре которого имеется компонент, обозначающий цель речевого действия. Эксплицитное употребление таких глаголов в предложении служит для идентификации интенции говорящего и, соответственно, выражения иллокутивной функции высказывания: *Находчивый полковник медицинской службы Вильченко приказал сдвинуть койки* (М. Елизаров, «Госпиталь») (*приказывать* – иллокутивная функция приказа); *Эраст хотел жениться на Лизе, а Лиза обещала ему быть послушной и верной женой* (А. Дмитриев, «Воскобоев и Елизавета») (*обещать* – иллокутивная функция обещания); *Головастый тогда жил у сторожа, и сторож разрешил ему поучиться* (К. Сергиенко, «До свидания, овраг») (*разрешать* – иллокутивная функция разрешения).

Иллокутивные глаголы являются маркерами коммуникативной направленности высказывания, они называют сам акт речи или обращения к кому-либо с целью достигнуть чего-то или побудить кого-то выполнить определённое действие.

Дифференциальными признаками иллокутивных глаголов является наличие сем субъектности, объектности, адресованности, то есть они соотносятся со следующей семантической моделью: «лицо, которое побуждает (посредством речи) к выполнению

определённого действия – процесс побуждения – лицо, которому адресовано выполнение действия – то, к чему побуждают».

Доминантной семантической особенностью конструкций с иллокутивными предикатами является результативность. Употребление иллокутивного предиката (каузация) способствует появлению нового состояния адресата каузированного воздействия, которое, в свою очередь, обуславливает его последующие действия. Семантико-синтаксическая структура предложений с иллокутивными предикатами содержит такие компоненты: субъект каузации (каузатор), объект каузации, иллокутивное действие, результат каузированного влияния (каузации). Так, в предложении *Преподаватель приказал студенту покинуть аудиторию* субъектом каузации является преподаватель, объектом каузации – студент, иллокутивное действие – приказал, результат каузации – студент должен покинуть аудиторию, потому что так ему приказал преподаватель.

Будучи идентичными по цели (способу влияния на собеседника), иллокутивные глаголы могут иметь различный уровень интенсивности выражения иллокутивной силы. Так, например, иллокутивные глаголы *обещать* и *клясться* являются репрезентантами комиссивов (речевой акт, при произнесении которого говорящий обязуется осуществить какое-то действие), их иллокутивная цель идентична (продуцент высказывания берет на себя обязательство исполнить / не исполнить что-либо), однако очевидно, что эти предикаты имеют разный иллокутивный потенциал, отличаются по степени градации интенсивности оказываемого иллокутивного влияния, которое может быть большим или меньшим (глагол *обещать* имеет меньшую степень иллокутивной силы по сравнению с иллокутивным глаголом *клясться*; аналогично *предполагать* / *утверждать*, *советовать* / *приказывать*). Из сказанного выше следует вывод, что иллокутивная сила высказывания прежде всего обусловлена семантикой глагола.

Отдельного внимания заслуживают высказывания, не имеющие вербальных компонентов, эксплицирующих иллокуцию. Так, например, высказывание типа *Я завтра приду к тебе* может расцениваться одновременно как сообщение, обещание, угроза и, таким образом, является ситуативно конвенциональным. Его верная интерпретация возможна лишь при наличии общей апперцепционной базы коммуникантов и знании пресуппозиции. Вне ситуации речевого общения, данное высказывание и ему подобные не маркируют той интенции, которая была свойственна для них в пределах ситуации говорения. Однако стоит отметить,

что возможны ситуации, когда вербально выраженный глагольный компонент может не быть репрезентантом иллокутивной функции, это касается прежде всего глаголов речи. Высказывание *Говори тебе, не делай этого* является директивом, который может восприниматься как просьба, совет, предостережение, приказ, мольба. В анализируемой речевой конструкции иллокуция не имеет эксплицитной репрезентации, чем и обусловлено разнообразие типов интенций, с которыми данное высказывание как акт речи может быть соотнесено.

Употребление в ситуации речевого общения высказываний, содержащих иллокутивные глаголы, можно описать универсальной формулой: *X говорит это, потому что хочет, чтобы Y руководствовался полученной информацией в своих действиях*. Принимая за основу классификацию Дж. Сёрля [10, с. 181–185], в нашем исследовании оперируем такими группами иллокутивных актов и, соответственно, такими иллокутивными глаголами, как ассертивы, директивы, экспрессивы, комиссивы, декларативы. Принцип выделения названных типов иллокутивных глаголов основывается на иллокутивных целях, которые реализуются в речевых актах посредством взаимодействия продуцента и реципиента информации.

Определяющий критерий выделения указанных групп подразумевает тот факт, что каждый иллокутивный класс сопоставляется с позицией, намерением и эмоциональным расположением адресанта, а сам иллокутивный предикат согласован с предикатом пропозициональных установок [4, с. 45–46]. Таким образом, выделяются пять групп иллокутивных предикатов.

1. Ассертивы (репрезентативы), цель которых заключается в информировании адресата о сути происходящего и резюмировании истинностной оценки (*X информирует Y о положении дел с последующим оцениванием происходящего; X убеждён, что A*). Важным условием для успешного осуществления высказываний данного типа является тот факт, что адресат должен располагать определённым социально-коммуникативным опытом, чтобы осуществить интерпретацию и расширение информации, которую он получил: *я вынужден констатировать, что ..., я должен сообщить, что ..., я считаю, я полагаю и т. д.: Утром посланец известил Хальварда, что воевода Перемысл, только что вернувшийся из Смоленска, желает прибыть к нему для важного разговора* (Б. Васильев, «Вещий Олег»); *Гриша подтвердил, что кругом еврейское население истребляется, такая же участь ожидает и наш город* (А. Рыбаков, «Тяжёлый песок»); *Володя уверил нас, что Бабня вся стоит и лёд надёжный* (В. Солоухин,

«Григоровы острова»); *Навещавшая её сослуживица сообщила мне по секрету, что его отравила крысиным ядом соседка, обещавшая за ним присматривать...* (И. Грекова, «Перелом»).

2. Директивы направлены на побуждение слушателя совершить какое-либо действие (*X воздействует на Y, чтобы Y совершил A*). Данный класс иллокутивных глаголов демонстрирует волеизъявление адресанта, главной целью которого является прямое побуждение адресата к действию. Директивные высказывания соотносят с такими глаголами, как *приказывать, требовать, советовать, командовать, просить, предлагать, требовать, запрещать* и т. д.: *Председатель приказал высчитывать из трудодней пастухов стоимость выпитого молока по слишком высоким, почти городским ценам* (Ф. Искандер, «Святое озеро»); *Юлия Михайловна со своим неизжитым за тридцать лет немецким простодумием предложила поставить рядом со спящим стакан воды с содой и таблетку пирамидона* (Ю. Трифонов, «Дом на набережной»); *Саши лично переговорил с аллергологом, назвал е шарлатанкой и запретил Оле ее вызывать* (М. Трауб, «Семеновы»); *Директор требовал, чтоб назвали бандитов по именам* (Ю. Трифонов, «Дом на набережной»).

В различных примерах коммуникативного взаимодействия под директивами подразумеваются разные формы. Это могут быть рекомендации, советы, приказы, прошения, запреты, просьбы. Отличительной чертой директивных глаголов является их семантическая направленность на то, чтобы внести определённые изменения в мир, который окружает адресата и адресанта: «осуществить действие таким образом, чтобы окружающий мир характеризовался как тот, который соответствует данному высказыванию» (по Дж. Серлю, направление приспособления между высказыванием и действительностью) [10, с. 172–177].

3. Экспрессивы употребляются с целью выражения психологического состояния говорящего, его позиции, отношения к положению дел, к своему поведению, поведению адресата (*X сообщает Y своё эмоциональное состояние относительно A*). Адресант артикулирует определённое суждение и выражает, таким образом свои эмоции и чувства по отношению к чему-либо или кому-либо. Исследователь Дж. Серль определяет иллокутивные глаголы класса экспрессивов такими лексическими средствами, как: *благодарить, поздравлять, извиняться, соболезновать, сожалеть, приветствовать* и др. [10, 183]: *В конце собрания Лесючевский с трибуны поздравил сестёр с получением диплома* (С. Каледин, «Аллея Руж»); *В отличие от Спиридонова, Костя оказался нормальным человеком, еще раз извинился* и ушёл

(А. Слаповский, «Любовь по-нашему»); *Раиса Михайловна позвонила и поблагодарила за цветы* (А. Терехов «Каменный мост»); *Поднявшись со стула, Шилов принял чемодан из рук санитара, попрощался с директором и в добром настроении, ни на кого не держа зла, покинул кабинет* (А. Ветров, «Возвращение домой»). Важным условием осуществления речевого акта с помощью экспрессивов считают выполнение и следование правилам этикета, нормам вежливости).

4. Комиссивы обязывают продуцента высказывания произвести какое-либо действие (*У обязуется совершить А; Я Х говорю, что ...; Я Х + инфинитив*). Действие данного класса глаголов нацелено не на адресата, а на адресанта, по причине возложения на него ответственности, которая предполагает выполнение данного им обещания: *обещать, гарантировать, давать обязательство, ручаться* и т.д.: *И Женя обещала прийти сегодня в первой половине дня и показать, как и что она делает, чтобы Дорожкины посмотрели своими глазами* (А. Маринина, «Последний рассвет»); *Слава Зайцев, делавший эскизы для наших костюмов, заверял всех наших домашних и просто знакомых, что он непременно всем сошьёт по костюму* (Ю. Визбор, «Когда все были вместе»); *Ямицк ручался головой, что перевезёт барышню без опаски* (И. Лажечников, «Беленькие, чёрненькие, серенькие»); *К тому же тётя Римсо, заботясь об интересах Аннет, гарантировала мне, что все останется втайне от её мужа* (П. Дубровин, «Аннет»). Адресант берет на себя ответственность совершить какое-либо действие или вести себя определённым образом [10, с. 184]. Отметим, что высказывания с иллокутивными предикатами комиссивной семантики характеризуются минимальной иллокутивной силой, поскольку не оказывают влияния на адресата, их использование является манифестацией определённого сообщения. При перформативном употреблении предикатов данной группы создаётся ситуация, идентичная речевому действию.

5. Декларативы, цель которых заключается в попытке отправителя сообщения изменить статус реципиента или ситуации посредством определённого высказывания (*Х информирует У о решении; Х, говоря А, делает А фактом*). При этом адресанту полагается обладать соответствующим социальным статусом, чтобы быть уполномоченным вербализовать выражения данного класса; его высказывание должно иметь регламентированное речевое оформление и реализовываться в институционально обусловленной ситуации [10, с. 185]. Примеры деклараций часто встречаются в различных официальных заявлениях и высказываниях: *Вы приняты, Объявляю экстренное совещание,*

Объявляю вас мужем и женой и многие другие. В данном контексте следует также подчеркнуть, что употребление в определённых коммуникативных ситуациях глаголов-декларативов предопределено общепринятыми социальными предписаниями: *А Саат встал с трона и народ свой благословил* (Г. Садулаев, «Таблетка»); *В Бурятии живёт лама, он отрёкся от Будды, ему платят пенсию* (Б. Черных, «Остров Дятлинка»); *В соответствии с законом объявляю вас мужем и женой* (М. Мишин, «Таинство»).

Важно отметить, что одни и те же иллокутивные глаголы могут употребляться как информативно (с целью описания определённого события и отсылки к нему в другом высказывании), так и перформативно (для непосредственного совершения этого самого речевого акта и экспликации его характера): *Он клянётся* (сообщение о клятве) / *Я клянусь* (непосредственное осуществление клятвы): *Тут Ранке всплеснул руками и сказал искренне и горячо, что он клянётся своей матушкой* (А. Ефремов, «Любовь и доблесть Иохима Тишбеина») / *Я клянусь его памятью, что этот разговор был и все это правда* (В. Конецкий, «Вчерашние заботы»). Перформативные высказывания содержат эксплицитные показатели иллокутивной силы. При этом констативные высказывания могут оцениваться как истинные или ложные. Перформативные же высказывания, будучи равнозначными действиям (просьба, приказ, обещание, требование, благодарность) и создающими новые социальные, коммуникативные, межличностные ситуации, не могут быть оценены с позиций категорий истинности / неистинности, однако должны удовлетворять «условию успешности» и, соответственно, верифицироваться как успешные или неуспешные (реализованные/ нереализованные) [10, с. 174].

Перспективы и дальнейшие векторы исследования. Интерес к изучению иллокутивных предикатов обусловлен их особым социальным значением как средств выражения интенций говорящего, которые конкретизируются в речевом акте. Плодотворным для развития темы представляется дальнейшее детальное изучение иллокутивных глаголов на материале определённых дискурсивных фрагментов. Научно перспективным видится исследование особенностей функционирования иллокутивных глаголов в разных языках.

ЛИТЕРАТУРА

1. Баландіна Н. Ф. Перформативи як індикатори функцій конвенційних висловлень / Н. Ф. Баландіна // Мовознавство. – 2010. – № 2–3. – С. 194–203.

2. Бацевич Ф. С. Прагматичні перформативи: спроба обґрунтування / Ф. С. Бацевич // Мовознавство. – 2008. – № 1. – С. 31–34.
3. Бенвенист Э. Общая лингвистика / Э. Бенвенист. – М., 1974. – 407 с.
4. Богданов В. В. Речевое общение: прагматические и семантические аспекты / В. В. Богданов. – Л.: ЛГУ, 1990. – 86 с.
5. Богданов В. В. Иллокутивная функция высказывания и перформативный глагол / В. В. Богданов // Содержательные аспекты предложения и текста. – Калинин, 1983. – С. 27–38.
6. Вендлер З. Иллокутивное самоубийство / З. Вендлер // Новое в зарубежной лингвистике. – Вып. 16. Лингвистическая прагматика. – 1985. – С. 238–250.
7. Остин Дж. Л. Слово как действие / Дж. Л. Остин // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17. Теория речевых актов: [сборник / общ. ред. Б. Ю. Городецкого]. – М.: Прогресс, 1986. – С. 22–129.
8. Серль Дж. Основные понятия исчисления речевых актов / Дж. Р. Серль, Д. Вандервекен // Новое в зарубежной лингвистике: [Сб. ст.]. – Вып. 18: Логический анализ языка. – М.: Прогресс, 1986. – С. 252–255.
9. Серль Дж. Р. Что такое речевой акт // Новое в зарубежной лингвистике, 1986. – Вып. XVIII. – С. 151–169.
10. Серль Дж. Классификация иллокутивных актов / Дж. Серль // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17. Теория речевых актов : [сборник / общ. ред. Б. Ю. Городецкого]. – М. : Прогресс, 1986. – С. 170–194.

АННОТАЦИЯ

Соловцова Е. В. Типология иллокутивных предикатов

В статье рассматриваются типологические особенности иллокутивного предиката как средства достижения коммуникативной цели адресанта. Выделяются типы иллокутивных предикатов по способу реализации их иллокутивного потенциала. Исследуется взаимосвязь семантики иллокутивного глагола с иллокутивной силой высказывания.

Ключевые слова: иллокутивный предикат, иллокутивная сила, интенция.

SUMMARY

Solovtsova E. V. Typology of illocutionary predicates

The article deals with the investigation of distinctive features of illocutionary predicates which are used to attain the sender's communicative goal. Types of illocutionary predicates due to

the means for implementation of their illocutionary potential are differentiated. The correlation between semantics of illocutionary verb and illocutionary force of an utterance is analyzed.

Key words: illocutionary predicate, illocutionary force, intention.

Е. В. Флянтикова
(г. Гродно, РБ)

УДК 81'373

К ВОПРОСУ ОБ ОНИМАХ, СОДЕРЖАЩИХ НОМИНАЦИИ ЕДЫ И НАПИТКОВ (НА МАТЕРИАЛЕ ДАННЫХ НАЦИОНАЛЬНОГО КОРПУСА РУССКОГО ЯЗЫКА)

Онимы представляют интерес для современного языкознания и лингвистики, так как используются для обозначения широкого круга предметов и явлений. Ономастика охватывает все сферы человеческой деятельности, что объясняет многоплановость ее исследования. По мнению А. В. Суперанской, следует выделять пять основных самостоятельных направлений ономастики: теоретическую, описательную, историческую, прикладную и поэтическую [44, с. 215]. Изучение онима в художественном произведении (литературная (поэтическая) ономастика), как отмечает А. А. Фомин [48], начало развиваться в 1950–1960 гг. в России в лингвистическом и литературоведческом аспектах.

К лингвокультурологическому анализу художественного текста обращался Д. С. Лихачев [29], который в том числе отмечал, что «особое значение в создании концептосферы принадлежит писателям (особенно поэтам)»; Ю. М. Лотман выделял такой процесс, как «общение между текстом и культурным контекстом» [30]. Вклад в лингвокультурологический анализ текста был внесен В. В. Воробьевым, который раскрыл сущность понятия «лингвокультурема», отметил ее эстетические возможности в литературе для показа национального видения мира [11].

Популярным направлением лингвокультурологического анализа художественного произведения является работа с концептами как с единицами картины мира (Ю. Н. Караулов «Русский язык и языковая личность» [22]; Н. С. Болотнова «О методике изучения ассоциативного слоя художественного концепта в тексте» [5]; Ж. Н. Маслова «Когнитивный подход в исследованиях художественного и поэтического текста» [33] и др.). По мнению И. А. Тарасовой, «художественный концепт рассматривается, прежде всего, как единица индивидуального

сознания, авторской концептосферы, вербализированная в едином тексте творчества писателя» [46, с. 77].

В настоящее время проводятся исследования онимов в лингвокультурологическом и лингво-когнитивном аспектах (В. А. Болотова «Реляционный и культурологический аспект антропонимов в стихах Ш. Бодлера» [6]; Н. В. Головкин «Лингвокультурологический аспект художественного перевода антропонимов. (На материале современной развлекательной фантастики)» [13]; Г. В. Звездова, В. И. Наседкина «Имя литературного персонажа в культурологическом аспекте: на материале повести Н. С. Лескова “Очарованный странник”» [18]; И. В. Зевина «Имена собственные как национально-культурный компонент в языке художественной литературы» [19]; Л. И. Зубкова «Выявление национально-культурной специфики русского личного собственного имени (на материале произведений В. Шукшина и их переводов)» [20]; Ю. Н. Ковалева «Онимы как средство формирования концепта “путь” в повести Н. С. Лескова “Запечатленный ангел”» [23]; М. Н. Аникина «Лингвострановедческий анализ русских антропонимов (личное имя, отчество, фамилия): (на материале русской литературы)» [1] и др.). Ряд исследований посвящен культурологическому анализу художественных текстов с целью выявления содержательной стороны концепта “еда” (Н. С. Марушкина «Отражение русской национальной традиции питания в диалогии Мельникова-Печерского “В лесах” и “На горах”» [32]; Н. Н. Бочегова «Национальная специфика концептов пищи (на материале английского языка)» [7] и др.), анализу лингвокультуры “пища” в художественном дискурсе (Г. Х. Гилязетдинова, Л. Н. Багманова «Репрезентация лингвокультуры “пища” в романах И. С. Шмелева “Богомолье” и “Лето Господне”» [12]).

Однако вопрос анализа онимов художественных (поэтических) текстов, в том числе и в лингвокультурном аспекте, которые содержат в своем составе наименования еды и напитков, представлен немногочисленным количеством исследований (В. В. Беляев «Имя Грушенька в “Братьях Карамазовых” как антропоним» [4]). Актуальность нашего исследования определяется недостаточной степенью исследованности данных онимов.

Цель исследования – на основе использования возможностей семантической разметки поэтического подкорпуса Национального корпуса русского языка (НКРЯ) [35] выявить онимы, содержащие в своем составе наименования еды и напитков, а также определить их роль и функции в поэтическом произведении в лингвокультурологическом аспекте.

Таким образом, материалом исследования стали наименования еды и напитков, отобранные с помощью поэтического подкорпуса НКРЯ. Использование НКРЯ в качестве источника языкового материала обусловлено тем, что он содержит «аутентичный и актуальный языковой материал» [38, с. 205], а специальная организация материала позволяет сократить время на обработку необходимых языковых данных.

При исследовании были использованы следующие методы: детерминированная выборка, инвентаризация и классификация ономастического материала [44, с. 247], контекстуальный анализ, метод моделирования ассоциативно-смыслового поля концепта, а также метод лингвокультурологической интерпретации и полевой метод.

Результат поиска в поэтическом подкорпусе НКРЯ: 14531 документ, 28809 вхождений. Однако нас интересовали только номинации еды и напитков, используемые в качестве онимов. Таким образом, конечный результат – 116 документов.

Полученные данные неоднородны. Благодаря контексту часть выделенных онимов была отнесена к омонимам наименований еды и напитков. Среди них отмечены:

1) фиктонимы [21] (омонимия с собственными именами лиц литературного произведения) (41):

Ведь ни при *Ягоде*, / Ни при Берии я не сидел [40].

Где *ягода* – тип плода и Генрих Григорьевич Ягода, один из главных руководителей органов госбезопасности в СССР.

2) топонимы (омонимия с названиями населенных пунктов) (25):

Я в собственном глазу не замечал соринку, / но тут на *Колобах*, купив свое вино, / впервые увидел ментовскую дубинку, / «ЭРИ–72» большую, как бревно [16].

Где *колобы* – название населенного пункта и мучное блюдо.

3) фитонимы (омонимия с названиями растений) (2):

Кашка, сумка пастушья / от любых болевых / ощущений зрачок / в одночасье готовы избавить [8].

Где *кашка* – растение и блюдо из круп.

4) омонимы с наименованиями должностей (2):

Мандарина дочь убрала подвес, / Баночку румян, жемчуг, яшмы нить / И любовный вздор молодых повес [24].

Где *мандарин* – цитрусовый плод и название чиновника в Китае.

5) омонимия с названиями природных явлений (2):

Наташа спит. *Зефир* летает / Вкруг гофрированных волос [31].

Где *зефир* – западный ветер и род кондитерского изделия.

6) мифоним (омонимия с наименованиями мифических существ) (1):

И Джин Проклятый / Забрызгал кровью весь песок – / И стала шура полосатой [15].

Где *джин* – дух в арабской мифологии и крепкий алкогольный напиток.

Наиболее интересным в рамках настоящей статьи является языковой материал, в котором наименования еды и напитков используются в своем непосредственном значении и являются / входят в состав онимов.

Нами были выделены следующие группы онимов:

1) прагмонимы (11) – «лингвистический термин для вторичного наименования товара, для его торгового названия» [2]:

Научена переходить дорогу. / Ведет подростка к магазину «Хлеб». / Подросток чист и хорошо одет... [39].

Используя наименование еды в качестве названия магазина, автор вводит читателя в дискурс советского времени, акцентирует внимание на сфере потребления. Но «потребление пищи, как собственно все физиологические отправления человека, имеет мощную семиотическую проекцию в национальной культуре» [28, с. 40]: *хлеб* в данном контексте – это и биологическая субстанция, и духовная ценность.

Многозначность слова *хлеб*, отраженная в «Толковом словаре русского языка» (*хлеб*: 1) пищевой продукт, выпекаемый из муки; 2) такой продукт в виде крупного выпеченного изделия; 3) плоды, семена злаков, размалываемые в муку; 4) такие злаки, урожай; 5) то же, что пропитание [36]), определяет набор лингвокультурем: 1) *продукт питания*; 2) *абстрактное обозначение пищи*; 3) *зерно*; 4) *гостеприимство*; 5) *средство существования*. Продуктивны модели, входящие в состав словообразовательного гнезда от ключевого слова *хлеб* (*хлебный, хлебница, хлебосольный, хлебохранилище* и др.), которые свидетельствуют о его значимой роли в языке и культуре. Утверждение о значимости концепта “хлеб” для русской культуры находит свое подтверждение в поговорках: *Хлеб да соль! У меня хлеб чистый, квас кислый, ножик острый, отрежем гладко, поедим сладко, Хлеб на стол, так и стол престол* и др. [14]. «Хлеб наш насущный» – слова из молитвы, которые еще раз подчеркивают основополагающую роль хлеба в физической и в духовной жизни человека. Фундаментальность данного концепта в экспликации ценностных и мировоззренческих основ мира отражена в ряде лингвокультурем: *зерно, пища, продукт, жизнь, традиции и обычаи* (встречать гостей, молодоженов, быть оберегом, помянуть умерших), *табу* (нельзя бросать, ломать хлеб,

смеяться над ним). Таким образом, автор, используя данный словесный знак, акцентирует внимание читателя на традициях русского гостеприимства, этикете, основах жизни и ее духовной составляющей.

2) идеонимы (8) – «названия произведений искусства – картин, скульптур, фильмов, музыкальных и литературных произведений» [42]:

Или, обтянув косоворотку, / в клубе у Кропоткинских ворот / «Яблочко» матросское с охоткой / вузовец на сцене оторвет [41].

Все отмеченные нами идеонимы (8) представлены словом *яблочко* (матросская песня или танец в ритме этой песни), которое олицетворяет эпоху, является гимном удали и бравады, широты и размаха. Данные особенности свойственны русскому характеру. Однако *яблочко* – это еще и уменьшительно-ласкательная форма слова *яблоко*, а также центр мишени [36]. Многозначность данной лексемы объясняет разнообразие ассоциаций к слову *яблочко*: мишень, цель, матрос, молодость, танец, сказка, деревце [37]. Словообразовательная деривация (*яблочный*) выявляет такие признаки данного концепта, как вкус и запах. Яблоко широко представлено в лингвокультурах *факты народной культуры* (сказки, обряды, пословицы), в библейской традиции, что позволяет эксплицировать такие его значения, как молодость, красота, здоровье, мудрость, продолжение рода.

3) фиктонимы (7):

Гражданин *Ром* / Пришел / В ГАЗПРОМ / Ракет / Нет / Самолет / Лет [50].

Отражая обстановку советской обыденности, населяя ее реалиями того времени, автор привносит в описываемую ситуацию повседневности и банальности некий когнитивный диссонанс, именую героя *Ромом*. По «Этимологическому словарю русского языка» *ром* – «заимств. в первой половине XIX в. из англ. яз., где *rum* – сокращение (ср. рок «танец») *rumbullion* “сахарная водка”» [27]. «Толковый словарь русского языка» дает следующее определение слову *ром*: «крепкий алкогольный напиток, получаемый из сока сахарного тростника» [36]. Этот напиток ассоциируется со словами *пират*, *алкоголь*, *бутылка*, *Ямайка* [37]. Ром почти не пользовался спросом в советское время, что было связано с его ценой, специфичным вкусом, непривычным запахом, а также отсутствием культуры коктейлей в СССР (так как ром не используется в чистом виде). Поэтому появление персонажа по имени Ром в таком русском месте, как Газпром, вызывает у читателей чувство непонимания и отчуждение к герою.

4) прозвища как вид антропонимов (5):

КАТКА БУМАЖНЫЙ РАПЕТ / (Либретто) / Мы на мосту стоим / меж лотков и меж корзин / – Рапет бумажный [26].

Кличка или прозвище – это своеобразное второе имя человека, в котором отмечаются его внешние данные, личностные качества, «то есть это своего рода представление об образе жизни “другого”. Оно одновременно характеризует и работоспособность людей, и окружающие природные условия, и уровень их развития» [9, с. 28]. Прозвище героини данного либретто представляет собой реминисценцию одноименного художественного фильма. Значение слова *рапет* толкуется как «1) зимний сорт яблони с винносладыими плодами; 2) плод такой яблони» [36]. Таким образом, прозвище *Бумажный рапет* обозначает род деятельности героини (продавец яблок), способствует порождению ассоциаций. На ассоциаты к слову *яблоко* накладывается характеристика названного сорта (бумажный рапет), что приводит к переносу особенностей сорта (стойкость, жизнеспособность) на качества героини (шире, русского человека). Также реализуется лингвокультурема *образ-архетип*: девушка-яблоня как начало жизни, Мировое древо, которое у славян ассоциировалось с яблоней.

5) аллюзивные онимы (4):

У старого волка морского / Книга лежала Крапоткина / «Завоевание хлеба» [49].

«Аллюзия предстаёт как заимствование некоего элемента из инородного текста, служащее отсылкой к тексту-источнику, являющееся знаком ситуации, функционирующее как средство для отождествления определенных фиксированных характеристик» [51]. В приведенном примере присутствует аллюзия на произведение П. А. Крапоткина «Хлеб и воля». Автор либретто не использует оригинальное название произведения П. А. Крапоткина, он лишь делает намек, отсылает читателя к уже имеющемуся опыту. Однако автор сохранил наименование пищи (*хлеб*), что позволяет читателю эксплицировать в ткань поэтического текста многомерное культурологическое содержание концепта “хлеб”, чья характеристика была дана выше.

6) библионимы (4) – заглавие художественного текста [25]:

Клад (*Мёд*) / Благосклоннейшие скалы, / Мутные волны. / Что тяжелый, то тяжелый, / Но зато – полный [17].

Находясь в позиции до текста, библионимы настраивают читателя на определенное восприятие, дают ключ к дешифровке авторского послания, представляют собой единство времени, пространства и объекта в лаконичной форме.

Слово *мед* представлено двумя значениями: 1) сладкое, густое вещество, вырабатываемое пчелами из нектара; 2) старинный

легкий хмельной напиток [36]. По этимологии слово *мед* общеславянское, буквально – сладкий [27]. Ассоциациями к слову *мед* являются сладость, липкость, пчелы, прополис, цветы, вкусный, еда и т.д. [37]. Словообразовательная активность данного концепта (медовый, медовар, медовик, медуница, медонос и т.д.) свидетельствует о его значимости в языке, а словообразовательная деривация выявляет такие его признаки, как цвет и запах. Культурная репрезентация концепта отражается в ряде паремий (*Цвет пчелкам, а мед женкам, Мед пить, В меду плавать, Вашими устами да мед пить* и др. [14]), в множестве указаний на мед в Священном писании. Концепт “мед” реализуется в следующих лингвокультурах: *запах, вкус, сладость*. Таким образом, к питательности, полезности меда присоединяются такие качества, как дающий силу, обладающий божественной благодатью, что репрезентирует авторское представление о ценности истинного клада.

7) эргонимы (4) – «названия деловых объединений людей, например, союза, организации, учреждения, корпорации, предприятия, общества, заведения, кружка» [47]:

Только лишь из *«Нарком-проса»* / Не создашь *«Нарком-пшена»*. / За пшеном хоть, в пекло ринусь! / Но момент – и в нужный срок / Запевает песню примус / И товарищ-котелок [3].

Наименования организаций, объединений людей несут информацию о роде их деятельности, информируют о цели их занятий.

В отмеченном тексте наблюдается игра слов: аббревиатура слова *просвещение* – прос, входящая с состав Наркомпроса (государственного органа СССР, контролировавшего в 20–30-х годах практически все культурно-гуманитарные сферы [34]), используется в значении омонима (просо – зерновая культура). Тем самым просо противопоставляется пшену как уже очищенному просу: «просо – хлебный злак с метельчатым соцветием и твердыми зернами, очищаемыми для получения пшена» [36]. Данная оппозиция прослеживается и в паремиологическом материале: *Голодной курице просо снится – Красно поле богато пшеном, а беседа умом* [14]. Просо и пшено входят в состав концепта “зерно”, который раскрывается в лингвокультурах *плод, хлеб, начало жизни, истина*. Противопоставление проса и пшена как зерновых культур приводит к оппозиции их концептуальных полей: не хлеб – хлеб; неочищенный – очищенный; пища для животных – пища для человека; ложь – истина. Это заставляет читателя по-иному увидеть и оценить деятельность данного государственного органа.

8) гемеронимы (1) – названия органов периодической печати [21]:

У художника Алова / На Вильгельма Кровавого / Не взял шаржей журнал «*Винегрет*»... [10].

Гемероним как вид онимов не только индивидуализирует то или иное печатное издание, но и несет в своем названии те отличительные черты, которые объединяют различные выпуски одного издания в серию.

Ассоциации к слову *винегрет* (свекла, салат, перемешка, бред и др. [37]), его толкование (холодное блюдо из мелко нарезанных овощей, мяса или рыбы, яиц с соусом, маслом; винегрет в голове у кого-нибудь (перен.: перемешались разнородные сведения, мысли) [36]) в выделенном контексте позволяют считать винегрет лингвокультуремой. Данная номинация обладает экстралингвистической информацией (обязательное блюдо всех советских праздников, доступное всем блюдо), что дает возможность понять суть названного журнала: издание для всех, где соединено несоединимое.

Таким образом, мы пришли к следующим выводам:

1) онимы, содержащие в своем составе номинации еды и напитков, являются частью поэтического ономастикона;

2) данная группа онимов представляет собой концепты, обладающие перцептивными, аксиологическими и онтологическими характеристиками;

3) реализация культурного содержания данных концептов осуществляется на уровне лингвокультурем: национальные образы, образы-архетипы, образы-символы, ритуалы, обряды, обычаи, традиции, табу, поговорки, сказки, библейские традиции;

4) представленная группа онимов придает сжатому поэтическому тексту многомерное содержание, эксплицируя в него образы национально-языковой картины мира.

Номинации еды и напитков являются «константами культуры» [43], что обуславливает их использование в качестве онимов в поэтическом тексте. В процессе использования данных номинаций категориальное значение, репрезентируемое ими, приобретает новую концептуальную структуру. При читательской рефлексии, декодировании информации активизируется как личный, так и общенациональный опыт.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аникина М. Н. Лингвострановедческий анализ русских антропонимов (личное имя, отчество, фамилия): (на материале русской литературы) [Электронный ресурс]: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 1998. – 15 с. – Режим доступа : <https://>

- mgimo.ru/library/publications/lingvostranovedcheskiy_analiz_russkikh_antroponimov_lichnoe_imya_otchestvo_familiya / 08.12.2018.
2. Аслаян С. А., Комолова З. П. Универсалии прагмонимов (на материале армянских, русских и английских названий) [Электронный ресурс] / С. А. Аслаян, З. П. Комолова. – Режим доступа: <http://raber.asj-oa.am/5441/1/71.pdf> / 03.12.2018.
 3. Безыменский А. И. Утром ранним за винтовки... [Комсомолия, 17] (1923); НКРЯ.
 4. Беляев В. В. Имя Грушенька в «Братьях Карамазовых» как антропоним [Электронный ресурс] / В. В. Беляев // Достоевский: материалы и исследования. – 1992. – С. 176–181. – Режим доступа: http://lib2.pushkinskiydom.ru/Media/Default/PDF/Dostoevsky/Materialy/T_10/18_Беляев_176.pdf / 15.11.2018.
 5. Болотнова Н. С. О методике изучения ассоциативного слоя художественного концепта в тексте [Электронный ресурс] / Н. С. Болотнова // Вестник ТГПУ. Серия: Гуманитарные науки (Филология). – 2007. – Вып. 2 (65). – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-metodike-izucheniya-assotsiativnogo-sloya-hudozhestvennogo-kontsepta-v-tekste> / 30.10.2018.
 6. Болотова В. А. Реляционный и культурологический аспект антропонимов в стихах Ш. Бодлера / В. А. Болотова // Ономастическое пространство и национальная культура: материалы Международной научно-практической конференции (Улан-Удэ, 14–16 сентября 2006 г.). – Улан-Удэ, 2006. – С. 222–225.
 7. Бочегова Н. Н. Национальная специфика концептов пищи (на материале английского языка) [Электронный ресурс] / Н. Н. Бочегова // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. – 2004. – С. 85–99. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/natsionalnaya-spetsifika-kontseptov-pischi-na-materiale-angliyskogo-yazyka> / 12.11.2018.
 8. Бродский И. А. Колокольчик звенит... (1965); НКРЯ.
 9. Васькина А. С. Пищевой код в коллективных прозвищах (Каргопольский и Няндомский районы Архангельской области) / А. С. Васькина // Коды повседневности в славянской культуре: еда и одежда / отв. ред. Н. В. Злыднева. – СПб.: Алатейя, 2011. – с. 25–36.
 10. Венский Е. Война и богема (1915); НКРЯ.
 11. Воробьев В. В. Лингвокультурология [Электронный ресурс] / В. В. Воробьев. – М.: Изд-во Российского университета

- дружбы народов, 2006. – 330 с. – Режим доступа: <https://freedocs.xyz/pdf-445081298/> / 18.11.2018.
12. Гилязетдинова Г. Х., Багманова Л. Н. Репрезентация лингвокультуры «пища» в романах И. С. Шмелева «Богомолье» и «Лето Господне» [Электронный ресурс] / Гилязетдинова Г. Х., Багманова Л. Н. // Ученые записки Казанского университета. Серия Гуманитарные науки. – 2012. – Т. 154. – Кн. 5. – С. 151–155. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/v/reprezentatsiya-lingvokulturemy-pischa-v-romana-h-i-s-shmeleva-bogomolie-i-leto-gospodne> / 26.11.2018.
 13. Головкин Н. В. Лингвокультурологический аспект художественного перевода антропонимов. (На материале современной развлекательной фантастики) / Н. В. Головкин // Ab ovo. – Майкоп, 2004. – № 5. – С. 161–165.
 14. Даль В. И. 1000 русских пословиц и поговорок [Электронный ресурс] / В. И. Даль. – М.: Рипол-Классик, 2010. – 320 с. – Режим доступа: <https://e-libra.ru/read/334609-1000-russkih-poslovic-i-pogovorok.html> / 17.11.2018.
 15. Дмитриева Е. И. Земля [Домик под грушевым деревом, 20] (1927); НКРЯ.
 16. Еременко А. Ода «ЭРИ-72» (1991); НКРЯ.
 17. Зальцман П. Я. Клад (Мёд) (1948.06.29); НКРЯ.
 18. Звездова Г. В., Наседкина В. И. Имя литературного персонажа в культурологическом аспекте: на материале повести Н. С. Лескова «Очарованный странник» / Г. В. Звездова, В. И. Наседкина // Текст в лингвострановедческом аспекте. – Калининград, 2003. – С. 128–142.
 19. Зевина И. В. Имена собственные как национально-культурный компонент в языке художественной литературы / И. В. Зевина // Проблемы региональной ономастики : Материалы 2-ой межвузовской научно-практической конференции (Майкоп, 25–27 мая 2000 г.). – Майкоп, 2000. – С. 101–105.
 20. Зубкова Л. И. Выявление национально-культурной специфики русского личного собственного имени (на материале произведений В. Шукшина и их переводов [Электронный ресурс] / Л. И. Зубкова // Вестник Ленинградского государственного университета имени А. С. Пушкина. – 2008. – № 3. – Том 5. – С. 126–136. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/v/proyavlenie-natsionalno-kulturnogo-svoeobraziya-russkih-antroponimicheskikh-formul> / 03.12.2018.
 21. Ибрагимова Г. Информационная функция периферийных онимов в текстах художественной литературы [Электронный

- ресурс] / Г. Ибрагимова // Ученые записки Худжандского государственного университета им. академика Б. Гафурова. Гуманитарные науки. – 2014. – С.122–131. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/informatsionnaya-funktsiya-periferiynyh-onimov-v-tekstah-hudozhestvennoy-literatury> / 25.11.2018.
22. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность / Ю. Н. Караулов. – Изд. 7-е. – М.: Издательство ЛКИ, 2010. – 264 с.
23. Ковалева Ю. Н. Онимы как средство формирования концепта «путь» в повести Н. С. Лескова «Запечатленный ангел» / Ю. Н. Ковалева // Ономастика Поволжья: Тезисы докладов IX Международной конференции (Волгоград, 9–12 сентября 2002 г.). – Волгоград, 2002. – С. 70–72.
24. Коростовец М. П. Китайская шкатулка (1941); НКРЯ.
25. Костина К. В., Климова Л. А. Библионимы в творчестве В. П. Крапивина: семантика, типология [Электронный ресурс] / К. В. Костина, Л. А. Климова // Молодой ученый. – 2015. – № 22 (102). – Режим доступа: <https://moluch.ru/archive/102/23207/> / 01.12.2018.
26. Крученых А. Е. Катька Бумажный Ранет (1928); НКРЯ.
27. Крылов П. А. Этимологический словарь русского языка [Электронный ресурс] / П. А. Крылов. – СПб.: Полиграфуслуги, 2005. – 432 с. – Режим доступа: <https://gufo.me/dict/krylov/> / 14.11.2018.
28. Левкиевская Е. В. Пища повседневная и пища ритуальная: механизмы переключения аксиологических кодов / Е. В. Левкиевская // Коды повседневности в славянской культуре: еда и одежда / отв. ред. Н. В. Злыднева. – СПб. : Алатейя, 2011. – С. 37–47.
29. Лихачев Д. С. Концептосфера русского языка [Электронный ресурс] / Д. С. Лихачев. – Режим доступа: <https://studfiles.net/preview/3542214/page:68/> / 04.12.2018.
30. Лотман Ю. М. Семиотика культуры и понятие текста [Электронный ресурс] / Ю. М. Лотман // Избранные статьи: В 3 т. – Т. 1. – Таллинн : Александра, 1992. – С. 129–132. – Режим доступа: <http://lingvotech.com/lotman-92b/> / 02.12.2018.
31. Мандельштам О. Э. Наташа спит. Зефир летает... [Стихи к Наташе Штемпель] (1937); НКРЯ.
32. Марушкина Н. С. Отражение русской национальной традиции питания в диалогии Мельникова-Печерского «В лесах» и «На горах» [Электронный ресурс] / Н. С. Марушкина // Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал). – 2013. – № 3 (23). – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/otrazhenie->

- russskoy-natsionalnoy-traditsii-pitaniya-v-dilogii-melnikova-pecherskogo-v-lesah-i-na-gorah / 04.12.2018.
33. Маслова Ж. Н. Когнитивный подход в исследованиях художественного и поэтического текста [Электронный ресурс] / Ж. Н. Маслова. – Режим доступа : <http://elib.bsu.by/bitstream/123456789/108597/1/Маслова%20Ж.Н.%20КОГНИТИВНЫЙ%20ПОДХОД%20В%20ИССЛЕДОВАНИЯХ.pdf> / 29.10.2018.
34. Наркомпрос [Электронный ресурс] // Академик. – Режим доступа: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/1055270> / 19.11.2018.
35. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.ruscorpora.ru/> / 15.10.2018.
36. Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка [Электронный ресурс] / С. И. Ожегов. – М.: Мир и образование, 2011. – 736 с. – Режим доступа : <https://dic.academic.ru/contents.nsf/ogegova> / 02.11.2018.
37. Русский ассоциативный словарь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.tesaurus.ru/dict/> / 25.11.2018.
38. Рычкова Л. В. Корпусные технологии как основа инноваций в преподавании иностранных языков / Л. В. Рычкова // Кросс-культурная коммуникация и современные технологии в исследовании и преподавании языков: Материалы международной научно-практической конференции, посвященной 90-летию (БГУ, Минск, 25 октября 2011 г.). – Издательский центр БГУ, 2012. – С. 205–207.
39. Самойлов Д. Слепого мальчика ведет собака... (1987); НКРЯ.
40. Сельвинский И. Л. Реквием [Pro domo sua, 22] (1965); НКРЯ.
41. Совершаева Л. Г., Павловская М. А. Идеонимы в ономастическом пространстве [Электронный ресурс] / Л. Г. Совершаева, М. А. Павловская // Инновационная наука. – 2016. – № 11–2. – С.131–133. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/ideonimy-v-onomasticheskom-prostranstve> / 02.12.2018.
42. Смеляков Я. В. Первый бал (1956); НКРЯ.
43. Степанов Ю. С. Константы: словарь русской культуры / Ю. С. Степанов. – Изд. 3-е, испр. и доп. – М.: Академический проспект, 2004. – 991 с.
44. Суперанская А. В. Теория и методика ономастических исследований / А. В. Суперанская [и др.] / отв. ред. А. П. Непокупный. – 2-е изд. – М.: Издательство ЛКИ, 2007. – 256 с.
45. Тарасова И. А. Когнитивная поэтика: предмет, терминология, методы: монография [Электронный ресурс] / И. А. Тарасова. –

- М.: ИНФРА-М, 2018 – 166 с. – Режим доступа: <http://znanium.com/bookread2.php?book=937683&spec=1> / 07.12.2018.
46. Тарасова И. А. Поэтический идиостиль в когнитивном аспекте: монография / И. А. Тарасова. – 3-е изд., стер. – М.: Флинта, 2017. – 196 с.
47. Торгунова И. А. Эргоним как результат речетворчества [Электронный ресурс] / И. А. Торгунова // Научный диалог. – 2012. – № 3. – С. 124–136. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/ergonim-kak-rezultat-rechetvorchestva> / 24.11.2018.
48. Фомин А. А. Литературная ономастика в России [Электронный ресурс] / А. А. Фомин // Вопросы ономастики. – 2004. – № 1. – С. 108–120. – Режим доступа: <http://elar.urfu.ru/bitstream/10995/790/1/VO-2004-01-10.pdf> / 28.10.2018.
49. Хлебников В. В. Белые крылья слов... [Тиран без Т, 2] (1921–1922)]; НКРЯ.
50. Холин И. С. Гражданин Ром... (1959–1989); НКРЯ.
51. Цыренова А. Б. Интерпретация авторского замысла через анализ аллюзивных онимов (на материале английского языка) [Электронный ресурс] / А. Б. Цыренова // Вестник науки Сибири. – 2012. – № 1 (2). – С. 266–271. – Режим доступа : <https://cyberleninka.ru/article/v/interpretatsiya-avtorskogo-zamysla-cherez-analiz-allyuzivnyh-onimov-na-materiale-angliyskogo-yazyka> / 10.12.2018.

АННОТАЦИЯ

Флянтикова Е. В. К вопросу об онимах, содержащих номинации еды и напитков (на материале данных Национального корпуса русского языка)

В статье рассматриваются онимы, которые содержат в своем составе наименования еды и напитков. Выборка данных лексических единиц осуществлялась с использованием возможностей актуального репрезентативного языкового ресурса – поэтического модуля Национального корпуса русского языка. Предпринимается попытка определения места данной группы названий в ономастическом пространстве поэтического текста, выявления номинаций концептов и их лингвокультурологической специфики.

Ключевые слова: онимы, еда и напитки, Национальный корпус русского языка, концепт, лингвокультура.

SUMMARY

Fliantikova E. V. On the question of onyms containing nominations of food and beverages (based on data from the Russian National Corpus)

The article deals with onyms that in their composition contain the names of food and beverages. The sampling of these lexical units has been carried out using capabilities of the actual representative language resource – the poetic module of the Russian National Corpus. The article attempts to determine the place of this group of names in the onomastic space of poetic text, to identify nominations of concepts and their cultural and lingual specificity.

Key words: onyms, food and beverages, the Russian National Corpus, concept, linguoculturheme.

*И. А. Шапков
(г. Стаханов, ЛНР)*

УДК 81'242:004

СВОЙСТВА РЕЛИГИОЗНОГО ИНТЕРНЕТ-ДИСКУРСА: ГЛОБАЛЬНОСТЬ И ПРАГМАТИЧНОСТЬ

Особенности процессов речекommunikативной интеракции и информационного обмена, реализующихся в рамках религиозного интернет-общения, композиционная специфика дискурсивных образований, когнитивно-прагматические установки языковых личностей участников коммуникативных событий определяются разнообразием конституирующих свойств религиозного интернет-дискурса.

Проблематика данной работы основана на анализе специфики информационно-дистрибутивного процесса, имеющего место в пространстве религиозного интернет-дискурса, а также предположении того, что объект исследования обладает свойствами, определяющими его как сетевой лингвокогнитивный и коммуникативно-прагматический феномен и являющимися основанием его успешной реализации.

Объектом исследования является религиозный интернет-дискурс как когнитивно-прагматический феномен. **Предмет исследования** – свойства, присущие исследуемому феномену, а также факторы, стратегии и тактики, обуславливающие его успешную реализацию в сетевом пространстве.

Цель работы предполагает решение следующих задач:
1) рассмотреть религиозный интернет-дискурс как когнитивно-прагматическое образование с присущими ему свойствами;
2) изучить специфику реализации исследуемых свойств через особенности использования лингвопрагматических стратегий и тактик на основе гипертекстового материала, репрезентирующего пространство РИД.

Учитывая многоаспектность дискурсивных исследований, с целью характеристики феномена религиозного интернет-дискурса (РИД в дальнейшем), за теоретическую основу нашей работы мы приняли положения, предлагаемые учеными Е.В. Бобыревой, В.И. Карасиком, Е.А. Кожемякиным. Е.В. Бобырева представляет религиозный дискурс как «особое структурно-семантическое и коммуникативно-прагматическое образование со специфическими целями и задачами, с особым местом в структуре других типов дискурса. Религиозный дискурс – явление многостороннее и разноплановое, обладающее своими признаками и выполняющее определенные функции <...>» [2, с. 20].

С позиции смыслообразующей и смыслопорождающей практики, обладающей трансформационным потенциалом, Е.А. Кожемякин определяет религиозный дискурс как «регламентируемую определенными историческими и социокультурными кодами (традициями) смыслообразующую и смыслопорождающую деятельность, направленную на формирование, трансляцию и изменение догматического мышления, сакрального мироощущения и мистического опыта» [4].

С точки зрения социолингвистического подхода, В.И. Карасик рассматривает религиозный дискурс через призму институционального общения, основная цель которого, по мнению исследователя, заключается в «приобщении к вере в рамках определенной конфессии» [3, с. 223] и реализуемого через систему компонентов: «1) участники, 2) хронотоп, 3) цели, 4) ценности, 5) стратегии, 6) материал (тематика), 7) разновидности и жанры, 8) прецедентные (культурогенные тексты), 9) дискурсивные формулы» [3, с. 221].

Принимая за основу перечисленные трактовки религиозного дискурса, нам представляется возможным выдвинуть гипотетическое предположение о том, что религиозный интернет-дискурс (РИД) может рассматриваться как сетевое когнитивно-прагматическое образование с присущими ему **конституирующими свойствами**, которые в совокупности со структурными компонентами обеспечивают его успешное функционирование и дальнейшее развитие.

В качестве доказательства верности наших предположений, принимая за основу ключевые характеристики интернет-дискурса (Е.В. Горина, Н.Г. Асмус, Н.А. Ахренова), религиозного дискурса (Е.В. Бобырева, В.И. Карасик, Е.А. Кожемякин) и результаты анализа широкого спектра конституирующих свойств религиозного интернет-дискурса, считаем целесообразным

сфокусироваться в данной работе на таких конституирующих свойствах исследуемого феномена, как **глобальность и прагматичность**. Материал исследования составили свыше 300 единиц текстового материала на русском языке, собранные методом сплошной выборки, находящиеся в открытом доступе на вебсайтах религиозных сетевых сообществ (РСС).

Глобальность рассматривается нами как свойство РИД, обеспечивающее массовую ретрансляцию и дистрибуцию информационного материала благодаря техно-коммуникативным возможностям Сети. Это первооснова функционирования интерактивного интернет-пространства, обеспечивающая успешную борьбу за информационно-коммуникативное влияние на языковую личность сетевого пользователя. Глобальное интернет-пространство нами понимается как результат техносозидательной деятельности человека, «плод реального живого, человеческого мышления, воплощенного в тексте, которое совмещает в себе не только вербальное высказывание, но и различные лингвокреативные поликодовые элементы, способствующие высокой степени креолизации текстов» [1]. Считаем, что факторы, обуславливающие успешную реализацию **глобальности**, можно условно разделить на две категории: а) внешние (открытость, доступность, высокая скорость дистрибуции информационного материала), б) внутренние (гипертекстуальность, субдискурсивность, вариативная сетевая динамичность).

Идея **глобальности** как конституирующего свойства РИД заключается в проецировании реальной действительности на действительность виртуальную, характеризующуюся высокой скоростью расширения через постоянное появление доступных сетевых ресурсов. Глобальное дискурсивное пространство образуется сложением многочисленных гипертекстовых формаций, субдискурсивных пространств разного уровня и спецификой их организации. Под гипертекстуальностью мы понимаем специфику организации, взаимосвязи и структурирования компонентов текстового продукта с учетом когнитивно-прагматических особенностей его функционирования в пространстве РИД. Функционирование данного пространства обеспечивается его конститутивной природой: а) сетевыми ресурсами, представляющими господствующие религиозные институты, (например, официальный Официальный Сайт Русской Православной Церкви); б) множеством второстепенных по значимости, но преобладающих по численности вебсайтов религиозных сетевых сообществ, представительств иных конфессий;

в) вебресурсами частного характера (персональные страницы священников, пасторов, пастырей, блоги); г) тематической вариативностью представления информационного материала, что предопределяет способность апеллировать к значимым для языковой личности пользователя проблемам, эмоциональным переживаниям, актуальным вопросам, значимым событиям и т.д. По большей части его можно дефинировать как технический сетевой элемент, позволяющий быстро, гибко и разнообразно предлагать актуальные тематические направления, подбирать жанровые формы коммуникации и информирования на основе содержательного разнообразия с основной целью – максимально вовлекать в коммуникативный процесс и увеличивать аудиторию участников РИД, реализующегося в пространстве религиозных сетевых сообществ. Данный элемент структуры религиозного интернет-дискурса характеризуется быстротой корректировок (в случае необходимости), динамичностью и разноплановостью. Именно специфика тематического наименования того или иного дискурсивного пространства, во-первых, способна отображать актуальные потребности, чувственные переживания ЯЛР, во-вторых, предопределяет высокий уровень вовлеченности реципиента в участие в дискурсивном пространстве, что обеспечивается разнообразием тематического материала. Например, 1) тематическое направление «Родители, дети, воспитание» репрезентируется подобными наименованиями: *«Божие деревца»*, *«Чистые сердца»*, *«Родители и дети: пропорции любви и дисциплины»*, *«Любящие сердца»* и т.д.; 2) репрезентация тематического направления «Житейское благо (любовь, семья, работа)»: *«Выбор спутницы жизни: рецепт Адама»*, *«Реформа в семье»*, *«Реформация сердца»*, *«Реформация в твоей жизни»*, *«Секреты успеха»*, *«Гармония»* и др.; 3) репрезентация тематического направления «Служение Богу. Спасение через Веру»: *«Божья армия»*, *«Дом, где сердцам тепло»*, *«Спасти жизнь»*, *«Вечное сокровище»*, *«Бог на нашей стороне»*, *«Ангелы в цепях мрака»*, *«Страна Свободы»*, *«Господь не оставит твою молитву»*, *«Не отвеченных молитв не бывает»* и др.

Считаем, что данное свойство РИД целесообразно исследовать через призму разнообразия категорий продуцентов текстового материала, являющихся ключевым фактором формирования глобального сетевого пространства РИД. Придерживаемся мнения Е.В. Бобыревой относительно разнородности категорий участников в частности – продуцентов информационного материала. Например, *Святейший Патриарх* (URL:<http://www.patriarchia.ru>), *настоятель*, *архипастырь*, *пастырь*, *старший*

пастор (URL: <http://www.pastorby.wixsite.com/houseofgod>), *пастор Церкви* (URL: <http://www.bogblagodat.pp.ua>), *Ваш брат во Христе* (URL: <http://www.home.slovoboga.org>), *владыка, епископ* (URL: <http://www.spasinnya.com/ru/centr-reabilitaciyi>) *магистр богословия, отец, братья, сестры, ведущие и участники блоггов, влогов, форумов, чатов, участники религиозных социальных сетей и др.*

Среди множества вебресурсов, репрезентирующих в своей совокупности Глобальное пространство РИД, нами был исследован текстовый материал, предлагаемый в открытом доступе на вебресурсах следующих РСС: церковь «Адвентисты Седьмого Дня», Христианской Общины «Слово Божье», «Божья Благодать», Христианского центра реабилитации для наркоманов и алкоголиков «Спасение», Христианской церкви «Новое поколение». С целью проведения заявленного исследования в данной работе за основу мы приняли модель организации дискурсивного пространства религиозного сетевого сообщества ХЦ «Новое поколение» (URL: <http://www.newgeneration.kiev.ua>), которое можно представить когнитивно-прагматическим образованием, включающим ряд субдискурсивных формаций первого порядка: «Церковь», «Свидетельства», «Служения», «События», «Новости», «Проповеди» и др. Субдискурсивное пространство «Служения» представляется рядом субдискурсивных образований, опосредуемых гипертекстовыми связями следующего порядка: «Воскресная школа», «Служение порядка в церкви», «Служение домашних групп», «Евангелизационное служение», «Женское служение», «Особенные женщины», «Молитвенное служение», «Молодежное служение», «Служение прославления», «Реабилитационный центр», «Служение в больницах», «Служение милосердия», «Служение для неженатых», «Открытые сердца», «Тюремное служение» (URL: <http://www.newgeneration.kiev.ua/sluzheniya/>). На наш взгляд, благодаря исследуемому конституирующему свойству РИД, обеспечивается эффективное вовлечение массовой языковой личности пользователя Сети в процесс дистрибуции и восприятия информационного материала. Глобальность в силу интернет-опосредованных, гипержанровых и гипертекстовых возможностей свойственна организации дискурсивного пространства на вебресурсах любого типа религиозного сетевого сообщества.

Исследование глобального пространства РИД с учетом его элементов и ключевых факторов позволяет выделить определенную коммуникативно-прагматическую нагрузку,

обеспечивающую воздействие на массовую языковую личность реципиента при выборе информационного ресурса. Подобное воздействие обеспечивается полижанровой организацией, гипертекстовыми особенностями и наполнением сетевого контента, наделенным коммуникативно-прагматическим потенциалом.

Исследуя процесс информационно-коммуникативного взаимодействия в Глобальном религиозном интернет-дискурсивном пространстве, репрезентируемом многочисленными РСС, мы говорим о *прагматичности* как свойстве, реализуемом через учет ряда факторов, обеспечивающих успешную реализацию РИД, среди которых следует назвать: а) коммуникативно-прагматические особенности на разных этапах реализации РИД: от оформления продуцентом информационно-текстового продукта до использования им манипулятивного потенциала с целью воздействия на внимание, восприятие и интерпретацию информации реципиентом; б) интенции продуцента и иллюкутивные установки реципиента, проявляющиеся в речекommunikативных стратегиях и тактиках поведения языковых личностей участников РИД. Так, например, реализацию *стратегии привлечения внимания языковой личности пользователя Сети* к информационному материалу в интернет-дискурсивном пространстве можно наблюдать через применение следующих тактик:

- *тактика комфортного для восприятия представления сетевого контента*, опосредуемого спецификой дизайна самого сайта, использованием подобранного лексического материала, способствующего созданию настроения, располагающего к восприятию информации: «Добро пожаловать!», «Будет интересно!», «Приглашаем в служение...», «Мы рады...»;

- *тактика обращения*: «Дорогой друг!», «Братья и сестры!»
- *тактика тематического разнообразия*, реализуемая, например, посредством представления тематического многообразия, организующего субдискурсивное пространство «Проповеди», а именно: «Семья», «Радость», «Сила Божья», «Чудеса», «Процветание», «Верность», «Похоть», «Способность двигаться к цели», «Власть верующих», «Любовь», «Исцеление», «Победа», «Спасение», «Секреты семейного счастья» и др. (URL: <http://www.newgeneration.kiev.ua/propovedi/>). Предполагается, что имплицитно заложенный потенциал в тематическом многообразии данного субдискурса способствует формированию в сознании ЯЛР модели социокоммуникативной общности, участники которой компетентны в решении анонсируемых проблем;

- *тактика приглашения*: «Добро пожаловать в церковь. Человек не может без Бога. Бог не может без человека. Вместе они счастливы» (в данном случае со стороны языковой личности продуцента (ЯЛПр) обеспечивается воздействие на сознание языковой личности реципиента (ЯЛР) посредством апеллирования к желанию быть счастливым, что обеспечивается формированием пресуппозиции ЯЛР, связанной с представлением счастья через соблюдение определенного правила – общение с Абсолютом);

- *тактика презентации*, реализуемая через формирование со стороны ЯЛР положительного, доверительного отношения к функциям сетевого сообщества, апеллирование к желанию быть участником этого сообщества: «Наша миссия – помочь каждому человеку построить личные взаимоотношения с Иисусом Христом», «Молитвенное служение направлено для поддержки и созидания Церкви, своевременной и квалифицированной помощи тем, кто борется и нуждается в помощи в духовном и душевном состоянии», «Мы изучаем Библию, молимся за нужды друг друга» (URL: <http://www.newgeneration.kiev.ua/sluzheniya>);

- *тактика анонса событий*, осуществляемая посредством категоризации адресата и желаемого участника: «Служение «Открытые сердца» проводит встречи общения и знакомств для братьев и сестер, которые не состоят в браке», «Приглашаем молодых людей от 15 до 25 лет присоединиться к общению на молодежных служениях и встречах» (URL: <http://www.newgeneration.kiev.ua/>);

- *тактика таргетирования* (от англ. target – цель, мишень) *сетевой аудитории пользователей*, предполагающая поиск желаемой языковой личности реципиента посредством вовлечения в разнообразные варианты планируемой речекоммуникативной деятельности: «Музыкальное служение», «Молодежное служение», «Спортивное служение», «Семейный кризисный центр» (URL: <http://www.pastorby.wixsite.com/houseofgod>); «Театральное служение» и т.д.);

Реализация стратегии удовлетворения социокоммуникативных потребностей языковой личности участника РИД, на наш взгляд, может наблюдаться в использовании ряда следующих тактик:

- *тактика создания круга избранных*: «Приглашаем всех, возраст не ограничен, но обязательно должен быть верующим в Иисуса и любящим Бога! А также верить, что институт семьи создан Богом и иметь желание создать в будущем семью в Господе»; «Молодежное служение REVIVAL Киевской церкви «Новое поколение» объединяет в себе талантливую молодежь, которая почитает Бога, развивает свои таланты,

служит людям, помогает друзьям и знакомым построить личные отношения с Богом и строить свои жизни на истинных христианских ценностях! Присоединяйся!!!» (URL: <http://www.newgeneration.kiev.ua/>);

- тактика сообщения свидетельств: «Свидетельство исцеления из колонии»; «Чудодейственное исцеление от сахарного диабета»; «Исцеление дочерей»; «Свидетельство Божьей Любви»; «Господь восстановил мою жизнь!», «В таких авариях не выживают», «Бог избавил меня от операции» (URL: <http://www.newgeneration.kiev.ua/svidetelstva/>);

- тактика рекомендуемого решения проблем, реализуемая посредством формулировки условия (сложившейся жизненной ситуации) и использования повелительной формы высказывания, не представляющей альтернативы выбора, кроме как следования авторитетному совету: «Если ты грешен – покайся перед Ним. Если ты смущен – доверься Ему. Если ты болен – поверь в Его исцеление. Если ты в нужде – попроси Его помочь тебе» (URL: <http://www.home.slovoboga.org/>);

- тактика побуждения к совершению действия посредством использования императивных форм: «Обратись к Богу прямо сейчас», «Обратись к нему в молитве прямо сейчас», «Помолись искренней сердечной молитвой», «Сделай первый шаг к Нему» (URL: <http://www.home.slovoboga.org/>);

- тактика повествования секретов («Принципы о преуспевании из книги Кеннета Е. Хейгинга», «Секреты семейного счастья», «Супруги Лунево поделились секретом семейного счастья...» (URL: <http://www.newgeneration.kiev.ua/>); «Выбор спутницы жизни: рецепт Адама», «Секрет успеха – подчинить себя и свою жизнь Богу» (URL: <http://www.adventist.org.ua>).

Результаты проведенного исследования позволяют сделать вывод о том, что религиозный интернет-дискурс представляет собой сложное когнитивно-прагматическое образование, обладающее конституирующими свойствами, находящими реализацию в пространстве Глобальной Сети. Такие конституирующие свойства РИД, как глобальность и прагматичность, обеспечивают успешный процесс подачи информации посредством гипертекстовых связей на широкомасштабном уровне в интернет-пространстве. Лингвопрагматические стратегии и тактики, используемые продуцентом в отношении реципиента, обладают коммуникативно-прагматическим потенциалом, способным воздействовать на выбор языковой личностью реципиента определенного дискурсивного пространства с перспективой

трансформации языковой личности пользователя в языковую личность активного участника религиозного интернет-дискурса.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ахренова Н.А. Интернет-дискурс как гипертекст [Электронный ресурс] / Н.А. Ахренова // Вестник Московского государственного областного университета. – 2016. – № 3. – Режим доступа: <https://vestnik-mgou.ru/en/Articles/Doc/760>. (Дата обращения: 15.10.2018).
2. Бобырева Е.В. Религиозный дискурс: ценности, жанры, языковые характеристики: Монография. – Волгоград: Перемена, 2007. – 385 с.
3. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – Волгоград: Перемена, 2002. – 477 с.
4. Кожемякин Е.А. Религиозный интернет-дискурс: методология исследования [Электронный ресурс] / Е.А. Кожемякин // Научные ведомости БелГУ. Серия Философия. Социология. Право. – 2010. – № 2(97). Вып. 15. – Режим доступа: URL: http://dspace.bsu.edu.ru/bitstream/123456789/11995/1/Kozhemyakin_Religioznyy.pdf. (Дата обращения: 15.09.2018).

АННОТАЦИЯ

Шашков И. А. Конституирующие свойства религиозного интернет-дискурса: глобальность и прагматичность

Статья посвящена исследованию организации религиозного интернет-дискурса через изучение таких универсальных конституирующих свойств данного феномена, как глобальность и прагматичность. Автором изучены особенности реализации исследуемых свойств и некоторые стратегии, воздействующие на выбор реципиентом коммуникативно-прагматического пространства религиозного интернет-дискурса. Исследование основывается на результатах лингвопрагматического анализа гипертекстового материала, репрезентирующего дискурсивные и субдискурсивные формации религиозных сетевых сообществ.

Ключевые слова: конституирующие свойства, глобальность, прагматичность, субдискурсивная формация, гипертекстуальность.

SUMMARY

Shashkov I. A. Constituting features of the religious internet-discourse: globality and pragmativity

The article deals with researching organization of the religious internet-discourse through studying such universal constituting

features of the given phenomenon as globality and pragmativity. The author studies particularities of realizing the researched features and some strategies influencing the recipient's choice of a definite communicative pragmatic space of the religious internet-discourse. The research is based on results of linguistic pragmatic analysis of the hypertext material representing discourse and subdiscourse formations of religious social networks.

Key words: constituting features, globality, pragmativity, subdiscourse formation, religious internet-discourse, hypertextuality.

Л. С. Шевандина
(г. Горловка, ДНР)

УДК 811.112.2:81'367

ОСОБЕННОСТИ СИНТАКСИЧЕСКИХ СТРУКТУР НЕМЕЦКИХ ДИАЛОГИЧЕСКИХ ТЕКСТОВ

Не ослабевает внимание лингвистов к исследованию речи, разных ее проявлений, в частности, к диалогу как форме речевого общения. Такой большой интерес к диалогу, который возник в языкознании еще в начале XX в. и по настоящее время, объясняется сложностью и многогранностью данного явления, поскольку диалог представляет собой конкретное воплощение языка в его своеобразных и специфических средствах, не только как форма речевого общения, но и как сфера проявления речевой деятельности человека, но и как форма существования языка [1, с. 300]. Многочисленные исследования диалога привели к созданию теории диалога, в рамках которой были изучены разные его аспекты. В частности, диалогический синтаксис был предметом рассмотрения многих лингвистов, как отечественных – А. А. Потебня, Л. П. Якубинский, Л. В. Щерба в руссистике, В. Д. Девкин, Л. М. Михайлов в германистике, так и зарубежных – В. фон Гумбольдт, В. Фляйшер, Г. Хельбиг.

Наблюдения за речевой деятельностью участников диалога показывают, что наряду с синтаксически развернутыми, «образцово сформированными предложениями» [2, с. 45] существуют краткие по форме синтаксические структуры, в оформлении которых обнаруживается неполнота, обилие усечений и сегментаций. Поэтому целью нашего исследования является выявление особенностей таких синтаксических структур в немецких диалогических текстах, взятых их художественных прозаических произведений современных немецких авторов, что и обусловило актуальность данной статьи.

Методологической основой статьи является современная научная парадигма языка как средства человеческой коммуникации. В качестве средства общения язык функционирует в непрерывном процессе социальной интеракции, т.е. в широком смысле слова диалогически.

Диалог в художественной прозе рассматривается и исследуется в лингвистике как аналог устной разговорной речи. Поэтому особенности языка немецких диалогов объясняются, с одной стороны, спецификой самого диалога как разновидности устной речи: повышенной ситуативностью, ослабленной тематической обусловленностью, встречной речеактивностью партнеров, быстрой сменой речевых функций, широким использованием внеязыковых средств; с другой стороны, они объясняются действием языковой экономии: стремлением к сжатости, лаконичности и экономности.

Как известно, основными составными единицами, конституирующими диалог и отражающими его специфику, являются фразы, реплика и диалогическое единство. Анализ диалогических текстов в художественных произведениях современных немецких авторов показал, что неполнота, усечения касаются, прежде всего, фраз, из которых состоят реплики, в результате чего последние приобретают лаконичность, краткость. При этом степень сжатости фраз в реплике может быть различной: от минимального сокращения (за счет элиминации только одного члена предложения) до максимального сокращения, когда в предложении остается только один член предложения, иногда только одно слово (не обязательно полнозначное, но даже частица или междометие).

Минимально сокращенные предложения нашли широкое освещение в лингвистической науке. Это – эллиптические предложения с «пропуском элемента высказывания» [5, с. 393]. Имеются различные классификации эллиптических предложений, например, выделяют эллиптические предложения с опущенным подлежащим, с опущенным сказуемым, дополнением и т.д. Однако максимально сокращенные предложения (до одного слова) еще не получили достаточного освещения в лингвистике, нет их классификаций, не объяснены причины такого радикального сокращения. Поэтому объектом нашего рассмотрения стали именно такие максимально сокращенные синтаксические структуры в немецких диалогических текстах.

Из различных по количеству реплик диалогических единств анализировались двучленные «как наиболее простые и основные схемы диалога», на основе которых «строятся

дальнейшие более сложные комбинации» [2, с. 393]. Из двух реплик – стимулирующей и реагирующей – образующих диалогическое единство, реплика-стимул представлена в основном полноставным предложением, а реплика-реакция, как правило, отличается неполнотой своего состава. Именно в рамках текста находит свое объяснение неполнота реплик. Две взаимосвязанные реплики (стимулирующая и реагирующая) не могут существовать и ничего не означают обособленно друг от друга и только в совокупности они приобретают законченность и смысл [4, с. 393].

Общеизвестно, что высказывания в речи могут быть подвергнуты членению на информативные центры, один из которых репрезентирует собою «данное» и содержится в стимулирующей реплике, а другой – «новое» – и содержится в реагирующей реплике. При этом «в роли информативного центра» [3, с. 55] могут выступать синтаксически различные члены предложения. «Участие элементов ситуации, контекста, активности ассоциативного плана позволяют ограничиться кратким, сжатым изложением нужного содержания» [2, с. 52], в результате чего реплики редуцируются за счет деталей вплоть до сохранения своего информативного ядра, которое может быть выражено тем или иным членом предложения.

На основе анализа таких максимально сокращенных, т.е. редуцированных, синтаксических структур в диалогическом тексте были выявлены следующие их типы: субъектный – реагирующая реплика редуцируется при сохранении подлежащего, например: *Wer ist das? – Meine Frau*; предикатный, когда реагирующая реплика редуцируется до предиката, например: *Weiß du es? – Weiß!* или предикативный, когда возможна редукция до предикатива, например: *Was willst du werden? – Ingenieur*; атрибутивный – в результате редукции остается только атрибут, например: *Meine Mutter hat auch ein Auto. – Lila?*; объектный – редукция до объекта, например: *Wem hilfst du? – Dem Vater*; конъюнктивный – редукция до союза, например: *Du schreibst mir was anderes. – Und?*; междометный – редукция до междометия, например: *Deine Frau ist tot. – Ach!* В адвербиальном типе в результате редукции остается только обстоятельство, различное по своим значениям (времени, причины, места, цели и т.д.). Соответственно выделяются следующие виды адвербиального типа – темпоральный: *Wann wollt ihr heiraten? – In drei Wochen*; локальный: *Wo sind die Kinder? – In der Schule*. Возможна редукция реплики до слов или частиц либо отрицательно-утвердительных (*ja, nein*), либо функционально-усилительных (*super*) или модального характера (*natürlich, gewiss*), например: *Hast du auf*

die Frage geantwortet? – Ja. Hast du die Arbeit gefunden? – Nein. Hast du gehört? – Natürlich.

Наблюдения показывают, что максимально сокращенные синтаксические структуры диалогической реплики возникают в результате редукции, которая обусловлена как функциональной направленностью самой реплики, так и ее структурной зависимостью от стимулирующей путем опущения отрезков текста, либо дублирующих информацию предшествующего контекста, либо избыточных с точки зрения коммуникации.

Выделенные типы редуцированных синтаксических структур в реагирующих репликах немецких диалогических текстов характерны не только для реплики-реакции, но и для стимулирующих реплик (при полносоставном характере реагирующей реплики). Редукция здесь происходит за счет анафорического опущения дублирующих отрезков текста в противоположность катафорическому опущению в реагирующей реплике, например: *Noch einen Schluck Tee? – Das ist schon meine dritte Tasse.*

Факторы, вызывающие редукцию синтаксических структур в репликах немецких диалогических текстов, – интралингвистические и экстралингвистические. Главным образом сказывается влияние экстралингвистических факторов: а) темпоральный (дефицит времени), б) модальный (отсутствие желания, плохое настроение), в) эмоциональный, г) ситуативный и ряд других субъективных факторов. К интралингвистическим причинам редукции синтаксических структур в немецких диалогических текстах относятся: желание избежать тавтологии, дублированности, пресуппозиция, повторы в виде подхватов, уточнений, добавлений. Фактор языковой экономии мы рассматриваем как границу между экстра- и интралингвистическими причинами, которые влияют на сокращение диалогических синтаксических структур.

Рассмотрев особенности синтаксических структур немецких диалогических текстов из художественных произведений современных немецких авторов, есть основания полагать, вслед за О. И. Москальской, что «наибольшей силой воздействия на выбор развернутой или свернутой формы ... обладают фразы, связанные с реализацией коммуникативного задания текста» [4, с. 153].

Таким образом, в результате проведенного анализа синтаксической организации немецких диалогических текстов были выявлены некоторые ее особенности. Растущее воздействие обиходно-разговорной речи на немецкий литературный язык, его письменную форму, сближение с живой, естественной речью

приводит к функционированию в немецких диалогических текстах многочисленных сжатых (редуцированных) синтаксических структур. Анализ таких редуцированных синтаксических структур, используемых в немецкоязычном диалогическом дискурсе, позволил определить их виды – от минимально редуцированных до максимально сжатых, выделить их типы и классификацию: субъектный, предикатный, объектный, атрибутивный, адвербиальный, конъюнктивный, междометный. В статье была предпринята попытка объяснить функционирование максимально редуцированных синтаксических структур в немецких диалогических текстах. Это – обусловленность интерактивной природой диалога, действие закона языковой экономии, ситуативно-контекстуальная детерминированность, тема-рематическая организация фраз, структурно-семантическая связанность реплик, т.е. влияние экстра- и интралингвистических причин. Представляется перспективным исследование в дальнейшем диалогических редуцированных синтаксических структур с гендерной точки зрения, в диалогах различных возрастных групп.

ЛИТЕРАТУРА

1. Валюсинская З. В. Вопросы изучения диалога в работах советских лингвистов. Синтаксис текста / З. В. Валюсинская. – М. : АН СССР. Институт русского языка, 1979. – С. 299–313.
2. Девкин В. Д. Диалог. Немецкая разговорная речь / В. Д. Девкин. – М. : Высш. шк., 1981. – 256 с.
3. Лаптева О. А. Некоторые понятия теории актуального членения применительно к высказыванию в разговорной речи / О. А. Лаптева // Науч. докл. высш. школы. Филол. науки. – М. : 1973. – № 6. – С. 46–56.
4. Москальская О. И. Грамматика текста / О. И. Москальская. – М. : Высш. шк., 1981. – 350 с.
5. Розенталь Д. Э. Словарь-справочник лингвистических терминов / Д. Э. Розенталь, М. А. Теленкова. – М. : Просвещение, 1985. – 399 с.

АННОТАЦИЯ

Шевандина Л. С. Особенности синтаксических структур немецких диалогических текстов

В статье анализируются особенности синтаксических структур немецких диалогических текстов, которые представлены наличием сокращенных (редуцированных) структур, выявлены виды этих структур – от минимально редуцированных до максимально сокращенных, определены типы максимально

редуцированных структур, установлена их классификация, названы причины радикального сокращения диалогических синтаксических структур, к которым относятся экстра- и интралингвистические факторы.

Ключевые слова: немецкий язык, диалогический текст, синтаксические структуры, редукция.

SUMMARY

Shevandina L. S. Features of syntactical structures of German dialogical texts

The article analyzes the features of the syntactic structures of German dialogical texts, which are represented by the presence of reduced structures, identifies the types of these structures – from the minimum reduced to the maximum reduced, defines the types of the most reduced structures, establishes their classification, and names the reasons for the radical reduction of dialogical syntactic structures, which include extra- and intralinguistic factors.

Key words: the German language, Dialogic text, syntactical structures, reduction.

**ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ СТАТЕЙ
В СБОРНИК НАУЧНЫХ ТРУДОВ
«ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКАЯ ФИЛОЛОГИЯ»**

Уважаемые коллеги,
приглашаем вас принять участие в создании очередных выпусков сборника научных трудов **«Восточнославянская филология»** – «East Slavic Philology» (серии «Литературоведение» и «Языкознание»).

Проблематика сборника включает историко-литературные и теоретические аспекты развития восточнославянских и европейских литератур в контексте функционирования мирового литературного процесса, а также синхронические и диахронические параметры существования восточнославянских и европейских языков. Сборник посвящён исследованию актуальных проблем филологии и предназначен для научных работников, специалистов-филологов, аспирантов, студентов-филологов, преподавателей литературы и языков в школе.

Научные направления издания:

10 Филологические науки

10.01 Литературоведение

10.02 Языкознание

13.00.02 Теория и методика обучения и воспитания

Рабочие языки сборника – русский, украинский, белорусский, польский, английский, французский, немецкий, испанский.

Главный редактор сборника – д. филол. н., проф. Кочетова Светлана Александровна.

Учредитель: Образовательная организация высшего профессионального образования «Горловский институт иностранных языков» Министерства образования и науки Донецкой Народной Республики.

Издание основано в 2002 году.

Периодичность издания – 4 раза в год: два раза в год выпуск каждой серии (выпуски формируются до 1 июня и до 1 декабря).

Международный стандартный номер сериального издания: ISSN 1992-9196.

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ДНР: ААА № 000059 от 28.10.2016.

Включён в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ): лицензионный договор № 231-04/2016 от 19.04.2016.

Адрес страницы в сети Интернет, где размещена бесплатная полнотекстовая версия научного издания: <http://gfl1949.ru/otdelnauchnoj-raboty/nauchnye-izdaniya/sborniki>.

Электронная почта редакции научного издания:

GIFL1949ESPh@yandex.ru

Юридический адрес ОО ВПО «Горловский институт иностранных языков»: ДНР, г. Горловка, ул. Рудакова, д. 25.

Редакция будет благодарна тем, кто придерживается следующих правил оформления статей:

- объём – 6-12 страниц через 1,5 интервал (формат А4);
- шрифт Times New Roman, кегль 14;
- абзац – 1,25 см; все поля – 2 см (страницы не нумеруются);
- сноски оформляются: [4, с. 124], где первая цифра – номер источника из списка используемой литературы, составленного по алфавиту, а вторая – номер страницы; автоматические сноски не допускаются. После текста статьи подаются аннотации на русском и английском языках (до 500 знаков) с названием статьи и ключевыми словами;

- примеры подаются курсивом;
- текст печатается без переносов.

Материалы, оформленные без учёта требований, не принимаются.

В редколлегию подаются: 1) по электронной почте высылается текст статьи с аннотациями, данными об авторе на русском и английском языках (ФИО, место работы, должность, учёные степень, звание, контактная информация: e-mail), сохранёнными в RTF; 2) для тех, кто не имеет учёной степени, необходима отсканированная рецензия научного руководителя или консультанта.

Редакционная коллегия сборника осуществляет рецензирование научных работ. На основании выводов рецензентов редакция вправе принять к опубликованию, направить на доработку или отклонить присланные авторами материалы.

ОБРАЗЕЦ ОФОРМЛЕНИЯ ТЕКСТА

А.Р. Сидорова
(г. Горловка, ДНР)

УДК 811.161.1

**РЕЧЕВОЙ ЖАНР КАК ОБЪЕКТ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО
ИЗУЧЕНИЯ**

Текст статьи [1, с. 418].

ЛИТЕРАТУРА

1. Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет / М.М. Бахтин. – М.: Худож. лит., 1975. – 504 с.
2. Шмелева Т.В. Модель речевого жанра / Т.В. Шмелёва // Жанры речи. – Саратов: Колледж, 1997. – С. 91-92.

АННОТАЦИЯ

Автор. Название статьи (на русском языке)

Текст аннотации на русском языке (до 500 печатных знаков)

Ключевые слова:

SUMMARY

Автор. Название статьи (на английском языке)

Текст аннотации на английском языке (до 500 печатных знаков)

Key words:

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

- Андрианова Валерия Валерьевна** – студентка ОО ВПО «Горловский институт иностранных языков»;
- Андрипольская Анна Сергеевна** – аспирант кафедры медиалингвистики Санкт-Петербургского государственного университета (г. Санкт-Петербург, РФ);
- Артамонова Елена Игоревна** – преподаватель кафедры зарубежной филологии, теории и практики перевода ОО ВПО «Горловский институт иностранных языков»;
- Бартенева В.Г.** – старший преподаватель кафедры английского языка ГОУ ВПО «Донецкий национальный технический университет»;
- Блюмина Ольга Валентиновна** – кандидат филологических наук, доцент кафедры общего языкознания и славянских языков ОО ВПО «Горловский институт иностранных языков»;
- Богодушко Д.С.** – студентка ОО ВПО «Горловский институт иностранных языков»;
- Болотова Ольга Васильевна** – старший преподаватель кафедры романо-германской филологии ОО ВПО «Горловский институт иностранных языков»;
- Бражник Лена Мирзаяновна** – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры общего языкознания и славянских языков ОО ВПО «Горловский институт иностранных языков»;
- Букач Алеся Вячеславовна** – магистрант кафедры русской филологии Государственного учреждения образования «Гродненский государственный университет имени Янки Купалы» (г. Гродно, Беларусь);
- Виноградова Екатерина Викторовна** – магистрант кафедры русского, славянского и общего языкознания Таврической академии ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского» (г. Симферополь, РФ);
- Волкова Наталья Валериевна** – кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой второго иностранного языка ОО ВПО «Горловский институт иностранных языков»;
- Вострцова Виктория Александровна** – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры

- зарубежной филологии, теории и практики перевода
ОО ВПО «Горловский институт иностранных
языков»;
- Гайдаржиев Борис Александрович** – магистрант кафедры
зарубежной филологии, теории и практики перевода
ОО ВПО «Горловский институт иностранных
языков»;
- Герасименко Ирина Анатольевна** – доктор филологических
наук, доцент, заведующий кафедрой общего
языкознания и славянских языков ОО ВПО
«Горловский институт иностранных языков»;
- Губанова Ольга Александровна** – магистрант ОО ВПО
«Горловский институт иностранных языков»;
- Дмитриева Юлия Леонидовна** – кандидат филологических
наук, старший преподаватель кафедры общего
языкознания и славянских языков ОО ВПО
«Горловский институт иностранных языков»;
- Ерохина Татьяна Александровна** – преподаватель кафедры
русского и латинского языков ГОО ВПО «Донецкий
национальный медицинский университет им.
М. Горького»;
- Жихарева Наталия Анатольевна** – кандидат филологических
наук, доцент, доцент кафедры второго
иностранного языка, декан филологического
факультета ОО ВПО «Горловский институт
иностраннных языков»;
- Жуков Юрий Юрьевич** – аспирант кафедры общего языкознания
и славянских языков ОО ВПО «Горловский институт
иностраннных языков»;
- Калинкин Валерий Михайлович** – доктор филологических
наук, профессор, заведующий кафедрой русского
и латинского языков ГОО ВПО «Донецкий
национальный медицинский университет им.
М. Горького»;
- Карпенко Анастасия Алексеевна** – магистрант ОО ВПО
«Горловский институт иностранных языков»;
- Красницкая Е.А.** – студент ОО ВПО «Горловский институт
иностраннных языков»;
- Кулинич Анжелика Анатольевна** – магистрант ОО ВПО
«Горловский институт иностранных языков»;
- Лешкова Наталья Викторовна** – кандидат филологических
наук, доцент, доцент кафедры общего языкознания и
славянских языков ОО ВПО «Горловский институт
иностраннных языков»;

- Лященко Елена Сергеевна** – студент ОО ВПО «Горловский институт иностранных языков»;
- Матвеева Юлия Олеговна** – кандидат культурологии, доцент кафедры иностранных языков Донецкой академии управления и государственной службы при Главе Донецкой Народной Республики;
- Мереникова Марина Сергеевна** – магистрант ОО ВПО «Горловский институт иностранных языков»;
- Минина Елена Владимировна** – старший преподаватель кафедры зарубежной филологии, теории и практики перевода ОО ВПО «Горловский институт иностранных языков»;
- Наливайко Юлия Юрьевна** – кандидат филологических наук, доцент кафедры журналистики ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»;
- Новоградская-Морская Нинель Антоновна** – кандидат педагогических наук, доцент ГОУ ВПО «Донецкая академия управления и государственной службы при главе ДНР»;
- Овчаренко Наталия Владимировна** – магистрант ОО ВПО «Горловский институт иностранных языков»;
- Пахолка Елизавета** – магистрант ОО ВПО «Горловский институт иностранных языков»;
- Першина Клавдия Васильевна** – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры общего языкознания и истории языка имени Е.С. Отина ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»;
- Петренко Ольга Романовна** – магистрант ОО ВПО «Горловский институт иностранных языков»;
- Петров Александр Владимирович** – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русского, славянского и общего языкознания Таврической академии ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского» (г. Симферополь, РФ);
- Пинзон Оксана Александровна** – редактор отдела научно-методической работы и социологических исследований ГУК «Донецкая республиканская универсальная научная библиотека им. Н.К. Крупской»;
- Портянов Антон Валериевич** – студент ОО ВПО «Горловский институт иностранных языков»;
- Решетарова Ирина Владимировна** – кандидат филологических наук, доцент кафедры зарубежной филологии,

- теории и практики перевода ОО ВПО «Горловский институт иностранных языков»;
- Рочняк Алексей Владимирович** – ассистент кафедры романо-германской филологии ОО ВПО «Горловский институт иностранных языков»;
- Рочняк Елена Владимировна** – кандидат философских наук, доцент кафедры философии и истории ОО ВПО «Горловский институт иностранных языков»;
- Сироткина Татьяна Александровна** – доктор филологических наук, доцент, доцент кафедры филологического образования и журналистики Сургутского государственного педагогического университета (г. Сургут, РФ);
- Соловцова Елена Валериевна** – аспирант кафедры общего языкознания и славянских языков ОО ВПО «Горловский институт иностранных языков»;
- Тихолаз Ирина Дмитриевна** – студентка III курса факультета славянской филологии и журналистики Таврической академии ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского» (г. Симферополь, РФ);
- Фефелова Виктория Валентиновна** – кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой романо-германской филологии ОО ВПО «Горловский институт иностранных языков»;
- Филатова Виктория Алексеевна** – кандидат филологических наук, доцент кафедры зарубежной филологии, теории и практики перевода ОО ВПО «Горловский институт иностранных языков»;
- Флянтикова Елена Викторовна** – старший преподаватель кафедры русского и белорусского языков Гродненского государственного медицинского университета (г. Гродно, Республика Беларусь);
- Чунина Татьяна Олеговна** – студент ОО ВПО «Горловский институт иностранных языков»;
- Шашков Игорь Александрович** – аспирант, преподаватель английского языка ОП «Стахановский педагогический колледж Луганского национального университета имени Тараса Шевченко» (г. Стаханов, ЛНР);
- Шевандина Лариса Сергеевна** – преподаватель кафедры романо-германских языков ОО ВПО «Горловский институт иностранных языков»;

Штакина Людмила Александровна – кандидат филологических наук, доцент, профессор кафедры английской филологии ОО ВПО «Горловский институт иностранных языков»;

Юрьева Елена Владимировна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка ГОУ ВПО «Донецкий национальный технический университет»;

Ярмоленко Диана Анатольевна – магистрант кафедры русского, славянского и общего языкознания Таврической академии ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского» (г. Симферополь, РФ),

Ясинецкая Наталья Анатольевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры зарубежной филологии, теории и практики перевода ОО ВПО «Горловский институт иностранных языков».

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

- Andrianova Valeria Valeryevna** – student of Educational Establishment of Higher Professional Education «Gorlovka Institute for Foreign Languages», group 341;
- Andripolskaya Anna Sergeevna** – postgraduate student of the Department of Medialinguistics, St. Petersburg State University (St. Petersburg, Russia);
- Artamonova Elena Igorevna** – instructor of the Department of Foreign Philology, Theory and Practice of Translation of Educational Establishment of Higher Professional Education «Gorlovka Institute for Foreign Languages»;
- Barteneva V.** – senior lecturer of the Department of the English Language of State Educational Institution of Higher Education «Donetsk National Technical University»;
- Blyumina Olga Valentinovna** – Candidate of Philology, associate professor of the Department of General Linguistics and Slavic Languages of Educational Establishment of Higher Professional Education «Gorlovka Institute for Foreign Languages»;
- Bogodushko D.S.** – student of Educational Establishment of Higher Professional Education «Gorlovka Institute for Foreign Languages»;
- Bolotova Olga Vasilievna** – senior lecturer of the Department of Romance and Germanic Philology of Educational Establishment of Higher Professional Education «Gorlovka Institute for Foreign Languages»;
- Brazhnik Lena Mirzayanovna** – Candidate of Philology, associate professor, associate professor of the Department of General Linguistics and Slavic Languages of Educational Establishment of Higher Professional Education «Gorlovka Institute for Foreign Languages»;
- Bukach Alesya Vyacheslavovna** – Master's student of the Department of Russian Philology of State Educational Institution «Grodno State University named after Yanka Kupala» (Grodno, Belarus);
- Vinogradova Ekaterina Viktorovna** – Master's student of the Department of Russian, Slavic and General Linguistics of Tavrida Academy of Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education «V. I. Vernadsky Crimean Federal University» (Simferopol, Russia);
- Volkova Natalia Valerievna** – Candidate of Philology, associate professor, Head of the Second Foreign Language

- Department of Educational Establishment of Higher Professional Education «Gorlovka Institute for Foreign Languages»;
- Vostretsova Viktoriia Aleksandrovna** – Candidate of Philology, associate professor, associate professor of the Department of Foreign Philology, Theory and Practice of Translation of Educational Establishment of Higher Professional Education «Gorlovka Institute for Foreign Languages»;
- Gaidarzhiev Boris Aleksandrovich** – Master's student of the Department of Foreign Philology, Theory and Practice of Translation of Educational Establishment of Higher Professional Education «Gorlovka Institute for Foreign Languages»;
- Gerasimenko Irina Anatolevna** – Doctor of Philology, associate professor, Head of the Department of General Linguistics and Slavic Languages of Educational Establishment of Higher Professional Education «Gorlovka Institute for Foreign Languages»;
- Gubanova Olga Aleksandrovna** – Master's student of Educational Establishment of Higher Professional Education «Gorlovka Institute for Foreign Languages»;
- Dmutrieva Julia Leonidovna** – Candidate of Philology, senior lecturer of the Department of General Linguistics and Slavic Languages of Educational Establishment of Higher Professional Education «Gorlovka Institute for Foreign Languages»;
- Ierokhina Tatiana Aleksandrovna** – lecturer of the Department of Russian and Latin of State Educational Establishment of Higher Professional Education «M. Gorky Donetsk National Medical University»;
- Zhikhareva Nataliia Anatolievna** – Candidate of Philology, associate professor, associate professor of the Second Foreign Language Department, Dean of Philological Faculty of Educational Establishment of Higher Professional Education «Gorlovka Institute for Foreign Languages»;
- Zhukov Yurii Yurievich** – postgraduate student of the Department of General Linguistics and Slavic Languages of Educational Establishment of Higher Professional Education «Gorlovka Institute for Foreign Languages»;
- Karpenko Anastsiiia Alekseevna** – Master's student of Educational Establishment of Higher Professional Education «Gorlovka Institute for Foreign Languages»;

Krasnitskaya E.A. – student of Educational Establishment of Higher Professional Education «Gorlovka Institute for Foreign Languages»;

Kulinitch Angelika Anatolievna – Master's student of Educational Establishment of Higher Professional Education «Gorlovka Institute for Foreign Languages»;

Kalinkin Valerii Mikhailovich – Doctor of Philology, professor, Head of the Department of Russian and Latin of State Educational Establishment of Higher Professional Education «M. Gorky Donetsk National Medical University»;

Leshkova Natalia Viktorovna – Candidate of Philology, associate professor, associate professor of the Department of General Linguistics and Slavic Languages of Educational Establishment of Higher Professional Education «Gorlovka Institute for Foreign Languages»;

Lyashchenko Elena Sergeevna – Master's student of Educational Establishment of Higher Professional Education «Gorlovka Institute for Foreign Languages»;

Matveicheva Yulia Olegovna – Candidate of Cultural Studies, associate professor of Foreign Languages Department of Donetsk Academy of Management and Public Administration under the Head of the Donetsk People's Republic;

Merenikova Marina Sergeevna – Master's student of Educational Establishment of Higher Professional Education «Gorlovka Institute for Foreign Languages»;

Minina Yelena Vladimirovna – senior lecturer of the Department of Foreign Philology, Theory and Practice of Translation of Educational Establishment of Higher Professional Education «Gorlovka Institute for Foreign Languages»;

Nalyvaiko Iulia Iurievna – Candidate of Philology, associate professor of the Department of Journalism of State Educational Institution of Higher Education «Donetsk National University»;

Novogradskaya-Morskaya Ninel Antonovna – Candidate of Pedagogics, associate professor of Donetsk Academy of Management and Public Administration under the Head of the Donetsk People's Republic;

Ovcharenko Nataliia Vladimirovna – Master's student of Educational Establishment of Higher Professional Education «Gorlovka Institute for Foreign Languages»;

- Pakholka Elizaveta** – Master’s student of Educational Establishment of Higher Professional Education «Gorlovka Institute for Foreign Languages»;
- Pershina Klavdia Vasilievna** – Candidate of Philology, associate professor, associate professor of the Department of General Linguistics and History of Language named after E. S. Otin of State Educational Institution of Higher Education «Donetsk National University»;
- Petrenko Olga Romanovna** – Master’s student of Educational Establishment of Higher Professional Education «Gorlovka Institute for Foreign Languages»;
- Petrov Aleksandr Vladimirovich** – Doctor of Philology, professor, Head of the Department of Russian, Slavic and General Linguistics of Tavrida Academy of Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education «V. I. Vernadsky Crimean Federal University» (Simferopol, Russia);
- Pinzon Oksana Aleksandrovna** – editor of the Department of Scientific and Methodological Work and Sociological Research of Public establishment of culture «Donetsk republican universal scientific library named after N. K. Krupskaya»;
- Portianov Anton Valerievich** – Master’s student of Educational Establishment of Higher Professional Education «Gorlovka Institute for Foreign Languages»;
- Reshetarova Irina Vladimirovna** – Candidate of Philology, associate professor of the Department of Foreign Philology, Theory and Practice of Translation of Educational Establishment of Higher Professional Education «Gorlovka Institute for Foreign Languages»;
- Rochniak Aleksey Vladimirovich** – instructor of the Department of Romance and Germanic Philology of Educational Establishment of Higher Professional Education «Gorlovka Institute for Foreign Languages»;
- Rochniak Elena Vladimirovna** – Candidate of Philosophy, associate professor of the Department of Romance and Germanic Philology of Educational Establishment of Higher Professional Education «Gorlovka Institute for Foreign Languages»;
- Sirotkina Tatyana Alexandrovna** – Doctor of Philology, associate professor, associate professor of the Department of Philological Education and Journalism, Surgut State Pedagogical University (Surgut, Russia);

- Solovtsova Elena Valerievna** – postgraduate student of the Department of General Linguistics and Slavic Languages of Educational Establishment of Higher Professional Education «Gorlovka Institute for Foreign Languages»;
- Tiholaz Irina Dmitrievna** – 3rd year student of the faculty of Slavic Philology and journalism of Tavrida Academy of Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education «V. I. Vernadsky Crimean Federal University» (Simferopol, Russia);
- Fefelova Victoriia Valentinovna** – Candidate of Philology, associate professor, Head of the Department of Romance and Germanic Philology of Educational Establishment of Higher Professional Education «Gorlovka Institute for Foreign Languages»;
- Filatova Victoriia Alekseevna** – Candidate of Philology, associate professor of the Department of Foreign Philology, Theory and Practice of Translation of Educational Establishment of Higher Professional Education «Gorlovka Institute for Foreign Languages»;
- Fliantikova Elena Viktorovna** – senior lecturer of the Department of Russian and Belarussian Languages of Grodno State Medical University (Grodno, Belarus);
- Chunina Tatiana Olegovna** – Master's student of Educational Establishment of Higher Professional Education «Gorlovka Institute for Foreign Languages»;
- Shashkov Igor Aleksandrovich** – postgraduate, English teacher of SD «Stakhanov Teacher's Training College of Taras Shevchenko Lugansk National University» (Stakhanov, Lugansk People's Republic);
- Shevandina Larisa Sergeevna** – lecturer of the Department of Romance and Germanic Philology of Educational Establishment of Higher Professional Education «Gorlovka Institute for Foreign Languages»;
- Shtakina Lyudmila Alexandrovna** – Candidate of Philology, associate professor, professor of the English Philology Department of Educational Establishment of Higher Professional Education «Gorlovka Institute for Foreign Languages»;
- Yuryeva Elena Vladimirovna** – Candidate of Philology, associate professor of the Russian Language Department of Donbass State Technical University;
- Yarmolenko Diana Anatolyevna** – Master's student of the Department of Russian, Slavic and General Linguistics of Tavrida Academy of Federal State Autonomous Educational

Institution of Higher Education «V. I. Vernadsky
Crimean Federal University» (Simferopol, Russia);

Yasinetskaya Natalia Anatolievna – Candidate of Philology,
associate professor of the Department of Foreign
Philology, Theory and Practice of Translation of
Educational Establishment of Higher Professional
Education «Gorlovka Institute for Foreign Languages».

СОДЕРЖАНИЕ

<i>И. А. Герасименко</i> СЕМАНТИЧЕСКАЯ ТИПОЛОГИЯ ИНФИНИТИВА КАК ВВОДНОГО КОМПОНЕНТА ПРЕДЛОЖЕНИЯ (НА МАТЕРИАЛЕ СЛАВЯНСКИХ, ГЕРМАНСКИХ И РОМАНСКИХ ЯЗЫКОВ)	3
<i>В. М. Калинин</i> QUO VADIS, ПОЭТОНИМОЛОГИЯ?	11
<i>Т. А. Сироткина</i> ЭТНОНИМЫ В ЖИЗНИ ТЕКСТОВ РЕГИОНАЛЬНОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПРОЗЫ	21
<i>А. В. Петров, Е. В. Виноградова</i> ПАРАДИГМЫ ОБРАЗОВ ЖАР-ПТИЦЫ В РУССКОЙ ПОЭЗИИ	25
<i>А. В. Петров, И. Д. Тихолаз</i> «КРЫМСКАЯ КОЛЛЕКЦИЯ» ИЛЬИ СЕЛЬВИНСКОГО: ПОЭТИЧЕСКОЕ ВОСПРИЯТИЕ ОСТЕОНИМОВ	33
<i>А. В. Петров, Д. А. Ярмоленко</i> СООТНОШЕНИЕ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ И НАУЧНОЙ КАРТИНЫ МИРА (НА МАТЕРИАЛЕ ЗООНИМОВ РУССКОГО ЯЗЫКА).....	40
<i>О. В. Блюмина</i> ПОЭТОКОНЦЕПТ <i>ИСТОК</i> В ТВОРЧЕСТВЕ НИКОЛАЯ ТРЯПКИНА	47
<i>Л. М. Бражский</i> СТАТУС ИМЕНИ СОБСТВЕННОГО В ПОВЕСТИ «НЕВСКИЙ ПРОСПЕКТ» Н. ГОГОЛЯ	53
<i>Н. В. Волкова</i> АССИМИЛЯЦИЯ ЗАИМСТВОВАНИЙ СО ЗНАЧЕНИЕМ ‘ВЕСЕЛЬЕ’ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ	59
<i>В. А. Вострецова, Б. А. Гайдаржиев</i> СИСТЕМА ИМЕН СОБСТВЕННЫХ МУЛЬТФИЛЬМА «ЗООТОРИА» В ОРИГИНАЛЕ И ПЕРЕВОДЕ	65
<i>Ю. Л. Дмитриева</i> СРЕДСТВА ОБЪЕКТИВАЦИИ ЧЕРТЫ «СВОЙ – ЧУЖОЙ» В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ С. ГОРОДЕЦКОГО	71
<i>Н. А. Жихарева, А. А. Карпенко</i> О НЕКОТОРЫХ АСПЕКТАХ ДИСКУРСИВНОГО АНАЛИЗА АНГЛОЯЗЫЧНЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ТЕКСТОВ.....	76

<i>Н. А. Жихарева, Н. В. Овчаренко</i> К ВОПРОСУ О РАЗГРАНИЧЕНИИ ПОНЯТИЙ «РЕЧЕВОЙ АКТ», «КОММУНИКАТИВНЫЙ АКТ» И «ДИСКУРСИВНЫЙ АКТ»	83
<i>Н. А. Жихарева, О. Р. Петренко</i> КЛАССИФИКАЦИЯ РЕЧЕВЫХ АКТОВ И ЕЕ РАЗНОВИДНОСТИ	92
<i>Н. В. Лешкова</i> ГЕНДЕРНЫЙ АСПЕКТ В ИЗУЧЕНИИ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ	101
<i>Ю. О. Матвеечева</i> ИНФИНИТИВ И ИНФИНИТИВНЫЕ КОНСТРУКЦИИ В СОВРЕМЕННОМ ДЕЛОВОМ АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ (НА ПРИМЕРЕ БРИТАНСКОЙ ПРЕССЫ)	107
<i>Ю. Ю. Наливайко</i> ПРИЧИНЫ ВОЗНИКНОВЕНИЯ ЯВЛЕНИЯ СИНКРЕТИЗМА В СИСТЕМЕ ВТОРОСТЕПЕННЫХ ЧЛЕНОВ ПРЕДЛОЖЕНИЯ	113
<i>Н. А. Новоградская-Морская</i> СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ АМЕРИКАНСКОГО СЛЕНГА	120
<i>К. В. Першина</i> ОНИМ ВАЛААМ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ РУССКИХ ПИСАТЕЛЕЙ (Н. С. ЛЕСКОВ, И. С. ШМЕЛЕВ, Б. К. ЗАЙЦЕВ)	129
<i>И. В. Решетарова, Д. С. Богодушко</i> ОСНОВНЫЕ ТРУДНОСТИ ПЕРЕВОДА ТЕКСТОВ ВОЕННОЙ ТЕМАТИКИ С АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА	137
<i>И. В. Решетарова, Е. А. Красницкая</i> ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА ЮМОРИСТИЧЕСКОГО ТЕКСТА (НА МАТЕРИАЛЕ БРИТАНСКОЙ СТЕНДАП-КОМЕДИИ)	144
<i>Е. В. Рочняк, Е. С. Лященко</i> ВЕЖЛИВОСТЬ С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ РЕЧЕВОГО ЭТИКЕТА В НЕМЕЦКОЙ И РУССКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРАХ	150
<i>Е. В. Рочняк, А. В. Портянов</i> ОЦЕНОЧНЫЙ КОМПОНЕНТ КОННОТАЦИИ В СТРУКТУРЕ ЗНАЧЕНИЯ ЭВФЕМИЗМА	162
<i>Е. В. Рочняк, А. В. Рочняк</i> ГИПОТЕТИЧЕСКИЙ СУБМОРФЕМНЫЙ D-РЯД В ЯЗЫКАХ ГЕРМАНСКОЙ ГРУППЫ	168

<i>Е. В. Рочняк, Т. О. Чунина</i> РЕЧЕВОЙ АКТ КОМПЛИМЕНТА И УСЛОВИЯ ЕГО РЕАЛИЗАЦИИ НА ПРИМЕРЕ НЕМЕЦКОЯЗЫЧНЫХ ЭЛЕКТРОННЫХ ЖУРНАЛОВ	173
<i>В. В. Фефелова, О. В. Болотова</i> ФУНКЦИОНАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ЯЗЫКОВЫХ СРЕДСТВ, ВЫРАЖАЮЩИХ ТЕМПОРАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ ВО ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКЕ	180
<i>В. А. Филатова, В. В. Андрианова</i> ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ РЕАЛИИ В АСПЕКТЕ ПЕРЕВОДА (НА МАТЕРИАЛЕ РАССКАЗА А. П. ЧЕХОВА «СТУДЕНТ»)	188
<i>Л. А. Штакина, О. А. Губанова</i> РИТМ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ДИСКУРСА КАК ФАКТОР ИДИОСТИЛИЯ	195
<i>Л. А. Штакина, А. А. Кулинич</i> РИТМ И ОБРАЗНОСТЬ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ДИСКУРСЕ	201
<i>Е. В. Юрьева</i> СТРАТЕГИИ И ТАКТИКИ РЕЧЕВОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ В ДИСКУРСЕ СОЦИАЛЬНОЙ РЕКЛАМЫ	208
<i>Н. А. Ясинецкая</i> МЕТАФОРИЧЕСКАЯ МОТИВАЦИЯ НОВЫХ АНГЛИЙСКИХ ТЕЛЕСКОПИЗМОВ	222
<i>А. С. Андрипольская</i> ПРЕЦЕДЕНТНЫЙ ОНИМ В АРТ-ЖУРНАЛИСТИКЕ КАК СРЕДСТВО ФОРМИРОВАНИЯ АКСИОЛОГИЧЕСКИХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ МАССОВОЙ АУДИТОРИИ	232
<i>Е. И. Артамонова, М. С. Мереникова, Е. А. Пахолка</i> СТРАТЕГИЯ ПЕРЕВОДА НАЗВАНИЯ ФИЛЬМОВ С ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКА	239
<i>В. Г. Бартенева</i> ПОЭТИКА БЕЗЫМЯННОСТИ В РОМАНЕ ДЖ. ДЖОЙСА “УЛИСС”	245
<i>А. В. Букач</i> ИМЯ СОБСТВЕННОЕ КАК ЕДИНИЦА ТЕКСТООБРАЗОВАНИЯ	254
<i>Т. А. Ерохина</i> ПОЭТИКА СОБСТВЕННЫХ ИМЁН В ШУТОЧНЫХ СТИХОТВОРЕНИЯХ М. А. ВОЛОШИНА	261

<i>Ю. Ю. Жуков</i> СРЕДСТВА ЭКСПЛИКАЦИИ ЕДИНИЦ ПОНЯТИЙНО- ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКОЙ СФЕРЫ «ЗАКОН» В ТЕКСТАХ РУССКОЯЗЫЧНЫХ СМИ	267
<i>Е. В. Минина</i> СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПОЭТОНИМИКОНА КЕНА ФОЛЛЕТА (НА МАТЕРИАЛЕ ДИЛОГИИ «СТОЛПЫ ЗЕМЛИ» И «МИР БЕЗ КОНЦА»)	274
<i>О. А. Пинзон</i> ВЛИЯНИЕ РОМАНСКИХ И ГЕРМАНСКИХ ЯЗЫКОВ НА РУССКИЙ	281
<i>Е. В. Соловцова</i> ТИПОЛОГИЯ ИЛЛОКУТИВНЫХ ПРЕДИКАТОВ	287
<i>Е. В. Флянтикова</i> К ВОПРОСУ ОБ ОНИМАХ, СОДЕРЖАЩИХ НОМИНАЦИИ ЕДЫ И НАПИТКОВ (НА МАТЕРИАЛЕ ДАННЫХ НАЦИОНАЛЬНОГО КОРПУСА РУССКОГО ЯЗЫКА)	295
<i>И. А. Шашков</i> СВОЙСТВА РЕЛИГИОЗНОГО ИНТЕРНЕТ-ДИСКУРСА: ГЛОБАЛЬНОСТЬ И ПРАГМАТИЧНОСТЬ	308
<i>Л. С. Шевандина</i> ОСОБЕННОСТИ СИНТАКСИЧЕСКИХ СТРУКТУР НЕМЕЦКИХ ДИАЛОГИЧЕСКИХ ТЕКСТОВ	317
ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ СТАТЕЙ В СБОРНИК НАУЧНЫХ ТРУДОВ «ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКАЯ ФИЛОЛОГИЯ»	323
ОБРАЗЕЦ ОФОРМЛЕНИЯ ТЕКСТА	325
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	326
INFORMATION ABOUT THE AUTHORS	331

Научное издание

**ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКАЯ
ФИЛОЛОГИЯ**

East Slavic Philology

Сборник научных трудов

Выпуск седьмой (тридцать третий)
Языкознание

Главный редактор С. А. Кочетова
Технический редактор А. М. Калашников
Компьютерная вёрстка и макетирование
Е. С. Шалыгиной
Корректоры: Н. А. Жихарева,
О. Т. Захарова

*За содержание и достоверность фактов, цитат,
имён собственных и других сведений ответственность
несут авторы*

Подписано к изданию 28.02.2019.
Формат 60х84/16. Бумага 80 г/м².
Усл. печ. л. – 18,95. Уч.-изд. л. – 21,5.
Усл.-изд. л. – 19,9.
Тираж 300 экз. Зак. № 8.

Издательство ОО ВПО «Горловский институт иностранных языков»
Свидетельство о государственной регистрации субъекта
издательского дела ДК № 1342 от 29.04.2003
284626, ДНР, г. Горловка, ул. Рудакова, 25